

МОСКВА • 2007

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Социологический факультет
Кафедра социологии безопасности

В.Н. КУЗНЕЦОВ

СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Учебное пособие

Допущено Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию к изданию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по направлению
040200 Социология

МОСКВА
2007

УДК 301

Рекомендовано к изданию

кафедрой социологии безопасности Социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

журналом «Безопасность Евразии»

Рецензенты

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Р.Г. Яновский
доктор социологических наук, профессор Л.Я. Аверьянов

Кузнецов В.Н.
Социология безопасности: Учебное пособие. М., 2007. 423 с.

В учебном пособии с позиций сетевого подхода рассмотрены основы методологии, теории, институционализации проблем безопасности, а также социологических исследований в сфере обеспечения безопасности. Представлен социологический анализ процессов, технологий и механизмов безопасности человека, народов, общества и государства, современной цивилизации.

Автор книги – Вячеслав Николаевич Кузнецов, член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии безопасности Социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Учебное пособие рассчитано на научных сотрудников, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, специализирующихся в дисциплинах обществоведческого направления, а также на сотрудников служб безопасности, банков и страховых компаний, на работников СМИ и различных религиозных конфессий.

УДК 301

© В.Н. Кузнецов, 2007

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 9

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИИ 13

Глава 1. Феномен «национальная безопасность России в XXI веке» ... 18

Контрольные вопросы 29

Литература 29

Глава 2. Единая гуманитарная парадигма (геополитическая, геоэкономическая, геокультурная) в изучении безопасности 30

Контрольные вопросы 47

Литература 47

Глава 3. Геокультура как динамичная и перспективная методология социологического изучения безопасности 48

Контрольные вопросы 69

Литература 69

Глава 4. Главный вектор безопасности – предотвращение искажения, разрушения Общенациональной Цели, Идеалов, Ценностей, главных Интересов человека, общества, государства 69

Контрольные вопросы 77

Литература 77

Глава 5. Безопасность через компромисс 78

Контрольные вопросы 91

Литература 91

Глава 6. Безопасность через предотвращение возникновения ядерной катастрофы XXI века 92

Контрольные вопросы 116

Литература 116

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИИ 117

Глава 7. Безопасность как особый глобальный научный дискурс ... 122

Контрольные вопросы 131

Литература 131

Глава 8. Социология безопасности как теория (виды безопасности).... 132

Контрольные вопросы 168

Литература 168

Глава 9. Мир и безопасность как культура мира, безопасности, предотвращения и диалога 169

Контрольные вопросы 189

Литература 189

Глава 10. Культура безопасности российского общества как предмет теоретического анализа 190

Контрольные вопросы 222

Литература 222

Глава 11. Статус социологии безопасности в современном научном знании 222

Контрольные вопросы 234

Литература 234

РАЗДЕЛ III. ТЕХНОЛОГИИ 235

Глава 12. Среда безопасности, компромиссности, справедливости 238

Контрольные вопросы 263

Литература 263

Глава 13. Социология безопасности как процесс 263

Контрольные вопросы 281

Литература 281

Глава 14. Безопасность как механизм 281

Контрольные вопросы 301

Литература 302

Глава 15. Высокие гуманитарные технологии в социологическом предотвращении возможной ядерной войны XXI века 302

Контрольные вопросы 313

Литература 313

РЕЗДЕЛ IV. ПРАКТИКИ 315

Глава 16. Феномен «безопасность» в научном дискурсе и социологических исследованиях 324

Контрольные вопросы 342

Литература 343

Глава 17. Социология безопасности через социологию компромисса и справедливости 343

Контрольные вопросы 358

Литература 358

Глава 18. Стратегия культуры безопасности как стратегическая партнёрская культура компромисса: от опыта XX века к практикам XXI века 358

Контрольные вопросы 369

Литература 369

Глава 19. Социология безопасности и культура предотвращения глобальной ядерной войны XXI века 369

Контрольные вопросы 391

Литература 391

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 392

УЧЕБНЫЙ, НАУЧНЫЙ И СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ 393

Основные работы автора по теме учебного пособия 395

Общая литература 398

Перечень таблиц, вставок, схем и рисунков в тексте 410

Основные понятия в тексте 413

Аннотация учебного пособия 423

ВВЕДЕНИЕ

Важной конструктивной глобальной тенденцией в оформлении глобальной безопасности XXI века (*первая линия*) стала в 2007 году всесторонняя и устойчивая поддержка культуры жизни, всех сфер жизнеобеспечения человека, всех народов мира – как позиция России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

В подписанном ими 16 августа 2007 года **«Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества»** в Бишкеке впервые для документов такого высокого уровня были сформулированы исходные положения, посвящённые *«становлению новой архитектуры глобальной безопасности на основе равенства, взаимного уважения, взаимного доверия и выгоды, отказа от блокового и идеологического разделения»*[1].

В **«Бишкекской Декларации»** главы государств-членов ШОС более подробно структурировали новую архитектуру глобальной безопасности XXI века:

— безопасность и развитие становятся неделимыми;

— современным глобальным вызовам и угрозам безопасности можно эффективно противостоять только через объединение усилий всего мирового сообщества на основе согласованных принципов и в рамках многосторонних механизмов;

— эффективная глобальная система безопасности может создаваться её субъектами только под эгидой Организации Объединённых Наций при строгом соблюдении её Устава;

— сотрудничество в глобальном противодействии новым вызовам и угрозам может и должно осуществляться последовательно, без применения двойных стандартов, через строгое соблюдение норм международного права;

— в проблематике международной безопасности важно выделить такие задачи: обеспечение устойчивости мировой экономики; сокращение бедности; выравнивание уровней социально-экономического развития; обеспечение экономической, экологической, энергетической, информационной безопасности; защита населения и территорий государств-членов ШОС от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

---

[1] Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Бишкек, 17.08.2007. www.kremlin.ru

— государства-члены ШОС выступают за главный принцип, чтобы «на основе общепринятых норм международного права построить такую архитектуру безопасности, которая будет:

– отражать баланс интересов всех субъектов международных отношений;

– обеспечивать каждому государству право на независимый выбор пути развития в соответствии с собственным историческим опытом и национальной спецификой, на защиту государственного единства и национального достоинства, на равноправное участие в международных делах;

– гарантировать урегулирование международных и региональных конфликтов и кризисов политико-дипломатическими средствами в строгом соответствии с принципами и нормами международного права при учёте законных интересов всех вовлечённых сторон;

– сохранять разнообразие культур и цивилизаций, поощрять реализацию инициатив, направленных на углубление диалога между цивилизациями и религиями»[1].

Однако именно в 2007 году, с первых его дней определённо обозначилась и деструктивная глобальная тенденция в сфере обеспечения безопасности (*вторая линия*).

Определённо можно отметить оформленность негативных стратегических глобальных изменений в устойчивости и динамизме защиты культуры жизни человека.

Впервые с 1978 года чётко выявилась угроза возникновения глобальной ядерной катастрофы XXI века. В Повестку Дня мирового сообщества на первое место выходит вопрос сохранения и защиты Мира и предотвращения ядерной войны.

Принципиально другие требования оформились и для Правил Игры при составлении и корректировке Повестки Дня на XXI век: вот и новая ситуация. Она обусловлена предупреждением 18 нобелевских лауреатов о возможности ядерной катастрофы в 2007 году, в последующие годы. Она обусловлена разрушением системы договоров о ядерной безопасности. Она обусловлена реальными глобальными действиями США и стран НАТО по размещению элементов ядерного оружия США в Европе, стремительного строительства ими новых звеньев обеспечения будущей ядерной войны по всему миру.

Социологический аспект движения в понимании новой российской, евразийской и международной реальности в 2007 году предполагает помимо анализа по обозначенным выше двум линиям и синтез. **Итогом такого гуманитарного социологического синтеза может стать суждение: необходимым условием свободы человека в России XXI века и её народов является умная, сильная, безопасная и ответственная Россия.**

Смысл роли России в понимании самой реальности наличия интеллектуального, нравстенного и влиятельного положительного Субъекта формирова-

[1] Бишкекская Декларация. Бишкек, 16 августа 2007 года. www.kremlin.ru.

ния Мироустройства в XX веке помогают раскрыть итоги нескольких социологических исследований, осуществленных в 2007 году:

– по итогам исследований в США летом 2007 года (аналитическая модель «Глобальный барометр влияния», разработанная Дэнверской исследовательской группы и газетой «Вашингтон пост») Россия вышла на первое место в сообществе наиболее мощных субъектов на мировой арене[1];

– в октябре 2007 года по итогам опроса Harris Interactive (заказ France 24 и газеты International Herald) более 6000 респондентов во Франции, США, Германии, Великобритании, Италии, Испании голоса по поводу вопроса о влиянии той или иной страны распределились так: США – 95%, Китай – 88,5%, Россия – 83,8[2].

Реальные смыслы осени 2007 года позволяют обозначить и главное в научном дискурсе, и самое важное, актуальное для многих людей, как в России, так и в других странах мира.

Есть вопросы: куда идёт Россия и зачем, кто мы такие; когда каждый человек будет уверен в надежной защите своего человеческого достоинства, в устойчивой безопасности, законности и справедливости, в реальном счастье и благополучии.

Есть ответы: мы идём в правильном направлении, мы начинаем достойно жить, сохраняем и развиваем наш образ жизни, нашу культуру, мы обретаем смысл и культуру жизни.

Есть дискуссия: широкий круг уважаемых соотечественников имеет другие взгляды и убеждения как по поводу настоящего, так и по поводу прошлого и будущего.

Глубокий, обширный и устойчивый интерес российских ученых и многих граждан к смыслам Февральской революции (1917 года) и Великой Октябрьской социалистической революции (1917 года) наглядно проявился весной и летом 2007 года в ходе общероссийской дискуссии, посвящённой им.

Да, 90 лет назад состоялся действительно Глобальный (по последствиям) Геополитический Проект – две революции в России. Да, в XXI веке Президент России Владимир Путин правомерно назвал развал Союза Советских Социалистических Республик в 90-е годы XX века «крупнейшей геополитической катастрофой века».

Да, в 2007–2007 годах народы России своим трудом, творчеством, настойчивостью, своим интеллектом создали и осуществляют новый Большой Проект. Я говорю о Глобальном Геокультурном Гуманитарном Проекте Возрождения России. Я говорю о новой Московско-Шанхайской модели миропорядка; о Проекте Мира XXI века: о новой геокультурной модели Мироустройства.

По существу, в 2000–2007 годах оформилась интересная и важная, по моему мнению, социологическая проблема: как понимать смысл способа решения

---

[1] *Красиков Н.* Россия стала самой влиятельной страной в мире // Комсомольская правда. 2007. 17 сентября.

[2] Симптомы влияния // Ведомости. 2007. 12 ноября.

важнейших проблем XXI века «социологически»; как понимать преемственность (от геополитического проекта XX века – к геокультурному проекту XXI века) и новизну в оформившемся Большом Проекте Возрождения России в XXI веке?

Моя гипотеза основывается на возможности в ходе аанлиза и синтеза Большого Проекта рассмотреть его через уроки Питирима Сорокина в контексте ведущей глобальной тенденции гуманитарных перемен в XXI веке применительно к содержательным блокам Большого Проекта. Это позволяет мне обосновать основы конструктивной программы действий, которые могут «социологически» содействовать предотвращению возможной ядерной войны XXI века, возможной геокультурной катастрофы XXI века[1].

Через 90 лет после двух Великих Глобальных Геополитических Революций в России.

Как социологически содействовать становлению свободной и безопасной России – основная задача автора учебного пособия. Предназначено оно для тех, кто только начинает изучать гуманитарные, методологические и теоретические аспекты безопасности. Тематические рамки учебного пособия определены программой учебного курса (СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ).

Содержательные основы, дидактические особенности изложения учитывают опыт преподавания автором в 2003–2007 годах учебных курсов и спецкурсов по проблемам социологии безопасности.

Главная цель автора учебного пособия – помочь читателям получить знания и умения, навыки, позволяющие понимать смысл перемен в сфере жизнеобеспечения; достойно и эффективно действовать в различных ситуациях гражданской жизни; своевременно принимать решения для обеспечения личной, общественной и государственной безопасности.

Это одно из первых учебных изданий, в которых безопасность рассматривается через компромисс, через справедливость, через важность участия в социологическом предотвращении возможности ядерной катастрофы в XXI веке.

[1] *Неклесса А.* Мир на пороге новой геокультурной катастрофы // Политический класс. 2005. № 5.

Раздел I

МЕТОДОЛОГИИ

Глава 1. Феномен «национальная безопасность России в XXI веке» 18
Контрольные вопросы 29
Литература 29
Глава 2. Единая гуманитарная парадигма (геополитическая, геоэкономическая, геокультурная) в изучении безопасности 30
Контрольные вопросы 47
Литература 47
Глава 3. Геокультура как динамичная и перспективная методология социологического изучения безопасности 48
Контрольные вопросы 69
Литература 69
Глава 4. Главный вектор безопасности – предотвращение искажения, разрушения Общенациональной Цели, Идеалов, Ценностей, главных Интересов человека, общества, государства 69
Контрольные вопросы 77
Литература 77
Глава 5. Безопасность через компромисс 78
Контрольные вопросы 91
Литература 91
Глава 6. Безопасность через предотвращение возникновения ядерной катастрофы XXI века 92
Контрольные вопросы 116
Литература 116

Угрозы для мира и безопасности в XXI веке представляют не только международные войны и конфликты, но и насилие против гражданского населения, организованная преступность и терроризм. В число угроз входят также нищета, смертоносные инфекционные заболевания и деградация окружающей среды, поскольку эти явления могут иметь не менее катастрофические последствия. Все эти опасности могут вести к гибели людей или уменьшению их шансов на выживание на значительных пространствах.

Исходя из этой взаимосвязанности угроз, общество должно сформировать новый консенсус по вопросам безопасности, базовый принцип которого заключается в том, что все имеют право на избавление от страха.

Властные структуры и элиты должны столь же энергично реагировать на ВИЧ/СПИД, как на терроризм, а на нищету – как на распространение оружия массового уничтожения. Это требует выработки стратегии предотвращения условий, определяющих возникновение опасностей, угроз, вызовов и рисков.

Превентивное реагирование в области безопасности является необходимой основой системы коллективной безопасности. Оно носит многофункциональный характер, способствует борьбе с нищетой, инфекционными болезнями и экологической деградацией, которые уносят миллионы жизней и угрожают безопасности человека.

Превентивные меры играют жизненно важную роль в усилиях, призванных помочь государству обратить вспять процесс ослабления его потенциала, развала страны. Новые культура, идеология, экономика и политика предотвращения, превентивности и реагирования позволяют конструктивно соединить деятельность государства, общества и человека для осуществления стратегии безопасности России.

В первом разделе учебного пособия методологиям взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимодействия компромиссности и безопасности уделено много внимания, особенно в контексте формирования национальной безопасности России в XXI веке с учётом стремительных изменений в архитектуре европейской, азиатской и глобальной безопасности.

Поэтому автор предлагает рассмотреть движение к синтезу смыслов, императивов и доминант как безопасности через компромисс так и компромисса через безопасность.

Прежде всего, важно договориться о содержании ключевого понятия «безопасность».

Категория **«безопасность»** может быть определена, в предварительном плане, как *сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов надёжно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищённость всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для Всех.*

По моему мнению, именно такое, сетевое, понимание содержания и структуры феномена «безопасность – компромиссность» предлагает специфическому научному дискурсу о безопасности важную доминанту. Я имею в виду огромный ресурс культуры как культуры мира, культуры безопасности, культуры прав человека и его ответственности, культуры диалога, культуры патриотизма, культуры предотвращения.

Обстоятельно и убедительно такой ракурс научного дискурса впервые для гуманитарных исследований в сфере безопасности представлен в интересной книге члена-корреспондента Российской академии наук, заслуженного профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова П.А. Николаева «Культура как фактор национальной безопасности».

Я согласен с автором этой очень своевременной книги в определении Главного Фактора, Главного Звена «строительства» безопасности как культуры: культура – это главное звено, главный фактор создания Большого Проекта – процветающая Россия, формирование культурного, ответственного и духовно развитого человека. А главный созидательный ресурс в строительстве национальной безопасности, нормального общества и государства – культура, культурное, культурная созидающая деятельность[1].

Вторым важнейшим новым фактором, объединяющим потенциал безопасности и компромисса в новый феномен «безопасность через компромисс» – и как «компромисс через безопасность», – всё более заметным и значимым становится тезис о необходимости и востребованности участия самого человека в «строительстве» как безопасности, так и компромисса.

Этот фактор можно переформулировать и так: даже самым честным и достойным профессионалам (учёным, государственным деятелям и т. д.) в XXI веке нельзя делегировать всю полноту изучения и практической работы по обеспечению безопасности и компромиссности: сам человек, тысячи и миллионы людей могут и хотят участвовать на всех этапах созидания, сохранения, обновления и трансформации как самих таких процессов, так и выработке, утверждении и проведении в жизнь правил игры в сфере безопасности, компромиссности, культуры.

Реальные практики впечатляют.

И что важно: востребованы научные обобщения новых практик.

---

[1] *Николаев П.А.* Культура как фактор национальной безопасности. М., 2007.

В итоге дискурс о безопасности наполняется новыми смыслами, новыми тонами и полутонами, новыми вопросами.

Убедительным примером таких практик я предлагаю считать многотысячные Социальные форумы, которые начали в XXI веке работать в Бразилии.

К этим практикам я отношу и многочисленные манифестации, параллельные мероприятия, когда собираются региональные и глобальные лидеры для выработки новых правил игры в различных сферах мироустройства: они начались на рубеже XX и XXI века.

Впечатляет активная позиция многих представителей буддизма, которые начали 29 июля 2007года в 22 часа глобальную совместную акцию на 72 часа.

За эти часы и минуты они в ходе медитации объединили свои мантры и создали тем самым глобальное духовное культурное поле позитивной энергии. Они уверены в том, что такое позитивное поле, созданное волей и надеждой отдельных людей способно предотвратить напряжение, противоречия и столкновения во всём мире.

Это достойная и впечатляющая культурная деятельность и для безопасности и для опережающих, предотвращающих компромиссов.

К многообразию таких новых, созидающих практик я отношу и предупреждение нобелевских лауреатов о возможной ядерной катастрофе уже в 2007 году, и конференцию в Люксембурге (24–25 мая 2007 года) о путях предотвращения такой возможной глобальной ядерной войны.

В итоге динамика трансформации смысла феномена «безопасность» в контексте реальных практик типа «безопасность через компромисс» может быть рассмотрена в виде своеобразной матрицы (см. схему 1).

Схема 1. **Динамика трансформации смысла феномена «безопасность»**

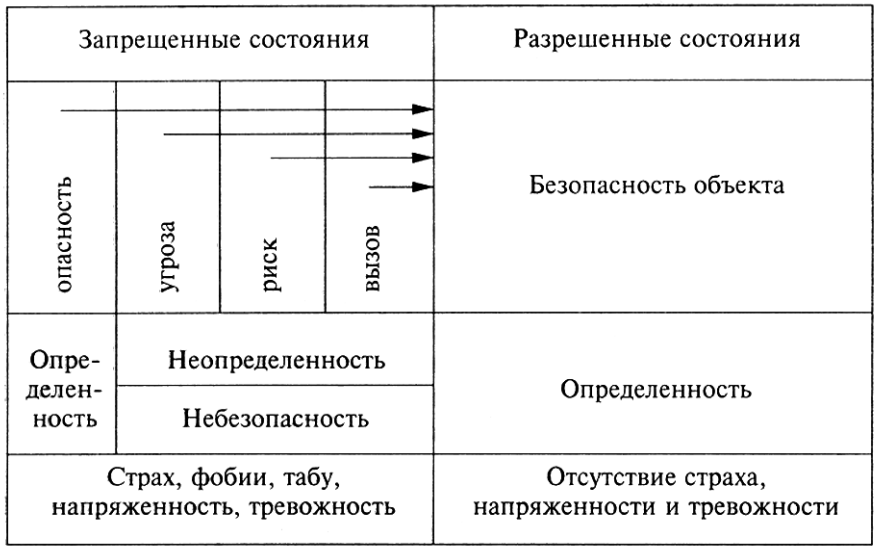
Научная парадигма	*Характер императива* / *Характер взаимодействия*	*Императив 1*	*Императив 2*	*Императив 3*
Гео- **1** политика	Реагирование **2** Опасность – ответ Угроза – ответ Вызов – ответ	**3** Сотрудничество	**4** Баланс сил	**5** Конформизм как конформность
Гео- **6** экономика	**7** Превентивность	**8** Солидарность	**9** Баланс интересов	**10** Адаптация
Гео- **11** культура	**12** Предотвращение	**13** Стратегическое партнёрство	Влияние **14** на формирование и трансформацию правил игры	**15** Культура Компромисса
		Концептуальная компромиссность	Новый гуманизм	Справедливость как стратегическая идея

Глава 1
Феномен «национальная безопасность России в XXI веке»

Определение категории «безопасность» – комплексное. Оно охватывает важнейшие сферы внутренней жизни государства и общества, тесно связанные между собой и во многом взаимозависимые. Поэтому значительное внимание в учебном пособии уделяется анализу факторов, обусловливающих состояние безопасности на конкретных этапах общественного развития; угрозам жизненно важным интересам личности, социальным последствиям их распространения и перерастания в прямую опасность для личности и стабильности общества; социологическим методам изучения, замера и прогнозирования угроз жизненным интересам личности в социальной, политический и духовной жизни общества.

Для социологического понимания феномена «безопасность» рассмотрим структуру самого феномена (см. рис. 1).

Рисунок 1. **Схема связи опасности, небезопасности и безопасности**

Мы дополняем и раскрываем категорию неопределённости (на рисунке) понятием небезопасность. Теперь мы можем представить более доступно для социологического исследования связи и отношения субъектов и объектов опасности и безопасности (см. рис. 2).

Рисунок 2. **Методологическая схема исследования социологии безопасности**

Опасность	Небезопасность	Безопасность	Культура безопасности

Реальность, повсеместность угроз международного терроризма в начале XXI века обозначили востребованность общества в социологическом знании новой динамики феноменов небезопасности, безопасности и культуры безопасности.

В личном и общественном восприятии ситуация небезопасности сопоставляется с высоким уровнем неопределенности и нестабильности в различных сферах жизнедеятельности людей.

Анализ дуальной категории (оппозиции) «небезопасность – безопасность» приводит к востребованности более широкого синтеза гуманитарного знания, в контексте которого данная категория может рассматриваться как базовая.

Осмысление её с учётом современных новаций в разных областях общественной практики позволяет использовать в научных исследованиях новую информацию и новые методологические инструменты, дающие возможность определить новую логику взаимодействия факторов, детерминирующих безопасность и её новое качественное состояние, а именно, культуру безопасности. Понимание последней предполагает соотнесение её с новой гуманитарной парадигмой XXI века – геокультурой.

Информация, накопленная как социологией, так и другими науками, позволяет сделать вывод о многомерности феномена социологии безопасности. Изучение его генезиса и эволюции, его зависимости от изменяющихся условий, появления новых вызовов и угроз требует комплексного системного подхода и институционализации социологического знания в этой сфере на уровне специальной социологической теории среднего уровня – социологии безопасности, что во многом определяет характер и сущность проблемной ситуации.

Среди причин, имеющих особое внимание для социологической науки к анализу процесса формирования социологии безопасности, одной из главных является необходимость в достоверном знании о самом процессе, его этапах, особенностях, проблемах и противоречиях и, что особенно важно, о его перспективах.

Социология безопасности определяется теснейшим взаимодействием внутренних и внешних факторов, знание о которых, с одной стороны, может дать, используя имманентные ей методы и подходы, социология, а с другой – научный инструментарий иных наук.

В условиях радикальных изменений внутри российского общества влияние на них внешних факторов, выяснение последствий этого влияния становится предметом постоянного социологического изучения.

Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что проблема социологии безопасности в прямой постановке и достаточно целостно до насто-

ящего времени не исследовалась и не рассматривалась как самостоятельное направление научного анализа и приоритетная задача социальной практики.

Наиболее близкими разработками в русле этой темы можно назвать два направления.

Первое направление мы соотносим с работами, посвящёнными концептуальным, методологическим и прикладным вопросам социологии рисков. В них рассмотрены важные вопросы анализа, динамики и управления рисками, что имеет фундаментальное значение для продолжения исследований социологии вызовов, угроз, опасностей, небезопасности – основ социологии безопасности. Основополагающими в этой сфере являются работы М. Дуглас, А. Вилдавски, У. Бека, Н. Лумана, Э. Гидденса[1]. Среди российских учёных могут быть выделены работы А.В. Мозговой, Е.В. Шлыковой, А.И. Городничевой, М.Ю. Елимовой, В.И. Зубкова[2].

Исследования авторов второго направления посвящены созданию и развитию нового направления в российской социологии – социологии безопасности, социологии национальной безопасности. Это труды Р.Г. Яновского, В.Н. Иванова, А.Т. Хлопьева, Г.В. Осипова, В.К. Левашова, Ю.И. Дерюгина, А.С. Капто, В.В. Серебрянникова, Г.Г. Силласте, Н.Н. Ефимова, М.С. Савина, В.И. Ковалева, В.И. Тепечина, Ю.Л. Кутахова, О.В. Бурьянова, Ю.А. Косарева, В.И. Добренькова, Ю.Г. Спицына, В.Я. Нечаева, О.В. Золотарёва, Е.Ю. Митрохиной, В.Е. Потапова, А.В. Агошкова, Ф. Мугулова[3].

---

[1] *Douglas M.*, *Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkley (Cal.), 1982; *Douglas M.* Risk Acceptability According to Social Sciences. London, 1985; *Bec K.U.* Die Erfindung des Politischen. Frankfurt a. M., 1993; *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. Berlin; N.Y., 1991; *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Cambridge, 1991.

[2] Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2001; *Зубков В.И.* Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1999. № 4.

[3] *Яновский Р.Г.* Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999; *Иванов В.Н.* Россия: обретение будущего (размышления социолога). 3-е изд., доп. М., 1998; *Серебрянников В., Хлопьев А.* Социальная безопасность России. М., 1996; *Осипов Г.В.* Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000; *Левашов В.К.* Устойчивое развитие общества: парадигма, модели стратегия. М., 2001; *Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И.* Безопасность России и армия. М., 1995; *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1997; *Капто А.С.* Генезис и становление культуры мира // Безопасность Евразии. 2000. № 1; *Силласте Г.Г.* Женщина как объект и субъект социальной безопасности // Социологические исследования. 1998. № 12; *Тепечин В.И.* Социология национальной безопасности как «новая» парадигма социологического знания // Безопасность. 1995. № 3–4; *Кутахов Ю.Л., Явчуновская Р.*А. Человек. Полиэтнический мир. Безопасность (опыт социолого-политологического анализа). СПб., 1998; *Ковалев В.И.* Безопасность: социально-биологические аспекты. М., 2001; *Бурьянов О.В.* Социальная безопасность российского общества. Ростов-на-Дону, 1999; *Ефимов Н.Н.* Приоритеты государственной политики в сфере информационной безопасности Российской Федерации. М., 2000; *Нечаев В.Я.* Принципы построения модели социологического мониторинга информационной безопасности региона России / Глобальная информатизация и безопасность России. М., 2001; *Добреньков В.И.* Теоретико-методическое обоснование модели социологического мониторинга информационной безопасности региона России // Личность. Культура.

Анализ тематики 149 диссертационных работ на соискание учёной степени доктора социологических наук, утверждённых ВАК России за 1998–2000 гг. выявил первые три диссертации (2000 г.), посвящённые социологии безопасности[1].

Это исследования О.В. Бурьянова, Ю.А. Косарева и Ю.Г. Спицына[2].

При рассмотрении общих тенденций в исследованиях авторов представленных трёх направлений можно выделить такие особенности. *Во-первых,* в отечественной социологии создана серьёзная теоретическая, методологическая и эмпирическая база для социологического анализа институтов, процессов, структур обеспечения безопасности человека, народа, общества и государства, социальных систем различной природы. Особо значимо то обстоятельство, что в Институте социально-политических исследований РАН сложилась плодотворная оригинальная российская школа социологии безопасности. Полагаем возможным и необходимым отметить и два «незримых колледжа» создания новых знаний, инноваций в сфере разработки социологии безопасности в гуманитарной сфере. Мы имеем в виду авторов более 200 статей по социологии безопасности, опубликованных в 1992–2002 годах в рубрике «Философия и социология безопасности» Информационного сборника (журнала) «Безопасность», который издаёт Международный общественный фонд «Фонд национальной и международной безопасности» (Главный редактор в 1992–1994 гг. – Г.М. Сергеев, с 1995 г. по настоящее время – Л.И. Шершнев). Автор с 1992 года по настоящее время участвует в создании этой рубрики как автор статей, обзоров, как организатор и редактор. Вторая научная школа «социологии безопасности» создана автором в журнале «Безопасность Евразии» с 2000 года.

Во-вторых, можно утверждать, что в сфере социологического анализа институтов, процессов и структур безопасности остаётся много концептуальных и методологических, прикладных вопросов, требующих теоретического осмысления. Практически отсутствуют целостные и комплексные работы, посвя-

---

Общество. 2000. № 3; *Золотарёв О.В.* Некоторые особенности развития религиозной ситуации в Вооруженных Силах Российской Федерации // НАВИГУТ. 2000. № 1; *Мугулов Ф.* Безопасность личности в современной России: Эмпирическое исследование социальных параметров проблемы // Безопасность Евразии. 2001. № 4; *Яновский Р., Агошков А.* О проблемах социологии национальной безопасности // НАВИГУТ. 2002. № 1; *Митрохина Е.Ю.* Социальная классификация угроз информационной безопасности личности в современных условиях // НАВИГУТ. 2002. № 1; *Потапов В.Е.* Власть и социальная безопасность // НАВИГУТ. 2002. № 1.

[1] Такие материалы публикуются с 1999 года в журнале «Социологические исследования» (1999. № 7; 2000. № 7; 2001. № 8).

[2] *Бурьянов О.В.* Безопасность общества: Социально-структурный и институциональный аспекты. Специальность 22.00.04; *Косарев Ю.А.* Концептуальные модели государственного социального страхования как формы социальной защиты и национальной безопасности общества в пореформенный период. Специальность 22.00.04; *Спицын Ю.Г.* Военный социум и образование как фактор национальной безопасности России. Специальность 22.00.06. Составлено по: Докторские диссертации по социологии, утвержденные ВАК в 2000 г. // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 138–140.

щённые, прежде всего, теоретико-методологическим проблемам социологии безопасности: системе категорий, гуманитарным технологиям, особенностям типологии, мотивации, динамики в сфере обеспечения безопасности.

Оформилась научная проблема преодоления обозначившегося несоответствия имеющегося социологического, теоретического и эмпирического знания процесса безопасности новым требованиям к формированию механизмов решения задач обеспечения безопасности в XXI веке.

Анализ состояния безопасности посредством выяснения различных по существу интересов социальных групп, общества, государства, современной цивилизации ведёт практически в методологический тупик. Трудно социологически доказательно анализировать динамику перемен через изучение вызовов, рисков и угроз **интересам.** Неопределенно много угроз, количество интересов постоянно умножается и дифференцируется.

Мы попали в ситуацию «методологической ловушки» американской социологии и политологии, разработанной Гансом Моргентау в первой половине XX века для анализа состояния безопасности США через анализ угроз их **интересам.**

Проблемная ситуация может быть позитивно раскрыта, если перейти к методологии анализа вызовов и угроз **целям, идеалам и ценностям** человека, семьи, общества и государства. Такой подход предполагает и анализ динамики безопасности через динамику развития человека, семьи и общества. Эта методология не игнорирует категорию интереса, но значительно расширяет исследовательское поле. Исходное состояние безопасности, начало отсчёта в социально-экономических переменах, их динамика, мотивация, смысл и эффективность определяется преимущественно социологическими методами.

Это тем более важно при анализе движения от феномена «безопасность» к феномену «национальная безопасность России в XXI веке».

Необходимый этап – определённость исходных смыслов. Важно получить чёткие ответы на вопросы: «Куда идёт страна?», «Какие условия будут созданы для безопасности каждого конкретного человека и семьи?», «Какой образ России сформируется в перспективе?», «Какие идеалы и ценности нам нужно защищать?».

Я понимаю национальную безопасность Российской Федерации как готовность и способность российского государства содействовать каждому отдельному человеку в достижении достойного качества жизни и надёжной безопасности; как осознание каждым человеком и обществом ответственности за сбережение российских народов, за сохранение и укрепление единства и целостности российского государства; наших ценностей и культуры.

Сегодня необходимо избавиться от иллюзии, что новые опасности и угрозы затронут только других людей. Мы все несём ответственность за безопасность друг друга. Мы защищаем собственную безопасность, укрепляя безопасность Других.

Смысл стратегии компромисса в сфере национальной безопасности страны

Динамичность ситуации лета – осени 2007 года характеризуется начавшимися изменениями в глобальной системе коллективной безопасности, осуществляемыми ООН, а также изменениями в системе европейской безопасности. Стратегическая особенность ситуации – объявление президентом США Дж. Бушем 18 мая 2005 года глобального продвижения в остальной мир американской идеологии, американской интерпретации ценностей, американского понимания демократии и свободы прав человека. Модель такого «активного реагирования» на право других народов следовать своему образу жизни, культуре, традициям опробована на опыте Ирака: сначала идут американские миссионеры, а затем – американские солдаты.

Перед гражданами России, перед её народами, перед российским обществом, перед российским государством в качестве главной проблемы достижения безопасности обозначился главный и актуальный вызов: в сжатые сроки обеспечить всем людям, всем семьям достойный, качественный уровень жизни и безопасности. Это достижимо при внятном ответе на вопросы: куда, почему и как идёт страна; может ли надеяться каждый человек в ближайшее время на достойную жизнь; в чём смысл жизни конкретного человека; на кого может надеяться человек, кому он нужен.

> **Государственная стратегия национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке (далее – Государственная стратегия)** *представляет собой систему сбережения и защиты целей, идеалов, ценностей, интересов личности, общества и народов России в целом; совокупность принципов, приоритетов и механизмов в деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (далее именуются – органы государственной власти) в сфере национальной безопасности***.**

Стратегия предназначена и ориентирована на каждого гражданина страны, на все общественные объединения, на представителей всех религиозных конфессий, на представителей всех структур законодательной и судебной власти, на все органы государственной власти. Период реализации предлагаемых преобразований в сфере обеспечения безопасности – ближайшие 10 лет (2007–2017 гг.).

Государственная стратегия основывается на принципах Конституции Российской Федерации и находит своё выражение в совокупности федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, рассматривающих общие и региональные проблемы безопасности. Содержание, принципы и механизмы Стратегии соответствуют общепризнанным нормам международного права, а также условиям присоединения Российской Федерации к Хартии европейской безопасности (1999 г.), к другим международным договорам, посвящённым конкретным аспектам безопасности.

Консолидированная общенациональная стратегическая основа – общенациональная цель: в единстве действий государства и самого человека создать реальные условия для свободного демократического развития, для достижения достойного качества жизни и надёжной безопасности каждому человеку; укрепить единство и целостность страны.

Первой стратегической целью становится задача по восстановлению основополагающей справедливости. **Первый шаг в этом направлении – незамедлительное достижение достойного уровня оплаты труда – представлен на уровне первого приоритета социальной, демографической и духовной безопасности. Публичное и многолетнее попрание ключевого аспекта социальной справедливости, выразившееся в том, что только 10–15% от ВВП шло на заработную плату, ускоренно формирует высочайшую опасность стремительного разрушения России, несёт в себе большие беды всем народам страны.**

Быстрый и устойчивый рост заработной платы, производительности труда и ВВП, как убеждают исследования компетентных и ответственных учёных, возможен.

Этот стратегический манёвр может быть осуществлён в сжатые сроки и без неприемлемого роста инфляции. Участие новой формирующейся патриотической элиты в решении первой стратегической задачи предполагает талантливую, умную и профессиональную деятельность.

Вторая стратегическая задача народов, общества государства – консолидация расслоившегося российского общества, способного обеспечить суверенитет и целостность Российской Федерации. Стратегическим геокультурным ресурсом становится формирующаяся российская объединяющая патриотическая идеология, которая может функционировать как идеология национальной безопасности, на основе органичного соединения исторической памяти, патриотизма, реальной демократии и государственничества как базовых ценностей для всех поколений страны.

Третья стратегическая задача – строительство всеобъемлющей и прозрачной законности, понимаемой как исключительное равенство каждого гражданина перед законом.

Новое мировоззрение должно стать ключевым фактором идеологии национальной безопасности: нам самим важно стать на реальные рельсы демократического развития и свободы, верить в способность победить преступность и коррупцию, важно научиться сотрудничать, быть солидарными и нести личную ответственность за законность, за справедливость.

Четвёртая стратегическая задача – государственное управление национальной безопасностью. Стратегия 2007–2017 гг. впервые формирует механизм осознания гражданами, бизнесом и государством общенациональных целей и задач.

Стратегическим ресурсом и ориентиром создания и функционирования новой идеологии национальной безопасности России уже становится концентрация воли и энергии её граждан, особенно молодёжи. Они дорожат идеалами ответственности за сохранение и обогащение российских ценностей: свободы

и демократии, справедливости, солидарности, сострадания, честности, патриотизма, доверия, коллективизма. Для них важнейшая ценность – это Россия, образ жизни её народов, свобода выбора, разнообразие культур.

Всё более значительной для большинства россиян становится ценность свободы и демократии. Их роль воспринимается как обязательное условие достижения качественного управления национальной безопасностью, как эффективный фактор содействия конкурентоспособности российского общества и позитивной динамике благосостояния граждан.

Стратегической *геополитической ценностью*, категорическим позитивным императивом для политики национальной безопасности России в 2007–2017 гг. является сохранение полноты суверенитета и целостности российского государства.

Стратегической *геоэкономической ценностью*, сверхзадачей для экономики национальной безопасности страны в ближайшие десять лет уже стала модернизация страны.

Стратегической *геокультурной ценностью* для идеологии национальной безопасности Российской Федерации в 2007–2017 гг. должно стать строительство эффективного гражданского общества.

Мировоззренческим основанием единения геополитического, геоэкономического и геокультурного подходов для воспитания у большинства граждан нового видения позитивных перемен в своей жизни, в жизни всей страны является реальность целостного рассмотрения России.

Выявлению приоритетов развития и созданию программ их реализации должны содействовать научно обоснованные и разработанные ориентиры текущего и перспективного развития основных сфер жизнеобеспечения общества.

Концептуальность и технологичность содержания Государственной стратегии с 2007 г. в отношениях с Европой представлена формированием и деятельностью в четырёх общих пространствах сотрудничества при реализации «дорожных карт». *Геоэкономический* аспект безопасности представлен в первом общем экономическом пространстве, что может содействовать развитию российской экономики, конкурентоспособности, телекоммуникаций, транспорта, энергетики и охраны окружающей среды.

В основе второго, *геокультурного* общего пространства свободы, внутренней безопасности и правосудия представлено важнейшее направление Государственной стратегии, ориентированное на ожидаемую справедливость как законность, как обеспечение главных ценностей: свобода, демократия, справедливость, безопасность. Общее, третье *геополитическое* пространство внешней безопасности ориентировано на политический диалог между странами, культурами и религиями; на создание благоприятных внешних условий достижения безопасности и процветания в России.

Геокультурное четвёртое общее пространство призвано содействовать соединению культурного, научного потенциалов с реальными задачами безопасности России, внедрению гуманитарных инноваций.

Важнейшим условием осуществления и плодотворности результатов Государственной стратегии является стремление и осуществление экономического, социального, политического и идеологического компромиссов по поводу стратегии национальной безопасности на 2007–2017 гг.

Такой стратегический компромисс может стать смысловым ядром и концептуальной платформой новой российской мечты о достойной жизни и безопасности каждого человека и каждой семьи в Российской Федерации.

Я убеждён в том, что у России есть собственный стратегический горизонт. Мы готовы и способны участвовать в реализации перспективы динамичного малоинвестиционного производства, основывающегося на интеллектуальном потенциале общества: можно и нужно применить эффективные рычаги, чтобы переориентировать человеческий капитал с деструктивного направления, криминальной и околокриминальной сферы на созидающую производительную экономику.

Именно гуманитарная эволюция способна одухотворить и обеспечить развитие инновационного производства на базе высоких гуманитарных технологий, высокого качества и дисциплины труда, сохранившихся на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Задачами первого этапа развития России (краткосрочная перспектива – 2010 г.) является преодоление длительно развивающегося социально-экономического, экологического и структурного кризиса. Задачи эти должны реализовываться в действиях правительства по преодолению социально-экономического кризиса и обеспечению условий для перехода страны к стабильной, социально ориентированной рыночной экономике на базе использования преимуществ активного взаимодействия национального хозяйственного комплекса с мировой экономикой и её внутренних ресурсов: рационального использования природных ресурсов, включая ренту за природные ресурсы, интеллектуального потенциала и высокотехнологических производств.

На втором этапе (среднесрочная перспектива – 2014 г.) задачей развития является обеспечение динамичного социально-экономического развития страны на базе модернизации промышленности, развития высокотехнологичных производств, воспроизводства потенциала природного комплекса, стратегическое партнёрство в использовании мирохозяйственных связей.

Задачей третьего этапа развития (долгосрочная перспектива – 2017 гг.) является роль России в мировой системе как сильного, равноправного участника, формирующего центральный вектор развития – создание глобального, равновесного, устойчивого мира, гармонизация взаимоотношений общества и природы в глобальном масштабе и в стране.

Важную роль в содействии достижению целей и контролю за ходом этой работы призвано играть гражданское общество. Нужна вовлечённость в политические процессы всего населения. Для обеспечения такой вовлечённости необходимы семейная, идеологическая, экономическая, политическая, экологическая и правовая культуры, обеспечивающие открытость и участие.

В 2007–2017 гг. ведущей доминантой стратегии национальной безопасности России становится стратегия сбережения и воспроизводства российских народов – главного условиях сохранения страны.

Формирование стратегии сбережения народов страны предполагает поиск путей решения трёх основополагающих проблем. Первая – существенное повышение продолжительности жизни. Позитивную роль должно сыграть здравоохранение, переходящее на качественно иной путь развития, добивающееся успехов не только в диагностике и лечении болезней, но и в их профилактике, предупреждении роста смертности.

Вторая проблема – стабилизация рождаемости и создание условий для её определённого роста. Социально-экономическая политика, связанная с резким повышением реальных доходов населения, защитой семьи, охраной репродуктивного здоровья, материнства и детства, должна сократить базу действия факторов, снижающих рождаемость сверх объективно возможного уровня.

Третья проблема – изменение ценностных ориентиров и приоритетов, исходя из демографических интересов. Необходимо продумать меры по сдвигам в системе ценностей на уровень личности и семьи, не вступая в противоречие с общественной значимостью и необходимостью повышения образовательного и профессионального уровня жизни.

Разработка комплексной программы по позитивному решению этих проблем в рамках существующего национального проекта определяет новые стратегические направления обеспечения безопасности в этих областях. Программа содержит меры: по стабилизации рождаемости и укреплению семьи; укреплению здоровья и увеличению продолжительности жизни, решению проблем миграции и расселения.

Важно осуществить выработанные экономические механизмы стимулирования деторождаемости, не только обеспечивающие достойную жизнь семье, но и формирующие чувства уважения к государству, без которых невозможны патриотизм и жизнесмысловые установки, мотивирующие деятельность, направленную на процветание страны.

Демографическое состояние страны – важнейший показатель уровня её нравственного, культурного, идеологического, социально-экономического, политического, этнического развития. Оно должно рассматриваться в сочетании с геоэкономическими, геополитическими, геокультурными и геостратегическими интересами России.

В XXI веке нашей стране предстоит осуществить новую стратегию национальной безопасности с принципиально новой содержательной компонентой. Источник обогащения содержания всех структур безопасности – наша культура и наш язык, интеллектуальный потенциал страны, образование, наука, традиции, российский менталитет; культура компромисса.

Понимая культуру как средство и результат духовного и материального развития человечества, совокупность ценностей и смыслов и в то же время осознавая необратимость общественного развития и его цели, необходимо формировать социокультурный контекст инновационной деятельности и рас-

сматривать инновационную деятельность в качестве составной части развития социокультурной сферы.

На первом этапе (до 2010 г.) Государственная стратегия уже выделяет два стратегических направления преобразований в культуре: духовно-нравственное оздоровление общества и создание равных возможностей для приобщения широких слоёв населения к культурным ценностям, продвижению во всём мире значения и красоты русского языка.

Государство обязано взять на контроль проблему духовно-нравственного оздоровления общества. Культура должна помочь формированию новых ценностных ориентиров общества, адекватных характеру и глубине предпринимаемых стратегических преобразований, способствуя повышению жизнеспособности населения, готовности людей к жизни и работе в новых условиях.

Предотвращение духовной деградации общества связано с трансформацией общественного сознания. Государство обязано в этот период поддержать просветительские информационно-публицистические программы на телевидении, радио, в печати, направленные на распространение общечеловеческих ценностей, принципов гуманизма, установок толерантности и веротерпимости; создать условия всемерной пропаганде образа «героя нашего времени»: человека свободного, смелого, предприимчивого, самодостаточного, с чувством предпринимательской чести, личного достоинства, уважения себя и других.

В период до 2010 г. должно быть закончено реформирование системы государственного управления в направлении усиления роли творческой элиты, общественных институтов, всего населения. При этом необходимо сохранить преемственность развития национальной культуры.

На втором этапе (до 2014 г.) должна быть решена задача переориентации деятельности культурно-досуговых учреждений из хранилищ культурной информации в просветительские и культурно-информационные центры, направленные на приобщение населения к культурным ценностям и на межличностное общение.

Проблема создания равных возможностей для приобщения широких слоёв населения к культурным ценностям требует помимо решения вопросов духовного порядка реформирования самой отрасли культуры. В рамках трансформации системы культурно-досуговых учреждений необходимо незамедлительно разработать и принять комплексную поэтапную программу мер по оздоровлению сферы культуры.

Государство должно всеми средствами обеспечить сохранение национальной культурной самобытности. Государство категорически не приемлет и будет бороться с «приватизированием» культуры.

Сегодня настало время выработки государственной стратегической концепции социокультурной трансформации общества в целом на период от 25 до 50 лет, имеющей более высокий приоритет, нежели задачи чисто прорывного, ситуационного характера. Трансформация российского общества, развёрнутая против России идеологическая война, требуют опережающей модернизации идеологических, нравственных, социокультурных стереотипов и установок,

довлеющих над сознанием человека в обществе, за что во все времена отвечала культура.

Требует незамедлительного скрупулёзного анализа, оценки действующих сегодня идеологических институтов общества, с целью их совершенствования и повышения эффективности их деятельности.

Контрольные вопросы

1. Раскройте смысл категории «безопасность».
2. В чём заключаются особенности безопасности личности, общества, государства в XXI веке?
3. Почему возникновение феномена «безопасность» целесообразно соотнести с возникновением опасностей, угроз, рисков, вызовов цели, идеалу и ценностям?
4. В чём состоят особенности в подходе к безопасности России в XXI веке после 20 марта 2003 года?
5. Дайте определение категории «национальная безопасность России в XXI веке».
6. Назовите основания для становления самостоятельного научного дискурса по проблемам социологии безопасности.

Литература

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Анализ риска и проблем безопасности: В 4 ч. // Ч. 2: Безопасность гражданского и оборонного комплексов и управление рисками. М., 2006.

Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века. М., 2006.

Безопасность Евразии – 2004: Энциклопедический словарь-ежегодник. М., 2006.

Капто А.С. Энциклопедия Мира: 2-е изд., уточн. и доп. М., 2005.

Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебник. М., 2003.

Глава 2

Единая гуманитарная парадигма (геополитическая, геоэкономическая, геокультурная) в изучении безопасности

Для понимания генезиса и утверждения методологии социологии безопасности ключевое значение, на наш взгляд, имеет исследование роли труда в процессе и в сфере безопасности, её среды.

Для России и практическое, и научное значение имеет анализ опыта конкретного диалога предпринимателей и народа, бизнеса и власти, реального производства и человека. Такой опыт есть. Это многолетняя работа Открытого акционерного общества «Газпром» для человека, для народа, для России, для мира и безопасности.

На рубеже XX и XXI веков коллектив ОАО «Газпром», его специалисты и сотрудники осуществили важную и нужную работу для каждого человека, семьи, общества и нашего Отечества. В их работе были и есть недостатки. Как в научных изданиях, так и в сообщениях СМИ достаточно много самых разных суждений о качестве и эффективности работы сотен тысяч людей, работающих в этом важном звене российской экономики.

Участие российской газовой промышленности в обеспечении национальной безопасности России XXI века имеет очень важный и ответственный вектор – это её внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность. Здесь решаются две неразрывно связанные задачи: во-первых, вклад ОАО «Газпром» в диалог между народами, в безопасность и развитие России, стран СНГ, европейских государств, стран Азии. По существу речь идет о позитивных переменах в евразийской и международной безопасности. Во-вторых, развитие и безопасность самой газовой промышленности России определенно связаны с ее деятельностью за рубежами нашей страны.

Отношения с определенными государствами Европы и Азии – важнейший фактор энергетической безопасности России. Энергетическая безопасность России будет тем надёжнее и прочнее, чем крепче и взаимовыгоднее будут её отношения с этими государствами. В первую очередь это относится к странам СНГ, с которыми Россию связывают общие исторические судьбы, единое экономическое пространство, сложившаяся система инфраструктуры. Это дорога к культуре безопасности, к геокультуре.

Заслуживает внимания, что применительно к деятельности отдельных специалистов, всего коллектива ОАО «Газпром» можно говорить о реальном проявлении социологического характера взаимосвязи гуманитарного аспекта безопасности и негуманитарного (прежде всего техногенного, технологического и т.д.).

Важно суждение Юрия Левады о настроениях у народа России в марте 2003 года: «Мы опросили 2400 человек по всей России, и 10 процентов ответи-

ли, что у них прекрасное настроение, 48 процентов – что нормальное, ровное, 29 процентов испытывают напряжение и раздражение, 8 процентов – тоску и страх. Для марта это лучший показатель за много лет. Например, в 1997-м лишь 3 процента говорили о прекрасном настроении. Если взять страх и тоску, то в 1997-м это было 12 процентов...

Когда мы спрашиваем людей, счастливы они или нет, то 50 процентов отвечают: да»[1].

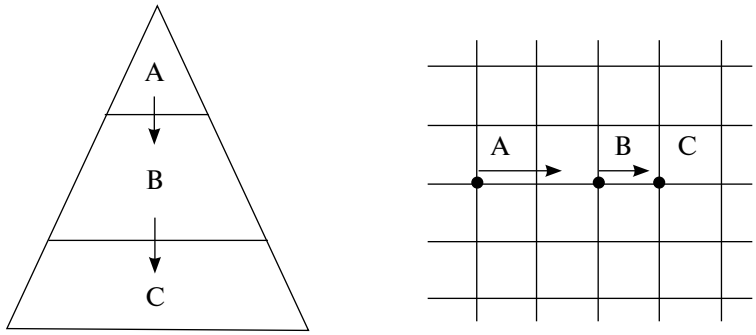
Труд, деятельность субъекта истории может и должна быть интерпретирована как культурно содержательный процесс. Сам субъект, человек, в процессе труда осваивает культуру, что сопровождается интеллектуальным, культурным, эмоциональным сосредоточением и напряжением. *Здесь одна из важнейших сущностных характеристик социологии безопасности.*

Представление о современном мире, о культуре как системах достаточно укоренено в отечественных и зарубежных общественных науках.

Поэтому, я ввожу понятие сети, сетевого подхода, сетевой методологии. На рисунке 3 представлено графическое представление системного, иерархического подхода, и сетевого, неиерархического.

На рисунке взаимосвязи между акторами (смыслами, событиями, связями и т. д.) представлены в чёткой иерархической последовательности: от лидера А к подчинённым В и С (тип 1). Фрагмент сети (тип 2) показывает горизонтальную, неиерархическую связь: здесь отсутствует лидер, отсутствует чёткое подчинение.

Рисунок 3. **Сопоставление системного (тип 1) и сетевого (тип 2) подходов**

Тип 1 Тип 2

Теперь можно предложить новое определение для современного Мира. В логике геополитической парадигмы Мир трактуется как Мир–Система. Геоэкономическая парадигма интерпретирует Мир как Экономику. Я предлагаю понимать Мир XXI века как Культуру–Сеть (см. рис. 4).

[1] Приведено по: *Нарышкина* А. Половина россиян почему-то счастливы // Известия. 2003. 8 апреля. С. 2.

Рисунок 4. **Логика изменений в понимании современного Мира**

Мои аргументы в поддержку геокультурной интерпретации современного Мира как Культуры–Сети можно привести в следующей последовательности:

– ключевые элементы культуры, религии, идеологии: цели, идеалы, ценности, патриотизм, сострадание, утешение, спасение, долг, смысл жизни, российская мечта, терпимость, надежда органично и взаимосогласованно входят в общественное сознание, в мировоззрение конкретного человека, поддерживают семью;

– хаос, неопределённость, риски, страхи, опасности и угрозы, утопии, мифы и фантазии становятся элементами культуры и сети;

– наполняются новой динамикой и укоренённостью в Культуре–Сети важные феномены XXI века: культура мира, культура безопасности, культура диалога, культура предотвращения, культура компромисса.

Прежде всего, важно отметить, что для всей российской общественной науки правомерно говорить о единой гуманитарной парадигме XXI века. Как минимум её основы составляют (как методология) геополитика, геоэкономика и геокультура.

Мои исследования компромиссного «сложили» основание для интерпретации формирующейся социологической теории компромисса через геокультуру. Мои аргументы базируются на предположении о том, что новизна, оригинальность и актуальность суждений для гуманитарной науки XXI века, для научного мировоззрения XXI века заключается в ориентированности формирующейся **геокультурной парадигмы** на цели, идеалы и ценности человека, на его творческий потенциал, на *обеспечение нового гуманитарного синтеза в современной науке, на компромиссность*.

Важную роль в осмыслении феномена «геокультура» имеет, на мой взгляд, обсуждение характера географии на рубеже XX и XXI веков: здесь существенный компонент содержания исследуемой нами категории.

Для становления социологического аспекта формирующейся проблемы *геокультурности социологии компромисса* рассмотрим вклад географии в формирование и функционирование геополитики и геоэкономики.

С точки зрения социологии геополитики наибольший интерес вызывает фундаментальная и оригинальная работа В.А. Колосова и Н.С. Мироненко «Геополитика и политическая география». Авторы полно и убедительно, социологически, на мой взгляд, определили проблемную научную область геополитики. По их мнению, основной задачей геополитики «выступает *фиксация и прогноз пространственных границ силовых полей* разного характера (военных, экономических, политических, цивилизационных, экологических) преиму-

щественно на глобальном уровне. В качестве генераторов этих полей выступают государства, межгосударственные группировки и ряд негосударственных субъектов, в частности транснационального значения, а в качестве механизма взаимодействия силовых полей – так или иначе понимаемые геополитические интересы (имперские устремления, обеспечение безопасности государства, сохранение самобытности культуры, а также, как отмечал известный российский историк и географ Л.Н. Гумилев, амбиции пассионарных личностей и т. п.).

В результате формируется геополитическая структура мира, отличная от простой политической карты мира и выявляемая методами геополитического районирования целостного планетарного пространства»[1].

Отмечу, прежде всего, применительно к геополитике, такие смысловые блоки: геопространство; силовые поля (баланс сил); национальные, государственные, коалиционные интересы; анализ сфер влияния.

Также интересно с точки зрения социологии идеологии, рассмотреть основные категории и основную проблемную область геоэкономики на основе работы Э.Г. Кочетова «Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства)».

Первую особенность геоэкономики – её ориентированность на XXI век – автор объяснил так.

«Для *осознания главных тенденций XXI века следует исходить из представления о мире как глобальном пространстве.* В свою очередь глобальное пространство есть симбиоз частных пространств, отражающих ту или иную сферу деятельности человека и заполняющих всё глобальное пространство. Эти пространства как бы условно вплетены одно в другое, но вместе с тем каждое из них функционирует по своим законам, имеет свою атрибутику и черты. *Мы расчленяем* глобальное пространство берём из него частные, чтобы внимательно присмотреться к каждому из них, попытаться разгадать возможную их эволюцию и трансформацию, а впоследствии, соединив их вместе, убедить себя в том, что в какой то мере мы ознакомились и поняли этот мир, выявили истоки и принципы построения национальной доктрины долговременного развития и обоснования стратегического арсенала её реализации.

Эти *пространства* обладают удивительными свойствами: при полной взаимозависимости они *имеют свойства иерархии, господства одной разновидности пространства над другими.* В разные периоды по-разному выстраивается эта иерархия. Стратегическая игра на иерархической лестнице – *первый* принципиальный горизонт (уровень) стратегического оперирования в глобальном пространстве (мире).

Второй уровень стратегического оперирования заключается в прояснении проблемы, связанной с поведением того или иного пространства (а стало быть, и глобального пространства в целом), в тех или иных цивилизационных координатах развития.

---

[1] *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М., 2001. С. 18–19.

И, наконец, *третий уровень* стратегического оперирования – поведение пространств в формационных координатах.

Выделю из мирового пространства три главных пространства: геополитическое, геоэкономическое и геостратегическое, так как они в той или иной мере предопределяют реальную обстановку, в которой осуществляется деятельность человека. Но эти три пространства по отношению друг к другу непостоянны: одно из них обязательно выходит на главные позиции, и история чётко фиксирует периоды господства того или иного пространства»[1].

Э.Г. Кочетов обосновал интересную и важную систему категорий и смыслов (атрибутов): геоэкономическое пространство, интернационализированные воспроизводящие ядра, мировой доход, геоэкономический атлас мира, высокие геоэкономические технологии, геоэкономическая память, стратегический анализ.

Отмечу важную особенность геоэкономической парадигмы в обосновании Э.Г. Кочетова. Во-первых, от пространства (больших пространств) в ходе его (их) *расчленения* автор движется к трём главным пространствам: геополитическому, геоэкономическому и геостратегическому. Впоследствии он предполагает их снова соединить вместе, разгадав их возможную эволюцию и трансформацию[2]. Во-вторых, от категории силы (силовых полей, баланса сил) Э.Г. Кочетов движется к высоким геоэкономическим технологиям, к геоэкономической памяти.

В понимании *геокультурности* после рассмотрения, в самом предварительном порядке геополитики и геоэкономики, важное значение, на мой взгляд, имеют суждения Д.Н. Замятина. В своей статье «Географические образы в гуманитарных науках», он представил анализ культурно-географических образов, частным случаем которых реально выступают геоэкономические, геосоциальные или геополитические образы[3].

Прежде всего, представлю смысл понятия КГО (культурно-географический образ) *«по Замятину»*. «“Мягкое” определение КГО: культурно-географический образ есть максимальная визуализация и вербализация культуры, и в то же время это целенаправленная, максимально визуализированная и вербализированная географизированность пространства. Пространство выступает здесь как средство репрезентации и интерпретации самой культуры.

“Жёсткое” определение КГО: культурно-географический образ – это устойчивые пространственные представления о каких-либо культурных объектах или объектах культуры. В рамках культуры, или её представлений, репрезентация КГО может “включаться” автоматически, однако, интерпретация КГО при этом не обязательна. Большинство недостатков современного краеведения

---

[1] *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М., 1999. С. 8–9.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках // НАВИГУТ. 2001. № 1. С. 125.

(“наивная” трактовка фактов, дикие подчас интерпретации результатов исторических и археологических исследований, стремление “привязать” к определённой местности как точке масштабные КГО) связано с попытками недостаточно подготовленной интерпретации при не полностью и часто не корректно проведённой репрезентации КГО»[1].

Важная роль отводится автором процессам репрезентации и интерпретации. «Процессы репрезентации и интерпретации, – отмечает он, – должны трактоваться в контексте исследования культурно-географических образов (КГО), максимально конкретно. Процессы репрезентации и интерпретации должны быть соотнесены между собой, хотя это соотношение не должно быть жёстким, или чем-то постоянным. Важно отметить, что репрезентация в определённом смысле “первична”, а интерпретация “вторична”, однако, они могут сосуществовать во времени и в пространстве; т. е. быть синхронными, одновременными, и “синхоросными”, однопространственными, симультанными.

Репрезентация – это процесс визуализации и вербализации образа, когда культурно-географическое пространство опосредуется, дистанцируется, или даже “огрубляется” (реальность как бы огрубляется репрезентирующим её образом). Такое понимание репрезентации КГО вполне укладывается по аналогии в классическую психологическую схему, отработанную ещё Фрейдом: психические процессы происходят на уровне бессознательного, подсознания и сознания. Назначение репрезентации КГО – сформировать работоспособные и эффективные образы (уровень “сознания”) путём аккультурации реальности (уровень “бессознательного”). Сразу отметим, что это – аналогия, ибо речь идёт не о психологических, а о культурно-географических образах.

Интерпретация КГО означает выход за пределы обыденной рациональности сознания. Происходит процесс самоактуализации географического пространства. Пространство как бы обволакивает культуру и максимально её актуализирует посредством чёткой образной локализации. *В образном смысле, культурная география, несомненно, гораздо более точная наука нежели граничащие с ней области политической, экономической или социальной географии*»[2]. (Выделено мною – *В.К.*).

Представляется особенно важным процесс, по Замятину, «опространствления культуры»[3]. Я обращаю внимание на это обстоятельство, так как здесь представлено уникальное исследование того, как из двух отдельных понятий *«география»* и «культура» воссоздаётся нечто целостное: **«географическая культура»**, **«геокультура»**, **«геокультурность»**. *Свойства, смысл, суть, содержание этого возникшего нового больше, богаче, перспективнее, чем то, что содержится в каждом из двух отдельных понятий. Здесь момент* оформления новой категории **«геокультура»** на основе эмерджентности, целостности, синергетичности. «Посредством интерпретации КГО, – раскрывает процесс Д.Н. Замятин, – культура глобально

[1] *Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках. С. 125–126.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 125.

"переживается" через географию, происходит своего рода опространствление культуры. В рамках подобной интерпретации можно говорить об "исчезновении" природы, всё традиционное географическое пространство становится культурным; снимаются классические оппозиции "природа – общество" и "природа – культура". В то же время интерпретация КГО означает переход на метауровень по сравнению с репрезентацией, когда в определённом образном поле сосуществуют различные по генезису, структуре, сложности знаки, символы и стереотипы, формирующие по ходу интерпретации серии последовательных конфигураций, которые проецируются на "перцептивный экран". Культура в данном случае выступает как продукт образно географических интерпретаций»[1].

Становление геокультурного подхода определённо актуализировало, на мой взгляд, проблему институционализации гуманитарной парадигмы в XX и XXI веках. Здесь могут быть сформулированы такие вопросы. *Во-первых,* вытесняет ли геокультурный подход геополитику и геоэкономику? *Во-вторых,* имеет ли геокультурная парадигма совершенно самостоятельный статут, или это движение (процесс институционализации) исходной гуманитарной парадигмы, в рамках которой продолжают действовать и геополитический, и геоэкономический подходы с учётом их особых предметных областей?

Соотношение геоэкономики и геокультуры исследует Д.Н. Замятин в разделе «Геоэкономика как геокультура» своей значительной и актуальной статьи «Географические образы в гуманитарных науках». Он считает, что «геоэкономика может рассматриваться не только как этап развития экономики в целом или новое воплощение основных экономических идей, но и как геокультура.

Геоэкономика как геокультура есть исследование проекций геокультурных пространств (геокультурных образов) в плоскости современных экономических и постэкономических отношений, не возможных без учёта образно-географического положения центров экономической и финансовой силы. Адекватное представление подобного образно-географического положения возможно путём его репрезентации как культурно-географического (геокультурного) образа. Следовательно, сети и системы культурно-географических образов, выявляющие геоэкономический рельеф современного мира, определяют сущность геоэкономики. Последующие или одновременно с репрезентацией осуществляемые интерпретации этого геоэкономического рельефа – в виде специфических геоэкономических профилей мира (миров) – могут означать переход к метагеоэкономике, или к геокультурэкономике»[2].

Иначе говоря, можно отметить, по Замятину, актуальны *и геоэкономика, и геокультура.*

В итоге можно сделать такой вывод: *становление геокультуры обусловлено функционированием геополитики и геоэкономики; в современной гуманитарной науке работают и геополитика, и геоэкономика, и геокультура.*

---

[1] *Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках. С. 126.
[2] Там же. С. 130.

Сопоставление через своеобразную парадигмальную матрицу взаимосвязи категорий геополитики – геоэкономики – геокультуры (схема 2) позволяет сделать вывод: геокультуре соответствует в XXI веке новый феномен «Мир: Культура–Сеть».

Эффективная система обеспечения национальных интересов в экономике – вопрос стратегического единства интеллекта, силы, профессионализма и ответственности. Это важно для сегодняшней России, стремящейся занять достойное место в мировом геополитическом, геоэкономическом, геокультурном пространстве.

Главная задача – переход от сырьевой экономики к экономике знаний, инновационной стратегии.

Схема 2. **Соотношение основных категорий единой гуманитарной парадигмы XXI века: взаимосвязь её выражений в геополитике, геоэкономике, геокультуре**

Выражения парадигмы / Характеристики	ГЕОПОЛИТИКА	ГЕОЭКОНОМИКА	ГЕОКУЛЬТУРА
Субъект действия	Государство	Транснациональные компании	Человек Народ
Права и свободы человека	Право сильнейшего государства, их коалиций	Права и свободы человека	Права и свободы человека, его ответственность
Географичность. Среда	Пространство	Пространство	Масштаб
Цивилизация	Мир-Система	Мир-Экономика	Мир: Культура – Сеть
Производство	Материальные факторы в капитализации фирм (70–80%)	Материальные факторы, инновации в капитализации фирм (50:50)	Нематериальные интеллектуальные факторы в капитализации фирм: человеческий потенциал, знания, инновации (70–80%)
Участие	Десятки миллионов людей	Сотни миллионов людей	Миллиарды людей
Изменения	Война, революция, контрреволюция	Конкуренция, доступ к мировому доходу	Институционализация, гуманизм
Динамика	Сила, баланс сил, сдерживание	Торговля, конкуренция, сотрудничество	Доверие, сотрудничество, диалог, справедливость

Война, мир и безопасность	Культура войны	Культура мира	Культура мира, безопасности и диалога
Взаимосвязь	Иерархичность	Иерархичность	Отсутствие иерархичности
Детерминизм	Причинность, функционализм, системность	Причинность, линейность, системность	Вероятность, неопределённость, нелинейность, сетевой подход
Методология	Системно-структурный подход	Системно-структурный подход	Институционально-сетевой подход
Технология	Социальные технологии	Высокие геоэкономические технологии	Высокие гуманитарные технологии

Первый этап (до 2010 г.). Особое внимание должно быть сосредоточено на обеспечении ускоренного, опережающего развития высокотехнологичных отраслей промышленности на инновационной основе, с использованием нанотехнологий, повышении конкурентоспособности, росте производительности труда.

Необходимо разработать программу социально-экономического развития страны. Механизм её реализации должен определять тесную взаимосвязь научно-технической, энергетической, машиностроительной и транспортной стратегий с учётом миграционной политики, схем размещения производительных сил, нужд и потребностей развития отраслей, территорий и предприятий.

Перед предприятиями с учётом энергетического дефицита должна стать задача защиты внутренних и завоевания внешних рынков. Государство должно способствовать динамичному восстановлению объёмов товарооборота с различными партнёрами, осуществляя контроль за коммерческой и регламентационной практикой.

Предприятиям необходимы большая гибкость для адаптации в новых условиях мировой конкуренции и целенаправленные усилия, направленные на научные изыскания.

Государственная политика в области науки и технологии должна стать локомотивом социально-экономического прогресса.

В социальной сфере действие властей необходимо направить на выработку эффективной системы адресной социальной помощи малоимущим. В её основе предусмотрено разумное сочетание существующей социально-экономической программы (реформы пенсионного обеспечения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства), резкого увеличения заработной платы и надёжных гарантий в социальной сфере.

Второй этап (до 2014 г.) – период завершения формирования рыночной инфраструктуры и процесса модернизации сферы производства, информации и услуг.

К этому сроку Россия должна быть интегрирована в мировую экономику, обеспечены её лидирующие позиции в информационной сфере, мировых

транспортных перевозках, освоении космоса, новых био- и нанотехнологиях, телекоммуникациях и связи, машиностроении и сельскохозяйственном производстве.

Должны быть завоёваны новые рынки для экспорта российских вооружений и военной техники; механизма и технологии осуществления мегапроектов.

Важнейшей стратегической задачей в этот период является укрепление российских научных школ в мировой экономике.

Одновременно предстоит решить проблему ограничения экспорта сырьевых и энергетических ресурсов.

Третий этап (до 2017 г.) – этап постепенного ослабления государственной поддержки, дальнейшей либерализации российской экономики, выхода на полный масштаб, темп и ритм функционирования российского хозяйственного комплекса.

Главное богатство России – её человеческий потенциал, особый демографический генофонд, отличающийся высоким интеллектом.

Достаточность социального капитала значительно снижает издержки экономики, улучшает конкурентоспособность и производительность труда. Для обеспечения перехода к экономике знаний, развитию инновационной экономики предстоит осуществить структурно-инновационный манёвр – переориентировать социально-экономическое развитие на реализацию приоритетных направлений.

Первый этап (до 2010 г.). Государство формирует механизмы стимулирования научно-инновационной сферы и повышения её роли в экономическом росте. Оно разрабатывает концепцию совершенствования высшего образования и ликвидирует снижение уровня общего образования, принимает меры по поднятию престижа и государственной значимости фигуры учителя и преподавателя. Главный девиз этого периода – через богатое образование к богатой России.

Государство всячески поддерживает развитие фундаментальной науки, организацию наукоёмких технопарков и кластеров, создаёт условия для прорывных исследований на приоритетных направлениях. Поощряет любое научно-промышленное инвестирование с целью создания дополнительных рабочих мест.

Особое внимание должно быть уделено реформированию всего комплекса общественных наук. Необходимо обеспечить выработку нового мировоззрения, новой идеологии, выработку конкретных мер по консолидации общества.

Предстоит создание главной фундаментальной предпосылки для устойчивого социально-инновационного развития – формирование социально-научного сообщества путём приоритетного государственного протекционизма подготовки высокопрофессиональных кадров специалистов всех отраслей экономики и социальной сферы на основе организации непрерывного цикла образования и переподготовки высококвалифицированных кадров, способных осуществлять постоянную научно-технологическую модернизацию народного хозяйства.

Необходимо разработать дополнительные мероприятия по снижению масштабов теневого бизнеса, усилению борьбы с преступностью, коррупцией и терроризмом. Требует дополнительных усилий организация борьбы с изготовлением и распространением наркотиков. Вся эта работа должна проводиться под контролем гражданского общества.

Особое значение имеет начало реализации первой и второй «дорожной карты». Первая из них способствует активизации человеческого потенциала за счёт устранения барьеров на пути взаимовыгодной торговли, инвестиций, в плане содействия повышению конкурентоспособности российских учёных, финансистов, менеджеров, инженеров, преподавателей. Вторая «дорожная карта» должна обеспечить защиту человеческого потенциала от влияния коррупции, организованной преступности и терроризма.

На втором этапе (до 2014 г.) предстоит обеспечить массовую трансформацию научных идей в передовые технологии для модернизации и технического перевооружения отраслей промышленности, сельского хозяйства, а также других отраслей экономики. Основа – создание широкого спектра высоких технологий и прогрессивной техники отечественным машиностроением.

На этом этапе должна быть задействована третья «дорожная карта», обеспечивающая обогащение человеческого потенциала России созидательными гуманитарными ресурсами многих стран мира за счёт сотрудничества, доверия и добрососедства с другими странами; на основе стратегической партнёрской культуры компромисса.

На третьем этапе (до 2017 г.) российская научно-инновационная система, её отраслевые и региональные подсистемы будут ориентироваться на формирование наукоёмкой структуры промышленности и осуществлять переход к накоплению наукоёмкого основного капитала и инвестированию воспроизводства интеллектуального человеческого капитала.

Именно в ходе третьего этапа функционирование первых трёх «дорожных карт» дополняется потенциалом четвёртой «дорожной карты».

Это позволит обеспечить культурное, образовательное, научное влияние для целей экономического роста, укрепления и развития конкурентоспособности. Особое значение влияния третьего этапа связано с усилением связи между гуманитарными исследованиями и внедрением инноваций.

Ключевое значение для позитивного влияния реализации всех четырёх «дорожных карт» имеет их координация на основе формирования функционирования российской объединяющей патриотической идеологии; на фундаменте новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века; на основе нового гуманизма. Её консолидирующее влияние необходимо, так как четыре «дорожные карты» разрывают единое пространство европейской (и глобальной) безопасности: внутренняя безопасность отнесена ко второму пространству (и второй карте), а внешняя безопасность сопоставлена с третьим общим пространством (и с третьей «дорожной картой»). Именно национальная идеология может помочь нейтрализовать значительный конфликтный потенциал, сохранившийся в четырёх «дорожных картах».

Новое мышление в сфере безопасности есть признание следующего: традиционная опора в первую очередь на инструменты военной силы должна более эффективно дополняться дипломатическими, экономическими, правовыми, политическими и социальными компромиссными механизмами, а также в большей мере превентивными действиями.

Целью реформирования безопасности должно стать укрепление безопасности граждан. Сдвиг от военного аспекта понимания безопасности к большему акценту на безопасность людей выдвигает на первом этапе (до 2010 г.) вопросы управления и гражданского вклада в процесс принятия политических решений. Критическое значение имеет тип политики в области безопасности, взятой на вооружение тем или иным государством, инструменты, которыми эта политика воплощается, и интересы, которые она выражает.

В этот период к сектору безопасности должны быть применены принципы общественного контроля, подотчётности и транспарентности. Этому во многом должна послужить деятельность Общественной палаты России.

Важным этапом на пути разработки и утверждения новых подходов к преодолению опасностей должна стать целенаправленная работа по движению к «культуре предотвращения». Понимать её следует как фактор и мотивацию формирования культуры национальной безопасности в целом, отражающей диалектику внутренних и внешних механизмов нейтрализации опасностей и угроз (их минимизации) с учётом того, что россияне в настоящее время живут в обществе тотального риска.

Культура безопасности как ключевая категория новой гуманитарной парадигмы XXI века сущностно может быть рассмотрена через анализ вызовов, угроз, рисков и опасностей для национальной цели, социального идеала, вызовов основным ценностям и жизненно важным интересам общества.

Становление и динамика культуры национальной безопасности связаны с необходимостью учёта феномена сетевого подхода, сети в качестве внешней среды. Механизмом соединения процессов институционализации и сетиализации становится новый гуманитарный синтез через культуру компромисса. Катализатором такого синтеза выступает новый класс технологий: высокие гуманитарные технологии. На втором этапе (до 2014 г.) они должны помочь оформиться научному качеству методологии безопасности: институционально-сетевой методологии. Такое новое свойство и обеспечивает движение от безопасности XX века к безопасности XXI века – к культуре национальной безопасности; к стратегической партнёрской культуре компромисса.

Государственная стратегия (до 2017 г.) предусматривает работу именно по достижению страной культуры безопасности в контексте новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века.

В условиях глобализации в ряде стран мы отмечаем усиление стратегии «непрямых действий». Смыслы, экономика и финансы превращаются в эффективнейшее наступательное оружие – идёт трансформация силовой компоненты на качественно новой основе, уже чётко просматриваются контуры военно-экономических систем, которые отодвигают на второй план военно-политические

альянсы. Есть основания утверждать, что в армиях ряда государств началась интенсивная работа по интеллектуальному насыщению сложнейших вопросов стратегии и тактики с целью подготовки к новым, сетевым, интеллектуальным войнам пятого поколения. Военно-промышленно-энвайроментальный комплекс действует согласованно с массмедийным комплексом. Это совершенно новое качество интеллектуально-военного синтеза на основе учёта нелинейных закономерностей и управляемого хаоса предполагающий изменение идентичности и цивилизационную перевербовку.

Государственная стратегия должна предусматривать на первом этапе (до 2010 г.): переход от главенствования военно-политического вектора во внешней политике к военно-экономическому; осознание новой роли военной компоненты с учётом геоэкономических и геокультурных приоритетов.

Вместе с тем Россия уделяет и будет уделять серьёзное внимание поддержанию на должном уровне сил ядерного сдерживания и разработке принципиально новых видов оружия сдерживания следующего поколения.

Речь идёт о принципиально новом оружии сдерживания на новых физических принципах, о восстановлении в полном объёме спутниковой промышленности, дальнейшем развитии спутниковой системы, увеличения числа космодромов.

В рамках Военной оборонительной доктрины государство должно разработать на ближайшие 15–20 лет концепцию системной обороны, включающую зонную, точечную и окончательную защиту.

На втором этапе (до 2014 г.) российская армия должна иметь: – новую систему производств, представленных в виде неопромышленных кластеров, основанных на мегапромышленном принципе; высокоэффективные мобильные обычные войска, способные одновременно участвовать в не менее чем двух локальных военных конфликтах и обеспечивать решение поставленных перед ними задач против любого противника. Такая армия должна иметь смешанный характер комплектования с преобладанием профессионального компонента. Исключительно важной задачей представляется создание кадрового сержантского корпуса, который станет основой структуры Вооружённых сил, позволит снизить численность офицеров, повысит гибкость управления войсками, резко ослабит неуставные отношения.

Государство должно разработать меры по повышению привлекательности военной службы на основе предоставления военнослужащим серьёзных социальных гарантий, в т. ч. включающих получение за время прохождения военной службы востребуемых гражданских профессий, приоритетное трудоустройство и облегчённый доступ к высшему образованию после армии, индивидуальное страхование военнослужащих от профессиональных рисков. Особое внимание необходимо уделить улучшению материального положения и повышению социального статуса офицеров. Офицеры, уволенные в запас с выслугой в 25 лет, должны иметь реальную льготную возможность получения жилья или земли в собственность и профессиональной переподготовки за счёт государства.

До 2017 года должна быть закончена полная технологическая модернизация армии. Государство должно изыскать для этого необходимые средства.

Разработка и реализация новой военной стратегии потребуют незамедлительной профессиональной переподготовки высшего военного руководства страны, а также руководящих работников и специалистов соответствующих федеральных и региональных органов исполнительной власти, занимающихся реформой армии и ВПК.

Перед Россией оформилась главная опасность. Её суть заключается в том, сумеем ли мы обеспечить достойную историческую перспективу для своего развития в русле мировых закономерностей развития, осуществить переход к информационно-индустриальному обществу и тем самым существенно повысить конкурентоспособность страны, качество жизни граждан и гарантировать высокий уровень безопасности в условиях возможной глобальной ядерной войны. Вторая стратегическая опасность связана с новыми негативными возможностями воздействия на поведение людей. Формирование человеческого сознания становится одной из характеристик информационно-индустриального общества и процесса глобализации, основой для информационных войн, создания желательного общественного мнения и контроля поведения людей.

Государственная стратегия определяет наиболее надёжным и динамичным фактором предотвращения ядерной катастрофы на самой ранней стадии наличие стратегической цели, соединяющей стремление человека к счастью, социальной справедливости, привлекательность образа России и российского общества, российских идеалов и ценностей.

В итоге формируется неразрывная смысловая связь собственных целевых установок с развитием и процветанием страны. Такое основание обладает мощным потенциалом блокировать опасности на стадии их возникновения.

Убедительная и понятная национальная идеология консолидации связывает будущий образ страны, стратегическую общенациональную цель, социальный идеал и базовые ценности, определяет позицию человека, формирует мировоззрение и систему личных убеждений.

Наличие гуманитарной позиции – самое динамичное и активное противодействие будущим вызовам, угрозам и опасностям; самое важное основание для умения искать компромиссы, осуществлять их с получением позитивных результатов и плодотворно действовать на их фундаменте.

Государственная стратегия определяет принятие превентивных действий и акций против опасностей ещё до этапа прямого агрессивного проявления угроз.

Превентивные действия существенно ослабляют разрушительный потенциал опасностей, способствуют выведению дискуссии с носителями угроз на заранее подготовленную публичную или дипломатическую площадку; способствуют подготовке и осуществлению опережающих компромиссов.

Эффективность реагирования на состоявшиеся опасности определяется эффективностью превентивных мер, способствующих успеху непосредственных интеллектуальных, нормативных, организационных, информационных действий против носителей опасностей.

Превентивность на основе идеологических, нравственно-духовных, морально-этических, правовых действий в противодействии главной опасности –

разрушения российского общества и государства – реально определяется как новое активное, наступательное действие в структуре стратегии национальной безопасности России. Это наше право, и мы будем его использовать в любое время, на любой территории.

Задаются новые требования и рамки к механизмам, технологиям, процедурам осуществления Государственной стратегии во всех сферах жизнеобеспечения страны, в процессах развития Российской Федерации.

Главной доминантой в предотвращении угроз стратегической задачи сбережения народов России необходимо определить созидающую деятельность граждан, общества и государства по всесторонней поддержке российской семьи.

Проблема укрепления и поддержки семьи является самым эффективным вложением нравственного, культурного, информационного и социального, идеологического капитала общества. Это и самое раннее предотвращение возникновения угроз жизни людей, их образу жизни, их нравственности.

Ключевой аспект нового мировоззрения российского общества в XXI веке может быть сформулирован так: каждому человеку, каждой семье – достоинство, достаток, доверие; справедливость и счастье для Всех.

Система действий по реагированию в поддержку конкретных семей, принявших на себя реальные угрозы, может быть дополнена с учётом уже существующих структур материальной, организационной, информационной поддержкой всех институтов национальной безопасности.

Озабоченность надёжностью и всеохватностью, абсолютностью плодотворности функционирования культуры для людей, семей, народов России обозначает предельно серьёзное отношение к преодолению на самой ранней стадии всех перечисленных выше, а также иных возможных опасностей.

Исходным пунктом раннего предотвращения может быть определено состояние подготовки кадров, инструментов и технологий, материального ресурса для преодоления опасностей.

Исключительно эффективными могут стать превентивные действия по предотвращению грозящих российской культуре опасностей. *Особенно значима работа талантливых рядовых граждан, представителей Общественной палаты, способных раскрыть своё понимание смысла жизни, мотивов служения Родине, базовых ценностей*.

Эта деятельность должна постоянно проводиться на всех этапах действия Государственной стратегии.

Государственная стратегия определяет проблемы перехода к безопасному развитию России через проблемы управления. Будущим необходимо разумно и опережающе управлять.

Упреждающие управленческие действия должны выполнять три общие функции: поддерживать механизмы и тенденции, которые уже существуют и способствуют переходу к развитию России; стимулируют социально-политическую консолидацию общества и эффективность государственного управления; обеспечивают синтез, формируют уровень безопасности нового качества.

Важнейшая функция государства – организация системы диагностики и мониторинга безопасности и уровня угроз национальным целям, ценностям, интересам России.

Мониторинг факторов, определяющих угрозы безопасности России, – основа всей дальнейшей работы по формированию мер для предотвращения и преодоления этих угроз с учётом возможностей всего спектра компромиссов. Он должен стать постоянным элементом анализа кратко- и среднесрочного прогнозирования и разработки долгосрочной государственной стратегии национальной безопасности страны.

Методическое обеспечение мониторинга факторов должно осуществляться путём оперирования индикаторами, используемыми при анализе развития страны. Главными критериями для определения приоритетности и очерёдности всегда должны быть масштабы негативных последствий от тех или иных угроз безопасности, сроки их наступления, просчитанный вероятный ущерб. Поэтому необходимо ранжирование всех угроз национальной безопасности по масштабам негативных последствий и срокам их наступления.

Результаты мониторинга факторов, вызывающих угрозы безопасности, должны найти отражение в документе, ставшем объектом рассмотрения федеральными органами исполнительной власти и Правительством России и определения мер по парированию, преодолению и снижению уровня угроз России во всех жизненно важных сферах.

Социологическому мониторингу факторов, определяющих угрозы национальной безопасности, должны подвергаться не только отчётные, но и прогнозные показатели. Таким образом, социология должна стать частью государственного управления. Социология компромисса может проявить себя как способ привлечения всех граждан к содействию достижения умной, надёжной, сильной и эффективной системы безопасности каждого человека, каждой семьи, всех народов, российского общества и государства.

Уникальность, необходимость и востребованность стратегии национальной безопасности Российской Федерации особенно чётко и остро обозначилась именно на рубеже 2007–2008 годов.

Смысл стратегической общенациональной цели – как достижение широких и равных возможностей развития для всех; успеха для всех; лучшей и безопасной жизни для всех – чётко обозначил для всех и логику участия в создании условий для созидающей деятельности. Каждому человеку важно сделать свой шаг к общественному согласию по наиболее важным вопросам о справедливости, о связи времён, о путях достижения национального компромисса.

Государственная стратегия как идеология и культура открытого и понятного конструктивного соединения народа и власти, как народная технология и механизм владения страной способна как процесс и механизм компромиссности, стать идейной основой и мотивацией национальной консолидации.

Суть Государственной стратегии, её Миссия – впервые обоснованный высокий идеал: наш исторический шанс – достижение достоинства, достатка и безопасности каждым российским гражданином.

Во-первых, всем слоям российского общества с различными культурны идеологическими, конфессиональными, профессиональными ориентациями для самосохранения, саморазвития и достойного существования потребовался одинаково важный, не ангажированный общероссийский институт. Безопасность стала самой актуальной целью, идеалом, ценностью, интересом для всех: детей и пенсионеров, бедных и богатых, коммунистов и либералов, генералов и рядовых.

Во-вторых, вступление мира в фазу объективных процессов глобальных трансформаций, сложные и драматические события, связанные с развалом СССР, с фактом разделения народов; с ситуацией стремительного обнищания миллионов людей; резким падением продолжительности и качества жизни; со стремительным ростом влияния на судьбы всех граждан коррупции, преступности и терроризма; с угрозой развала России, связанной с возможной утратой суверенитета и целостности территории, обозначило совершенно новую реальность. К 2007 году определилась не только экономическая стратегия развития страны, но и выявились границы возможности защиты каждого человека со стороны государства и общества.

В-третьих, новые обстоятельства сформулировали запрос на интеллектуальный инновационный институт безопасности, который смог бы соединить участие самих граждан, общества и государства, чтобы создать концептуальные, теоретические и методологические основания национальной безопасности через культуру компромисса.

В-четвёртых, требование народов России к государству – обеспечить безопасность для всех достаточно ясно показало органическую связь уровня и качества безопасности с достатком, благополучием, качеством жизни и свободой; с доступностью качественного образования и здравоохранения для всех; с законностью, воспринимаемой как равенство всех перед законом, как социальная справедливость.

В-пятых, выяснилось, что синтезирование, обретение качества всеобщности безопасности для человека, семьи, народов не подкреплено ни нормативными документами, ни наличием современного интегрирующего государственного документа, определяющего ответственность какого-то государственного института за эффективное, интенсивное объединение новых требований к безопасности, способной защитить каждого человека.

В этих условиях Миссией Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, стратегии национального компромисса становится конструктивное и ответственное служение каждому человеку, каждой семье, всем народам России в осуществлении инновационного по своей сути народного и научного действия. Её (миссии) главный смысл – в содействии созидающей, консолидирующей, объединяющей, синтезирующей программы. Направленность Миссии Государственной стратегии – достижение:

- свободы для всех;
- справедливости и счастья для всех;
- благополучия и качества жизни для всех;

- образования для всех;
- здравоохранения для всех;
- безопасности для всех.

Государственная стратегия национальной безопасности Российской Федерации главной своей доминантой содействует формированию активной, конструктивной и созидающей, упреждающей, предотвращающей совместной деятельности человека, семьи, общества, народов и государства для надёжной защиты их жизни, процветания и безопасности.

Я рассматриваю стратегию национальной безопасности, исходя из принципа создания, сохранения и развития «среды безопасности, как среды компромисса». Этим императивом можно руководствоваться как во внешней, так и во внутренней политике.

Осуществляя этот подход, я во главу угла ставлю учёт реально сложившихся тенденций в мире, стране, обществе, с которыми повседневно сталкивается каждый человек, и динамику вызовов, угроз и опасностей, которые препятствуют созданию «среды компромисса, как среды безопасности».

В центре Государственной стратегии – строительство новой, умной, сильной и справедливой национальной безопасности XXI века; объединяющего национального общероссийского компромисса, содействующих вместе развитию человека.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете единство гуманитарной парадигмы XXI века в изучении проблем безопасности?
2. В чём суть геополитического подхода к анализу проблем мира и войны?
3. Как можно объяснить инновационный потенциал геоэкономики во взаимодействии народов и пространств?
4. В чём новизна геокультурного подхода к безопасности России в XXI веке?
5. Роль культуры в функционировании единой гуманитарной парадигмы.

Литература

Добреньков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М., 2001.

Гуманитарный стратегический манёвр. М., 2005.

Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: Учебник для вузов. М., 2006.

Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М., 2005.

Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 1.

Глава 3

Геокультура как динамичная и перспективная методология социологического изучения безопасности

Я полагаю возможным соотнести геокультурному подходу – геокультуре – новые эмерджентные синергетические свойства.

Именно геокультурная парадигма может быть соотнесена с научным анализом года диалога между цивилизациями, который был осуществлён группой известных мировых учёных осенью 2001 года в книге «Преодолевая барьеры: Диалог цивилизаций»[1].

Этот же подход правомерен и для анализа научных итогов «Года культуры Мира» (2000), который осуществлён в книге А.С. Капто «От культуры войны к Культуре Мира»[2].

Тем самым я могу оформить *первый тезис о перспективах геокультуры:* именно ***геокультура способна придать новое качество социальным наукам – обосновать и развить науку жизнеобеспечения человека, общества и цивилизации как культуру диалога, мира и безопасности; обосновать объединяющую российскую идеологию XXI века.***

Второй тезис базируется на свойстве геокультуры изначально исходить из целей, идеалов и ценностей человека, общества и государства.

Третий тезис основан на свойстве геокультурного подхода исследовать новую реальность в отличие от геополитики и геоэкономики: тенденции XXI века, связанные с ростом нематериальных факторов в капитализации фирм (в 2001 году материальные факторы крупнейших корпораций – 40%, нематериальные факторы – 60%); с ростом фактора знаний, роли человеческого потенциала.

Четвёртый тезис учитывает возможность перехода от Мир–Системы (Мир–Экономики) к Миру–Сети, что обусловлено принципиальной и концептуальной возможностью движения от Силы (баланса сил, баланса интересов) – геополитика – к геокультуре: Интеллекту, Уму и Знаниям (Мир–Культура); от иерархичности пространств – геоэкономика – к геокультуре: Масштабу, горизонтальным связям, неправительственным организациям (Мир – Культура – Сеть).

Пятый тезис связан с уже проявившейся способностью геокультурной методологии учитывать и преодолевать Неопределённость.

---

[1] Преодолевая барьеры: Диалог цивилизаций (Главы 1–3) // Безопасность Евразии. 2002. № 1.

[2] *Капто А.С.* От культуры войны к Культуре Мира. М., 2002.

Шестой тезис опирается на научное осмысление первых итогов опыта реального предотвращения напряжений, конфликтов, чрезвычайных происшествий, этнических столкновений, военных (вооружённых) конфликтов. Именно культура предотвращения (в трактовке Кофи А. Аннана) предполагает интенсивное и широкое участие социальной науки с целью разработки её фундаментальной теории и прикладных аспектов.

Обобщая рассмотрение категории «геокультура» отмечу, что **«геокультура» –** реальный и перспективный феномен для осмысления в качестве современной гуманитарной парадигмы (одно из её проявлений в XXI веке). Это важная научная категория.

Я при этом оцениваю свои идеи о феномене *«геокультура»* как перспективную научную гипотезу. Мы имеем и значительную научную проблему.

Суть проблемы – как от анализа, в интерпретации Валлерстайна (а это геополитика и геоэкономика), перейти к созидающему геокультурному синтезу: к социологии безопасности, к культуре безопасности, к социологии культуры безопасности.

В обоснование схемы 2 приведу следующие соображения:

1) в центре геокультурного подхода: человек, семья, народ, культура, динамика анализа-синтеза, институционально-сетевая методология, высокие гуманитарные технологии;

2) в центре геополитики: государства, пространство, баланс сил, анализ, иерархичность, культура войны;

3) в центре геоэкономики: транснациональные корпорации, большие пространства, иерархичность, системный подход;

4) геокультурная парадигма активно содействует движению от предидеологии к идеологиям гражданского общества на основе современного научного мировоззрения.

Теперь можно сформулировать ряд важных категорий, которые методологически позволяют рассмотреть феномен безопасность через компромисс.

> ***Геокультура –*** *это смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности, стратегического компромисса по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых, вызовов, рисков, опасностей и угроз***.**

> ***Доверие –*** *это одна из основных категорий геокультуры, которая выражает состояние мировосприятия человека на основе терпимости и уважительного диалога; состояние конструктивной коммуникации между людьми, между акторами и институтами, между человеком и властью, между народами и государствами; состояние с наличием воли и энергии для достижения необходимых компромиссов***.**

Диалог *может быть определён как процесс обеспечения общего участия граждан любой страны, культуры, цивилизации в достижении справедливости, законности и терпимости в человеческих взаимоотношениях; для повышения и сохранения взаимопонимания, уважения и взаимодействия, сбалансированности и умеренности; для поиска общих точек линий и масштаба соприкосновения различных цивилизаций в их общении между собой с тем, чтобы совместно терпеливо и мудро разрешать назревшие проблемы, угрожающие разделяемым ими целям, идеалам и ценностям, через компромиссы.*

Терпимость *может быть определена как состояние чёткой ориентации на диалог и компромисс в ситуации корректного уважения к разным особенностям его участников; к различным чертам в убеждениях верования другого человека в свои цели, идеалы и ценности; к другим способам удовлетворения своих потребностей; к другим нормам, традициям и образу жизни людей, семей, социальных групп, народностей, представителей других конфессий.*

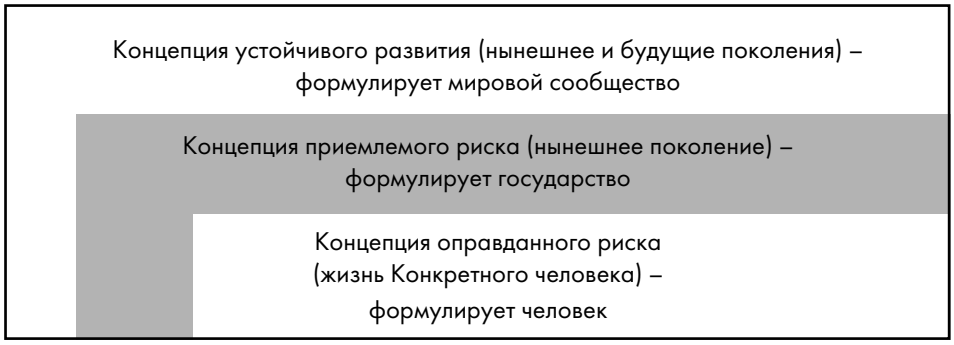
Солидарность *может быть определена как состояние позитивной деятельности людей, социальных групп, семей, ориентированной на консолидацию людей и общества, на поддержание и улучшение гражданского мира; на сотрудничество с учётом общих ценностей и символов, уважения целей, идеалов, интересов других людей и других культур; на постоянный и уважительный диалог и компромисс по поводу созидательных ориентиров деятельности и конструктивного общения.*

Сотрудничество *может быть определено как состояние деятельности людей, семей, народов, государств на достижение гуманитарных целей на основе терпимости и доверия в условиях устойчивого уважительного диалога; на достижение созидающих компромиссов.*

Предотвращение *– процесс социологического анализа формирования самых слабых факторов, способствующих возникновению вызовов, рисков, угроз опасностей и страхов жизнеобеспечению людей, семей и народов; их целям, идеалам, ценностям и интересам. Это процесс последующего синтеза интеллектуальных и силовых технологий для своевременного снижения уровня блокирования или полного предотвращения состояния небезопасности (вызовов, угроз, опасностей, рисков и страхов) на основе конструктивного диалога и компромисса; поступков, основанных на воле и энергии к сохранению мира и безопасности.*

Совместный анализ свойств предотвращения, опережения и рисков позволяет отметить глубокую взаимосвязь компромиссного и рискованного в современной жизни. Это особенно наглядно на сопоставлении неприемлемого риска, приемлемого риска, оправданного риска и нулевого риска (см. рис. 5).

Рисунок 5. **Степень общности и области применения концепций безопасности**

Источник: **Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты.** Анализ рисков и проблем безопасности. В 4 ч. // Ч. 2: Безопасность гражданского и оборонного комплексов и управление рисками: Науч. руков. К.В. Фролов. М., 2006. С. 552.

Поучительно, что Никлас Луман в заключение первой главы своей книги «Социология риска» посчитал необходимым более тщательно рассмотреть взаимосвязь риска и предотвращения, как своеобразного посредника между решением и риском[1]. Сам Н. Луман пишет, что под «предотвращением здесь следует понимать всеобщую подготовку к неопределённым ущербам в будущем, будет ли это вопрос о вероятности наступления ущерба или речь пойдёт об уменьшении размера ущерба»[2].

Поэтому для понимания главных доминант взаимодействия социологии безопасности (через компромисс) и уже оформившейся социологии риска[3]

[1] *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. Berlin; N. Y., 1991. S. 38.

[2] Ibid.

[3] *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. Berlin; N. Y., 1991; *Douglas M., Wildavski A.* A Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkley: 1982; *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Россия: риски и опасности «переходного» общества / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 1998; Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М., 2000; Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2001; *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодёжь в обществе риска. М., 2001; *Яницкий О.Н.* Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002; *Яницкий О.Н.* Социология риска. М., 2003; *Зубков В.И.* Социологическая теория риска. М., 2003; *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М., 2004; Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Анализ риска и проблем безопасности: В 4 ч. // Ч. 1: Основы анализа и регулирования безопасности. М., 2006; Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Анализ риска и проблем безопасности: В 4 ч. // Ч. 2: Безопасность гражданского и оборонного комплексов и управление рисками. М., 2006; *Феофанов К.А.* Российская социология риска: Состояние и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 4.

рассмотрим ещё раз рисунок 5, на котором представлена иерархия концепций приемлемого риска и оправданного риска.

Первой доминантой связи компромисса и риска я считаю возможным назвать сугубо компромиссный характер формулирования государством содержания и границ приемлемого риска. По существу – это компромисс между опасностью и гарантиями государства субъектам деятельности в сфере приемлемого риска о том, что их уровень и качество жизнеобеспечения сохраняется.

Вторая доминанта – формулирование самим человеком концепции оправданного риска, в рамках которой уровень и характер опасностей для него приемлем.

Вместе пространство и время приемлемого риска и оправданного риска образуют *пространство компромиссного* между выявленными опасностями и возможностью действовать в их сфере.

Теперь можно выделить и пространство неприемлемого риска, неоправданного риска, которое может быть определено *как бескомпромиссное, как запретная сфера для деятельности человека.*

Поэтому, для понимания взаимодействия компромиссного и неприемлемых, неоправданных рисков (сферы бескомпромиссного) важно обратиться к *«правилами запрета»*[1] Сергея Павловича Курдюмова. Он уточнил их в своём интервью, опубликованном летом 1999 года. Есть «правила запрета, – отметил С. Курдюмов в интервью Валентину Зубкову, – законы ограничивающие развитие, их неплохо бы знать, прежде чем пытаться ломиться в будущее и принимать судьбоносные решения. Потому что эти решения могут идти вразрез с законами развития и итоги их будут уничтожены диффузным хаосом»[2]. Содержание «правил запрета» может быть, на мой взгляд, интерпретировано как общая объективная основа совокупности социологических по своей сути своеобразных индикаторов: опасностей, вызовов, рисков, угроз и страхов. Возможно мы имеем дело со специфическими превращёнными формами «правил запрета». Важно то обстоятельство, что каждый из этих индикаторов поддаётся качественным и количественным измерениям.

Технология их конкретного анализа (по отдельности) осложняется двумя особенностями. Первая – их проявление вместе и по отдельности создаёт ситуацию хаоса, неопределённости, неустойчивости, нестабильности, напряжённости и тревожности. Вторая особенность: нередко проявление опасности, вызова, риска, угрозы, страха бывает слабым и весьма слабым. Может сложиться впечатление, что ими (рисками) можно пренебречь. Однако новейшие исследования показывают возможность и реальность «складывания» слабых рисков и т. д.

Применительно к таким системам С.П. Курдюмов показывает переход от геополитических (линейных структур) к геокультурным (нелинейным, хаоти-

---

[1] См.: *Курдюмов С.П.* Законы коэволюции социальных систем, человечества и природы // Всероссийский форум «Миллион друзей»: Сборник материалов научно-практической конференции в Нижнем Новгороде, 13–14 октября 2000 г. М., 2001. С. 14.

[2] Что впереди: катастрофа или... // Рабочая трибуна. 1999. 11 июня. С. 3.

ческим структурам – это моё мнение). «Здесь, – подчёркивает он, – не идет речь об утверждении какого-то параметра или об удержании равновесия. **Мы говорим, скорее, о поисках законов неустойчивого совместного развития, когда происходят изменения, но развитие осуществляется** без развала, без поглощения одной страны другой, без уничтожения, без вытеснения»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Категория **«опасность»** может быть интерпретирована, по моему мнению, самым стратегическим и наиболее опережающим фундаментальным проявлением законов запрета (в трактовке С.П. Курдюмова). При внешней простоте *это понятие выражает их в первой превращённой форме действительно сложные, противоречивые, в чём-то иррациональные, нелинейные закономерности социальных сетей, институтов.*

Важнейшее фундаментальное исследование опасностей было осуществлено в 1996 году российскими учёными под руководством известных социологов В.Н. Шубкина и В.А. Ядова (в рамках международного проекта «Катастрофическое сознание в современном мире»[2]. В ходе общероссийского опроса (объём выборки – 1350 человек) были получены ответы относительно 43 видов опасности.

В статье В.А. Ядова по итогам этого же исследования обозначен интересный раздел: «Страхи, тревоги и беспокойства как побудители к действию»[3].

Особый аспект этого исследования связан с тем обстоятельством, что в таком контексте опасности и страх органично входят в новую парадигму развития России. *А в предложенной интерпретации категория «опасность» может быть осмыслена как первая превращённая форма «правил запрета».*

Тем самым можно обозначить две линии «движения» опасности. *Первая* линия институционализации опасности через культуру опасности к высоким гуманитарным технологиям минимизации последствий воздействия опасностей, страха, блокирование причин их возникновения и набора энергии влияния на объекты: цели, идеалы, ценности, интересы. Эта линия институционализации опасности может быть воплощена в культуру безопасности; в устойчивую, гарантированную безопасность[4].

Вторая – линия углубления и распространения опасности через страх, социокультурную травму (П. Штомпка), конфликт, кризис, катастрофу, разрушение доверия, оптимизма, надежды.

Обе линии «движения» опасности предполагают фактор времени (и его ускорение) и фактор масштаба, факторы социального времени и социального пространства.

---

[1] *Курдюмов С.П.* Законы коэволюции социальных систем человечества и природы // Всероссийский форум «Миллион друзей»... С. 11.

[2] *Шубкин В.Н.* Страхи в России // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 62–76.

[3] См.: *Ядов В.А.* Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 85–89.

[4] См.: *Кузнецов В.Н.* Культура безопасности как диалог цивилизаций и новая безопасность XXI века // НАВИГУТ. 2000. № 2. С. 3–58.

Существенным обстоятельством выбора линии «движения» опасности (выбор линии, возможность преодоления опасности) является наличие и состояние (доступность, мобильность, технологичность) культурного и социального капитала.

Таким образом, как геокультурная категория **опасность** может быть определена следующим образом.

> *Опасность – это геокультурный феномен, представляющий в превращённой форме правила запрета через объективно существующую и осознанную возможность причинить деятельностью какого-либо субъекта неприемлемый ущерб, деформацию, травму цели, идеала, ценностей, интересов человека, семьи, общества, государства, цивилизации.*

Основы социологии опасности заложила известный учёный Мери Дуглас (р. 1921) в своих публикациях, а прежде всего в книге «Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу»[1]. Наиболее важные тезисы её книги можно представить в такой последовательности:

– «...Идеальный общественный порядок защищен теми опасностями, которые подстерегают нарушителей. Эти представления об опасностях являются такой же угрозой, с помощью которой один человек подавляет другого, как и боязнь самому повергнуться опасности, сойдя с праведного пути. Эти опасности – убедительный язык для взаимного увещевания. На этом уровне законы природы притягиваются для санкционирования морального кодекса: одно заболевание вызывается прелюбодеянием, другое – кровосмешением; одно метеорологическое явление является следствием политического неповиновения, другое – недостатка благочестия. Все в мире включается в стремление людей заставить друг друга быть хорошими гражданами. Так, мы видим, что некоторые моральные ценности поддерживаются и некоторые социальные нормы определяются верой в существование опасной заразы, как, например, когда взгляду или прикосновению совершившего прелюбодеяние приписывается способность вызывать болезни его соседей или его детей»[2].

– «Леви-Брюль не сделал общего вывода о том, что опасность связана с маргинальными состояниями, но ван Геннеп обладал большей социологической проницательностью. Он представлял общество как большой дом, в котором есть комнаты и коридоры, и переходы между ними опасны. Опасность заключается в переходном состоянии – просто потому, что это уже не то состояние, но еще и не другое, то есть оно неопределенно. Тот, кто должен перейти из одного состояния в другое, сам находится в опасности и является источником опасности для окружающих. Эта опасность контролируется посредством ритуала, который проводит жесткую границу между ним и его прежним статусом,

[1] *Дуглас М.* Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу: Пер с англ. М., 2000.

[2] Там же. С. 24–25.

временно изолирует его и затем публично утверждает его вступление в новый статус»[1].

Логика, мотивы, динамика страха (страхов) позволяет современной социологии выявить механизм воздействия опасностей (причина страха) на формирование и распространение в региональном и глобальном масштабах весьма опасного типа мышления и сознания (индивидуального, группового и общественного), которое может быть определено как катастрофическое. Это реальная методологическая проблема.

Не менее важна и собственно научно-теоретическая проблема, которая обусловлена необходимостью анализа состояния и динамики катастрофического сознания в конкретных группах, изучение самого феномена страха (опасности) в контексте социальных перемен в российском обществе XXI века.

Особенностью социологического изучения методологического, научно-теоретического и прикладного аспектов страха (как индикатора опасности) является значительность и малоизученность как содержания самого феномена страха, так и его проявлений.

Выделю такие позитивные аспекты:

– страх сигнализирует человеку о наличии опасности и возможном ущербе;

– страх содействует коммуникации в семье, в социальных группах, так как стимулирует обмен опытом возникновения опасных ситуаций, способом выхода из них, характером ущерба;

– страх способствует формированию и сохранению исторической памяти у человека и социальной группы, содействует созданию и продолжению культурной памяти, особенно в форме мифов, табу, запретов;

– страх реально связывает прошлое, настоящее и будущее: опыт переживания опасностей в прошлом (мифы, табу, фобии, запреты) позволяет минимизировать последствия опасностей в настоящем и подготовиться к грядущим опасностям (или постараться заранее их блокировать, «обойти»);

– страх помогает значительному количеству людей принять решение о выборе «рискованных профессий»: военных, пожарных, специалистов по преодолению чрезвычайных ситуаций, испытателей и т. д.. Вместе с тем, страх образует в XXI веке целое направление бизнеса и любительской деятельности: изготовление охранной продукции и услуги физической охраны; экстремальные виды отдыха и экстремальные виды спорта с комплексом услуг.

Отмечу и негативные стороны страха:

– страх деформирует цели, идеалы и ценности людей;

– страх разрушает содержание и структуру смысл жизни и мечту человека напрямую и опосредованно, если в их основе находятся уже деформированные цели, идеалы, ценности;

– страх извращает историческую память человека и культуру патриотизма, так как деформированные смысл жизни, мечта; деформированные цели,

[1] *Дуглас М.* Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу... С. 146.

идеалы и ценности могут преобразовать конструктивный, гуманный контекст памяти и патриотизма в негативный, антигуманный (примеры – широкая поддержка фашизма в Германии 1933–1939 годов, массовая поддержка населением США в марте – апреле 2003 года агрессивной войны администрации Буша против народа суверенного Ирака);

– страх перед катастрофами, страх перед будущим, перед другим человеком, перед другой религией, перед другой культурой может разрушить личность и психику человека, может деформировать нормальное, критическое и оптимистическое восприятие жизни.

Категория страха, сам феномен страха в философии XX века обстоятельно рассмотрены в философских теориях М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Г. Маркузе, Э. Фромма, К. Хорни, Г. Салливен.

Фундаментально и актуально социологический и культурологический подходы в исследовании страхов как индикаторов опасностей и как самостоятельного феномена представлены в книге С.Я. Матвеевой и В.Э. Шлапентоха, изданной в 2000 году[1].

Категория **«страх»** соединяет опасность, вызов, риск и угрозу как социологические индикаторы «правил запрета» (по С.П. Курдюмову), как четыре их превращённые формы.

Сам Страх выступает в роли универсального тревожного индикатора в динамике социальных и культурных, экономических, техногенных, экологических изменений: он «сигналит» о возможных нежелательных последствиях при необходимости нарушить какие-либо общеизвестные правила, традиции, закономерности ради самых благих намерений.

Мы не говорим, как правило: «вызовно», «рискованно», «опасно», «угрозно». Мы сразу говорим **«страшно»**, если что-то не так.

Авторы «Словаря терминов и определений» предложили наиболее полное и убедительное определение этой категории. «Страх, – пишут они, – психологическое состояние личности, а также социальных групп, характеризующееся аномальной неуверенностью в развитии событий, предчувствием возникновения негативных обстоятельств.

Страх является одним из психологических состояний людей в экстремальных условиях, и в многочисленных проявлениях затрагивает все звенья цепочки принятия решений: от подготовки планов на случай чрезвычайного положения до непосредственных мероприятий по управлению кризисными процессами и преодолению их последствий. **Чувство страха является основой естественного защитного механизма и должно учитываться в различных условиях, в том числе при невозможности установления полного контроля над существующими рисками»**[2]. (Выделено мною. – *В.К.*)

---

[1] *Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э.* Страхи России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2002.

[2] Безопасность Россия: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: Словарь терминов и определений. 2-е изд., доп. М., 1999. С. 270–271.

Не случайно это свойство феномена «Страх» все шире и глубже используется международным терроризмом и организованной преступностью против гражданского общества, против человека, семьи, общества, народа, государства, цивилизации.

Бескомпромиссность в функционировании «правил запрета» (по Курдюмову) особенно чётко проявляется при исследовании феномена «угроза».

Фактический смысл угрозы – это вторая линия «движения» опасности в сторону конфликта, кризиса, катастрофы, что позволяет мне обозначить объективный характер угрозы.

Именно в таком контексте я определяю угрозу как вторую превращённую форму «правил запрета».

Вместе с тем многие угрозы носят субъективный характер и определяются логикой и противоречиями субъект-объектных отношений. ***Мы имеем дело здесь с социологическими закономерностями. Поэтому так актуальны в таких отношениях (по поводу угрозы) компромиссы, адаптация (адаптализация), сделки. Именно по этой причине в сфере возникновения и развёртывания угроз, всё более актуальным становится их социологический мониторинг.***

Всё возрастающее значение такого мониторинга обозначено П. Штомпкой в осмыслении движения от угрозы к травматической ситуации (до конфликта, до кризиса).

Он, во-первых, отметил, что социологическая теория выработала механизмы анализа возникновения социальных и культурных травм в итоге социальных изменений, осуществления угроз. Речь идёт об:

– аномии;
– цивилизационной некомпетентности;
– социальном трении;
– синдроме недоверия;
– коллективном чувстве вины;
– коллективном чувстве стыда;
– кризисе идентичности;
– кризисе легитимности;
– теории культурного лага[1].

В совокупности угроз, содействующих созданию и обострению травматических ситуаций Петр Штомпка выделил следующие:

– революция, уличные бунты, государственные перевороты;
– кризис фондовых бирж, крах банков;
– радикальные экономические реформы;
– колониальное завоевание, иностранная оккупация;
– принудительная депортация или иммиграция;
– массовые убийства, геноцид;
– акты насилия и терроризма;

[1] См.: *Штомика П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 11.

– новое религиозное пророчество, религиозная реформация;
– отставка высшего должностного лица, убийство президента;
– правительственный скандал, разоблачение коррупции;
– правда о прошлом, открытие секретных архивов;
– ревизия героических традиций нации;
– проигранная война, крах империи[1].

Особое внимание П. Штомпка уделил «технологии» возникновения условий культурной травмы. «Социальное изменение, – пишет он, – связанное с травматическими событиями, имеет четыре характеристики. 1. Оно обладает **временной характеристикой** в виде неожиданности и быстроты. 2. Оно обладает определённым **содержанием и размахом –** радикальное, глубокое, всестороннее, затрагивающее основы. 3. У него есть **истоки –** воспринимается как экзогенное, пришедшее извне, как нечто, на что мы сами не влияли, а если и влияли, то неосознанно (мы «страдаем» от травм, травмы «происходят с нами», мы «сталкиваемся» с травмами). 4. Оно воспринимается в определённом **мыслительном контексте –** как нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее»[2].

Считаю возможным несколько иначе повернуть проблему «культурной травмы» с учётом соображений Петра Штомпки. **Во-первых,** можно, на мой взгляд, выделить главное звено: наличие укоренённой и общепринятой всей нацией главной, национальной цели – достижение благополучной, достойной и защищённой жизни каждого человека и каждой семьи, народа, общества и государства. Угрозы этой Цели (при её наличии) – вот здесь главное звено заботы нас всех.

Во-вторых, наличие общепринятого и почитаемого всеми народами (в одной стране), всеми конфессиями, всеми политическими партиями, всеми секторами (естественно – кроме седьмого) Социального Идеала – Достоинство, Достаток, Доверие для людей, для семьи, для народа. Угрозы такому Социальному Идеалу – важнейшее пространство деятельности для их выявления, блокирования и преодоления.

В-третьих, наличие укоренённых и почитаемых общенациональных Ценностей, составляющих фундамент культуры и образа жизни: Свобода, Труд, Ответственность, Сострадание, Честность, Терпимость, Достоинство, Достаток, Доверие, Солидарность, Доброта, Надёжность. Угрозы этим основополагающим ценностям – первоочередная и непрерывная забота для нас всех.

Полагаю оправданным определить теперь **«угрозу»** как геокультурную категорию в такой последовательности:

> *угроза – это геокультурный феномен, представляющий в превращённой форме правила запрета через объективно и субъективно существующую и осмысленную реальную возможность разрушения общенациональной цели, социального идеала, общенациональных ценностей, важнейших интересов личности, обще-*

[1] См.: *Штомика П.* Социальное изменение как травма. С. 9, 20.
[2] См.: Там же. С. 8.

ства и государства, культуры и образа жизни, нарушить неприкосновенность территории страны.

Достаточно подробно социология и философия, экономика угроз человеку, семье, обществу и российскому государству была раскрыта мною в предыдущих главах, в которых рассматривался компромисс как процесс, как механизм, как институт.

Категория **«вызов»** может быть интерпретирована, по моему мнению, самым стратегическим и наиболее опережающим фундаментальным проявлением законов запрета (в трактовке С.П. Курдюмова). При внешней простоте *это понятие выражает их в третьей превращённой форме действительно сложные, противоречивые, в чём-то иррациональные, нелинейные закономерности социальных сетей, институтов.* В обоснование приведём определение понятия из словаря «Геополитика и национальная безопасность». *Его авторы понимают под вызовом* «действия государства, группы государств, содержащие в себе потенциальную опасность для других членов международного сообщества. В. представляет собой первую, зачаточную ступень в формировании угрозы (см. также риск, опасность)[1].

Вместе с тем, категория «вызов» одна из самых созидающих, смыслообразующих в научном творчестве выдающегося английского учёного Арнольда Тойнби (1889–1975), как это показано в изданном на русском языке сборнике, составленном на основе 12-томного труда, посвящённого теории исторического развития А.Дж. Тойнби[2]. *В разделе «Вызов-и-ответ» (книги* «Постижение истории»*) представлен уникальный и динамичный синтез* (в понимании С.П. Курдюмова) итогов рассмотрения влияния феномена «вызов-и-ответ» на судьбу мировых цивилизаций. Вот фрагменты.

– «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние»[3].

– «...Мы задались вопросом, а существует ли некий социальный закон, который укладывается в формулу: «Чем сильнее вызов, тем сильнее стимул». Проведя тщательный эмпирический анализ, мы составили подробное описание ответов, которым, как выяснилось, соответствовало пять типов вызова: вызов суровых стран, вызов новых земель, вызов ударов, вызов давлений и вызов ущемления. Во всех случаях сформулированный нами закон действует безоговорочно»[4].

Отмечу общий вектор движения от анализа к синтезу в оценке феномена «вызов» осуществленного А.Дж. Тойнби применительно к судьбе цивилиза-

---

[1] Геополитика и национальная безопасность: Словарь основных понятий и определений. М., 1998. С. 37.

[2] См.: *Тойнби А.Дж.* Постижение истории: Пер. с англ. М., 1991.

[3] См.: Там же. С. 119–120.

[4] См.: Там же. С. 170–171.

ций[1]. *Таким общим вектором стало обоснование культуры вызова.* Именно культура вызова и проявляет объективную природу вызова (субъект – история, естественный ход событий) и главное влияние на его оформление и динамику со стороны объективных законов и правил запрета. Особенно важно отметить социологический характер вызова (динамика состояний, социальные изменения) и важность социологии культуры вызова.

Считаю необходимым отметить ещё одно свойство *созидающего синтеза* А.Дж. Тойнби. Социологический анализ вызова ударов, вызова давлений и вызова ущемлений[2] показывает тесную связь такого подхода с концепцией «культурной травмы», которую представил Петр Штомпка в первом номере журнала «Социологические исследования» за 2001 год[3].

Представляется возможным, в самом предварительном – рабочем плане, определить **«вызов»**, как категорию геокультуры следующим образом.

> *Вызов – это геокультурный феномен, обозначающий: становление противоречия между наличным потенциалом культуры, идентификации человека и нации, сохранения образа жизни и необходимостью реальных социальных перемен, существенных изменений, что проявляется оформлением реальной неопределённости, нестабильности и тревожности.*

Для понимания смысла категории **«риск»** и её с вязи с категориями «опасность», «угроза», «вызов» отмечу, что Никлас Луман в ходе предварительного анализа методологических и концептуальных оснований социологического изучения рисков выбрал логику и динамику взаимообусловленности риска через опасность: «риск – опасность»[4].

Важно отметить исключительно уважительное и осторожное отношение Н. Лумана к феномену «риск». Он констатирует:

- *«Поведения, свободного от риска, не существует»*[5].
- «Нельзя грешить против рисков»[6].
- «Общество риска не знает ни героев, ни господ. Оно прерывает традиционные формы взаимности»[7].

Риск, продолжаю я с не меньшим почтением и осторожностью, чем Никлас Луман, – это возможность наступления событий с отрицательными последствиями, возникшая в связи с предпринимаемыми действиями, а также сами действия, при которых достижение желаемого результата связано с такой опасностью.

---

[1] *Тойнби А.Дж.* Постижение истории... С. 106–180.

[2] Там же. С. 137–170.

[3] См.: *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

[4] *Luhmann N.* Soziologie des Resikos... S. 3–34.

[5] Ibid. S. 37.

[6] Ibid. S. 67.

[7] Ibid. S. 113.

Риск гражданской ответственности – это в гражданском праве риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу др. лиц, а в случаях, предусмотренных законом, также ответственности по договорам.

Риск деловой – это риск, обусловленный неопределённостью в отношении объёма инвестиций, денежных потоков от производственной деятельности и ликвидационных стоимостей активов, вне зависимости от того, как осуществляется финансирование инвестиций.

Риск коммерческий – это опасности, которые могут возникнуть в связи с финансовым положением отдельного покупателя (выступающего в качестве страхователя) и его действиями на различных стадиях выполнения контракта. Такой риск может включать в себя банкротства или задержки платежа.

Риск некоммерческий (политический) – это риск, которому подвергаются капиталовложения в связи с наносящими ущерб решениями государственных органов власти, а также политическими и военными событиями.

Риск предпринимательский – это опасность возникновения не предусмотренных проектным замыслом материальных и финансовых потерь, убытков в ходе проведения предпринимательской деятельности, осуществления сделок. Количественно предпринимательский риск оценивается вероятностью определенной величины или определенного уровня ущерба, прогнозируемого основе расчета, экспертных оценок, накопленного опыта. Его оценка должна обязательно предшествовать решению о целесообразности данного вида предпринимательства.

Риск приемлемый – это уровень риска, оправданный с точки зрения экономических, социальных и экологических факторов. Величина приемлемого риска для каждого вида деятельности определяется исходя из экономических, социальных и экологических объектов. Любая деятельность в области приемлемого риска является объектом контроля для контролирующего органа. Предельно допустимым уровнем риска является максимально допустимый риск, который не должен превышаться, независимо от экономического или социального вида деятельности. В соответствии с Федеральной целевой программой «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2005 г.» в МЧС России ведётся разработка системы нормативов приемлемого природного и техногенного рисков возникновения чрезвычайных ситуаций на основе проведения комплексной оценки риска для населения и территорий Российской Федерации.

Риск случайной гибели имущества – это в гражданском праве риск возможного несения убытков в связи с гибелью, недостачей, порчей имущества по причинам, не зависящим от сторон обязательства (напр., случай непреодолимой силы). По общему правилу, решение вопроса о том, на кого возлагаются возможные неблагоприятные последствия случайной гибели или случайной порчи отчуждаемых собственником вещей (убытки), связано с определением момента перехода права собственности (права оперативного управления).

Риск хозяйственный – это риск в коммерческой, производственной деятельности в ситуации неопределённости из-за недостатка информации, которая не гарантирует в таких случаях полного и однозначного достижения положительного результата; неотъемлемый элемент рыночной экономики. Предприниматель в условиях хозяйственного риска должен уметь выбирать из набора альтернативных вариантов, оценивая их с позиций приемлемого оправданного уровня риска. Количественная оценка уровня хозяйственного риска – обязательный элемент технико-экономического обоснования любого проекта, идеи. Дополненная качественными оценками количественная величина хозяйственного риска позволяет дать интегральную оценку последствиям реализации конкретного предпринимательского решения.

Риск экологический – это вероятность неблагоприятных для экологических ресурсов последствий любых антропогенных изменений существующих природных объектов и факторов.

Риск экономический – это возможность того или иного результата от принимаемого хозяйственного решения или совершаемого действия. В инвестиционной сфере экономический риск – вероятность понести убытки или получить прибыль в результате вложения капитала. Когда капитал вкладывается в облигации, не исключена возможность не только неуплаты процентов, но и неполучения назад номинальной стоимости облигации. При вложении средств, например, в акции, доходы компании могут оказаться столь незначительными, что по итогам финансового года акционеры не получат дивиденды на свои акции и их курс упадёт ниже уровня, зафиксированного на момент приобретения этих акций и т. п.

Категория **«риск»** позволяет более конкретно осмыслить наличные, уже проявившиеся и обозначенные проблемы и трудности. Это углубление в понимании «правил запретов» – так дальше жить нельзя. Если проблемы только «оконтуривают» запрет на сохранение сложившихся солидарностей, технологии обеспечения консолидации людей, состояние культуры, то **риски более конкретно вводят время как условие изменений и масштаб для оценки возможностей существенных перемен с учётом «правил запрета».**

Авторы «Словаря терминов и определений» понятие «риск» определяют так: это «вероятность наступления опасности; потенциальная опасность получения нежелательных (отрицательных) результатов; элемент стиля социального управления в условиях неопределённой обстановки. Риск является мерой несоответствия между разными результатами решений, которые оцениваются через их полезность, вредность, а также эффективность по критериям соответствия выбранным ориентирам»[1].

В моей интерпретации категория «риск» является превращённой формой «правил запрета» (в трактовке С.П. Курдюмова). Это самое романтичное, на мой взгляд, и ключевое обозначение требований «запрета» в динамике перемен,

[1] Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: Словарь терминов и определений. 2-е изд., доп. М., 1999. С. 245.

в определении возможных и приемлемых издержек при определении тактики и стратегии достижения поставленной цели; в разрешении противоречия между наличным и желаемым состоянием объекта социальных изменений с учётом реального времени и масштаба.

В.И. Зубков в своей статье «Риск как предмет социологического анализа» предлагает важное, на мой взгляд, суждение: «риск представляет собой социальное поведение субъекта; осуществляемое в условиях неопределенности его исходов»[1].

Его статья фактически обозначила важность и необходимость разработки в отечественной социологии фундаментального направления – социологии рисков. Ведь в мировой гуманитарной науке это актуальное и важное направление[2]. Отмечу, что в своём анализе механизма противодействия «культурной травмы» П. Штомпка особо выделяет работы Э. Гидденса как важного интерпретатора идеи риска[3]. По его мнению, именно Э. Гидденс предложил конструктивные типы преодоления риска и нестабильности:

– сосредоточенность на повседневных занятиях и сознательное блокирование тревожности;

– оптимизм в преодолении опасностей;

– последовательная борьба против выявленных источников опасности[4].

Питер Л. Бернстайн в предисловии к русскому изданию (май 2000 г.) своей книги «Против Богов: Укрощение риска» особо выделил: «...наиболее характерной чертой нашего времени, отличающей его от тысячелетий далекого прошлого, являются настойчивее усилия установить контроль над факторами риска и неопределенности»[5]. *Содержание его книги – обоснование культуры риска,* анализ деятельности плеяды мыслителей, «чья замечательная проницательность помогает нам научиться ставить будущее на службу настоящему... Их достижения изменили отношение к риску и направили страсть человека *к* игре и обогащению в русло экономического роста, подъема качества жизни технологического прогресса»[6].

Полагаю возможным, в рабочем плане предложить для геокультурной категории **«риск»** своё определение.

> *Риск – это геокультурный феномен, представляющий в превращённой форме правила запрета в динамике перемен от ситуации неопределённости в направлении желательных изменений с учётом фактора времени и реального масштаба.*

В российской социологии XXI века наиболее полным и фундаментальным исследованием гуманитарных рисков (а по существу речь идёт о создании социологии рисков) является работа Владимира Чупрова, Юлии Зубок

---

[1] *Зубков В.И.* Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 6.

[2] См.: *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. Berlin; N. Y., 1991.

[3] См.: *Штомпка П.* Социальное изменение как травма... С. 14–15.

[4] См.: *Giddens A.* Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.

[5] *Бернстайн П.* Против Богов: Укрощение риска: Пер. с англ. М., 2000. С. 14.

[6] Там же. С. 19–20.

и Кристофера Уильямса «Молодёжь в обществе риска», опубликованная в 2001 году[1].

«В сфере духовного производства, – констатируют они в заключении к своей книге, – наблюдается специфически российская модель воспроизводства риска, выраженная в противоречии в сознании молодежи между тенденцией формирования идентичностей соплеменного общества и еще достаточно устойчивыми традиционными ценностями, способными сохранить своеобразие ее духовного мира. Разрушение сложившихся идентификаций и поиск новой ценностной опоры сопряжен с неопределенностью в выборе жизненного пути, с неуверенностью в себе и с риском социального исключения. Преодоление риска, т. е. нахождение меры в этом противоречивом процессе будет *залогом дальнейшего воспроизводства национальной самобытности России и успешной интеграции молодого поколения россиян в мировое сообщество*.

При рассмотрении проблемы интеграции молодежи в современное общество авторы исходили из того, что социальная интеграция в обществе риска не только возможна, но и является необходимым условием *существования молодежи как социальной группы и сохранения общества как целостности.* В представляемой в книге концепции обосновываются особенности механизма социальной интеграции в условиях неопределенности и риска. Среди этих особенностей, наряду с новыми нетрадиционными основаниями идентификаций в процессе интеграции, локальным и преимущественно спонтанным ее характером, асимметричной формой механического и органического объединения субъектов интеграции, выделяется наличие *интеграционной функции риска.* В ее основе лежит *синергетический эффект риска,* способствующий приумножению энергии человека, оказавшегося в рискованной ситуации»[2].

Вот именно такое уникальное свойство компромисса, функционирующего как риск с производством новых смыслов и наделением их энергетикой для движения и саморазвития, формирует важнейшие сущностные характеристики компромиссности, особый компромиссологический дискурс, ориентированный на связь времён, на проектирование достойного будущего.

Полагаю, что С.П. Курдюмов в своём интервью газете «Рабочая трибуна» «Что впереди: катастрофа или...» как итог сказал важные и нужные слова: «Но все же главное, чего мы хотим, – это создать философию надежды. Мы стремимся не предсказывать бесконечные кризисы, которые нам предстоят, а находить способы, как их избежать»[3].

К числу таких способов я стремлюсь добавить социологию безопасности как социологию надежды.

Уместно, на мой взгляд, отметить: китайцы пишут слово «кризис» двумя иероглифами. Один – обозначает «опасность». Другой – «возможность».

---

[1] *Чупров В.И., Зубок Ю.А.*, *Уильямс К.* Молодёжь в обществе риска. М., 2001.

[2] Там же. С. 225–226.

[3] Что впереди: катастрофа или... С. 3.

А изучение проблем безопасности как социологии оптимизма и надежды началось в системе высшего образования России фактически с середины 90-х годов XX века, после того, как был принят закон Российской Федерации «О безопасности» (1992 г.). Закон определяет безопасность как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы – совокупность потребностей, удовлетворение которых надёжно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам *безопасности* относятся: личность – её права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство и его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. *Субъектами обеспечения безопасности* являются государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей, граждане, общественные и иные организации и объединения. Для непосредственного выполнения функций по обеспечению безопасности личности, общества и государства в системе исполнительной власти образуются государственные органы обеспечения безопасности; государство обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам, общественным и иным организациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом. Безопасность достигается проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства. Закон определяет *принципы обеспечения безопасности* и *законодательные основы обеспечения безопасности.* Систему безопасности образуют органы законодательной, исполнительной и судебной властей, государственные, общественные и иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении безопасности в соответствии с законом, а также законодательство, регламентирующее отношения в сфере безопасности. Создание органов обеспечения безопасности, не установленных законом Российской Федерации, не допускается. Общее руководство государственными органами обеспечения безопасности осуществляет Президент Российской Федерации. Правительство Российской Федерации обеспечивает руководство государственными органами обеспечения безопасности Российской Федерации. Министерства и государственные комитеты Российской Федерации обеспечивают реализацию федеральных программ защиты жизненно важных интересов объектов безопасности. Для непосредственного решения задач безопасности создаются *силы и средства обеспечения безопасности.* Конституционным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации в области обеспечения безопасности является *Совет Безопасности Российской Федерации,* который образует постоянные временные межведомственные комиссии на функциональной или региональной основе[1].

[1] См.: О безопасности. Закон РФ от 5.3.1992 № 2446-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

Реальность, повсеместность угроз международного терроризма в начале XXI века обозначили востребованность общества в социологическом знании новой динамики феноменов небезопасности, безопасности и культуры безопасности.

Среди причин имеющих особое внимание для социологической науки к анализу процесса формирования социологии безопасности, одной из главных является необходимость в достоверном знании о самом процессе, его этапах, особенностях, проблемах и противоречиях и, что особенно важно, о его перспективах.

Социология безопасности определяется теснейшим взаимодействием внутренних и внешних факторов, знание о которых, с одной стороны, может дать, используя имманентные ей методы и подходы, социология, а с другой – научный инструментарий иных наук. В условиях радикальных изменений внутри российского общества влияние на них внешних факторов, выяснение последствий этого влияния становится предметом постоянного социологического изучения.

Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что проблема социологии безопасности в прямой постановке и достаточно целостно до настоящего времени не исследовалась и не рассматривалась как самостоятельное направление научного анализа и приоритетная задача социальной практики.

Область исследований социологии безопасности, по нашему мнению, включает изучение отношений между людьми, между людьми и общественными институтами по поводу проблем жизнеобеспечения. Речь идёт о сохранении жизни, достижении благополучия, сбережении своей ментальности, национальной культуры и языка.

Предметное поле социологии безопасности включает анализ изменений основных институтов и процессов, обеспечивающих безопасность в разных сферах общественной жизнедеятельности.

Структура предмета социологии безопасности ориентирована на анализ таких вопросов: отношений между людьми в процессе деятельности по обеспечению безопасности; выявление тенденций и определение адекватности реагирования на формирующиеся и состоявшиеся риски, вызовы, угрозы и опасности; выявление особенностей в динамике функционирования институтов безопасности как государственных, так и негосударственных, характера их взаимодействия и вероятных перспектив их трансформации с учётом изменений внутренней и внешней среды.

Основные принципы социологии безопасности: **всеохватность,** которая обеспечивает согласование деятельности самих граждан, общественных и государственных институтов безопасности; **равноправие партнёров,** что обусловлено единством и неделимостью пространства безопасности. Этот социологический, по существу, принцип так толкует безопасность человека, которая была сформулирована впервые в документах ООН (1994 г.):

«Безопасность человека:

– это не просто безопасность страны, это безопасность народа;

– это не просто безопасность, достигнутая в результате обладания оружием, это безопасность, достигнутая в результате развития;

– это не просто безопасность государств, это безопасность каждого человека в своём доме и на своём рабочем месте;

– это не просто защита от конфликтов между государствами, это защита от конфликтов между народами.

Безопасность человека – это когда ребёнок не умирает, болезнь не распространяется, этнические распри не выходят из-под контроля, женщину не насилуют, бедняк не голодает, диссидента не заставляют молчать, человеческий дух не подавляют».

Третий принцип – **солидарность.** Речь идёт о практическом выражении конкретной гуманности, сострадания к обиженным и униженным, лишённым возможности обеспечить достойный уровень благосостояния.

Транспарентность – открытость и прозрачность – является, по мнению автора, четвёртым принципом социологии безопасности.

Функции социологии о безопасности могут быть определены в такой последовательности:

– теоретическая, которая ориентирована на стимулирование и сбор эмпирической и теоретической информации о возможных угрозах, вызовах, рисках и опасностях: хорошая теория становится ключевым звеном в повышении эффективности всех систем жизнеобеспечения;

– прогностическая функция тесно связана с теоретической и прямо работает на формирование «культуры предотвращения»;

– эвристическая функция ориентирована на обработку результатов мониторингов безопасности с целью подготовки населения к действиям в условиях неблагоприятной, небезопасной ситуации.

Мы можем уточнить структуру предмета социологии безопасности и представить её в следующем виде:

во-первых, анализ отношений, возникающих между людьми с разными целями, идеалами, ценностями, интересами;

во-вторых, изучение связей и факторов, влияющих на несоблюдение установленных правил, законов, регулирующих отношения между людьми, отношения по поводу собственности;

в-третьих, осмысление взаимосвязи субъектов и объектов безопасности со средой безопасности.

В системе социологических категорий понятие «безопасность» соотносится, прежде всего, с категориями: «культура мира», «социология национальной безопасности», «согласие», «солидарность», «сотворчество», «социокультурная динамика», «социальные перемены», «диалог», «терпимость», «социально ценностные ориентиры деятельности».

Субъекты социологии безопасности: человек, социальная группа (семья), общество, государство, организации и институты. Особо выделены неправительственные организации и новые, сетевые субъекты. Отдельно необходимо выделить субъекты антиобщественного действия – организованную преступность и международный терроризм.

Объекты социологии безопасности: различные способы и формы деятельности субъектов безопасности, их образ жизни, среда жизнеобеспечения, основные институты, организующие деятельность субъектов безопасности.

Классификационные характеристики социологии безопасности:

• *Предметность:* социология безопасности обладает предметной направленностью, связанной с определённой сферой общественной жизнедеятельности: *экономика, политика, культура.*

• *Её формы* отличаются значительным разнообразием и зависят от многих обстоятельств, в том числе от масштабов общественной дезорганизации, господствующих в обществе настроений, состояния общественного мнения, распространения различных фобий (страх, паника, истерия и т. п.).

• *Степень интенсивности:* выражает пространственные и временные масштабы становления социологии безопасности.

• *Характер социологии безопасности:* ориентированная на диалог (слабо, умеренно, сильно); оптимистическая или пессимистическая; активная или инертная, кризисная или развивающаяся.

• *Условия и факторы социологии безопасности* могут быть выделены посредством изучения взаимодействия субъекта с микросредой, мезосредой и макросредой. Вместе – это среда жизнедеятельности. Здесь *микросреда* – взаимодействие человека с условиями жизни в личном окружении; *мезосреда* – социокультурная среда и сфера труда; *макросреда* – общественное окружение в целом.

Особенности функционирования социологии безопасности.

Зависят от характера и вектора направленности происходящих в *обществе изменений,* стремительного роста нематериальных компонент, формирования экономики знаний, влияния человеческого капитала, сетевых реальностей (информация); *скорости взаимодействий и обратных связей, роли предотвращения;* уровня анализа состояния опасностей, их динамики и трансформаций среды (как внутренней, так и внешней).

Утверждение социологии безопасности прямо зависит от отношения населения (в том числе и в региональном аспекте) к общенациональным целям, идеалам, ценностям в ситуации восприятия (поддержки) или отторжения.

Социальные механизмы и показатели становления и динамики социологии безопасности.

Социология безопасности в процессе своего функционирования (в т. ч. и на стадии становления) формирует готовность к определённому типу деятельности, измеряемой с помощью системы показателей (индикаторов). Деятельность субъекта осуществляется изначально при осмыслении и восприятии цели (идеала, ценности) – тогда проявление феномена «социология безопасности» становится способом *защиты цели* (идеала, ценностей) в процессе её достижения.

Сам механизм выступает здесь как устойчивая структура взаимодействий, отношений, связей социальных субъектов по поводу предупреждения, реагирования и защиты общества от неприемлемых угроз, вызовов, рисков и опасностей.

Контрольные вопросы

1. В чём основные сущностные характеристики геокультуры?
2. Как можно отметить преемственность и новизну геокультурной методологии в сопоставлении с геополитикой и геоэкономикой?
3. Почему категории «риск», «угроза», «опасность», «вызов» могут быть названы геокультурными?
4. Назовите основные характеристики предметного поля социологии безопасности.

Литература

Кузнецов В.Н. К единению народов России через культуру компромисса: Послание самим себе как Повестка Дня для России 2007–2017 годов. М., 2007.

Кузнецов В.Н. Основания геокультуры: Социология геокультурной динамики безопасности в Мире 21: Культура – Сеть. М., 2006. (на англ. яз.: *Kuznetzov V.* Foundations of Geoculture: Sociology of Geocultural Dynamics of Security in World 21: Culture – Network. М., 2006.

Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века. М., 2006.

Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура – Сеть. М., 2003.

Глава 4

Главный вектор безопасности – предотвращение искажения, разрушения Общенациональной Цели, Идеалов, Ценностей, главных Интересов человека, общества, государства

Есть основания, по моему мнению, обозначить совокупность теоретических и практических действий Президента России Владимира Путина в 2006–2007 годах, а также новые разработки Р.Г. Яновского, А.С. Капто, Э.Г. Кочетова, С.Е. Кургиняна, научной школы В.Н. Кузнецова, научной школы журнала «Эксперт» и многих других учёных формирующимся Российским Геокультурным Созидающим Проектом XXI века – Возрождение России[1].

[1] *Кузнецов В.Н.* О смысле нового гуманизма XXI века**:** Становление нового гуманизма через формирование Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, нового мировоззрения и культуры компромисса. Доклад // НАВИГУТ. 2007. № 1; *Он же.* Российский геокультурный созидающий проект как смысловое ядро разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 1.

Определённо необходимо сказать, что выделенный мною Проект один из многих различных Проектов Возрождения России, которые имеют свои достойные обоснования для исследования, обсуждения и проведения в жизнь[1].

Особенностями нашего Проекта (см. схему 3) являются следующие положения:

• ключевым фактором обозначена Общенациональная Цель, которая ориентирована на каждого человека. Однако она не может быть даже частично осуществлена без конкретного созидающего участия самого человека.

Здесь важно отметить, что на этапе возрождения России (2007–2017 годы) смысл и содержание Общенациональной Идеи практически полностью совпадают с Общенациональной Целью (позиция 1 на схеме 3);

• практически впервые в истории российских общественных наук «выстраивается» инновационный гуманитарный Проект сохранения и развития России на собственной концептуальной (Московско-Шанхайская модель миропорядка: позиция 2 на схеме 3)[2] и методологической (геокультурная парадигма: позиция 3 на схеме 3)[3] базе;

• в качестве технологии, методики, механизмов соединения усилий отдельных людей для блага Отечества, для соединения усилий конкретных людей, партий, конфессий, структур власти, для продуктивного их взаимодействия с Президентом России Владимиром Путиным, с Президентом России – 2008 выступает российский гуманитарный стратегический компромисс по общезначимому для всех основанию – обеспечение безопасности каждого человека, каждой семьи, общества и государства (позиция 4 на схеме 3)[4];

• в рамках геокультурного подхода к изучению идеологий были привлечены возможности достижения идеологического компромисса между всеми идеологиями, которые представлены в России (кроме идеологий коррупционности, терроризма и организованной преступности). Позитивный результат, полученный по итогам исследований позволил мне конкретно обозначить формирующуюся российскую объединяющую государственническую, патриотическую идеологию (позиция 5 на схеме 3). Берусь утверждать, на основе итогов исследований, что без такой национальной идеологии практически невоз-

---

[1] *Кочетов Э.Г.* Российский интеллектуальный подъём: формы, маршруты, этапы. (К вопросу о механизме «работы» парадигмальной связки «геоэкономика –> глобалистика –> гуманитарная космология). Доклад // НАВИГУТ. 2007. № 2; Проект Россия. М., 2007; Введение в будущее: Мир в 2020 году. М., 2007; *Явлинский Г.* Перспективы России: Экономический и политический взгляд. М., 2006.

[2] *Кузнецов В.* Новая Московско-Шанхайская модель миропорядка в контексте единой гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной): Социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 2.

[3] *Кузнецов В.Н.* Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура–Сеть. М., 2003.

[4] *Кузнецов В.* Культура компромисса: О смыслах Повестки Дня для Президента страны – 2008 и Каждого Гражданина в России // Безопасность Евразии. 2006. № 4.

Схема 3. **Российский Геокультурный Созидающий Проект XXI века — Возрождение России**

можно позитивно соединить усилия отдельных людей, институтов, общества и власти в работе по достижению Общенациональной Цели и Общенациональной Идеи[1];

[1] *Кузнецов В.Н.* Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века. М., 2004.

• именно под влиянием формирующейся национальной идеологии может быть востребован и осуществлён стратегический общероссийский, евразийский опережающий и предотвращающий компромисс (позиция 6 на схеме 3), катализатором и творцом которого конкретно может выступить культура идеологического компромисса;

• одной из самых трудоёмких работ конкретного человека, российского общества в нашем Проекте является «создание», «усвоение» и «развитие» нового мировоззрения XXI века (позиция 7 на схеме 3). Исследования становления новой Московско-Шанхайской модели миропорядка (позиция 2), геокультурной парадигмы (позиция 3), Общенациональной Цели (позиция 1) и национальной идеологии (позиция 5) показали, что они могут быть осуществлены только при наличии современного мировоззрения[1].

Таким образом, можно предположить, что **Российский Геокультурный Созидающий Проект XXI века – Возрождение России** реально становится интеллектуальным, информационным и организующим ядром для единения народов России, для единения народов мира на основе стратегической партнёрской культуры компромисса (позиция 8).

Продолжим изучение схемы 3. Её инновационный характер задаёт мощный импульс для интеллектуального, идеологического обеспечения гуманитарных инноваций[2].

Выделим также особенности гуманитарных инноваций в контексте становления Российского Геокультурного Созидающего Проекта XXI века.

Для уточнения и формулирования самих особенностей обратимся к логике обоснования инновационного прорыва для России в XXI веке, предложенной известным математиком Г.Г. Малинецким в выступлении на Евразийском Конгрессе «Общество знаний: партнёрство культуры, науки и образования для инновационного развития» (Москва, декабрь 2005 г.)[3].

• Ключевая инновация, по мнению Г.Г. Малинецкого, для России: «увидеть свой путь и своё будущее»[4]. Основное, исключительное значение нашего Проекта (схема 3) – содействовать каждому человеку, каждому звену власти, всем общественным организациям в соединении усилий для создания достойного будущего.

---

[1] *Яновский Р.Г.* Мировоззрение XXI века как фундаментальная научная проблема (Материалы к докладу на заседании «круглого стола» // Безопасность Евразии. 2005. № 2; *Кузнецов В.Н.* Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект // НАВИГУТ. 2006. № 3.

[2] *Кузнецов В.Н.* Социология гуманитарных инноваций: О необходимости и возможности строительства российской гуманитарной инновационной сети (РИГИС) // Безопасность Евразии. 2004. № 4; *Он же.* Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: Геокультурный аспект: Доклад. М., 2005.

[3] *Малинецкий Г.Г.* Осознание своих смыслов и инновационный прорыв – надежда мира России // Евразийский информационный и библиотечный конгресс «Общество знаний: партнёрство культуры, науки и образования для информационного развития». М., 2007.

[4] Там же.

• И главное – в моделях, в Проектах России самое важное, как отмечает Г.Г. Малинецкий, **«это смысл и ценности»**[1]. Способ их создания и усвоения – «нужно отрефлексировать и обрести свои смыслы и ценности»[2].

Анализ содержания и структуры нашего Проекта (схема 3), который представлен в разделе 2 моей книги, показывает, что на каждом этапе становления Проекта человек «рефлексирует и обретает» сугубо свои ценности и смыслы: и, прежде всего, на основе участия в решении проблем личной, общественной и государственной безопасности.

Особенность моего анализа – сфера исследований общественных наук. Ведь современные знания – это и естественные науки, и технические науки.

Именно российские общественные науки, с учётом исследований коллег в других странах, обосновали на рубеже XX и XXI веков необходимость формирования новой глобальной безопасности, новой евразийской (и европейской, азиатской) безопасности.

Доказательно и убедительно, на мой взгляд, были разработаны и основания для новой национальной безопасности России в XXI веке.

Три обстоятельства обусловили инновационный характер изменений в самой безопасности.

Во-первых, формирование обществ знаний (с разной степенью развития) «сложило» новый объект: нематериальные, интеллектуальные ресурсы, фонды, капиталы. То есть Знания.

Во-вторых, кардинально изменилась среда безопасности: повысился уровень рисков, неопределённости, стремительно изменились масштаб и скорость связей.

В-третьих, радикально изменился субъект безопасности. Общество чётко заявило: государственные структуры безопасности дополняются участием самих людей, граждан, общественными структурами (неправительственными объединениями); фундаментальной наукой.

Но главное, инновационное требование общества знаний более фундаментально и перспективно, чем эти обстоятельства по отдельности и вместе.

Именно на рубеже XX и XXI веков сложился качественно новый глобальный, региональный и локальный гуманизм. Он оформился, прежде всего, в Деле:

• *образования – для Всех;*

(ЮНЕСКО, ООН)

• *знания – для Всех;*

(Цели тысячелетия, ООН, 2000 год)

• *безопасность – для Всех;*

(Доклад 16 мудрецов для ООН – декабрь 2004 г.)

Суть оформившейся проблемы раскрыта при подготовке к Саммиту – 2005 (сентябрь 2005 года: 60 лет ООН) Кофи Аннаном, Генеральным секретарём

---

[1] *Малинецкий Г.Г.* Осознание своих смыслов и инновационный прорыв – надежда мира России // Евразийский информационный и библиотечный конгресс «Общество знаний: партнёрство культуры, науки и образования для информационного развития». М., 2007.

[2] Там же.

ООН, в докладе «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для Всех» 21 марта 2005 года. («*Безопасность Евразии*». *2005. № 1. С. 473*). «Мир должен двигать вперёд **дело развития, дело безопасности** и **дело прав человека в их совокупности,** – пояснил Кофи Аннан, – иначе ни одному из них не будет сопутствовать успех. У человечества не будет безопасности без развития, оно не будет пользоваться благами развития без безопасности, и оно будет лишено и того и другого без уважения прав человека» (выделено мною – *В.К.*).

Смысл инновационности проблемы безопасности общества знаний XXI века достаточно условно может быть изложен в двух тезисах.

• Мир в целом, само общество знаний, каждая отдельная страна – не готовы к новым задачам. Напомню их: образование для всех, знания для всех, безопасность для всех.

• В творческую (практическую и теоретическую) деятельность по достижению общества знаний, строительству новой безопасности через развитие уже включились сотни миллионов людей практически во всех странах мира.

Естественно, возникает вопрос: а есть ли какие-то конкретные инновационные действия в решении предложенной проблемы?

Полагаю – есть. Особенность знаний – их открытость.

• В производстве – публичные выступления учёных, творцов (устные и письменные).

• В их апробации – сомнения, критика, дискуссии, результаты применения.

• В их продвижении к людям – работа многих тысяч великолепных и терпеливых творцов в библиотеках, школах, институтах, академиях.

• В их пропаганде, в просвещении – деятельность замечательных творцов и тружеников в музеях, театрах, центрах культуры, общественных объединениях (НПО).

Можно, и необходимо, осмыслить и позитивные тенденции.

Во-первых, Россия, Белоруссия и Казахстан сохраняют и развивают свою деятельность в качестве региональных (Евразия) и глобальных интеллектуальных лидеров в разработке проблем мира, диалога, безопасности, противодействия терроризму.

Во-вторых, научные школы (общественные науки) Российской академии наук разработали и предложили для содействия инновационному развитию общества знаний (2000–2006 годы) новую общенаучную Гуманитарную парадигму.

Речь идёт о геокультурной парадигме. В центре её содержания – человек, его цели, идеалы, ценности; смысл его жизни; сотрудничество и доверие; терпимость и ответственность.

Способом инновационной реализации новой гуманитарной парадигмы определены институционально-сетевые методологии и высокие гуманитарные технологии.

Именно новые фундаментальные инновационные разработки российских учёных – обществоведов позволили соединить риски, неопределённость, нелинейность, сетевой подход в интересах обеспечения безопасности общества знаний.

Согласитесь, уважаемые коллеги, что актуален и другой вопрос: какие опасности и трудности оформились или возникают для общества знаний?

Сначала тенденции.

• В ежегодном докладе за 2005 год Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) обоснована и представлена тревожная тенденция: по сравнению с 2003 годом за 2004 год всемирные расходы на вооружение выросли на 8 процентов и составили сенсационную сумму в 1,035 триллиона долларов. На каждого человека, живущего на Земле, израсходовано в прошлом году на оружие 162 доллара[1].

Динамика впечатляющего роста военных расходов США, ряда ведущих стран Азии и Европы, Австралии показана в табл. 1.

• События 2005 года (продолжение войны США и ряда стран мира против народов Ирака; террористические акты в Англии, Саудовской Аравии, Иордании; выступления молодёжи осенью во Франции) обозначили устойчивую тенденцию действий отдельных государств, международного терроризма, организованной преступности против общества, отдельных стран и против конкретных мирных людей.

Таблица 1. **Динамика военных расходов некоторых стран (2003–2004 гг.)** *(в миллиардах долларов США)*

		2004 г.	*2003 г.*
1.	США	455,3	414,4
2.	Великобритания	47,4	51,1
3.	Франция	46,2	45,4
4.	Япония	42,4	42,7
5.	Китай	35,4	33,1
6.	Германия	33,9	34,8
7.	Италия	27,8	27,6
8.	Россия	19,4	18,5
9.	Саудовская Аравия	9,3	18,8
10.	Южная Корея	15,5	14,9
11.	Индия	15,1	12,7
12.	Израиль	10,7	10,0
13.	Канада	10,6	10,0
14.	Турция	10,1	10,3
15.	Австралия	10,1	9,7

Источник: SIPRI Yearbook 2005. P. 318.

• К пониманию роли бедности, плохой экологии, недостаточного образования добавилась новая тревожная тенденция: начинает формироваться новое неравенство в доступе к источникам знаний.

[1] SIPRI Yearbook 2005: Armaments, Disarmament and International Security. OUP, 2005.

Речь идёт о конкретных базах знаний, в которых *знание оцифровано*. Таким образом, образуется ещё одно «несправедливое неравенство – цифровое».

Безусловно, с учётом некоторых новых позитивных и негативных тенденций важен вопрос о разработке подходов и технологий преодоления имеющихся опасностей обществу знаний и возникающих.

Обстоятельное изучение наиболее востребованных методологий и технологий обеспечения безопасности человека, народов и общества выявили три фундаментальных аспекта этой проблемы.

Речь идёт о важности нового мировоззрения; о динамике личного и общественного сознания; об осмыслении общенациональных целей, идеалов и ценностей; о формировании российской идеологии консолидации.

В итоге Отделение общественных наук РАН, многие учёные российских вузов осуществляют последовательную программу исследований.

Это Дело. Это стратегические инновации.

• Прежде всего, необходимо отметить разработки *Гуманитарного Стратегического манёвра,* в рамках которого были разработаны основания и технологии развития Культуры Мира и Культуры безопасности.

Эти статьи и книги, ведущиеся исследования складывают обоснование возможного проведения в 2008–2017 годах Десятилетия культуры безопасности. Смысл: устойчивое обеспечение безопасности общества знаний.

• Общественная, личная, национальная и государственная безопасность российского общества может быть обеспечена в контексте евразийской (азиатской и европейской безопасности: региональной безопасности) и глобальной безопасности XXI века.

Предварительные исследования выявили необходимость и возможность разработки *евразийского стратегического гуманитарного компромисса по вопросам безопасности каждого человека.*

Смысл: здесь фундаментальная инновация на основе стратегии развития человека как реальное обоснование безопасности общества знаний.

Особенность: последовательность движения от нового гуманизма (евразийского) к новой евразийской безопасности. Это инновационное развитие на основе культуры диалога.

• Особое значение для общества знаний имеет новая сфера духовной, интеллектуальной, идеологической безопасности.

Здесь осуществляется активная защита смыслов знаний.

Почему? Мы осуществили самые первые исследования по обеспечению безопасности общенациональных целей, идеалов и ценностей.

В ходе работы пришлось особое внимание уделить защите смысла жизни, исторической памяти, российской мечты.

Но в итоге возникла сетевая задача по предотвращению опасностей смыслам доверия и сотрудничества, ответственности и терпимости.

Особенно интересно то обстоятельство, что по отдельности эти смыслы весьма уязвимы: сами по себе они относятся к слабым взаимодействиям.

Их поддерживать, развивать может только объединяющая национальная идеология.

А методологией и технологией их инновационного развития становится культура предотвращения.

***

Подводя итоги четвёртой главы, считаю необходимым предложить такие выводы.

Во-первых, инновационное развитие общества знаний предполагает продвижение к евразийскому стратегическому гуманитарному компромиссу.

Во-вторых, новая безопасность XXI века как развития общества знаний предполагает исследование необходимости и возможности локального регионального и глобального консенсуса по вопросам безопасности человека.

В-третьих, безопасность общества знаний может и должна основываться на новом мировоззрении XXI века, на культуре диалога и культуре безопасности.

Контрольные вопросы

1. Как можно обосновать главный смысл безопасности – жизнеобеспечение каждого человека, его целей, идеалов, ценностей и интересов?
2. Что общего в понимании смысла Общенациональной Цели, Социального Идеала для национальной безопасности России, для общенационального компромисса?
3. Почему содержание ценностей граждан России вызывает острую полемику в российском социологическом дискурсе по проблемам безопасности?
4. Объясните характер связи между целью, идеалом, ценностями человека и его менталитетом.
5. Раскройте особенности восприятия Общенациональной Цели, Социального Идеала и Смысла Жизни для самоидентификации личности в России 2007 года.

Литература

Кузнецов В.Н. О социологии смысла нового глобального Гуманитарного Проекта Мира XXI века (Проекта Путина): преемственность и новизна // Безопасность Евразии. 2007. № 3.

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007.

Кузнецов В.Н. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук: О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке / Российская Академия наук: Отделение Общественных наук (для обсуждения). М., 2004.

Кузнецов В.Н. Безопасность, благополучие человека, семьи, государства. Доклад на общем собрании Отделения общественных наук РАН, 15 декабря 2003 г. // Безопасность Евразии. 2004. № 1.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Глава 5
Безопасность через компромисс

Для более полного и конкретного изучения смысла феномена «безопасность через компромисс» важно сформулировать саму категорию:

> ***компромисс*** *– это процесс и результат осуществления договорённости между людьми, народами, государствами, их объединениями; между культурами и религиями на согласованное время во имя достоинства, благополучия и безопасности человека, семьи, народов, общества, государства и современной цивилизации на основе взаимных политических, экономических, идеологических уступок по поводу целей, идеалов, ценностей, национальных интересов, интерпретаций прошлого, настоящего и будущего своих народов, стран и регионов, понимания демократии, патриотизма, смыслов жизни и мечты.*

А ключевым событием 2005–2007 годов как в российской общественной науке, так и в обществоведении многих других стран стало острое понимание формирующейся исчерпанности методологических и теоретических подходов в функционировании и трансформации, актуализации концепций обеспечения безопасности человека; европейской, азиатской безопасности; глобальной безопасности как таковой.

Актуальность именно такого подхода к исследованию проблем безопасности XXI века нашла, по моему мнению, отражение в *Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года*[1]. В его третьем разделе *«Мир и коллективная безопасность»*[2] выделен самостоятельный подраздел *«Безопасность человека»*[3] в котором от имени мирового сообщества сформулирован важный тезис. «Мы подчёркиваем право людей, – отмечено в Итоговом документе, – жить в условиях свободы и достоинства, будучи избавленными от нищеты и отчаяния. Мы признаём, что все люди, в том числе уязвимые люди, имеют право быть избавленными от страха и нужды, имея равные возможности пользования всеми своими правами и в полной мере раскрывать свой человеческий потенциал. **С этой целью мы обязуемся обсудить и определить в Генеральной Ассамблее понятие «безопасность человека»**[4]. (Выделено мною. – *В.К.*).

Поэтому так важен запрос в пунктах 71–72 Итогового документа, к мировой и российской науке на создание гуманитарных инноваций для всех людей, всех народов, всех стран. «71. Мы сознаем, что живем во взаимозависимом глобальном мире, – констатируется в «Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года», – что современные угрозы не признают национальных границ и взаимосвязаны и что ими необходимо заниматься на глобальном, региональном и

---

[1] Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года // Безопасность Евразии. № 3.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

национальном уровнях в соответствии с Уставом и нормами международного права.

72. Поэтому мы вновь подтверждаем свою приверженность достижению консенсуса по вопросам безопасности, основанного на признании того, что многие угрозы взаимосвязаны, что развитие, мир, безопасность и права человека являются взаимоукрепляющими, что ни одно государство не может наилучшим образом защитить себя, действуя исключительно в одиночку, и что все государства нуждаются в эффективной и действенной системе коллективной безопасности, согласующейся с целями и принципами Устава»[1].

Я выделяю из этого фрагмента текста Итогового документа сюжет о «достижении консенсуса по вопросам безопасности». По моему мнению, миссия социологии может быть особенно значительна и востребована именно в изучении способов достижения такого консенсуса.

Во всей своей полноте смысл консенсуса достаточно полно раскрыт в тезисах 71 и 72 документа: это сложнейшее явление и требует значительных междисциплинарных исследований.

Суть моего инновационного подхода (рабочая гипотеза) в следующем: я выделяю «предконсенсусную стадию» в движении к новой глобальной безопасности XXI века. Это первое аналитическое ограничение.

Смысл предконсенсусного состояния проблемы безопасности – в обосновании и достижении гуманитарного стратегического компромисса по вопросам безопасности. Это второе аналитическое ограничение.

Масштаб гуманитарного стратегического компромисса может быть ограничен регионом Евразии. Во-первых, азиатская и евразийская безопасность в научном, в социологическом аспекте ещё не исследованы до уровня европейской безопасности. Во-вторых, именно евразийская безопасность (и азиатская) становятся в XXI веке основанием новой глобальной безопасности для человека.

Таким образом, в пятой главе учебного пособия автор рассматривает в качестве гуманитарной стратегической инновации – становление евразийского (третье аналитическое ограничение) *гуманитарного стратегического компромисса по вопросам безопасности человека.*

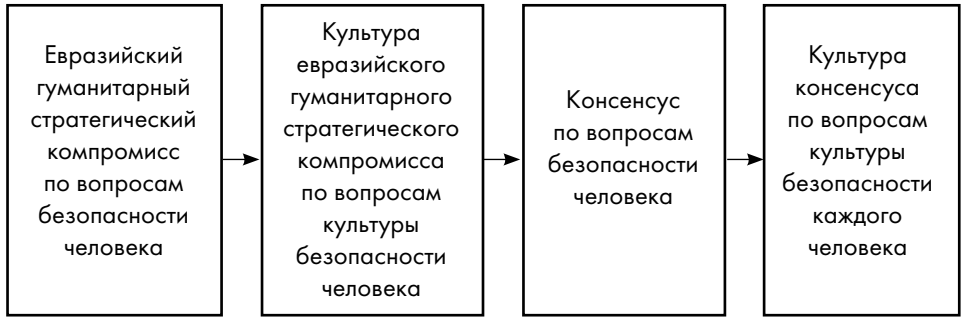
Самостоятельной гуманитарной инновацией может стать и процесс движения от стадии компромисса к стадии консенсуса (синтезирующего расширения) по вопросам безопасности человека. В следующих главах книги предполагается рассмотреть социологию динамики движения от компромисса к культуре компромисса, к консенсусу (см. рис. 6).

Принципиально новая ситуация сложилась и в Азии, и в Европе уже в 1998–1999 годах. Считаю возможным выделить несколько социологических тенденций, которые обусловили движение к евразийской безопасности XXI века через компромисс, через движение к консенсусу, через развитие.

I. Национальные, региональные и глобальные социологические исследования в канун нового тысячелетия (миллениума) определённо обозначили тен-

[1] Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года // Безопасность Евразии. № 3.

Рисунок 6. **Движение от компромисса к консенсусу по вопросам безопасности человека**

денцию стремления практически каждого человека в Евразии, в других странах к благополучию, безопасности, к достоинству.

И уже к весне 1999 года выяснилось, что основные институты Европы, Азии, Америки, Африки не готовы обеспечить, прежде всего, безопасность каждого человека. Моментом истины стала агрессия США и высокоразвитых стран Европы, входящих в НАТО, против Югославии весной 1999 года без мандата Совета Безопасности ООН.

По инициативе России первым шагом к разрешению уже состоявшейся евразийской гуманитарной катастрофы стал важный гуманитарный стратегический компромисс, выразившийся в подготовке и утверждении Хартии европейской безопасности, принятой в Стамбуле в ноябре этого же беспокойного года, завершавшего и XX век, и второе тысячелетие.

Евразийским я называю этот компромисс по причине его исключительного значения для Азии и Евразии: документ о европейской безопасности впервые косвенно обозначил потребность в азиатской безопасности, в евразийской безопасности. В ходе дальнейших исследований я особое внимание обращу на то обстоятельство, что сегодня, летом 2007 года, глобальная безопасность «не работает» для каждого человека, для каждой семьи, для каждого народа.

К сожалению, примеров тому, доказательств больше, чем можно было предположить в 1999 году: здесь и террористические акты в России, странах Азии, в США, в Испании, в Англии 1999–2005 годов. Здесь и новая агрессия США, других стран Европы и Азии против народов Ирака в 2003 году. Приведу только горькое признание Президента России В.В. Путина.

На встрече 2 сентября 2005 года в Москве с родителями детей трагически погибших в Беслане в предыдущем году, Президент России Владимир Путин откровенно заявил: «Должен сразу сказать, согласен с теми, кто считает, что сегодня государство не может обеспечить в необходимом объёме и качестве безопасность своих граждан»[1].

[1] *Борисов Т.* Восемь и Президент // Российская газета. 2005. 3 сентября. С. 1.

Гуманитарным я называю желательный и востребованный евразийский компромисс, достигнутый при утверждении Хартии европейской безопасности (1999 г. Стамбул), на том основании, что впервые в мировой истории методологические, концептуальные, институциональные основания важнейшего документа о безопасности были определены через фундаментальные гуманитарные императивы: доверие и сотрудничество.

Стратегическим, компромисс, выработанный при разработке Хартии европейской безопасности (1999 г.), может быть назван на том основании, что он был последовательно осуществлён по инициативе и при участии России, великой евразийской державы. Тем более можно об этом утверждать, что доверие, сотрудничество, партнёрство реально «работают» в уже оформившихся звеньях азиатской и евразийской безопасности.

Таким образом, первая социологическая тенденция сложилась и проявилась как выражение стремительного роста (в сотни раз) числа конкретных людей, практически во всех странах мира, потребовавших обеспечения своей личной безопасности и стремящихся к личному участию в обеспечении безопасности для себя и для других людей, народов и стран.

II. Новой и сложной для восприятия социологической особенностью в понимании и деятельности для достижения евразийского гуманитарного стратегического компромисса по вопросам безопасности человека становится состоявшийся, по моему мнению, переход творческого, интеллектуального, гуманитарного и духовного евразийского лидерства в XXI веке к России, к Азии (вторая социологическая тенденция).

Такое глобальное гуманитарное явление – «сдвиг» генерирующего творческого ядра с Запада на Восток, в Азию – более 40 лет назад предсказал великий русский и американский социолог Питирим Сорокин. В 1964 году в своей книге «Главные тенденции нашего времени» («The Basic Trends of Our Times») учёный высказался чётко и определённо. «Творческий центр истории человечества, который был локализован в течение столетий в Европе и европеизированной Америке, – констатировал Питирим Сорокин, – окончательно перестал быть заключённым внутри этих границ... Впредь история человечества все более будет представлена на сцене азиатско-африкано-евро-американского театра. В дальнейшем в великих “спектаклях” истории будет не просто одна евро-американская “звезда”, но несколько звезд Индии, Китая, Японии, России, арабских стран и других культур и народов»[1].

Одной из ключевых причин «перемещения» миссии духовного, творческого лидерства в XXI веке из Европы в Азию стало, на мой взгляд, участие практически всех европейских стран (за редким исключением) в разрушении Югославии, в убийстве тысяч стариков и детей, разрушении великих памятников истории. Я говорю о нападении США и стран Европы, входящих в НАТО, на Югославию в 1999 году.

---

[1] *Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 94.

Масштабная война на Балканах обесценила многолетние усилия по достижению диалога, мира и безопасности в Европе, в Азии и во всём мире.

По существу, неправедная, несправедливая, незаконная агрессия США и многих стран Европы против независимой страны, против независимого суверенного народа расчистила дорогу, легитимизировала любые другие агрессии, особенно идеологию терроризма.

Прецедент состоявшегося многогосударственного (США и страны Европы) терроризма проложил дорогу к террористическим актам 2000–2007 годов в России, США, Азии, в Испании, в Англии.

Состоялось, по инициативе США, НАТО и многих стран Европы, возведение международного терроризма в статус субъекта международных отношений, субъекта внешней политики.

Необходимо чётко констатировать, что «примирение» европейского, прежде всего, общественного мнения, с фактом межгосударственного (США и страны Европы) терроризма, агрессии, полномасштабной незаконной войны против Югославии, в конечном счёте, содействовало такой же межгосударственной террористической войне США, многих стран Европы (и стран Азии и других континентов) в 2003 году против народов Ирака.

В этих трагических обстоятельствах 1999–2003 годов, в настоящее время (война против людей, против народов Ирака продолжается) Россия и практически все страны Азии вели и ведут себя, по моему мнению, достойно.

Сложность и озабоченность перемещением творческого лидерства от Европы к России, к Азии, к Евразии может быть представлена в особенностях идеологических, по существу, интеллектуальных усилий некоторых исследователей.

Реальность и новое значение глобального идеологического процесса впервые была артикулирована Кондолизой Райс в 2004 году в речи о важности для США развернуть идеологическое наступление во имя продвижения американских ценностей по всему миру.

Именно идеологическое противодействие оформившихся национальных идеологий может реально противодействовать глобальной идеологической экспансии идеологов США.

Отсюда обеспокоенность З. Бжезинского. «В период, когда стало модно считать, что век идеологий закончился, – считает он, – антиглобализация, сплавляя в единое марксистский экономический детерминизм, христианский гуманизм и тревогу о состоянии окружающей среды, подогреваемая сознанием глобального неравенства и обыкновенной завистью, имеет шансы стать цельной и глобально привлекательной антиамериканской доктриной.

Если это случится, то контркредо может превратиться в мощное орудие для всемирной мобилизации масс. В какой-то момент оно может стать объединяющей идеологической платформой для создания коалиции не только различных политических течений, но и государств, которые объединятся для противодействия американской гегемонии»[1].

[1] *Бжезинский З.* Выбор: глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 207.

Ещё более озабоченным, похоже, стал Дмитрий Тренин, заместитель директора Московского центра Карнеги, ведущий научный сотрудник. Его расстроило то обстоятельство, что здоровая часть российской элиты ещё не задумалась о «национальных интересах страны», которые реализуются, по его мнению, в восприятии «идеологической основы под уже реализуемую политику Вашингтона»[1] (речь идёт о «доктрине расширения пространства свободы вплоть до полного искоренения тирании во всём мире»[2] – это было провозглашено в выступлении Президента США 20 января 2005 года).

По мнению Д. Тренина, главным «идеологическим ориентиром для элит, определяющих американскую внешнюю политику»[3] стал именно этот Проект, в котором США «выступают с наиболее амбициозным глобальным проектом в мировой истории после большевистской идеи мировой пролетарской революции»[4].

Многие граждане, учёные как в России, так и в других странах могут не согласиться с таким тезисом. Они могут сосредоточиться на выработке другого гуманитарного проекта, других идеологических основ, других идеологических ориентиров.

Однако диагноз Д. Тренина чёток и безнадёжен для нас, россиян. «Никакие державнические заклинания уже не способны вернуть России уважение и статус в мировом сообществе»[5]. Сурово!

Но это только начало. Продолжение Дмитрий Тренин опубликовал в летней (июль – август) книжке журнала «Pro et Contra» за 2005 год. Его статья «Россия и конец Евразии», по мнению автора, ориентирована на анализ новых проблем самоидентификации России в контексте ряда вопросов. «В чем причина происходящего, каковы перспективы начавшихся перемен, – пишет Д. Тренин, – что они означают для российской внешней политики и взаимоотношений Российской Федерации с ведущими центрами силы – США, Европейским союзом, Китаем, а также с мусульманским миром? Что означает, наконец, самоопределение стран СНГ для российской международной идентичности в начале XXI века?»[6].

В самой постановке уважаемым автором статьи вопроса о «ведущих центрах силы» уже есть отличие моего понимания проблем самоидентификации России в XXI веке, о проблемах Евразии, о проблемах азиатской, евразийской и глобальной безопасности. **В центре моего исследования гуманитарные, идеологические, духовные, творческие вопросы, практики, теории, лидером которых уже стали Россия, Азия и Евразия.** А США, Европейский Союз действительно остались «ведущими центрами силы».

---

[1] *Тренин Д.* Новый проект США // Ведомости. 2005. 26 января. С. 4.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] *Тренин Д.* Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. Июль – август. С. 6.

Моя позиция отличается и по главному параметру: я полагаю, и это обосновано в моих статьях и книгах, что *«конец Евразии»* географически расположен *в районе Ла-Манша; в районе*, по Питириму Сорокину, *«европеизированной Америки»*[1].

Но особенно меня озадачил суровый вывод известного учёного Д. Тренина о возможном европейском призвании России. «Итак, если трансформация («ремодернизация» в отличие от модернизации, осуществленной в сталинский период) России пройдет успешно, – утверждает Д. Тренин, заместитель директора Московского центра Карнеги, ведущий научный сотрудник, – она реализует собственную версию современного – «западного» – общества. В принципе эта национальная версия будет так же отличаться от других (американской, европейской, японской и пр.), как они сами различны между собой. Что важно иметь в виду, так это то, что Россия будет развиваться рядом с Европой, а не в ее составе. *Если же, напротив, трансформация забуксует или потерпит поражение, то Россия, может быть, формально сохранится как государство, но фактически превратится в своего рода Евро-Китай. Часть страны войдет в орбиту ЕС, другая будет "притягиваться" Китаем.* В этом смысле бывшая метрополия сможет повторить судьбу своих окраин, и тогда процесс деления Евразии продолжится. И это тот сценарий, о котором нужно постоянно помнить, с тем чтобы найти силы его избежать»[2]. (Выделено мною. – *В.К.*).

По-своему обоснованные выводы Д. Тренина о реальных и будущих России и Евразии[3] *я привёл не столько для обозначения своей, существенно другой позиции, сколько ради обозначения необходимости достижения приемлемого евразийского и глобального стратегического гуманитарного компромисса как между нами (социологами, политологами, философами, экономистами, имеющими разные позиции), так и между народами, между странами во имя обеспечения безопасности человека.*

Потребность в таких компромиссах, в новых творческих, гуманитарных концепциях и парадигмах безопасности для XXI века убедительно сформулирована в Итоговом докладе и рекомендациях Группы видных деятелей по вопросам повышения эффективности ОБСЕ («европейской группы мудрецов»), представленном 27 июня 2005 года. В разделе **«Новые угрозы и вызовы: потребность в многомерном подходе»** авторы отметили: «Глобализация, растущая взаимозависимость и возникновение новых угроз безопасности в регионе ОБСЕ (в том числе со стороны субъектов уровня ниже государственного)

---

[1] *Сорокин П.А.* Главные тенденции современности... С. 94.

[2] *Тренин Д.* Россия и конец Евразии... С. 17.

[3] Позиция Д. Тренина в отношении настоящего и будущего России подробно развёрнута в его книге «Интеграция и идентичность: Россия как "новый Запад"» (М., 2006) «Проблема, следовательно, не в том, что будет, если она этим Западом *не* станет, – полагает он (с. 11–12). – Остановка и разворот вспять процесса трансформации вряд ли приведут к тому, что Россия возглавит всемирную альтернативу, станет лидером пяти миллиардов "жертв глобализации" в борьбе против "золотого миллиарда" и развернет ход мировой истории, взяв таким образом реванш за поражение в конце XX в. Это иллюзия».

привели к дальнейшему стиранию граней между измерениями и делают узкий, ориентированный на одно измерение подход все менее актуальным. Поэтому *более чем когда-либо ощущается потребность в перспективном многомерном подходе, применимом как к концептуальной проработке, так и к скоординированным прагматическим действиям.* Такой подход исходит из ключевой важности всех трех измерений в контексте всеобъемлющей безопасности. ОБСЕ великолепно подготовлена и обладает всем необходимым для того, чтобы следовать такому многомерному подходу и воплощать его в жизнь. Более того, готовность эффективно взаимодействовать на многосторонней основе создает базу для коллективных действий с целью противостояния транснациональным кросссекторальным вызовам»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*).

В разделе **«Человеческое измерение»** авторы Итогового доклада и рекомендаций конкретизировали объект компромисса.

«В области человеческого измерения, – констатировали они, – охватывающего права человека (включая права национальных меньшинств), верховенство закона и демократию, ОБСЕ разработаны всеобъемлющие нормы и обязательства. Так, подписав в 1991 году Московский документ, государства-участники ООН согласились, что обязательства, принятые ими в области человеческого измерения, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников, и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства. ОБСЕ применяет прогрессивный подход к защите достоинства человеческой личности. *Обеспечение безопасности человека в целом и безопасности каждого человека в отдельности представляется предметом индивидуальной и коллективной ответственности всех государств-участников. Права человека и безопасность неделимы*»[2]. (Выделено мною. – *В.К.*).

III. Всё более значимыми становятся взаимодействие и трансформации между теориями и практиками европейского гуманизма и азиатского гуманизма, выступающего и как евразийский гуманизм на основе своего интеллектуального лидерства в Евразии.

Война Европы и НАТО, во главе с США, в 1999 году против народов Югославии; войны стран Европы под руководством США и Англии против народов Ирака в 2003, 2004, 2005, 2006, 2007 годах – это всё проявления европейского гуманизма XX и XXI веков. Его суть: тотальное обеспечение прав и свобод человека в Европе, в других странах мира в том конкретном понимании для интеллекта руководителей НАТО (г. Хавьер Солана – 1999 год, г. Буш-младший, г. Блэр и другие).

Новый евразийский гуманизм XXI века основывается на обязательном сочетании прав и обязанностей человека, прав и ответственности человека, а также руко-

[1] Единство цели: сделать ОБСЕ более эффективной: Итоговый доклад и рекомендации Группы видных деятелей по вопросам повышения эффективности ОБСЕ // Безопасность Евразии. 2005. № 3.

[2] Там же.

водителей государств. Особое значение в теории нового (не-Западного) гуманизма занимает концептуализация усилий миллионов людей в деле достижения Целей в области развития и безопасности человека, сформулированных в Декларации Целей развития тысячелетия; разработка теории стратегической партнёрской культуры компромисса. В практиках – главное внимание уделяется ликвидации опаснейшего взаимодействия бедности, несправедливого неравенства и предотвращение конфликтов с применением насилия.

Анализ теорий и практик традиционного европейского гуманизма с его опорой на борьбу за мир во всём мире показывает, на мой взгляд, утрату его («старого» гуманизма) динамичности, ослабление ориентированности на безопасность каждого человека, явное несоответствие в противодействии новым конфликтам, новым рискам и опасностям, новому «горизонтальному» неравенству, бедности, неопределённости и хаосу.

Наиболее полно и убедительно, по моему мнению, представила анализ перемен после событий в Ираке весной 2003 года Алисон Дж. К. Бейлс, директор Стокгольмского международного института исследования мира (СИПРИ, Stockholm International Peace Research Institute SIPRI).

Особенно важны и актуальны размышления Алисон Бейлс о возможных «необратимых последствиях» вторжения США и других стран мира в Ирак: «некоторые конкретные итоги иракского кризиса имеют необратимые последствия для трансатлантических отношений вне зависимости от позитивных моментов в поведении США. К этим моментам я отнесла бы ослабление НАТО как форума для управления взаимоотношениями США и Европы, – считает А. Бейлс, – или, если быть более точным, сведение этой организации к роли главным образом инструмента осуществления военной политики; другие ключевые политические факторы, связанные с личным влиянием Дж. Буша, не изменились, и все еще чреваты весьма серьезными последствиями для интересов глобального сообщества, в частности, общее неприятие Соединенными Штатами международных договоров и других международно-правовых ограничений или, по крайней мере, предпочтение использовать их лишь утилитарно (когда они могут служить продолжением собственной американской политики или юрисдикции); по мере того, как США отходят от чрезмерной зацикленности на борьбе с терроризмом, возникают негативные последствия для общего настроя отношений с другими крупными странами, такими как Россия и Китай»[1].

Для понимания смысла евразийского и глобального гуманитарного стратегического компромисса для безопасности человека в XXI веке я представил именно такие три суждения (I, II, III), которые обозначают и новые сферы эффективного продвижения к новой стратегии культуры безопасности, и области тщательной подготовки и осуществления необходимых компромиссов, формированию новой стратегической партнёрской культуры компромисса, чтобы

[1] *Бейлс А.Дж.К.* Международная безопасность после Ирака: Тезисы выступления директора СИПРИ в ИМЭМО РАН. Москва, 2005. 25 мая. С. 3–4.

вместе, европейцам и гражданам Азии, других континентов продвинуться к процветанию, безопасности и достоинству.

Отметим здесь, из 2007 года; действительно нашлись две страны в Европе, которые отказались (на основе итогов народных референдумов) ратифицировать новый договор о конституции Европейского Союза.

Самый компетентный человек в проблемах обеспечения безопасности Мохаммед эль-Барадей, генеральный директор Международного агентства по атомной энергии, привёл убедительные, на мой взгляд, соображения в адрес нового гуманизма, важности стратегического гуманитарного компромисса, необходимости объединения культуры безопасности и стратегической партнёрской культуры компромисса. «Мы также должны отказаться от устаревшего подхода, – пояснил он свою позицию, – определяющего безопасность в терминах границ – городских стен, пограничных патрулей, расовых или религиозных группировок. Мировое сообщество стало необратимо взаимозависимым, в нем постоянно перемещаются люди, идеи, товары и ресурсы. **В таком мире мы должны бороться с терроризмом, создавая общую культуру безопасности, проникающую через границы и ставящую во главу угла ценность человеческой жизни.** В таком мире нет места оружию массового уничтожения»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*).

По моему мнению, вместе с *императивами «доверие» и «сотрудничество»*, определяющими европейскую безопасность, классический европейский гуманизм, именно императив *«предотвращение»* становится методологической, концептуальной, институциональной основой нового гуманизма, новой азиатской и евразийской безопасности.

Вместе с культурой безопасности[2] *доверие, сотрудничество и предотвращение обеспечивают, на мой взгляд, становление евразийской и глобальной безопасности как глобальной стратегической гуманитарной инновации XXI века.*

Четвёртым тезисом (IV), дополняющим и уточняющим состояние безопасности через компромиссы, могут, на мой взгляд, стать размышления Алисон Бейлс, представленные ею в авторской статье, введении к годовому отчёту СИПРИ за 2006 год: «Безопасный мир и исследование проблем мира в 40-летней перспективе»[3].

«Мировые многосторонние институты безопасности – часть из них – похоже тратят сейчас меньше времени на демократические пререкания, – уточняет А. Бейлс, – нежели они это делали в течение 1990-х годов, а больше на изучение лучших и разнообразных путей, чтобы комбинировать свои силы.

---

[1] *Эль-Барадей М.* Культура безопасности // ВЕДОМОСТИ. 2004. 26 февраля. С. А4.

[2] *Кузнецов В.Н.* Культура безопасности: Социологическое исследование. М., 2001; *Он же.* Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. М., 2002; *Он же.* Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура – Сеть. М., 2003.

[3] *Bails A. J.K.* Introduction: The World of Security and Peace Research in a 40-year Perspective // SIPRI Yearbook 2006: Armaments, Disarmament and International Security. N. Y., 2006. P. 1–30.

Некоторое соперничество, так же как и путаница между ними будет, вероятно, всегда оставаться, и не надо всегда за это порицать. Самоутверждение организации может отражать позитивные факторы, подобные *корпоративному духу*, внутреннему сплочению и амбиции. В окружении, которое постоянно создает новые требования, столкновение институтов за новый порядок может быть способом испытания их соответствующего успеха в адаптации – и поэтому пригодности к выживанию. Тем не менее, основной линией этого анализа является то, что все многонациональные институты имеют друг с другом больше общего, чем то, что они участвуют в чисто национальных, беспорядочных акциях с преследованием тех же самых целей. Противопоставление между используемыми и неиспользуемыми, признаваемыми и непризнаваемыми институтами является одним из наиболее глубоких во всей сфере безопасности. Де-институционализация является угрозой, которую необходимо принимать в высшей степени серьезно, даже если мир еще не подошел к ней так близко в начале XXI века, как это полагают (или надеются) некоторые. Это может случиться как от эрозии доверия среди институтов – в результате чисто качественной производительности, но также и избегания новых задач – так и от атак на них или удачного высмеивания их правил со стороны»[1].

По существу именно Алисон Бейлс в своей статье уже обозначила как неудовлетворённость состоянием изучения и предотвращения новых угроз в обеспечении безопасности XXI века, так и тенденции к компромиссам в деле обеспечения безопасности.

Ещё более чётко и обоснованно раскрыл проблему ускорения активного привлечения специалистов, общественности к новым проблемам безопасности, к возросшей угрозе ядерной войны Мохаммед эль-Барадей, генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), лауреат Нобелевской премии мира в своём докладе **«Предотвращение ядерной катастрофы: куда же мы движемся?»**, представленном 24 мая 2007 года в Люксембурге на Международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы. «Нам необходимы серьезные обязательства по ядерному разоружению, с четко сформулированными этапами их реализации и определенной подотчетностью, – чётко сформулировал он свою позицию. – Нам необходим эффективный подход к преодолению угроз, связанных с распространением. Нам необходима международная политика в сфере ядерного топливного цикла. Нам необходима универсальная и мощная система проверок. Нам необходима действенная система обеспечения безопасности ядерных материалов. **Но, прежде всего, нам необходимо приступить к серьезной работе по формированию новой парадигмы коллективной безопасности.** Если мы действительно хотим предотвратить ядерную катастрофу, действовать надо сегодня»[2]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Считаю очень важным общее, что есть в суждениях Алисон Бейлс (2006 г.) и Мохаммеда эль-Барадея: актуальность для реального предотвра-

[1] *Bails A. J.K.* Introduction... P. 27.
[2] http:www.pnc2007.org/addresses/reports/29.06.2007

щения ядерной войны «нового порядка» и «новой парадигмы коллективной безопасности».

Именно в таком ключе я и рассматриваю становление социологии компромисса, что чётко обозначает миссию социологии в содействии предотвращению ядерной катастрофы. Здесь первый шаг – новая Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века, а второй шаг – стратегическая партнёрская культура компромисса.

Два социологических процесса «запускают», по моему мнению, процесс евразийского гуманитарного синтеза (формирование единой, целостной евразийской безопасности).

Во-первых, инициирующее влияние «изнутри» процесса как катализатор – это *генерирующая роль российской национальной безопасности XXI века, основанной на культуре безопасности, гуманитарной парадигме, на культуре предотвращения, на сетевом подходе, на высоких гуманитарных технологиях*[1]. Особенность этого влияния изнутри – феномен «российская безопасность XXI века» обусловлен наличием национального идеологического стратегического компромисса по поводу национальной цели, общероссийских идеалов и ценностей.

Убедительно и точно раскрыл смысл нового стратегического подхода к российской, евразийской и глобальной безопасности Юрий Воробьёв, первый заместитель главы МЧС РФ. На вопрос корреспондента: «Мы просто обречены на череду катастроф?» он дал такой ответ.

«Мы обречены, что такие угрозы будут постоянно нарастать. То есть это процесс объективный и совершенно неизбежный. А противопоставить ему человек может лишь свою социальную организацию, – уточнил Ю. Воробьёв. – Это означает, что он должен менять свои традиции, культуру, он должен получать новые знания и в соответствии с полученными знаниями менять своё поведение. Человек сегодня уже просто обязан обладать высокой технологической культурой, **иметь более высокую культуру безопасности,** он должен учитывать все риски при своём развитии и стратегические риски при стратегическом планировании. То есть если мы сегодня планируем свою жизнь на ближайшие 5, 10, 15 лет, то мы просто обязаны планировать и вероятные риски на 10, 15, 30 лет»[2]. (Выделено мною. – *В.К.*).

Далее, по ходу беседы, он ещё уточнил свой тезис о содержании суждения *«высокая культура безопасности»*. «Все дело в том, что сегодня и у государства, и у бизнеса просто нет другого выхода. Особенность глобальных рисков заключается еще и в том, что они лишены избирательности, – констатировал Юрий Воробьёв. – Московский энергетический кризис ударил не только по государственным системам, но и нанес серьезный ущерб бизнесу.

---

[1] *Кузнецов В., Никонорова Е., Кочетов Э., Сергеев Г.* Проект Государственной стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Основные положения: 2005–2020 гг.) // Безопасность Евразии. 2005. № 3.

[2] *Воробьёв Ю.* «Нам нужна культура безопасности» (беседовал В. Янов) // Новые известия. 2005. 5 июля. С. 7.

У нас ведь и при социализме вся политэкономия строилась на том, что нужно создавать прибавочную стоимость. Нужно расширять производство, рынок, увеличивать количество продуктов и услуг... То есть во главе угла всегда стояли политэкономические императивы. Но теперь изменились не только времена, изменился критический уровень рисков. Сегодня во главе угла должны стоять императивы безопасности и лишь потом – экономики. Человек должен думать о своей безопасности не в тот момент, когда беда постучалась к нему в дверь в виде энергетического кризиса, экологического или любого другого. Он должен планировать свою безопасность. Что, кстати, уже нередко делает. Покупая, к примеру, машину, вы ведь не зря интересуетесь наличием подушек безопасности, АБС, ребер, жесткости... Это же не означает, что вы намерены попасть в аварию. Но свою безопасность на случай аварии уже планируете.

Точно так же должна осуществляться политическая и государственная деятельность»[1].

Во-вторых, «извне» евразийской безопасности на процесс её синтеза (из европейской и азиатской безопасности) постоянно влияют новые подходы к глобальной безопасности XXI века, предложенные в Докладе «мудрецов» (2004 год)[2], а также в мартовском (2005 год) докладе Кофи Аннана, Генерального секретаря ООН[3], а также новые подходы к европейской безопасности, предложенные в Докладе «мудрецов» (2005 год)[4]. Здесь важнейшая гуманитарная инновация XXI века: предотвращение, культура предотвращения.

Это достаточно давно известная категория: смысл предотвращения в максимально ранней стадии изучения условий и факторов формирующих опасности, угрозы и вызовы человеку, обществу, государству и цивилизации. Поэтому, *на первой стадии*, необходим социологический мониторинг этих условий и факторов. Высокое качество исследовательских процедур способно изучать и самые ранние стадии возникновения опасностей и угроз. *Вторая стадия* социологического мониторинга как условий, влияющих на возникновение опасностей, так и первых признаков оформления самих опасностей предполагает реальные упреждающие действия по устранению и блокированию как условий, так и ещё только возникающих опасностей.

Осознание значительности и необходимости императива «предотвращение» для всего мирового сообщества состоялось только на рубеже XX и XXI веков. Инициатором нового понимания императива «предотвращение» выступили Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН и сама Организация Объединённых Наций.

Продвижение предотвращения в реальные социальные, экономические, идеологические глобальные отношения выявило необходимость в новой гуманитарной

---

[1] *Воробьёв Ю.* «Нам нужна культура безопасности» (беседовал В. Янов) // Новые известия. 2005. 5 июля. С. 7.

[2] Безопасность Евразии. 2005. № 1.

[3] Там же.

[4] Там же. № 3.

парадигме, в новом мировоззрении, в новой социологии, философии, экономике, политологии безопасности[1].

В настоящее время как в России, так и во многих странах мира функционирует мировоззрение, социология и философия безопасности и мирового развития, основанные на императиве «реагирование».

Это пассивная стратегия, предполагающая схему вызов – ответ, угроза – ответ, является основой всех государственных документов в России, главным содержанием социологии, философии, экономики, политологии безопасности и развития.

С учётом такой реальной ситуации в отношении императива «предотвращение» Кофи Аннан в своих докладах, статьях и выступлениях 1999–2006 годов предложил новое понимание мировоззрения, социологии, философии, экономики и политологии безопасности.

Он сформулировал, как *третью стадию продвижения императива «предотвращение»*, тезис о «культуре предотвращения».

По моему мнению, императиву «предотвращение» трудно было реализоваться в конце XX века, так как он опирался на геополитическую и геоэкономическую парадигму, которым «родным» был императив «реагирование».

Именно новая, геокультурная, парадигма органично и полно наполняет реальным и актуальным содержанием императив «культура предотвращения», обусловливает его востребованность[2].

Контрольные вопросы

1. В чём состоят сущностные особенности понимания безопасности через компромисс?
2. Как можно расширить возможности методологии социологии компромисса с учётом специфики компромиссного?
3. Обоснуйте отличия изучения проблем жизнеобеспечения человека методами социологии безопасности от методики компромиссности.

Литература

Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 1.
Лужков Ю.М. Россия 2050 в системе глобального капитализма: о наших задачах в современном мире. М., 2007.
Картер Дж. Мир рискует вернуться к гонке ядерных вооружений // Ведомости. 2007. 19 сентября.
Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
Становление евразийской безопасности. М., 2005.
Капто А.С. От культуры войны к Культуре Мира. М., 2002.

[1] *Кузнецов В.Н.* Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура – Сеть. М., 2003; *Он же.* Российская идеология 21: Опыт социологического исследования российской идеологии XXI века. М., 2004; *Он же.* Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М., 2006.

[2] Мои обоснования такого подхода приведены в моих книгах и статьях 2003–2007 годов.

Глава 6

Безопасность через предотвращение возникновения ядерной катастрофы XXI века

На рубеже 2006 и 2007 годов обозначились устойчивые глобальные изменения методологии формирования, функционирования и трансформации практически всей мировой сферы безопасности, её архитектуры, всех её основных звеньев.

Во-первых, принципиально изменилась методология и технология определения и согласования Правил Игры при создании и корректировке Повестки Дня всему мировому сообществу в вопросах глобальной, региональной и национальной безопасности; личной безопасности человека.

Во-вторых, реальное интеллектуальное, культурное, промышленное, гуманитарное лидерство России и стран Азии в XXI веке нашло методологическое и концептуальное воплощение в создании (2006 год) новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века (геокультурная методология и концепция миропорядка XXI Кузнецова).

В-третьих, главным методологическим основанием для конструктивной и созидательной творческой деятельности учёным, специалистам, гражданам и организациям по строительству новой сферы безопасности, её архитектуры стал новый Глобальный Гуманитарный Проект Мира XXI века – Проект Мироустройства.

В-четвёртых, и методологическим, и концептуальным, и прагматическим стал для каждого человека, по моему мнению, во всех странах мира вопрос (и задача, и проблема) о необходимости энергично и эффективно действовать по отдельности, группами, большими сообществами с использованием всех современных достижений информационных технологий, чтобы надёжно и оперативно предотвратить, «социологически», возможность уже готовящейся сторонниками культуры смерти (США, НАТО, страны Европейского Союза и другие государства) ядерной войны XXI века.

Настала наша очередь (социологов, философов, экономистов, политологов, учёных, многих разных специалистов: Граждан) сохранить и защитить Мир и Безопасность, как это достойно, эффективно и по всему миру сделали наши коллеги в 60–70-х годах XX века.

Именно эти четыре методологических аспекта становления социологии безопасности через компромисс рассмотрены в шестой главе моего учебного пособия.

Новые Правила Игры для Повестки Дня XXI века

Свой вклад в строительство, поддержание и развитие созидательного потенциала «методологии предотвращения ядерной войны XXI века» я рассматривают через авторскую разработку оснований геокультурной методологии (см. вставку 1).

Вставка 1

Vyacheslav Kuznetzov. FOUNDATIONS OF GEOCULTURE: Sociology of Geocultural Dynamics of Security in World 21. Culture–Network. M., 2006. = Основания геокультуры: Социология геокультурной динамики безопасности в Мире 21: Культура–Сеть / РАН. Ин-т соц.-полит. исслед. М., 2006. 436 с. На англ. яз.

Монография представляет итоги практически первых в мировой гуманитарной науке социологических исследований феномена геокультуры как перспективной методологии, как оригинальной теории и новой мировоззренческой парадигмы XXI века. В книге обоснованы логика и механизм движения от геополитики и геоэкономики к геокультурному подходу. Динамика становления геокультурной парадигмы рассмотрена на примере изучения состояния и перемен уровня обеспечения личной, национальной и коллективной безопасности по итогам научно-исследовательских работ и социологических исследований, осуществленных при участии под руководством автора.

CONTENTS

List of Tables, Boxes and Figures in the Text
Introduction. Geoculture through Security
Section I. FORMATION OF GEOCULTURE
Chapter 1. Rise and Development of the Subject of Geoculture
Chapter 2. Contents of the «Geoculture» Phenomenon
Chapter 3. Labor as the Basis of Security
Chapter 4. Prevention of International Terrorism
Chapter 5. Sociology of Culture of Security as Sociology of Geoculture
Section II. THE MEANING OF GEOCULTURE
Chapter 6. The Individual and the Family in the Subject Field of Geoculture
Chapter 7. Necessity of Basic Categories
Chapter 8. Definiteness of Basic Categories
Section III. THE LOGIC OF GEOCULTURAL CHANGES
Chapter 9. Sociology of Hope
Chapter 10. Logistics of the Culture of Prevention
Chapter 11. Dynamics of the Institutionalization of Geoculture
Section IV. PROBLEMS OF GEOCULTURE
Chapter 12. Intellectual Medium of Geoculture
Chapter 13. The Need to Establish a Scientific School for Studying Problems of Eurasian Security
Chapter 14. Possibility and Necessity of a Geocultural Paradigm of the 21st Century

Продолжение Вставки 1

Results and Discussion
Conclusion. Security as Geoculture
Glossary
Selected Bibliography
About the Author

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перечень таблиц, вставок, схем, рисунков, диаграмм и графиков в тексте
ВВЕДЕНИЕ. ГЕОКУЛЬТУРА ЧЕРЕЗ БЕЗОПАСНОСТЬ
Раздел I. СТРОИТЕЛЬСТВО ГЕОКУЛЬТУРЫ
Глава первая. Становление субъекта геокультуры
Глава вторая. Содержание феномена «геокультура»
Глава третья. Труд как основа безопасности
Глава четвертая. Предотвращение международного терроризма
Глава пятая. Социология культуры безопасности как социология геокультуры
Раздел II. СМЫСЛ ГЕОКУЛЬТУРЫ
Глава шестая. Человек и семья в предметном поле геокультуры
Глава седьмая. Необходимость диалога
Глава восьмая. Определенность основных категорий
Раздел III. ЛОГИКА ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН
Глава девятая. Социология надежды
Глава десятая. Логистика культуры предотвращения
Глава одиннадцатая. Динамика институционализации геокультуры
Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ ГЕОКУЛЬТУРЫ
Глава двенадцатая. Интеллектуальная среда геокультуры
Глава тринадцатая. Востребованность создания научной школы исследования проблем безопасности Евразии, проблем культуры безопасности
Глава четырнадцатая. Возможность и необходимость геокультурной парадигмы XXI века

Результаты и дискуссия
Заключение. Безопасность как Геокультура
Основные публикации автора по теме книги
Глоссарий
Литература
Сведения об авторе

Главные смыслы именно такой конструктивной инновационной методологии я предложил для дискуссии участникам Социологического симпозиума Российского общества социологов (Москва, май 2006)[1] накануне 16 мирового социологического конгресса (Дурбан, ЮАР, июль 2006), на который было представлено моё сообщение[2].

Итоги моих исследований, особенно изучения конкретного опыта динамики и осуществления результатов состоявшихся компромиссов, позволяют в самом предварительном порядке, соотнести положительный потенциал «методологического оптимизма» в сфере компромиссного с функционированием дуальной позиции «компромиссность – справедливость», которая является важнейшей сущностной характеристикой геокультуры. В таком контексте она является и методологией, и мировоззрением, и новым гуманизмом.

Но самое главное, по моему мнению, в таком «соотнесении» состоит в том, что обозначенная «позиция» формирует новые глобальные правила игры для формирования, осуществления и корректировки Повестки Дня всему мировому сообществу.

По сути, это первый постулат новых Правил Игры для мирового сообщества в XXI веке, это новая Повестка Дня для Мира XXI века, которые были разработаны и предложены Россией всем народам и государствам весной и летом 2006 года, когда фактически Россия оформилась и состоялась как глобальный интеллектуальный лидер.

Повторю: **первым постулатом** новых Правил Игры в XXI веке для всего мирового сообщества *может быть названо содействие в достижении благожелательности и универсализма для всех с сохранением всего корпуса национального образа жизни, своей оригинальной культуры, традиций, обычаев и доминирующих ценностей; своей территории.*

Вторым постулатом *может быть названа культура компромисса как солидарная культура компромисса, как стратегическая партнёрская культура компромисса.*

Третьим постулатом *может быть названа культура безопасности через культуру предотвращения для каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации через достижение Целей развития тысячелетия, согласованных на Саммите 2000.*

Само понятие **«правила игры при разработке, осуществлении, корректировке Повестки Дня для мирового сообщества в XXI веке»** может быть определено, в рабочем плане, следующим образом:

---

[1] *Kuznetzov V.* Geoculture as a Methodological Approach in Social Studies // Sociology: History, Theory, and Practices. Vol. 7**:** Materials of the Russian Society of Sociologists' Symposium (Moscow, May 2006) and the 16th World Sociological Congress (Durban, SAR, July 2006) / Ed. by V. Kultygin. Moscow; Durban, 2006.

[2] *Kuznetzov V.* Doctrine of Geoculture as a Methodological Approach in Comparative Sociology // Sociology: History, Theory, and Practices. Vol. 7: Materials of the Russian Society of Sociologists' Symposium (Moscow, May 2006) and the 16th World Sociological Congress (Durban, SAR, July 2006). Ed. by V. Kultygin. Moscow; Durban, 2006.

это процесс творческого поиска в сфере социокультурных инноваций конкретных людей и народов на основе эмоциональных переживаний и строгих рациональных правил в соблюдении процедуры участия и ориентированных: на дополнение и трансформацию реальности; на переживание и переосмысление устоявшихся коммуникаций; на восприятие свободы в масштабе приемлемой модели мироустройства и миропонимания с целью конкретного участия и ответственности за надёжное обеспечение достойной жизни каждого человека.

Категория **«Повестка Дня для мирового сообщества на XXI век»**, в рабочем варианте, *может быть определена как*

взаимосвязанная и согласованная с участием всех субъектов взаимодействий: совокупность целей, ценностей, идеалов и интересов; последовательность действий для их достижения и безусловный уровень легитимности, законности используемых средств и процедур в процессе деятельности; определённость времени и пространства, масштаба деятельности каждого актора; чёткая и обозначенная заранее ответственность за риски и ошибки в процессе достижения выбранных ориентиров; гласность и прозрачность при распределении долей (частей, фрагментов, преференций и т. д.) полученного результата.

Новая модель мирового порядка для XXI века (концепция Кузнецова)

При анализе проблемы становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века необходимо отметить её чёткую ориентированность на содействие в обеспечении достоинства, благополучия и безопасности каждого человека, каждого народа. Тем самым и в стратегическом, и в тактическом аспектах становится возможным для Всех – достижение справедливости, качественного образования, здравоохранения (см. схему 4).

Особенно важно выделить *конкретность объекта в новой модели мира – каждый человек*. В итоге: глобальная, региональная, локальная динамика нового миропорядка – при полном сохранении идентичности каждого человека, каждого народа – содействует достижению Целей человечества, согласованных на Саммите тысячелетия в 2000 году.

Определённость субъекта в Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века – каждый народ в реальностях современности – создаёт новый глобальный гуманитарный феномен: **«концерт народов России и Азии, концерт всех народов мира».**

Таким образом, оформляется востребованность со стороны нового миропорядка, её объекта и субъекта, нового миропонимания, нового мировоззрения: Московско-Шанхайский миропорядок должен быть понят, осмыслен, обсуждён. Только во взаимосвязи, взаимообусловленности с мировоззрением XXI века, новая модель миропорядка востребована.

Схема 4. **Социология становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века**

Исключительно важная конструктивная, созидающая особенность становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века: *есть, реально действует глобальный и региональный интеллектуальный лидер – Россия, её народы, россияне, которые уже участвуют в соединении нового миропорядка и мировоззрения XXI века*.

Россия предложила Азии, странам БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), многим другим странам новые смыслы для азиатского, евразийского и глобального стратегического гуманитарного компромисса по достижению безопасности человека, по формированию нового гуманизма.

Сегодня в творческой деятельности, направленной на культуру мира и безопасности, на культуру диалога между народами, культурами и странами по инициативе России, Китая, Индии, Бразилии уже участвуют сотни миллионов людей. Вот это и есть смысл нового миропорядка, нового мировоззрения XXI века.

Основные особенности Московско-Шанхайской модели мира XXI века целесообразно представить в тезисной форме:

• новая модель миропорядка состоялась как конкретный интеллектуальный итог 60-летия Великой Победы Советского Народа над фашизмом.

Именно здесь сохраняется глубокая преемственность новой модели мира с предыдущей, Ялтинско-Потсдамской, которая оформилась по итогам второй мировой войны (1939–1945) в качестве выражения Вестфальской модели мира;

• впервые за последние 358 лет глобальная модель мироустройства оформилась по итогам невоенного, мирного шестидесятилетнего развития народов и стран.

Вестфальская модель мира состоялась по завершении Тридцатилетней войны в Европе (1618–1648).

Венская система международных отношений (продолжение Вестфальской модели) стала итогом Наполеоновских войн (1799–1815) и предложила такой порядок отношений государств, который назвали «Европейским концертом».

Версальско-Вашингтонская модель мира (продолжение Вестфальской системы) сложилась по итогам Первой мировой войны (1914–1918). Именно в тексте Версальского мирного договора с Германией (1919) был представлен статус *Лиги Наций* как международной межправительственной организации, призванной содействовать сотрудничеству между народами для дела мира и безопасности: США не ратифицировали этот документ.

Содержание и структура Версальского миропорядка были дополнены на Вашингтонской конференции (1921–1922), которая была проведена по инициативе США для оформления отношений между государствами в Тихоокеанском регионе.

Ялтинско-Потсдамская система мироустройства (продолжение Вестфальской модели мира) оформилась по завершении Второй мировой войны (1939–1945);

• решающей, главной особенностью складывающейся ***Московско-Шанхайской модели мироустройства*** является, по моему мнению, принципиально но-

вое понимание Субъекта миропорядка, миростроительства, мироустройства. Здесь главный действующий Субъект – народ, народы России и Азии (в Вестфальской модели мира – государства). Поэтому новую модель мироустройства (Московско-Шанхайскую) правомерно называть ***«Концертом Народов России и Азии»***;

• считаю важным и необходимым выделить исключительно конструктивную особенность формирования Московско-Шанхайской модели мира. В течение 2000–2007 годов на всех этапах её становления действует широко и устойчиво признанный глобальный интеллектуальный и гуманитарный лидер – Россия[1]. Равновелика и равнозначима лидирующая роль Китая как творца мирового экономического и промышленного развития; динамика научного исследования процесса строительства новой модели миропорядка может быть рассмотрена в контексте геокультурной научной парадигмы (часть единой гуманитарной парадигмы XXI века), в которой сам Мир XXI века рассматривается как Культура – Сеть[2];

• доминантой, главной линией новой модели миростроительства является содействие продвижению во всех странах мира к глобальному порядку XXI века: достоинство, безопасность и благополучие для каждого человека; здоровье, образование – для всех; достижение Целей человечества, принятых в 2000 году на Саммите тысячелетия;

• источником созидания, позитивной деятельности, уверенности в настоящем и будущем является главный интегрирующий фактор – создание и укрепление культуры жизни человека, культуры устойчивой безопасности каждого человека. *Для Российско-Азиатского «концерта народов» именно позитивное разрешение главного глобального противоречия между культурой жизни человека* (Московско-Шанхайская модель мира) *и культурой смерти человека* (как культуры войны многих стран Европы, НАТО и США против народов Югославии в 1999 году; как культуры войны США, Англии и многих стран мира против народов Ирака – с 2003 года по настоящее время) *является источником динамики для достижения культуры мира, созидающих итогов диалога культур и религий, альянсов цивилизаций*;

• на схеме «Социология становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века» я особенно зримо выделяю условия функционирования самой новой модели миропорядка (её уровни 1, 5, 9, 13, 14, 15, 19) в зависимости от внутренней и внешней трансформации самого феномена «компромиссное»;

• исходный этап динамики компромиссности обусловлен созидающим, энергосоздающим эффектом преобразования компромисса в контексте геокультурной парадигмы в **глобальный гуманитарный стратегический компромисс**

---

[1] *Красников Н.* Россия стала самой влиятельной страной в мире // Комсомольская правда. 2007. 17 сентября. С. 3.

[2] Такой подход обоснован автором учебного пособия в работах 2000–2006 годов. См.: *Kuznetzov V.* Foundations of Geoculture: Sociology of Geocultural Dymanics of Security in World 21: Culture – Network. M., 2006.

(уровень 2). Но его возможность для всех сторон взаимодействия обусловлена согласованием важных уступок: во-первых, (уровень 3) в сфере культуры, религии, базовых мифов; во-вторых, в сфере (уровень 4) национальной идеологии;

• в позитивном разрешении глобального противоречия XXI века между культурой жизни (Россия – Азия) и культурой смерти (США – Европейский Союз, НАТО) содержится как позитивный источник динамики мировых конструктивных перемен (уровень 5), так и возможность глобальной ядерной войны XXI века;

• по моему мнению, дополнительная позитивная энергия с уровня 2 (поступающая на уровень 5) может «сдвинуть» обострившиеся противоречия между народами мира (прежде всего, народами России) и силами агрессии, войны в США и других странах в сторону культуры компромисса, в сторону культуры безопасности;

• дополнительным фактором может стать восстановление важнейшего позитивного императива эффективно действовавшего (по словам А.Д. Богатурова) в 50–90-е годы XX века в сфере ядерной безопасности: **«солидарной культуры компромисса»** (уровень 6).

Однако для восстановления хорошей традиции и технологии в XXI веке субъектам компромисса придётся сделать серьёзные фундаментальные уступки: во-первых, в сфере главных национальных целей и базовых, особенно чтимых ценностей (уровень 7); во-вторых, в сфере идеалов и главных национальных интересов (уровень 8);

• самый конструктивный и созидающий, востребованный этап трансформации компромисса может состояться под постоянным и всеобщим влиянием во всём мире опыта и традиций осуществления Культуры Мира, Культуры Безопасности, Идеологической Культуры, Культуры Диалога и Культуры Предотвращения (уровень 9). Я определяю эту важнейшую категорию как **стратегическая партнёрская культура компромисса** (уровень 10).

Для её осуществления (а подготовительная работа во многих странах уже идёт) потребуются самые чувствительные и масштабные уступки: в сфере национальной идентичности (уровень 11); в сфере национального менталитета (уровень 12);

• я уже представил ранее итоги моих исследований новых глобальных проектов XXI века: разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции (уровень 13), становлением новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (уровень 14), формированием нового мировоззрения (уровень 15). Полагаю, их смыслы, интеллектуальная новизна, дискуссионность могут способствовать формированию и функционированию **стратегического глобального опережающего и предотвращающего компромисса** (уровень 16).

Достижение такого высокого уровня взаимодействия всех государств мира потребует от каждой стороны (субъекта) компромисса беспрецедентных уступок: в сфере национальной безопасности (уровень 17); в сфере региональной безопасности – европейской, азиатской, американской, африканской, НАТО, ШОС и т. д. (уровень 18);

• **Смысл Главного Компромисса XXI века** – сохранение жизни всех ныне живущих людей.

Вот тогда нам всем очень потребуется консенсус по вопросам безопасности каждого человека, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации как это было согласовано всеми руководителями самых различных стран, входящих в Организацию Объединённых Наций на Саммите 2000 года (уровень 19).

Феномен **«миропорядок» («мировой порядок»)** как социологическую категорию, как новую Московско-Шанхайскую модель мирового порядка XXI века (авторскую концепцию В.Н. Кузнецова) можно определить следующим образом:

> *это устоявшаяся сетевая совокупность понятых и принятых людьми, народами и государствами взаимодействий, которые обеспечивают: гарантированный порядок их легитимного и желательного жизнеобеспечения (достойной жизни человека; благополучия, безопасности народа, национального суверенитета государства, целостности территории); сохранение и развитие культуры, национального образа жизни, традиций; удовлетворённость настоящим и уверенность в будущем; доверие национальным и международным законам с уверенностью в их справедливом и единообразном (без двойных и тройных стандартов) толковании и исполнении.*

Считаю важным отметить, что именно социологический аспект исследования реального состояния трансформации в XXI веке смыслов феноменов «мировой порядок», «мироустройство» убедительно, оригинально и фундаментально осуществлён известным учёным, профессором Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Павлом Афанасьевичем Цыганковым[1].

Теперь можно предложить рабочее определение категории **«идеология миропорядка» («идеология новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века»):**

> *это формирующаяся устойчивая совокупность принципов и установок: на методы и средства достижения своих целей, идеалов, ценностей, интересов; на допустимые рамки участия в изменении порядка взаимодействий в обеспечении культуры мира, культуры безопасности на основе культуры компромисса и справедливости.*

Новый Глобальный Гуманитарный Проект Мира XXI века – Проект Мироустройства

Социологические исследования практик функционирования компромиссного в реальностях XXI века, по моему мнению, приобретают всё более актуальное значение, а их итоги становятся всё более востребованными.

---

[1] *Цыганков П.А.* Социальные основы международного порядка // *Он же.* Теория международных отношений: Учеб. пособие. М., 2006. С. 470–506.

Первым приоритетом (надеюсь, что читатели со мною согласятся) становится главная общественная практика сохранения и обустройства достойной, благополучной и безопасной жизни Человека и всех народов. Я называю такую практику *культурой жизни*.

Общим пространством смыслов, многообразных реальных практик в настоящее время становится, по моему мнению, образ (содержание, структура) глобальной конструктивной модели мироустройства XXI века.

В парадигмальной матрице (схема 5 на стр. 151) на уровнях 17, 18, 22, 23, 27, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31–38 представлена схема взаимодействий в практике возможной модели мироустройства XXI века.

Схема 5. **Парадигмальная Матрица Кузнецова – ПМК**

Выражения парадигмы / Характеристики			ГЕОПОЛИТИКА	ГЕОЭКОНОМИКА	ГЕОКУЛЬТУРА
Субъект действия			Государство	Транснациональные компании	Человек Народ
Права и свободы человека 1.			Право сильнейшего государства, их коалиций 2.	Права и свободы человека 3.	Права и свободы человека, его ответственность 4.
Источник энергии, главное противоречие 5.			Вызов – ответ Угроза – ответ Опасность – ответ 6.	Вызов – ответ Угроза – ответ Опасность – ответ 7.	Культура жизни – культура смерти 8.
Географичность. Среда 9.			Пространство 10.	Пространство 11.	Масштаб 12.
Цивилизация 13.			Мир-Система 14.	Мир-Экономика 15.	Мир: Культура–Сеть 16.
Структура мироустройства 17.*	Политическое 18.		Вестфальская модель 19.	Вестфальская модель 20.	Московско-Шанхайская модель 21.
	Экономическое 22.	Финансовая 23.	Бреттонвудские соглашения 24.	Бреттонвудские соглашения 25.	Рубль как резервная валюта 26.
		Торговая 27.	Генеральное соглашение о тарифах и торговле 28.	Всемирная Торговая Организация 29.	Региональные торговые союзы и соглашения 30.
	Институциональное 31.		Западные Правила Игры 32.	Западные Правила Игры 33.	Правила Игры для не-Западной модели мироустройства 34.
	Гуманитарное 35.		Классический гуманизм 36.	Новый гуманизм 37.	Мировоззрение Новый не-Западный гуманизм 38.

* Здесь «модель мироустройства XXI Анны Кузнецовой и Вячеслава Кузнецова». См.: Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007. С. 660.

Интегрирующая доминанта миропорядка 40.	• Сотрудничество • Баланс опасностей, угроз и вызовов 41.	• Солидарность Солидарная культура компромисса 42.	Стратегическая партнёрская культура компромисса 43.
Динамика 44.	Сила, баланс сил, сдерживание 45.	Торговля, конкуренция, баланс интересов 46.	Доверие, сотрудничество, диалог, справедливость 47.
Война, мир и безопасность 48.	Культура войны 49.	Культура мира 50.	Культура мира, безопасности и диалога 51.
Взаимосвязь 52.	Иерархичность 53.	Иерархичность 54.	Отсутствие иерархичности 55.
Детерминизм 56.	Причинность, функционализм, системность 56.	Причинность, линейность, системность 57.	Вероятность, нелинейность, сетевой подход 58.
Методология 59.	Системно-структурный подход 60.	Системно-структурный подход 61.	Институционально-сетевой подход 62.
Технология 63.	Социальные технологии 64.	Высокие геоэкономические технологии 65.	Высокие гуманитарные технологии 66.

В своём выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года В. Путин чётко высказался по важнейшему политическому звену мироустройства. «Считаю, что для современного мира – пояснил он – однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна... сама модель является вообще неработающей, так как в её основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации. Вместе с тем всё, что происходит сегодня в мире... это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела – концепции однополярного мира»[1].

Очень важен завершающий тезис этого выступления нашего Президента: «...нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнёрами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нём безопасность и процветание не для избранных, а для всех»[2].

[1] *Путин В.В.* Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета. 2007. 12 февраля. С. 1–2.

[2] Там же.

Полагаю, что в моей схеме исходный уровень структурирования примерной модели Мироустройства XXI века изложен адекватно. Здесь пять звеньев: политическое, финансовое и торговое (два завершающих – это обобщённый экономический уровень), институциональное и гуманитарное.

Если в Мюнхене Владимир Путин не конкретизировал свои соображения о политическом аспекте нового мироустройства, то в Санкт-Петербурге перед многотысячной компетентной аудиторией учёных, бизнесменов, государственных деятелей он подробно обосновал предложения об изменении «архитектуры экономических отношений».

Характерно, что тематика пленарного заседания XI Петербургского международного экономического форума с участием «более половины ВВП мира» была обозначена символично: «Конкурентоспособная Евразия – пространство доверия». Вот что сказал Президент России Владимир Путин: «В интересах устойчивого развития необходимо формировать новую архитектуру международных экономических отношений – отношений, построенных на доверии и взаимовыгодной интеграции. И потому, не забывая о здоровой конкуренции, мы все должны двигаться к формированию общих взаимозависимых интересов и связей»[1].

В итоге, В. Путин предложил трансформировать второе (финансовое) звено существующей модели мироустройства в новую модель, в которой Рубль может функционировать в качестве одной из резервных мировых валют. Третье звено – торговлю – В. Путин предложил рассматривать как совокупность региональных союзов и соглашений.

Таким образом, в 2007 году (Мюнхен – февраль, Санкт-Петербург – июнь) «сложился» исходный контур нового мироустройства.

В декабре 2007 года сложились основы объединенной модели мироустройства XXI века Анны Кузнецовой[2] и Вячеслава Кузнецова, в которой устойчивая целостность – мироустройство – обусловлена единством четырех измерений: политического, экономического, гуманитарного, институционального[3].

Его главными сущностными характеристиками, по-моему, могут быть названы три императива (см. схему 6):

- первый императив – концептуальная компромиссность;
- второй императив – новый (не-Западный) гуманизм XXI века;
- третий императив – справедливость как Стратегическая Идея для России и для всего Мира.

---

[1] http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/06/133642.shtml. 10.06.2007.

[2] *Кузнецова А.* О методологии синтезирующего взаимодействия гуманитарности в формировании не-Западной модели мироустройства XXI века // НАВИГУ, 2007. № 3.

[3] *Кузнецова А., Кузнецов В.* Смысл роли России в утверждении справедливого мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.

Схема 6. **Социология формирования нового мироустройства как Глобальный Геокультурный Гуманитарный Проект Мира – Проект Мироустройства (ГГГПМ)**[1]

Структура / *Содержание*			*Основные характеристики*
Главный вектор			Культура жизни
Структура мироустройства	Политическая		Московско-Шанхайская модель Мира
	Экономическая	Финансовая	Рубль как резервная мировая валюта
		Торговая	Региональные торговые союзы и соглашения
	Институциональная		Правила Игры
	Гуманитарная		Мировоззрение Новый не-Западный гуманизм
Главные смысловые императивы как сущностные характеристики ГГГПМ			Концептуальная компромиссность
			Новый (не-Западный) гуманизм XXI века
			Справедливость как стратегическая идея для России и всего Мира

Реальные практики жизни людей, взаимодействий культур, религий, государств, их объединений (региональных и международных), деятельности корпораций (их региональных и международных союзов) обозначили и контуры другого нового мирового проекта XXI века, который условно может быть назван Глобальным Проектом Буша (речь идёт об уважаемом президенте США – Джордже Буше-младшем).

Исходный, первый тезис нового атлантического проекта – бескомпромиссность. Именно так можно интерпретировать концептуальность фиксирования исходного состояния мироустройства XXI века. 16 марта 2006 года советник администрации США по вопросам национальной безопасности Стивен Хедли от имени президента США Дж. Буша зачитал в Американском институте мира доклад «Стратегия национальной безопасности». Главный смысл новой стратегии мироустройства для XXI века президент США охарактеризовал чётко и кратко: «Америка находится в состоянии войны» (America is at war). Более подробно Дж. Буш раскрыл смысл стратегической цели страны: «Наша конечная цель – уточнил он, – распространение демократии по всему миру».

Полагаю, что именно бескомпромиссность может быть определена и как важнейшая сущностная характеристика нового глобального атлантического (западного) проекта мироустройства XXI века.

---

[1] *Хазин М.* Путин и геополитика: Неочевидные итоги саммита G8 и форума в Санкт-Петербурге // Завтра. 2007. Июнь. № 25. С. 3.

Второй тезис в 2007 году озвучил министр обороны США Роберт Гейтс. «Надо увеличить численность вооруженных сил США для того, чтобы они были готовы к масштабной войне с потенциальными противниками. Помимо Ирана и КНДР, к ним относятся Китай и Россия, – уточнил министр обороны США. – ...Нам необходимы все средства ведения войны...»[1].

Летом 2007 года редакция газеты «Комсомольская правда» (тираж 725429 экземпляров) задала опытным и уважаемым как в России, так и во многих зарубежных странах экспертам (Александру ВЛАДИМИРОВУ, генерал-майору, вице-президенту Коллегии военных экспертов России; Виктору ЕСИНУ, генерал-полковнику, первому вице-президенту Российской академии проблем безопасности, обороны и правопорядка; Леониду ИВАШОВУ, генерал-полковнику, президенту академии геополитических проблем; Александру ШАРАВИНУ, директору Института политического и военного анализа), вопрос: «Возможно ли военное столкновение между США и Россией?».

Итоги дискуссии с их участием были опубликованы в газете 17 июля 2007 года. В. Есин, А. Шаравин представили мудрую, обоснованную позицию о весьма слабой, «ничтожно малой» вероятности войны между Россией и США. Л. Ивашов считает, что «война США против России возможна». Я более полно приведу позицию А. Владимирова и её обоснование, так как она представляется весьма близкой к озабоченностям по поводу глобальной ядерной войны (катастрофы), которые прозвучали в Люксембурге (24–25 мая 2007 года). «Война между Россией и США возможна уже в ближайшие 10–15 лет, – убеждён А. Владимиров. – И инициатором её, и прямым агрессором будут США. Основные причины войны – борьба за монопольное владение ресурсами России и недопущение к ним Китая. А цели такой войны очевидны уже сейчас. Это устранение самого мощного геополитического соперника, обладающего возможностью за 30 минут стереть США с лица земли. Это обеспечение беспрепятственного доступа США к ресурсам Сибири и Российского Дальнего Востока. Это устрашение остального мира и Китая военной победой и мощью технологий и оружия. ...Эта война неизбежно перерастёт в ядерную. Независимо от того, какие средства будут применяться в её начале. ...Какими бы ни были сценарии возможной российско-американской войны, итог будет только один – наша полная победа! Эта война будет безусловным преступлением против человечества и закончится неминуемым национальным крахом Североамериканских штатов»[2].

С учётом вышеизложенного, второй сущностной характеристикой нового Проекта Буша (нового атлантического проекта XXI века) можно назвать доминирование императива культуры войны с чётким позиционированием потенциального противника – России.

Особенности третьей сущностной характеристики новой атлантической модели мироустройства раскрыл депутат Европарламента, руководитель его

[1] Приведено по: Комсомольская правда. 2007. 17 июля. С. 14–15.
[2] Там же.

постоянной комиссии по России Джульетто Кьеза в своей вдумчивой и проницательной книге «Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния», опубликованной летом 2006 года.

Эту фундаментальную характеристику нового атлантического проекта XXI века Дж. Кьеза оформил как чёткий императив: «Нами правит суперклан, по-видимому, имеющий склонность к суициду ... мы подошли к той точке, когда фундаментальные решения, затрагивающие жизнь на нашей планете, принимаются безответственными элитами, лишенными какой бы то ни было инвестуры и демократической легитимности. Самим корням демократии нанесён глубокий ущерб»[1].

Смысл третьего императива Проекта Буша, правящих группировок и кланов США, НАТО, Европейского Союза и поддерживающих их стран можно сформулировать так: это культура смерти, культура безответственности и безнаказанности за попрание жизни.

Самое предварительное сопоставление содержания и структуры новой архитектуры мироустройства XXI века (Проект Путина) и новой атлантической концепции мироустройства (Проект Буша) позволяет предложить читателям пять тезисов.

1. Именно в многообразии практик по сохранению жизни оформилось новое качество дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» как необходимость сохранения традиций предотвращения противоречий и войн, как потребность в новых гуманитарных инновациях.

2. Оформленность в 2007 году двух существенно разных проектов мироустройства обусловила «обнажённость» главного глобального движущего противоречия как главного антагонистического противоречия культуры жизни (Проект Путина) и культуры смерти (Проект Буша).

Несколько лет тому назад Чингиз Айтматов, размышляя об особенностях первого десятилетия XXI века, констатировал: наступают жестокие времена.

«Самоуничтожение – таков диагноз» считает Джульетто Кьеза, подводя в послесловии книги итоги своих размышлений о возможном мироустройстве XXI века. «Без реформы международных институтов, которая позволила бы мирным путём прийти к общим решениям, – полагает он, – без своевременных обдуманных и согласованных решений очень скоро может наступить цейтнот, во время которого восторжествует склонность к использованию силы, к удару мечом как к единственному и неизбежному средству, способному разрубить узел. Самые сильные попытаются забрать себе то, что осталось. Неужели для безумных войн нас хотят мобилизовать? Однако это не будет банальным повторением войн в Косове, Афганистане, Ираке. Все они были мотивированы различными, но одинаково лживыми способами. Мы в них участвовали и продолжаем участвовать. Но теперь окажется, что это были всего лишь скромные подготовительные манёвры. Во всё более лихорадочном переделе основных ресурсов уже участвуют такие протагони-

[1] *Кьеза Дж.* Война империй: Восток – Запад: Раздел сфер влияния. М., 2006. С. 307.

сты, как Китай, неколонизируемые страны, обладающие силой и способностью к сопротивлению, к защите своих интересов, к принятию автономных решений, не зависящих от Империи. Поэтому *не случайно учёные, следящие за ядерным риском, вновь начали пристальное наблюдение за стрелками «атомных» часов, которые обратным отсчётом указывают время и вероятность, отделяющие нас от столкновения, в котором это оружие будет использовано*»[1] (Выделено мною. – *В.К.*).

3. Всё более значимой для всего многообразия практик компромиссного становится проблема Понимания. Речь идёт не только о том круге специалистов, которые готовят компромиссы, осуществляют их, а потом оценивают результаты. Речь идёт о всё расширяющемся круге граждан, которые стремятся понять *смысл ситуации*, когда компромисс необходим и возможен; *содержание позиции* каждой стороны компромисса; смысл, содержание, структуру и *ценность* как *своих уступок* другой стороне компромисса, так и значительность, актуальность *и ценность уступок*, которые предлагает другая сторона компромисса; *процедуру и условия* «течения» компромисса, свою роль в этом процессе; *значимость и плодотворность результатов* компромисса, как для своей стороны компромисса, так и для другой стороны (других сторон) компромисса.

По существу, в практиках осуществления компромиссного возрастает роль фактора Понимания. Сложность этой тенденции связана с общим планетарным процессом «осреднения, упрощения, примитивизации» по мнению великого русского социолога и философа, логика и писателя Александра Александровича Зиновьева[2].

В своём завещании всем нам, книге «Фактор понимания», А.А. Зиновьев социологически, логически, философски обосновал значительность и важность сохранения и повышения именно образовательного уровня для миллионов людей с тем, чтобы через практики компромиссов преодолевать реально идущие процессы упрощения познания[3].

4. Именно необходимый и достаточный уровень понимания функционирования компромиссного обусловливает формирование, сохранение и позитивную трансформацию в осуществлении чувства Меры. Для компромисса понимание и осуществление феноменов «Мера», «Чувство меры» имеет исключительное значение для всех стадий восприятия дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность».

Это «касается» и оценки ситуации, требующей компромиссности к её разрешению; к уступкам; к процедуре; к результатам компромисса.

Особенно значительна необходимость «чувства меры» на «границах» компромиссного, когда «переизбыток» компромиссности ведёт к конформизму, к бездеятельности; когда «слабость» компромисса превращает его в некомпромисс, в некомпромиссное.

---

[1] *Кьеза Дж.* Война империй: Восток – Запад: Раздел сфер влияния. М., 2006. С. 317–318.

[2] *Большаков В.* Фактор понимания // Парламентская газета. 2007. 18 мая. С. 29.

[3] *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М., 2006.

5. Понимание природы практик компромиссного, его качественной определённости; понимание источников динамики компромиссного и его сущностных характеристик; понимание исключительной роли дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» и дуальной позиции «компромиссность – справедливость» в становлении новых моделей мироустройства XXI века объективно и субъективно «складывает» убедительные основания для особого компромиссологического научного дискурса.

В реальном мире новой не-Западной модели мироустройства как Проекта Путина противостоит действительно глобальная Западная, атлантическая модель мироустройства как Проект Буша.

Это функционирующая модель устоявшихся Правил Игры по формированию, осуществлению и корректировке Западной Повестки Дня для всего мирового сообщества на XXI век.

Её современный вариант (содержание, структура, теория, методология, эвристика, операционализация) был определён 10 лет назад: 3 июня 1997 года для кандидата в президенты США Дж. Буша-младшего была разработана «Доктрина Буша». Речь идёт о «Проекте нового американского века» (PANAC–Project for the New American Century).

Его авторы: брат будущего (для 1997 г.) президента Джеб Буш, Д. Рамсфелд, П. Вульфовиц, Д. Чейни. Ключевые тезисы – чёткие, энергичные и мобилизующие сторонников Запада. «Наша цель – заново обосновать глобальную руководящую роль Америки, – призывают авторы Проекта, – и организовать её поддержку... Полны ли Соединённые Штаты решимости преобразовать новый век в духе американских принципов и интересов?» «Мы, вероятно, забыли, на каких основных факторах основывался успех Рейгана: на вооружённых силах, которые обладают мощью и в состоянии ответить на нынешние и будущие вызовы; на внешней политике, которая мужественно и решительно продвигает американские принципы за рубежом; на национальном руководстве, которое берёт на себя глобальную ответственность Соединённых Штатов». «Мы не можем позволить, чтобы ответственность за руководство миром была бы отдана другим... Если мы не возьмём на себя эту ответственность, мы нанесём ущерб нашим жизненным интересам... Из истории XX века мы должны были бы извлечь урок – задачу руководящей роли Америки надо воспринимать всерьёз».

«Наша цель состоит в том, чтобы напомнить американцам об этих уроках истории и воодушевить их на то, чтобы сделать из этого необходимые выводы для нынешнего времени. Мы должны существенно повысить наши военные расходы, если хотим ныне взять на себя глобальную ответственность и приспособить наши вооруженные силы к будущему. Мы должны крепить наши отношения с демократическими союзниками и подавлять режимы, которые намерены наносить ущерб нашим интересам и отвергают наши ценности. Мы должны продвигать за рубежом дело политических и экономических свобод.

Такая «рейганистская» политика военной силы и моральной ясности может быть сегодня непопулярна. Но она необходима, если Соединённые Шта-

ты хотят основываться на успехах прошлого и если мы хотим сохранить нашу безопасность и наше национальное величие в наступающем веке»[1].

Таким образом, противостояние в 2006–2007 годах не-Западного проекта мироустройства (Проекта Путина) и Западного проекта мироустройства (Проекта Буша) изначально приобрело сугубо антагонистический характер, бескомпромиссный по своей сути – как я уже показал в предыдущих главах.

Исходный тезис в этом противостоянии: Россия, её народ, её Президент Владимир Путин вели и ведут глобальную интеллектуальную работу, как внутри страны, так и вне страны, по разъяснению, объяснению Позиции России, ориентированной на поиск компромиссов; на смягчение напряжённости во взаимодействиях не-Запада и Запада.

И такой компромисс возможен, его можно найти, если искать будут все стороны, вовлечённые во взаимодействия по линии Проект Путина – Проект Буша: я в этом уверен. Я верю в компромисс.

В предыдущих главах мною были уже рассмотрены некоторые методологические и теоретические подходы, способствующие как смягчению остроты и агрессивности таких противоречий, так и возможности их эволюционной трансформации в небескомпромиссные ситуации, в некомпромиссные ситуации. В такой стадии терпимос ть, диалог, сотрудничество, солидарность, доверие «работают» на обе стороны более согласованно и продуктивно.

Для дальнейшего исследования возможностей влияния на разрешение антагонистических противоречий через опережающие компромиссы, через взаимодействия выделим один наиболее глубинный и устойчивый, «неподдающийся» аспект Западной модели мироустройства (по Бушу). Основанием для такого «выделенного» я полагаю возможным предложить феномен *«идеология миропорядка как политическая философия Запада»*.

Необходимо обратить внимание на интересные, глубокие, перспективные суждения о противостоянии «не-Запада» и «Запада» предложенные членом палаты лордов британского парламента, профессором Уорвикского университета Робертом Скидельским. «Только Запад обладает полностью разработанной идеологией миропорядка, – констатирует Р. Скидельский. – Среди её оснований – свободная торговля в экономике, глобальное управление посредством многосторонних институтов в политике, развитие институтов демократии и прав человека во внутренней политике... Итак, именно это отсутствие альтернативного видения миропорядка и позволяет западным лидерам без всякого лицемерия говорить о “международном сообществе”... До тех пор пока “не-Запад” не выработает своей политической философии, западная гегемония сохранится»[2].

Этот блестящий анализ власти идей в современном мире, осуществлённый Робертом Скидельским, заставляет думать и работать.

---

[1] Приведено по: *Дашичев В.* Опьянённые мощью // Литературная газета. 2004. № 43. 27 октября – 2 ноября. С. 3.

[2] *Скидельский Р.* Власть идей // Ведомости. 2006. 4 июля. С. А4.

Итог: *в противовес полностью разработанной западной идеологии и философии миропорядка, мы предложили полностью разработанную идеологию и политическую философию новой модели мироустройства (Проекта России).*

С учётом соображений целесообразно определить понятие **«мироустройство».**

Эту социологическую категорию можно обосновать *как*

процесс и результат формирующегося синтезированного и концептуального представления, понимания и осознания человеком прошлого и будущего его самого, общества, всего мира через настоящее: через принятые им основы мировоззрения, жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценности, принципы поведения с ориентацией на компромисс и справедливость в осуществлении любых взаимодействий.

Понятие **«структура мироустройства»**, в контексте данной главы и книги, может быть изложено так:

*это взаимосогласованное единство политического, экономического, институционального и гуманитарного аспектов главных доминант в функционировании мирового сообщества: **политическая** составляющая представляет новую Московско-Шанхайскую модель миропорядка; **экономическую** составляющую определяют две доминанты – финансовая (продвижение Рубля как одной из резервных валют) и торговая (современная торговля на основе региональных союзов и соглашений); **институциональная** составляющая выражает Правила Игры при выработке и корректировке Повестки Дня мировому сообществу; **гуманитарная** составляющая определяет мировоззрение и новый не-Западный гуманизм.*

Категория **«миропонимание»** *определяется*

как содержанием феномена «мироустройство», так и основами современного мировоззрения, позволяющих субъекту взаимодействий понять смысл и движущие силы процесса, свою роль и свою ответственность за совершённые (или несовершённые) поступки в условиях конкретного времени и пространства, определившихся рисков и неопределённостей в восприятии реальности, справедливого и несправедливого.

Соответственно, на основе уже представленных итогов изучения практики и теории Глобального Гуманитарного Проекта Мира XXI века (Проекта Путина) можно обосновать категорию **«идеология мироустройства»:**

это артикулированная совокупность понятий, способствующих осознанию допустимых методов и средств для достижения: политических, экономических, институциональных, гуманитарных, культурных оснований главных взаимодействий между людьми, обществом и государством, современной цивилизации на базе культуры компромисса и справедливости; формирования и устойчивого функционирования исторической памяти, мечты и смысла жизни человека с учётом уважительного диалога, доверия и солидарности; культуры прав и свобод в сочетании с культурой ответственности; культуры интерпретации прошлого, осмысления настоящего, и понимания будущего.

Умно и эффективно действовать для предотвращения ядерной войны XXI века

Стремительное обострение глобальной ядерной угрозы озаботило во многих странах специалистов по ядерным технологиям, по проблемам нераспространения и разоружения, политиков, учёных, общественных деятелей.

Исходным пунктом необходимости обсудить проблему ядерной катастрофы можно определить публикацию важного предупреждения. В начале 2007 года 18 нобелевских лауреатов, которых объединяет совет «Бюллетеня учёных – ядерщиков», опубликовали свои озабоченности состоянием глобальной ядерной безопасности. По их мнению: «мир находится в пяти минутах от Судного дня», а сама «ядерная катастрофа может произойти в любой момент»[1].

24–25 мая 2007 года в Люксембурге состоялась Международная конференция по предотвращению ядерной катастрофы. Председателем Оргкомитета конференции стал Вячеслав Владимирович Кантор, Президент Российского еврейского конгресса, председатель Европейского еврейского фонда[2].

В работе конференции приняли участие из четырнадцати стран пятьдесят семь независимых экспертов, занятых в сфере обеспечения глобальной ядерной безопасности, а также ограничения вооружений и разоружения.

«Окончание “холодной войны” значительно снизило опасность ядерной угрозы, но мир не стал безопаснее, – отметил в своём приветствии участникам и гостям международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы Президент России Владимир Владимирович Путин. – Нам все больше приходится решать принципиально новые задачи, бороться с иными, чем ранее, но не менее сложными опасностями. Главные из них – международный терроризм, угроза попадания ядерного оружия или связанных с ним материалов в руки террористов.

Дополнительным **дестабилизирующим фактором становится тенденция возрастания фактора силы в мировых делах.** Как следствие **у некоторых государств возникает соблазн отдать предпочтение ядерному выбору.** Такие негативные тенденции необходимо преодолевать на основе многосторонней дипломатии, действующих международно-правовых инструментов»[3]. (Выделено мною. – *В.К.*)

В ходе работы майской конференции эксперты обсудили три проблемы:

- угроза ядерного терроризма;
- опасность полного краха Договора о нераспространении ядерного оружия;
- ядерные программы Ирана и Северной Кореи.

---

[1] Приведено по: *Сысоев Г.* «Надо дать Ирану возможность сохранить лицо»: В Люксембурге состоялась конференция по предотвращению ядерной катастрофы // Коммерсантъ. 2007. 28 мая. С. 11.

[2] *Юрьева Д.* К «ядерной недвижимости» нельзя привыкать // Российская газета, 2007. 6 июня. С. 1, 6.

[3] http://www.pnc2007.org/conference/greetings/text-16.html.29.08.2007

Именно такую ситуацию (сила вместо интеллекта, доброй воли, диалога, компромиссов) исследовал в своём докладе на конференции глава МАГАТЭ Мохаммед эль-Барадей. «Бомбами дорогу к безопасности не проложить, – отметил он. – Любая стратегия безопасности, основанная на противостоянии, уже неактуальна. Решение нужно искать в формировании среды, в которой ядерное оружие будет запрещено в принципе»[1].

Ключевые возможные предложения люксембургской конференции войдут в текст Декларации. Её в ближайшие недели направят руководителям ряда стран и главам ведущих международных организаций. Предположительно, смысл основных предложений – конкретизация содержания и структуры опережающих стратегических компромиссов на основе компромиссной инициативы Москвы о создании в Российской Федерации Международного центра по обогащению урана.

Важное уточнение о направленности опережающих компромиссов, их уникальности и привлекательности сделал глава Центра международной безопасности Российской академии наук Алексей Георгиевич Арбатов. «Пока не началась война, не всё потеряно. Надо дать Ирану возможность выйти из этой ситуации, сохранив лицо, и добиться от него ограничений его ядерной программы»[2].

Полагаю, что А.Г. Арбатов действительно раскрыл смысл опережающего и предотвращающего компромисса, который в своём развёртывании может быть определён как культура компромисса.

85 лет назад Питирим Сорокин, высланный из России, в которой отсутствовали какие-либо гарантии свободы и прав человека, жизнеобеспечения и честности, спросил себя: «не пробил ли смертный час нашей истории? Не бьет ли полночь исторического заката русского народа? Не перед смертью ли он омылся в страданиях?».

Сегодня у нас, с учётом предупреждения 18 нобелевских лауреатов (2007 г.), не меньше оснований ответить вместе с ним: «...не будем падать духом. Возьмем с собой ценности Знания, готовность к Труду и лишениям, напряженную волю к Добру и светлую Надежду... С ними не пропадем... С ними снова выберемся из мрачных пропастей крови и смерти на широкую и столбовую дорогу истории»[3].

Оправданно, на мой взгляд, возникает вопрос: каковы механизмы обеспечения порядка и свободы, стабильности и законности в обществе единения народов России. Речь идёт о важнейшей проблеме жизни людей: о безопасности. И самый важный ответ должен быть сформулирован в форме теории и, прежде всего, на уровне методологии. Тем самым мы можем говорить о социологии безопасности, о социологии компромисса: точнее – о теоретико-методологи-

---

[1] Приведено по: *Сысоев Г.* «Надо дать Ирану возможность сохранить лицо»: В Люксембурге состоялась конференция по предотвращению ядерной катастрофы // Коммерсантъ. 2007. 28 мая. С. 11.

[2] Там же.

Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 5. С. 187, 189–190.

ческих их основах. Ряд научных, практических событий определили, на мой взгляд, саму возможность такого исследования.

Смысл принципиально новой динамики перемен в России и во всём мире обстоятельно и последовательно развернул Владимир Владимирович Путин. Президент Российской Федерации, в своём выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (2007, 10 февраля)[1], а также в ответах на вопросы, заданные участниками конференции в ходе обсуждения этой речи[2].

По моему мнению, важнейшее концептуальное и методологическое значение содержания выступления Президента России В.В. Путина в Мюнхене (10 февраля 2007 года) в своевременном, упреждающем определении главной проблемы XXI века. Её суть в чётком оформлении настроя и желания всех людей в нашей стране, в других странах надеяться и приближать возможность жить достойно и безопасно, свободно и по справедливости, стремиться к счастью.

Поэтому решающее значение в разрешении такой проблемы – обязательность участия самих людей в достижении таких ориентиров жизни.

В России, для каждого человека, для каждой семьи, для всех народов страны её Президент Владимир Путин предложил в 2006–2007 годах такую программу действий.

Она представлена в его выступлении 21 ноября 2006 года на Всероссийском координационном совещании правоохранительных органов, в котором он изложил концептуальные основания для преодоления саботажа и коррупции во всех сферах жизни российского общества[3].

Закон «О противодействии терроризму» подписан Президентом РФ 6 марта 2006 года. Здесь впервые для российской и мировой практики и теории терроризм определён как **«идеология** насилия **и практика** воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, **связанные с устрашением населения** и(или) иными формами противоправных насильственных действий»[4]. (Выделено мною. – *В.К.*).

Важная особенность подхода к тотальному злу (коррупция, организованная преступность, терроризм), предложенная Владимиром Путиным в 2006 году, фактически прямое обращение к народу, к каждому человеку. Здесь чётко представлен тезис: сам Президент России, современная вертикаль власти при

---

[1] *Путин В.В.* «Прошу на меня не сердиться»: Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета. Столичный выпуск. 2007. 12 февраля. С. 1–2.

[2] *Путин В.В.* «Мы же с вами сейчас дискутируем»: Вопросы из зала: Ответы Владимира Путина // Российская газета. Столичный выпуск. 2007. 12 февраля. С. 3.

[3] *Антонов М.* Семь лет одиночества президента // Литературная газета. 2007. 21–27 марта. № 11. С. 3.

[4] О противодействии терроризму. Федеральный закон. Российская Федерация. Принят Государственной Думой 26 февраля 2006 года. № 35-ФЗ // Российская газета. 2006. 10 марта. С. 12.

практическом отсутствии национальной элиты не могут справиться с коррупцией, преступностью и терроризмом.

Необходимо участие народа.

Вместе с тем, сама проблема коррупции, преступности, терроризма в XXI веке уже осознана как глобальная. Насилие, напряжения, трагические конфликты, войны, культ насилия и смерти стали обосновываться, оправдываться и облагораживаться во многих теоретических работах как российских, так и зарубежных учёных, научных сообществах.

Реальностью стали статьи, доклады, научные монографии, в которых обосновываются теории «несостоявшихся, слабых, неответственных» и т. д. государств; народов и стран с «неправильной» историей; народов и стран с «неправильной демократией», с «устаревшими, контрпродуктивными» ценностями. Предсказуемым итогом таких исследований становится обоснование «гуманитарного» вторжения на территории суверенных государств, блокады, ограничения и т. д. Во имя прав человека, гуманизма.

Однако есть конструктивный, созидающий вектор в разработке теории и практик нового гуманизма XXI века, в разработке и внедрении технологий толерантности, диалога, сотрудничества, культуры мира, культуры безопасности, культуры предотвращения, культуры компромисса, консенсуса.

Примером такой линии развития общественных наук может быть назван Итоговый отчёт Группы высокого уровня «Альянс цивилизаций», опубликованный 13 ноября 2006 года в Стамбуле и вручённый там же Генеральному секретарю ООН Кофи Аннану.

Официально доклад Группы высокого уровня, созданный в рамках инициативы «Альянс цивилизаций» был представлен 18 декабря 2006 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке[1]. В своих выступлениях на презентации доклада Кофи Аннан, инициаторы исследования премьер-министры Испании (Сапатеро) и Турции (Эрдоган) отметили, что документ предлагает путь к восстановлению взаимопонимания между народами, культурами и религиями и может стать ориентиром для развития международных отношений.

Что очень существенно, на мой взгляд, выступления и речи Президента России Владимира Путина, подписанные им законы в 2006–2007 годах; Доклад Группы высокого уровня «Альянс цивилизаций» (ООН, 13 ноября 2006 года) начинают формировать важнейшее новое направление в общественных науках и практиках: концепции, методологии, технологии, институты, процедуры и механизмы *объединения толерантности, диалога, культуры мира, культуры безопасности, культуры компромисса, высоких гуманитарных технологий, консенсуса в новую науку – культуру компромисса, «компромиссологию»*.

Основа для объединения – формирование нового (не-Западного) гуманизма XXI века, нового мировоззрения, новой Московско-Шанхайской модели миропорядка.

---

[1] Alliance of Civilizations: Report of the High-level Group, 13 November 2006 / United Nations. N. Y., 2006.

Полагаю, что на такой основе могут достигнуть компромисс во имя безопасности каждого человека как согласные с несогласными, так и сомневающиеся, безразличные, равнодушные с людьми, которые ориентированы на позитивную, созидающую деятельность для себя самих; своей семьи; для народа, общества и государства российского, **для предотвращения ядерной катастрофы.**

Контрольные вопросы

1. Как можно систематизировать (содержание, структура, субъекты, эмоции, организованность) участие молодёжи в предотвращении угрозы ядерной войны в 60–70-е годы XX века?
2. Почему обострилась опасность возникновения ядерной катастрофы в XXI веке?
3. Рассмотрите возможности различных субъектов в развёртывании антиядерного движения в Евразии XXI века.
4. Проанализируйте мотивы и динамику сторонников подготовки ядерной войны в XXI веке.
5. В чём особенности опыта сторонников культуры жизни XXI века в сопоставлении с опытом XX века.

Литература

Путин В.В. Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета. 2007. 13 февраля.

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

Шмидт Г. Перед лицом новых кризисов // НГ Дипкурьер. 2007. № 16. 8 октября. С. 13, 19.

Картер Дж. Мир рискует вернуться к гонке ядерных вооружений // Ведомости. 2007. 19 сентября. С. A04.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века. М., 2006.

Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.

Раздел II

ТЕОРИИ

Глава 7. Безопасность как особый глобальный научный дискурс 122
Контрольные вопросы 131
Литература 131
Глава 8. Социология безопасности как теория (виды безопасности)..... 132
Контрольные вопросы 168
Литература 168
Глава 9. Мир и безопасность как культура мира, безопасности, предотвращения и диалога 169
Контрольные вопросы 189
Литература 189
Глава 10. Культура безопасности российского общества как предмет теоретического анализа 190
Контрольные вопросы 222
Литература 222
Глава 11. Статус социологии безопасности в современном научном знании 222
Контрольные вопросы 234
Литература 234

Проблемы общей теории безопасности в XXI веке интересуют и беспокоят как учёных, специалистов, так и миллионы граждан во многих странах мира. Речь идёт о надеждах людей на достойную, благополучную и защищённую жизнь, о смысле жизни, о мечте, о сохранении территории, народов, образа жизни и культуры, своей идентичности. В таком контексте пространство жизнеобеспечения осмысливается во взаимосвязях с естественными процессами (космическими, природными и т. д.), со всеми аспектами техногенной цивилизации и, конечно, со всеми позитивными и негативными реальностями социальных, экономических, политических, военных и т. д. процессов.

> ***Понятие «общая теория безопасности»*** *может быть определено как область знаний, интегрирующая прикладные аспекты политических, социальных, военных, экономических, технических, гуманитарных и других наук и ориентированная на исследование сущности, содержания, методов, форм, органов, сил и средств обеспечения безопасности человека, общества и государства в условиях комплексного воздействия внешних и внутренних факторов различного характера.*

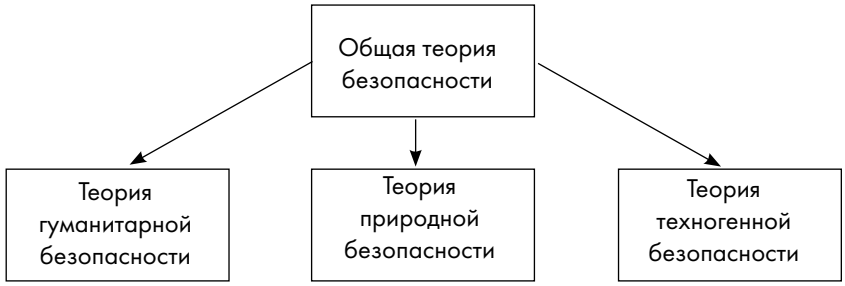
Объектом общей теории безопасности являются процессы, протекающие в обществе, природе, технических системах, рассматриваемые с точки зрения жизнеобеспечения человека, семьи, общества, государства и цивилизации.

Предметом общей теории безопасности выступает деятельность людей, институтов и общества в целом, ориентированная на сохранение гуманитарной сферы и окружающей среды при воздействии внутренних и внешних факторов самого различного характера.

Структура общей теории безопасности может быть представлена в единстве гуманитарной, природной и техногенной безопасности (см. рис. 7).

Теория гуманитарной безопасности ориентирована на изучение состояния общественных отношений внутри страны и на международной арене, гарантирующее защищённость целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры человека, семьи, народа и обеспечивающее их нормальную жизнедеятельность, устойчивое функционирование и развитие прав и обязанностей, основных свобод для всех, без различия расы, пола, этнической принадлежности, языка и религии. Главным объектом гуманитарной безопасности является человек, его интеллектуальный, духовный, нравственно-этический потенциал. В Хартии европейской безопасности подчёркнута необходимость официальной институализации данного термина и включения гуманитарной безопасности в структуру европейской безопасности. В ней заявлено о готов-

Рисунок 7. **Примерная структура общей теории безопасности**

ности европейских государств поддерживать демократию, верховенство закона и уважение прав человека; подтверждено стремление сотрудничать в духе солидарности и партнёрства. В докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI в.» отмечена необходимость обеспечения безопасности не только в случае защиты территории от внешнего нападения, но и защиты всего населения от насилия, порождаемого внутри государства; раскрыто прямое воздействие деградации окружающей среды на непредсказуемое и потенциально опасное усиление социально-политической напряжённости. Гуманитарная сущность проблем национальной безопасности подчёркнута во многих официальных документах Российской Федерации. В Законе РФ «О безопасности» в качестве объекта безопасности названа личность – её права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности, а в Концепции национальной безопасности Российской Федерации сама национальная безопасность понимается как безопасность многонационального российского народа, носителя суверенитета и единственного источника власти в РФ[1].

Теория природной безопасности посвящена изучению событий природного происхождения или результатов деятельности природных процессов, которые по своей интенсивности, масштабу распространения и продолжительности могут вызвать поражающее воздействие на людей, объекты экономики и окружающую природную среду. На территории России, обладающей чрезвычайно большим разнообразием геологических, климатических и ландшафтных условий, наблюдается более 30 видов опасных природных явлений. Наиболее разрушительными из них являются: наводнения, подтопления, эрозия, землетрясения, оползни, сели, карст, суффозия, горные удары, снежные лавины,

[1] Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 2000. № 2; *Сергеева Л.И.* Основы гуманитарной безопасности: опыт политологического анализа // Безопасность Евразии. 2000. № 1; *Сухарев А.И.* Политика гуманитарной безопасности // Там же: *Яновский Р.Г.* Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999; Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

ураганы, штормовые ветры, смерчи, сильные заморозки, различные мерзлотные явления. Одни явления происходят в виде внезапных и кратковременных событий (землетрясения, оползни, сели, лавины, обвалы, карстовые провалы, смерчи), принося большие материальные потери и гибель людей. Другие – например, подтопления, эрозия – развиваются длительное время, редко приводят к человеческим жертвам, однако материальный ущерб вызывают катастрофический. Природные события подразделяются: по характеру проявления – на прямые и косвенные; по масштабу – на объектные, локальные, региональные и глобальные; по типу проявления – на точечные, очаговые, линейные и сплошные; по времени проявления – на постоянные, периодические, эпизодические и мгновенные; по направлению развития – на нарастающие и убывающие; по времени реализации – на потенциальные, непосредственные и реализующиеся; по возможности управляемого снижения ущерба от событий – на управляемые и неуправляемые[1].

Теория техногенной безопасности направлена на анализ состояния защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз при реализации используемых или проектируемых технологий производственной активности человека, а также защищённости научно-технической и технологической информации от несанкционированного использования и воздействия. Объектами техногенной безопасности являются: научно-техническая деятельность и образование; информация; природоохранные технологии; промышленное производство; сельское хозяйство; энергетика; транспортная инфраструктура, включая средства доставки энергоресурсов; производство и утилизация радиоактивных, химических, биологических и взрывоопасных продуктов; военно-техническое сотрудничество; система управления. В Концепции национальной безопасности РФ подчёркивается, что: ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях научно-технического развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности угрожают России утратой передовых позиций в мире, деградацией наукоёмких производств, усилением внешней технологической зависимости и подрывом обороноспособности России. Обеспечивается техногенная безопасность выполнением научно обоснованных требований к разрабатываемым и используемым технологиям; тесно связаным с экологической, химической и радиационной безопасностью. Может рассматриваться как компонент промышленной безопасности. Обеспечение техногенной безопасности предполагает технологическую независимость страны в условиях международного разделения труда; единство государственной научно-технической, образовательной и промышленной политики; определение и реализацию приоритетных направлений развития науки и техники и критических технологий федерального уровня; структурную перестройку промышленности; модернизацию национальной технологической базы; управление технологическим развитием

[1] *Дзлиев М.И., Урсул А.Д.* Основы обеспечения безопасности России. М., 2003.

и его информационное обеспечение; сертификацию технологий; прогноз и предотвращение техногенных и экологических катастроф; создание и использование прогрессивных технологий в сфере материального производства; патентную охрану и правовую защиту научно-технических достижений; предотвращение интервенции зарубежных технологий, оборудования, полуфабрикатов и сырья, сдерживающих развитие отечественной технологической базы[1].

В представленном учебном пособии я рассматриваю, в основном, состояние и динамику гуманитарной безопасности.

Глава 7

Безопасность как особый глобальный научный дискурс

Первое десятилетие XXI века оформило потребность сотен миллионов людей, всего международного сообщества в новых моделях региональной и глобальной безопасности. Возникает оправданный вопрос: почему?

Но это только первый, исходный вопрос. Второй вопрос связан с востребованностью нового качества безопасности, её динамики; наличия учёта особенностей в изменении субъекта и объекта безопасности.

Третий вопрос ориентирован на характер научной парадигмы, которая содействует как исследованию самого феномена новой безопасности, так и среды безопасности.

Вместе три вопроса чётко и своевременно, на мой взгляд, сформулированы в «Программе российской партии жизни», представленной российской общественности в мае 2005 года. «Выживание человека на Земле, – утверждают её авторы, – сохранение его как биологического вида потребует *смены основных цивилизационных парадигм, новой структуры целей и ценностей человеческой деятельности*»[2] (выделено мною – *В.К.*).

За последние пять лет в России, во многих странах мира состоялись тысячи научных конференций, ориентированных именно на анализ причин беспокойства по поводу состояния безопасности. К июню 2005 года сложились

---

[1] О безопасности гидротехнических сооружений. Федеральный закон от 21.7.1997 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3589; О техническом регулировании. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ // Российская газета. 2002. 31 декабря. С. 4–5; Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: Анализ риска и проблем безопасности: В 4 ч. // Ч. 1: Основы анализа и регулирования безопасности / Науч. руковод. К.В. Фролов. М., 2006; Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Анализ риска и проблем безопасности: В 4 ч. // Ч. 2: Безопасность гражданского и оборонного комплексов и управление рисками / Науч. руковод. К.В. Фролов. М., 2006.

[2] Программа российской партии жизни // Российская газета. 2005. 13 мая. С. 12.

обобщающие авторитетные доклады и материалы с обоснованием желательных изменений в функционировании российской безопасности (для России)[1], для Европы[2], для США[3], для отдельных регионов Азии (для Китая)[4], для всего мирового сообщества[5].

Некоторые общие тенденции, представленные в этих материалах, могут быть тезисно изложены в такой последовательности.

• Основное внимание во всех вариантах новых стратегий (концепций, законов) безопасности обращено на необходимость перераспределения доминирования с безопасности государства на безопасность человека.

• Безопасность человека становится всеохватывающим условием, связывая воедино тенденции развития человека, личной безопасности, его прав и свобод.

• Национальной безопасности недостаточно для осуществления гарантий безопасности человека. Индивидуумам необходима защита от произвола власти (государства) через верховенство закона, через защиту насущной сути человеческой жизни, через обеспечение человеческого достоинства и вопросов культуры, веры и любви.

• Потенциал науки, новых информационных технологий может содействовать в коренном преобразовании стратегии осуществления безопасности человека: в переходе от *пассивных стратегий* реагирования (вызов – ответ, опасность – ответ, угроза – ответ) к *эффективным стратегиям* превентивности и

---

[1] *Ратиани Н.* Стратегию национальной безопасности приближают к практике // Известия. 2005. 2 февраля. С. 2.

[2] 16 мая 2005 года в Варшаве открылся третий саммит глав европейских государств с главной темой: «Роль Совета Европы в новой архитектуре европейской безопасности». См.: *Кочук Г.* Европейский выбор // Труд. 2005. 17 мая. С. 1.

[3] Стратегия и тактика США в осуществлении государственной политики XXI века в сфере безопасности определена, в основном, содержанием трёх документов: *«Национальная стратегия безопасности Соединённых Штатов Америки», «Национальная стратегия внутренней безопасности»* и *«Национальная стратегия борьбы с оружием массового уничтожения»*. См.: The National Security Strategy of the United States of America [«Национальная стратегия безопасности Соединённых Штатов Америки»], The White House, Washington, DC, Sep. 2002, URL. <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf>; (существенно уточнена в марте 2006 года); National Strategy for Homeland Security [«Национальная стратегия внутренней безопасности»], The White House, Office of Homeland Security, Washington, DC, Sep. 2002, URL. http://www.whitehouse.gov/homeland/book/nat_strat)_hls.pdf; National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction [«Национальная стратегия борьбы с оружием массового уничтожения»], The White House, Washington, DC, Sep. 2002, URL. http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/WMDStrategy.pdf.

[4] Развёрнутое определение новых подходов Китая к концепции безопасности впервые сформулировано в 2000 году (China's National Defense in 2000: прим. 18 «1». The security situation'; China's National Defense in 2000: прим. 72).

[5] Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Организация Объединённых Наций // Безопасность Евразии. 2005. № 1; *Аннан К.* При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех: Доклад Генерального секретаря, 21 марта 2005 года // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

предотвращения – к новой культуре безопасности, основанной на культуре мира, диалоге людей, культур и цивилизаций; к культуре предотвращения.

• *Безопасность человека начинается с понимания исходного факта – сам человек активный участник обеспечения своей безопасности и безопасности других людей. Способность каждого человека действовать в секторе безопасности от своего имени, а также от имени других людей является важнейшей особенностью новых подходов к безопасности XXI века*.

Социологический анализ этих пяти основных тенденций, реально влияющих на трансформацию глобальной безопасности обозначает основные линии глобального специфического научного дискурса по проблемам безопасности в 2000–2007 годах.

Реальности 2007 года обозначили новые грани влияния США на процессы мира и безопасности, на процессы гуманитарных перемен и военные конфликты.

Речь идёт об осуществлении новой глобальной концепции обеспечения влияния США на свободу, демократию, безопасность миллионов конкретных людей во многих странах Евразии.

Суть вашингтонской доктрины президента США Буша изложена им 18 мая 2005 года на торжественной церемонии в Международном республиканском институте (Вашингтон). По существу оратор обобщил гуманитарные итоги своего участия в праздновании 60-летия Победы в Москве, своих встреч в Грузии и Латвии.

Во-первых, в своём выступлении президент уточнил и развил важную доминанту своей доктрины «распространение демократии по всему миру» и особенно на Кавказе (Европа) и в Средней Азии (Азия): т. е. в Евразии. «На Кавказе, в Средней Азии, на большом Ближнем Востоке, – отметил он, – люди лелеют надежду на перемены, и эти перемены грядут»[1].

Смысл и содержание таких «перемен» Буш раскрыл ранее в своём февральском (2005 г.) Послании «О положении страны» через чёткие установочные суждения: для «содействия миру и стабильности на большом Ближнем Востоке...»[2]. Но суть обеспечения перемен в следующем утверждении. «Присущая нашему поколению приверженность продвижению свободы, особенно на Ближнем Востоке, – утверждает он, – сейчас испытывается и с честью осуществляется в Ираке. Эта страна является жизненно важным фронтом в войне с террором, и именно поэтому террористы решили там выступить. Наши военнослужащие ведут борьбу с террористами в Ираке, поэтому нам не приходится сталкиваться с ними у себя в стране *(Аплодисменты)*. И победа свободы в Ираке усилит нового союзника в войне с террором, воодушевит сторонников демократических реформ от Дамаска до Тегерана, принесёт больше надежды и

[1] Приведено по: *Злобин А., Леонтьев Д.* «Это только начало» // Время новостей. 2005. 20 мая. С. 3.

[2] *Буш Дж.* Послание президента «О положении страны». Вашингтон, 02.02.2005. С. 9. (В тексте двенадцать страниц). Адрес в Интернете: hppt://Moscow.usembassy.gov/hjmer.php. 09.03.05.

прогресса в тревожный регион и тем самым отведёт страшную угрозу для жизни наших детей и внуков»[1].

Во-вторых, Буш определённо выявил своё конкретное участие в сложных и драматических переменах в ряде стран. Он их перечислил: «революция роз» (Грузия), «оранжевая» (Украина), «пурпурная» (Ирак), «тюльпановая» (Киргизия) и «кедровая» (Ливан)[2].

«Пурпурной революцией» Буш называет события 30 января 2005 года: участие граждан Ирака в выборах учредительного собрания – пальцы проголосовавших окрашивали пурпурными чернилами.

Таким образом, участие США в демократических преобразованиях, в содействии миру и стабильности «с честью» осуществляется в Ираке двумя этапами: сначала военная агрессия против независимой страны с убийством многих граждан, а потом «пурпурная революция» с гражданами, которые остались живыми. За эту деятельность Международный республиканский институт в Вашингтоне вручил президенту США Джорджу Бушу награду Свободы за продвижение демократии во всём мире.

И это реальность с состоянием безопасности для всех, а не только для «наших детей и внуков» (речь идёт о детях и внуках в США – из Послания Дж. Буша 2 февраля 2005 г.).

А военные расходы США за 2004 год в 455,3 миллиарда долларов (см. табл. 1) ориентируют всех на полное уважение к их целям и технологиям поддержки демократий в странах Евразии, прежде всего.

Реальным фундаментальным научным итогам «пурпурной революции», её последствиям посвятила свой доклад *«Международная безопасность после Ирака»* директор СИПРИ д-р Алисон Дж. К. Бейлс в ходе научной конференции, которая состоялась в Москве 25 мая 2005 года.

Дискуссия была посвящена публикации на русском языке Ежегодника СИПРИ за 2004 год[3]. «Не следует делать вид, будто иракский “эпизод” или “кризис” уже преодолены, – справедливо отметила она, – в то время как дело обстоит отнюдь не так. Не только внутренняя стабильность Ирака и сами его облик и национально-государственная идентичность не обретены, но и сохраняется вероятность целого ряда негативных сценариев развития, – а некоторые из них сегодня даже невозможно предвидеть, – которые самым непредсказуемым образом могут повлиять на политику и взаимоотношения соседних с Ираком и удалённых от него государств, как, пожалуй, ни одна из современных конфликтных ситуаций в мире. Во-вторых, выводы, которые сегодня можно сделать в отношении иракской проблемы, хотя речь идёт и о событии недавне-

---

[1] *Буш Дж.* Послание президента «О положении страны». Вашингтон, 02.02.2005. С. 10. (В тексте двенадцать страниц). Адрес в Интернете: hppt://Moscow.usembassy.gov/hjmer.php. 09.03.05.

[2] *Зыгарь М.* Буревестник цветных революций // Коммерсантъ. 2005. 20 мая. С. 9.

[3] Ежегодник СИПРИ 2004: Вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Ин-т мировой экономики и международных отношений. М., 2005.

го прошлого, тем не менее, носят субъективный характер. Люди и целые государства склонны оценивать важные события так, чтобы это соответствовало их мировоззрению или, по крайней мере, не слишком противоречило ему. Ясно, что спустя только два года после вторжения в Ирак американцы и европейцы, западные или арабские государства, а также такие страны, как Ливия или Северная Корея сделали совершено различные выводы по его итогам»[1].

Для моего исследования тоже важен по существу мировоззренческий вывод: возможно ли достижение в обозримом будущем безопасности для каждого человека.

***Я считаю, что достижение безопасности для всех возможно*. Теперь необходимо рассмотреть последовательность, вернее совокупность основных условий, которые могли бы обеспечить достижение такой важной цели.**

Важнейшим мотивом моего исследования, его научным основанием стали итоги глобального комплексного исследования безопасности человека в XXI веке, осуществлённого Комиссией по безопасности человека (см. вставку 2).

Вставка 2

Члены Комиссии по безопасности человека

Сопредседатели:
Садако Огата, научный исследователь, Фонд Форда и бывший Верховный комиссар ООН по беженцам.
Амартья Сен, магистр, Тринити Колледж, Кембридж
Лауреат Нобелевской премии в области экономики за 1998 г.
Комиссары:
Лахдар Брахими, специальный представитель Генерального секретаря ООН по Афганистану и заместитель Генерального секретаря ООН.
Линкольн Чен, директор, Глоубал Эквити Инишиатив, Гарвардский университет и бывший вице-президент Фонда Рокфеллера.
Бронислав Геремек, историк, бывший министр иностранных дел Польши.
Френ Френни Ноши Гинвала, спикер Национальной ассамблеи парламента, ЮАР.
Соня Пикадо С., президент совета директоров Межамериканского института прав человека.
Сурин Пицуван, член парламента и бывший министр иностранных дел, Таиланд.
Донна Э. Шагала, президент университета Майами и бывший министр здоровья и оказания услуг для человека, США.
Питер Сазерленд, председатель, директор-распорядитель, Голдман Сакс Интернешнл, председатель «Бритиш петролеум» и бывший генеральный директор ГААТ
Алберт Тьеводре, специальный представитель Генерального секретаря ООН в Кот д'Ивуар, бывший заместитель генерального директора МОТ и бывший министр планирования, Бенин
Карл Там, посол Швеции в Германии и бывший генеральный секретарь Центра Улофа Пальме

Источник: Безопасность человека сегодня: Пер. с англ. Нью-Йорк, 2003. С. 3.

[1] *Бейлс А.Дж.К.* Международная безопасность после Ирака. Москва, 25 мая 2005. Рукопись русского перевода выступления (всего 10 стр.). С. 1.

Организация деятельности Независимой комиссии по безопасности человека – инициатива правительства Японии. Её деятельность была поддержана соответствующими институтами ООН. После своего основания в январе 2001 года Комиссия начала свою двухлетнюю деятельность в июне 2001 года.

В её деятельности главное внимание было уделено трём целям: содействие пониманию, участию и поддержке реальной безопасности человека; формирование концепции безопасности человека для становления политики безопасности; определение конкретной программы действий для предотвращения самых актуальных угроз безопасности человека.

Члены комиссии организовали общественные слушания, консультации, симпозиумы, семинары и встречи «круглых столов», которые охватили сотни людей по всему миру.

Они провели пять общих встреч и осуществили связанную с этим деятельность вне границ. На первой встрече в Нью-Йорке 8–10 июня 2001 г., члены Комиссии поделились своими мнениями о безопасности человека и договорились о плане работы. Вторая встреча 15–17 декабря 2001 г. в Токио была проведена по инициативе правительства Японии, которое до встречи организовало однодневный симпозиум. Третья встреча, под руководством члена Комиссии Карла Тама, была проведена в Стокгольме 8–10 июня 2002 г. при поддержке правительства Швеции. После этой встречи диалог за «круглым столом» обеспечил обмен мнениями с членами комиссии о связях между безопасностью человека, правами человека и демократией. Четвёртая встреча была проведена в Бангкоке 8–10 декабря 2002 г. с поддержкой члена комиссии Сурин Пицуван.

Комиссия также участвовала в мероприятии, организованном Университетом Чулалонгкорн. На пятой встрече в Токио 22–24 февраля 2003 г. члены комиссии обсудили и закончили научный отчёт. Встреча сопровождалась симпозиумом, организованным Министерством иностранных дел.

Общественные слушания о безопасности человека проводились также по всему миру. Семинар по правам человека и безопасности человека проводился 1 декабря 2001 г. в Сан-Хосе, Коста-Рика. Встреча была организована совместно с Межамериканским институтом по правам человека, Университетом мира. «Круглый стол» на тему «Переходный период и безопасность человека в Центральной Азии» был проведён 22–24 апреля 2002 г. в Ашхабаде (Туркменистан). Его посетили представители неправительственных организаций, правительств Центральной Азии и международных организаций. Семинар об обдумывании вопросов мира, сосуществования и безопасности человека в районе Великих озёр был проведён в Кигали, Руанда 16–19 апреля 2002 г. Представители неправительственных и правительственных организаций из Западной Африки участвовали 24–25 мая 2002 г. в семинаре по экономической незащищённости в Африке, в Котону, Бенин. Общественные слушания по безопасности человека проводились на форуме Глобального гражданского общества в Йоханнесбурге 27 августа 2002 г. Участники более чем из 25 стран и пяти регионов сделали устные и письменные сообщения Комиссии. Консультативная встреча Всеафриканского гражданского

общества по безопасности человека проводилась 15–16 октября 2002 г. в Претории.

Завершающая глава научного отчёта Комиссии «Пути улучшения безопасности человека» (см. вставку 3 с полным содержанием отчёта) предлагает ключевой вывод, который ориентирует и на новую азиатскую безопасность (на «альянсы»). «***Этот отчёт,*** – утверждают авторы Комиссии, – ***предлагает новые рамки – рамки безопасности человека – для того, чтобы рассматривать условия и угрозы, стоящие перед людьми на заре XXI века. Безопасность человека ставит людей на центральное место, фокусируя внимание институтов на людях и сообществах повсюду. Подход к безопасности человека призывает усилить и перенаправить политику и институты, при этом помещая человека в центр внимания. Права человека и развитие человека переориентировали правовые, экономические и социальные действия, чтобы рассмотреть цели с перспективы их влияния на людей. Подход к безопасности человека признаёт взаимозависимость и взаимосвязи между миром людей и строится на этом, стараясь продвигаться вперед к альянсам, которые совместно могут обладать гораздо большей силой***»[1].

Вставка 3

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА СЕГОДНЯ

Комиссия по безопасности человека

СОДЕРЖАНИЕ

Члены Комиссии по безопасности человека 3
Предисловие 7
Глава 1 **Безопасность человека сегодня** 9
Безопасность, сосредоточенная на людях, а не на государствах 9
Защита и наделение полномочиями для безопасности человека 17
Взаимозависимость и совместный суверенитет 19
Статья: Особые вопросы в безопасности человека 21
Глава 2 **Люди, попавшие в конфликты с применением силы** 27
Изменения в конфликтах с применением силы 27
Принятие подхода к безопасности человека 30
Выводы в отношении политики 40
Глава 3 **Люди в движении** 47
Передвижение людей и безопасность государства 48
Передвижение людей и развитие 50
Заполнение пробелов в институциональной и нормативной структуре 51
Принятие подхода относительно безопасности человека 53
Выводы в отношении политики 58
Глава 4 **Восстановление после конфликтов с применением силы** 63
Принятие подхода к безопасности человека 64
Гарантирование общественной безопасности 67

[1] Безопасность человека сегодня. Нью-Йорк, 2003. С. 137.

Удовлетворение непосредственных гуманитарных нужд 69
Начало процесса реабилитации и реконструкции 70
Делать ударение на примирение и сосуществование 71
Содействие управлению и наделение полномочиями 73
Новая стратегия мобилизации ресурсов 75
Выводы в отношении политики 76
Глава 5 **Экономическая безопасность – право выбирать между возможностями** 79
Бедность и безопасность человека 79
Принятие подхода к безопасности человека 80
Выводы в отношении политики 96
Глава 6 **Лучшее здоровье для безопасности человека** 101
Связи между здоровьем и безопасностью человека 103
Принятие подхода к безопасности человека 109
Выводы в отношении политики 117
Глава 7 **Знания, умения и ценности для безопасности человека** 121
Связь основ образования с безопасностью человека 121
Принятие подхода к безопасности человека 124
Выводы в отношении политики 132
Глава 8 **Пути улучшения безопасности людей** 137
Глобальная инициатива для безопасности человека 138
Основные принципы 140
Объединение множества инициатив в глобальный альянс 149
Во имя безопасности человека 153
О Комиссии по безопасности человека 161

Источник: Безопасность человека сегодня: Пер. с англ. Нью-Йорк, 2003. С. 5.

Итоги глобальных исследований Комиссии по безопасности человека содействовали, на мой взгляд, обоснованию возможности безопасности для всех по пяти, как минимум, направлениям.

Во-первых, обоснование безопасности человека как глобальной цели в контексте целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, сообщает концептуальным основам новой безопасности XXI века весь интеллектуальный потенциал, научное сопровождение во всех странах мира.

Во-вторых, исследование устойчивой и взаимообусловленной, всесторонней связи безопасности человека и развития человека достаточно полно и обоснованно вводит в процесс движения к безопасности для всех реальный потенциал социологической науки. Тем самым бесценный опыт социологического мониторинга развития человека, представленный в ежегодных докладах ООН о развитии человека практически во всех странах мира, становится воспринимаемым для осуществления социологического мониторинга феномена «безопасность для всех».

В-третьих, итоги изучения авторами Комиссии важности зависимости состояния безопасности человека от уровня и качества его образования позволяют убедительно применить уникальный опыт ЮНЕСКО в проведении многолетнего

мониторинга Проекта «Образование для всех». Суть Проекта: обеспечение «образования для всех (ОДВ), прежде всего, состоит в том, чтобы дети, молодёжь и взрослые имели возможность приобретать знания и навыки, необходимые для повышения уровня жизни и участия в создании более мирного и равноправного общества»[1].

В-четвёртых, авторы Комиссии примером своей инициативной деятельности в сложной и деликатной сфере – безопасность человека, семьи, общества, государства – доказали возможность достижения значительных и актуальных научных результатов. А сами итоги их исследования убедительно выявили реальное наличие во всех странах мира широчайшей сети связей и взаимодействий уже сегодня способствующих безопасности каждого человека. Такие связи направлены от человека к человеку; от международных организаций, религиозных конфессий, институтов культуры и образования, от своих государств и региональных организаций – к человеку. Характер взаимодействий с учётом таких связей достаточно быстро изменяется, не всегда понятны последствия взаимодействий.

В-пятых, в отчёте Комиссии представлен перспективный «корпус» категорий: сетевые взаимодействия, превентивность, предотвращение, ответственность, культура безопасности, достоинство человека, сеть безопасности, насущная суть жизни, наделение полномочиями.

Таким образом, получает своё развитие интеллектуальный опыт, накопленный человечеством в 2000 году, ставшим Годом Культуры Мира; в 2001 году, ставшим Годом Диалога Цивилизаций.

Возможно, что движение к безопасности каждого человека, к безопасности для всех могло бы активизироваться Годом, а лучше Десятилетием Культуры Безопасности человека в 2008–2016 годах.

Итоги деятельности Независимой Комиссии по безопасности человека в 2001–2003 годах являются, по моему мнению, важнейшей глобальной гуманитарной инновацией.

Реальным гуманитарным прорывом, значительной глобальной инновацией стали итоги работы Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам с декабря 2003 года по декабрь 2004 года, которая была создана при ООН. Представленный ими 2 декабря 2004 года Доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (доклад 16 мудрецов) при малых затратах стал одной из конструктивных основ больших возможных перемен в содержании работы и структуре ООН (сентябрь 2005 года), в созидающей работе по формированию новой безопасности на уровне отдельных государств, на уровне регионов (Азия, Европа, Африка, Америка, Австралия), на уровне международной безопасности[2].

---

[1] Образование для всех: императив качества: Всемирный доклад по мониторингу ОДВ. 2005. Париж, 2004. С. 5.

[2] Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам / Организация Объединённых Наций // Безопасность Евразии. 2005. № 1. С. 115–220.

Я полагаю необходимым и возможным обосновать и предложить для обсуждения в нашей стране, в других странах Гуманитарный Проект *«Проведение Года (Десятилетия) Культуры Безопасности Человека»* в 2008 году (в 2008–2016 годах).

Всем нам: российским социологам, философам, экономистам, политологам, правоведам, культурологам, историкам – сегодня важно творчески и напряжённо поработать для методологической и концептуальной разработки проблем безопасности человека, безопасности России и Евразии, глобальной безопасности. Ведь один триллион долларов военных расходов в мире уже состоялся в 2004 году. В текущем 2007 году рост военных расходов может быть продолжен.

И большой вопрос – во благо безопасности каждого человека в России, в других странах «работают» такие громадные деньги, или против каждого из нас. Это реальность первого десятилетия XXI века.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете вовлечение широкого круга людей в обсуждение проблем безопасности человека, семьи, народов?
2. Почему важен особый социологический научный дискурс по проблемам безопасности?
3. Рассмотрите общие и специфические проблемы безопасности в ходе Года Мира (2000 г.) и Года диалога между цивилизациями (2001 год, дискурс продолжается).
4. Можете ли Вы сформулировать несколько тезисов в поддержку проведения в 2008 году в России Года Культуры Безопасности?

Литература

Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 1.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Энциклопедический словарь-ежегодник «Безопасность Евразии – 2004». М., 2006.

Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М., 2005.

Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам / Организация Объединённых Наций // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

Гуманитарный стратегический манёвр. М., 2004.

Глава 8
Социология безопасности как теория (виды безопасности)

Концептуализация специального научного социологического дискурса по проблемам безопасности осуществляется при значительной поддержке российских и международных издательских проектов, масштабных мониторинговых социологических исследований.

Во-первых, необходимо назвать серию фундаментальных исследований, осуществлённых в 90-х годах XX века и первые годы XXI века Отделом социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН под руководством известного социолога и философа Рудольфа Григорьевича Яновского. Важным научным результатом работы в этом проекте стали обоснования теорий: социальной безопасности, военной безопасности, медико-биологической безопасности, духовной безопасности, культуры безопасности.

Во-вторых, на основе кафедры «Социология безопасности» Социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с 2002 года по настоящее время функционирует научная социологическая школа В.Н. Кузнецова, объединяющая социологов, философов, политологов, экономистов, специалистов по проблемам безопасности. Конкретными научными результатами уже стали: научные монографии и сборники; научные доклады и статьи; новые теории – социологии безопасности, социологии идеологии, социологии компромисса, социологии духовной жизни, социологии военной безопасности; новая Московско-Шанхайская модель мирового порядка XXI века.

Итоги фундаментальных исследований социологии безопасности, осуществлённых учёными МГУ им. М.В. Ломоносова и учёными Российской академии наук, был в 2006 году представлены в уникальной коллективной научной монографии «Безопасность России в XXI веке».

В-третьих, научная социологическая школа Кузнецова является творческой движущей силой научно-издательского проекта «Безопасность Евразии».

В структуре Проекта научный журнал «Безопасность Евразии», который как ежеквартальник выходит с 2000 года (с 2002 года журнал представлен в перечне изданий ВАКа) объёмом в 544 страницы. В журнале представлены итоги исследований по широкому спектру концепций в предметном поле социологии безопасности. Их авторы: Г.Г. Силласте, Р.Г. Яновский, В.Н. Кузнецов, В.Н. Иванов, А.А. Возьмитель, Э.Н. Фетисов, Ж.Т. Тощенко, В.Г. Байкова, Э.Г. Кочетов, О.Н. Бельков, В.Б. Кухаренко, Л.Я. Аверьянов, С.В. Кортунов, Е.В. Никонорова, А.Д. Урсул, Д.М. Данкин, Л.Л. Рыбаковский, А.С. Капто; широкий круг ученых из различных регионов страны.

В структуре проекта оригинальное энциклопедическое издание: «Безопасность Евразии 2002», «Безопасность Евразии 2003», «Безопасность Евразии 2004».

В структуре проекта два издания уникального произведения А.С. Капто «Энциклопедия Мира» (2002, 2005 гг.).

Значительный научный потенциал представлен в интересных ежегодниках: «Гуманитарный стратегический манёвр» (2004); «Становление евразийской безопасности» (2005); «Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века» (2006); Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок (2007).

В-четвёртых, считаю необходимым и важным обратить внимание читателей учебного пособия на несколько фундаментальных научных проектов по широкому спектру проблем безопасности. Они инициируют концептуализацию социологических исследований безопасности и помогают ей.

1. С 1998 года по настоящее время осуществляется многотомное издание «Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты». Научный руководитель Проекта К.В. Фролов, академик РАН, ответственный секретарь издания Ф.Ф. Светик, профессор.

2. С 1990 года по настоящее время Программа развития ООН ежегодно издаёт «Доклад о развитии человека» (тематика представлена в табл. 2).

Таблица 2. **Тематика «Докладов о развитии человека»: Программа развития ООН (1990–2006)**

2007/ 2008	Борьба с изменениями климата: человеская солидарность в разделенном мире
2006	Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов
2005	Международное сотрудничество на перепутье: Помощь, торговля и безопасность в мире неравенства
2004	Культурная свобода в современном многообразном мире
2003	Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственная договорённость об избавлении человечества от нищеты
2002	Углубление демократии в разобщённом мире
2001	Использование новых технологий в интересах развития человека
2000	Права человека и развитие человеческого потенциала
1999	Глобализация с человеческим лицом
1998	Потребление с точки зрения развития человеческого потенциала
1997	Развитие человеческого потенциала как средство ликвидации нищеты
1996	Экономический рост и развитие человеческого потенциала
1995	Положение женщин и развитие человеческого потенциала
1994	Новые измерения безопасности человека
1993	Участие населения
1992	Глобальные измерения развития человеческого потенциала
1991	Финансирование развития человеческого потенциала
1990	Концепция и измерение человеческого потенциала

Для России Программа развития ООН подготовила 11 ежегодных изданий «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации». Каждый такой национальный доклад готовится коллективом независимых экспертов и консультантов. За 2006/2007 годы Доклад называется «Регионы России: цели, проблемы, достижения». Руководители авторского коллектива:

А.Л. Александрова, к. э. н., исполнительный директор Фонда «Институт экономики города»

С.Н. Бобылев, д. э. н., профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Н.В. Зубаревич, д. г. н., профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор региональных программ Независимого института социальной политики.

3. С 1969 года Стокгольмским международным институтом проблем мира издаётся *Ежегодник СИПРИ: Вооружения, разоружение и международная безопасность* на английском языке (38 книг на 2007 год). В настоящее время это наиболее фундаментальное и авторитетное издание по проблемам международной безопасности во всём мире (том за 2006 год имеет 888 страниц в английском оригинале).

С 1993 года как итог совместного проекта Стокгольмского международного института исследований проблем мира с Институтом мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук (ИМЭМО РАН) осуществляется русское издание Ежегодника СИПРИ: в каждом томе полный перевод оригинала на русский язык (с небольшими сокращениями) и Специальное приложение, которое подготовлено авторами из России (том за 2005 год – издан в 2006 году – имеет 910 стр.).

Как некоторый итог концептуализации социологических исследований проблем безопасности, с учётом мирового опыта, можно обозначить сообщества теорий безопасности (гуманитарного профиля) на таблице 3.

Таблица 3. **Сообщество социологических теорий безопасности (гуманитарного профиля)**

Пространство	*Национальная безопасность*	*Сферы жизнеобеспечения*
Глобальная безопасность	Государственная безопасность	Духовная Социальная
Региональная безопасность	Общественная безопасность	Экономическая Политическая Военная
Национальная безопасность	Личная безопасность	Информационная Экологическая Международная

Теперь рассмотрим три, достаточно условных, блока теорий, которые объединены по критерию пространства, по структуре национальной безопасности, по основным сферам жизнеобеспечения человека, семьи, общества и государства. Сразу отмечу, что я рассмотрю далеко не все виды безопасности, а только те, которые были в разное время рассмотрены в моих исследованиях.

В завершении главы я постараюсь обобщить те смыслы, которые «складывают» общую теорию социологии безопасности со своим специфическим научным дискурсом, со своим статусом в российской и мировой социологии.

Критерий пространства и масштаба

Глобальная безопасность (коллективная, международная), как я отметил во введении к учебному пособию, в последующих главах моей книги в настоящее время находится в ситуации перестройки (и архитектура, и содержание).

Общие подходы к её новому содержанию, структуре, концептуальности уже намечены в документах, принятых на саммите ШОС в Бишкеке (2007). Я обращу внимание читателей, во-первых, на определение самой категории.

> **Глобальная (международная) безопасность,** *в самом предварительном плане, может быть определена как сетевая устойчивая совокупность положений международного права, норм и процедур, разработанных международными организациями для обеспечения мира, справедливости, достоинства, благополучия на основе международного (глобального) гуманитарного стратегического компромисса по поводу безопасности каждого человека, каждого народа, каждого государства.*

Во-вторых, я обращу внимание читателей на рисунок 8, который представляет, по моему мнению, взаимодействие глобальной безопасности и региональных безопасностей (см. рис. 8).

Региональные безопасности я рассмотрю, в основном, на примере теории *азиатской безопасности*, которая практически не исследована.

А без теории азиатской безопасности не «складывается» евразийская и глобальная безопасность.

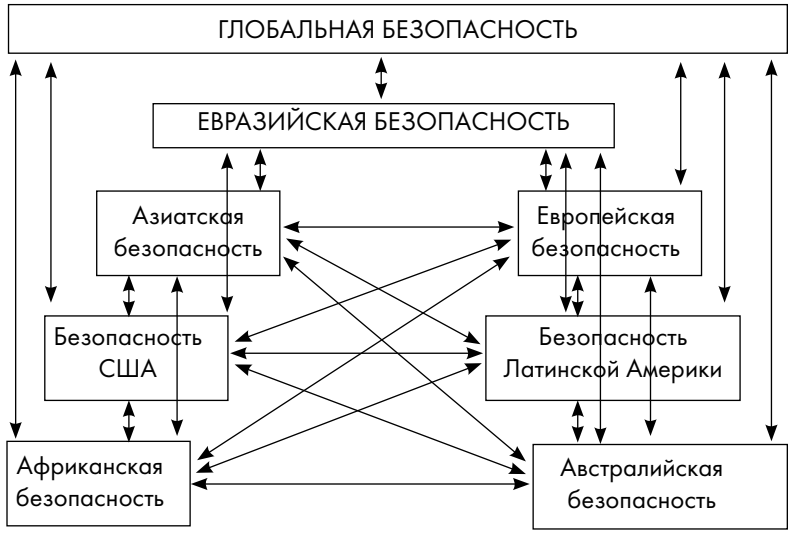
Для осмысления феномена «азиатская безопасность», влияющего как на российскую безопасность, так и на европейскую безопасность рассмотрим рисунок 8.

Особенность звена «азиатская безопасность» состоит в том, что как показано на рисунке 8 все региональные институты безопасности реально взаимосвязаны с безопасностью Азии. Без феномена «азиатская безопасность» не может функционировать евразийская безопасность.

Однако многие позитивные и негативные влияния азиатской безопасности особенно важны для европейской безопасности, для России.

Тем не менее, феномен «азиатская безопасность» в реальности есть и энергично функционирует, однако, научно, институционально он практически не выявлен, не определён, не исследован, не определен.

Рисунок 8. **Примерная схема взаимодействия глобальной безопасности и региональных безопасностей**

Азия достойно вошла в пространство обеспечения безопасности человека в третьем тысячелетии.

Я имею в виду *азиатский вклад в обеспечение, мотивацию и гуманитаризацию прорыва к новой концепции безопасности*.

С сентября 1998 года, когда президент Ирана Мохаммад Хатами предложил членам Организации Объединённых Наций объявить 2001 год Годом диалога между цивилизациями, его позиция была поддержана многими мировыми лидерами и международными организациями (см. вставку 4).

Основные содержательные положения возможной концепции азиатской и евразийской концепции безопасности в XXI веке впервые сформулировал премьер Госсовета Китайской Народной Республики Вэнь Цзябао в 2004 году на конференции, посвящённой 50-летию подписания Китаем и Индией Декларации о пяти принципах мирного сосуществования.

«История показывает, – констатировал он, – что старая концепция безопасности, основанная на военных альянсах и гонке вооружений, не смогла обеспечить безопасность в мире... С менталитетом холодной войны должно быть покончено, а на смену ему должна прийти **новая концепция безопасности,** основанная на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*).

А в апреле 2005 года во время визита премьера Госсовета КНР в Индию было сделано совместное заявление о «стратегическом партнёрстве для мира и

[1] Коммерсантъ. 2004. 30 июня. С. 9.

Вставка 4

Призыв к диалогу

Мне хотелось бы от имени Исламской Республики Иран предложить Организации Объединенных Наций в качестве первого шага объявить 2001 год годом диалога между цивилизациями, искренне надеясь, что подобный диалог позволит начать проведение в жизнь идеалов всеобщей справедливости и свободы.

Признание необходимости, а также важности диалога и отказа от силы, содействие пониманию в культурной, экономической и политической областях, укрепление основ свободы, справедливости и прав человека находятся в числе самых ценных достижений этого столетия. Укрепление взаимного уважения, будь то на национальном или международном уровне, является условием для диалога среди обществ и цивилизаций, представляющих различные взгляды, традиции и подходы. Если человечество в начале нового века и тысячелетия приложит все свои силы к тому, чтобы наладить диалог, заменив враждебность и конфронтацию на вступление в переговоры и взаимопонимание, оно оставит бесценное наследие на благо будущих поколений.

Сайед Мохаммад Хатами,
президент Исламской Республики Иран,
речь на сессии Генеральной Ассамблеи
Организации Объединенных Наций,
документы ООН, 53/PV8, 21 сентября 1998 г.

процветания» между Китаем и Индией. Обе страны разработали и подписали свою «дорожную карту» пограничного урегулирования.

По существу, начинает оформляться великая азиатская мечта о безопасности, достатке и достоинстве человека, которые могут быть гарантированы стратегическим гуманитарным компромиссом – сотрудничеством трёх стран: Россией, Индией и Китаем[1].

Таким образом, реальностью становится стратегическая гуманитарная инновация – создание азиатской безопасности XXI века. Поэтому особый интерес вызывает, на мой взгляд, исследование объекта, субъекта, методологии, теории, механизмов, институтов и среды формирующейся азиатской безопасности.

Объект азиатской безопасности

В научной литературе как объект азиатской безопасности рассматриваются, как правило, основные субрегионы Азии: Центральный, Южный, Ближневосточный, Восточный. Обстоятельно и подробно социологический, экономический и политический аспекты анализа субрегионов Азии, а также Азии как целостности рассмотрены в интересной и оригинальной книге, подготов-

[1] *Ломанов А.* Индия и Китай меняют мировой порядок // Время новостей. 2005. 12 апреля. С. 5.

ленной по итогам фундаментального исследования политики безопасности в Азии учёными СИПРИ. Во многих статьях книги тщательно рассмотрена роль России в процессе становления азиатской и евразийской безопасности»[1].

Особенно важно, что Россия исследована в таких контекстах: Россия как Европа[2], Россия как Азия[3], Россия как Евразия[4].

Субъекты азиатской безопасности

К числу субъектов азиатской безопасности относятся сами жители азиатских стран, их общественные, религиозные и государственные организации. Более подробно все звенья азиатской безопасности рассмотрены в моих книгах, а также в опубликованных докладах и статьях.

Особо отмечу, что для представления объекта азиатской безопасности осуществлено синтезирующее расширение тех основных объектов анализа, которые рассматриваются в большинстве опубликованных работ по субрегионам Азии: Большой Ближний Восток, Великое (большое) Центрально-Азиатское партнёрство и т. д.

Содержание азиатской безопасности XXI века

Социологический анализ формирования содержания азиатской безопасности может быть рассмотрен в последовательности трёх шагов.

Первым шагом считаю возможным считать подготовку и проведение 17–18 февраля 2001 г. в Тегеране (Иран) конференции «Диалог между азиатскими цивилизациями: существующее разнообразие и будущая конвергенция».

Глубокий смысл для зимы, весны, лета и осени 2007 года с международной напряжённостью по поводу ядерных программ Ирана, с глобальными волнениями во многих странах в связи с публикацией карикатур в Дании на пророка Мухаммеда имеют, по моему мнению, документы, принятые в Тегеране в феврале 2001 года.

Диалог между цивилизациями имеет целью обеспечить организационную структуру для расширения сферы позитивного взаимодействия между народами различных культур и ценностей. Общая концепция понятия диалога между цивилизациями находится в полном соответствии с основными принципами международного сообщества, а именно с принципами международного мира и безопасности, международного сотрудничества, развития и процветания и содействия правам человека и поддержания его достоинства.

С сентября 1998 года, когда президент Мохаммад Хатами предложил членам Организации Объединённых Наций объявить 2001 год годом Диалога между цивилизациями Объединённых Наций, его позиция была поддержана многими мировыми лидерами и международными организациями, которые говорили также о необходимости большего взаимопонимания между странами, большего взаимодействия между культурами и нового диалога между цивилизациями.

---

[1] Russia and Asia: The Emerging Security Agenda. N. Y., 1999.
[2] Ibid. P. 34–37.
[3] Ibid. P. 37–39.
[4] Ibid. P. 40–46.

В исторической резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (A53L. 23 ноября 1998) международное сообщество продемонстрировало свою готовность принять и поддержать идею диалога между цивилизациями в качестве нового и многообещающего подхода к будущим международным отношениям. Резолюция «приглашает» все правительства и организации «предусмотреть создание и обеспечить выполнение культурных, образовательных и социальных программ с целью поддержания концепции диалога между цивилизациями, в том числе с помощью организации конференций и семинаров и распространения информации и научных материалов по этому вопросу».

В ответ на это приглашение Исламская Республика Иран выступила в качестве спонсора ряда конференций на тему Диалога между цивилизациями.

Первая конференция под названием «Диалог между азиатскими цивилизациями: существующее разнообразие и будущая конвергенция» состоялась 17–18 февраля 2001 года в Тегеране, выполняющем роль Столицы Диалога между цивилизациями.

Участники Диалога между азиатскими цивилизациями, состоявшегося в Тегеране 17–18 февраля 2001 года, приветствовали решение Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций по поводу инициативы президента Исламской Республики Иран Хатами объявить 2001 год годом Диалога между цивилизациями Объединённых наций.

Они подчеркнули, что все цивилизации знаменуют единство и разнообразие человечества и обогащаются и развиваются путём диалога с другими цивилизациями и, таким образом, достижения всех цивилизаций представляют коллективное наследие человечества.

Они особо подчеркнули необходимость признавать и уважать богатство всех цивилизаций и искать общие основы в общении цивилизаций между собой и внутри них с тем, чтобы они в полном объёме могли обратиться к общим материальным и духовным проблемам, стоящим перед человечеством.

Они отметили, что диалог между цивилизациями может внести ценный вклад в лучшее осознание и понимание общих ценностей, разделяемых всем человечеством.

Они подчеркнули, что участие в диалоге должно носить глобальный характер и должно, в частности, включать:

все цивилизации для достижения взаимопонимания и взаимного обогащения, с учётом того, что культуры и цивилизации обычно включают отдельные нации-государства, но не ограничены ими;

- учёных, мыслителей, представителей интеллигенции, писателей, научных работников, деятелей искусства и культуры, средств массовой информации и молодёжь, которые являются важнейшей движущей силой для становления и поддержания диалога между цивилизациями;
- представителей гражданского общества, включая неправительственные организации, в качестве полезных факторов, содействующих культуре диалога.

Участники считают, что главные задачи диалога между цивилизациями заключаются в следующем:

• содействие тому, чтобы общее участие, справедливость, законность и терпимость присутствовали в человеческих взаимоотношениях;

• повышение взаимопонимания и уважения путём взаимодействия цивилизаций и взаимодействия внутри каждой из них на основе разума, сбалансированного подхода, умеренности и культурного и политического плюрализма;

• взаимное обогащение и распространение знаний путём сотрудничества цивилизаций во всех областях, признание богатства и мудрости каждой цивилизации и поиск мудрости повсюду, где только возможно её обнаружить;

• поиск общих точек соприкосновения у цивилизаций в их общении между собой и внутри каждой из них, с тем чтобы поручить им решение общих проблем, угрожающих разделяемым ими ценностям, всеобщим правам человека и достижениям человеческого общества в различных областях;

• защита и обогащение всех прав человека и повышение всемирных человеческих ценностей для углубления сотрудничества между народами, относящимся к различным культурам и цивилизациям;

• поддержка как культурного разнообразия, так и культурного наследия и их защита.

Участники подчеркнули, что для становления и поддержания диалога между цивилизациями обязательно уважение следующих принципов:

• уважение достоинства, равенства и прав человеческой личности, а также наций, больших и малых;

• согласие с Уставом Организации Объединённых Наций и Всемирной Декларацией прав человека и уважение основных принципов справедливости, морали и международного права;

• признание разнообразных источников знания и культурного разнообразия в качестве основных черт человеческого общества, в качестве незаменимых и ценных ресурсов для прогресса, духовного и материального благополучия человечества в целом;

• признание права всех сохранять и развивать культурное наследие своей цивилизации;

• обязательство придерживаться участия, сотрудничества и поиска взаимопонимания в качестве механизмов для поддержания общих ценностей;

• признание права всех народов и наций участвовать в равной мере, без всякой дискриминации, в процессе принятия решений на местном, национальном и международном уровнях для достижения безопасности, прогресса и мира.

Они особо подчеркнули, что диалог между цивилизациями должен быть использован для того, чтобы способствовать созданию доверия на местном, региональном и международном уровнях и чтобы заняться, *inter alia,* (ко всему прочему) следующими областями деятельности:

• повышением взаимопонимания и знания разных культур и цивилизаций в различных областях человеческой деятельности и достижений, включая культуру, религию, образование, информацию, науку и технологию;

• угрозами миру во всём мире, безопасности и благополучию, включая, в частности, проблемы бедности, недоразвитости, загрязнения окружающей среды, вооружённых конфликтов, оружия массового уничтожения, распространения наркотических средств и незаконной торговли оружием, терроризма, организованной в международных масштабах преступности, расизма, ксенофобии и религиозной нетерпимости в рамках новой парадигмы общего участия и сотрудничества;

• обогащением, развитием и защитой всех международно-признанных прав человека посредством уважительного отношения к всемирным механизмам сотрудничества и разделяемым ценностям и их соблюдения и посредством искренних дискуссий между различными культурами и цивилизациями и их понимания.

Участники призвали все правительства, а также региональные и международные организации, особенно относящиеся к системе Организации Объединённых Наций, предпринять соответствующие шаги и инициативы для развития, облегчения и поддержания диалога между цивилизациями и новой парадигмы международных отношений, основанной на терпимости, диалоге, понимании и общем участии.

Они также настоятельно попросили средства массовой информации, которые играют полезную и незаменимую роль в содействии успешному диалогу между цивилизациями, способствовать большему взаимопониманию различных цивилизаций и культур в их общении между собой и внутри них.

Вторым шагом можно назвать весь процесс создания и функционирования «Шанхайской организации сотрудничества». Главы государств Казахстана, Китая, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана представили цели и задачи нового института в своей Декларации, утверждённой ими 15 июня 2001 года.

В основных содержательных блоках Декларации (см. вставку 5), утверждённой в Шанхае, значительное, по моему мнению, совпадение смыслов, представленных в итоговом документе конференции в Тегеране (февраль 2001 года).

Вставка 5

Декларация
о создании «Шанхайской организации сотрудничества»
(Фрагмент)

4. Сформировавшийся в процессе развития «Шанхайской пятерки» «шанхайский дух», характеризующийся взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию, является бесценным достоянием, накопленным странами региона за годы сотрудничества. Оно будет приумножаться, становясь в новом столетии нормой в отношениях между государствами-участниками «Шанхайской организации сотрудничества».

Продолжение вставки 5

5. Государства-участники «Шанхайской организации сотрудничества» твердо придерживаются целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, принципов взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, решения всех вопросов путем взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах.

6. «Шанхайская организация сотрудничества» сформировалась на базе соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанных соответственно в Шанхае и Москве в 1996 и 1997 годах. Сегодня сотрудничество в ее рамках уже охватывает политическую, торгово-экономическую, культурную, научно-техническую и иные сферы. Принципы, нашедшие отражение в вышеуказанных соглашениях, определяют основу взаимоотношений между государствами-участниками «Шанхайской организации сотрудничества».

7. «Шанхайская организация сотрудничества» не является союзом, направленным против других государств и регионов, придерживается принципа открытости. Она выражает готовность развивать диалог, контакты и сотрудничество в любых формах с другими государствами и соответствующими международными и региональными организациями и на основе консенсуса принимать в качестве новых членов государства, которые разделяют цели и задачи сотрудничества в рамках организации, принципы, изложенные в пункте 6, а также другие положения настоящей Декларации и вступление которых может способствовать осуществлению такого сотрудничества.

8. «Шанхайская организация сотрудничества» придает приоритетное значение региональной безопасности и предпринимает все необходимые усилия для ее обеспечения. Государства-участники будут осуществлять тесное взаимодействие в целях реализации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе путем учреждения региональной антитеррористической структуры «Шанхайской организации сотрудничества» с месторасположением в г. Бишкеке. Кроме этого, будут разработаны соответствующие многосторонние документы о сотрудничестве в пресечении незаконного оборота оружия и наркотиков, незаконной миграции и других видов преступной деятельности.

9. «Шанхайская организация сотрудничества» использует огромный потенциал и широкие возможности взаимовыгодного сотрудничества государств-участников в торгово-экономической области, предпринимает усилия в целях содействия дальнейшему развитию сотрудничества и диверсификации его форм между государствами-участниками на двусторонней и многосторонней основе. В этих целях в рамках «шанхайской организации сотрудничества» будет начат переговорный процесс по вопросам создания благоприятных условий для торговли и инвестиций, разработана долгосрочная Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества, а также подписаны соответствующие документы.

Продолжение вставки 5

10. Государства-участники «Шанхайской организации сотрудничества» укрепляют механизм консультаций и координируют действия по региональным вопросам и международной проблематике, оказывают взаимную поддержку и налаживают тесное сотрудничество по важнейшим международным и региональным вопросам, совместно способствуют упрочению мира и стабильности в регионе и во всем мире, исходя из того, что сохранение глобального стратегического баланса, и стабильности в нынешней международной ситуации имеет особенно важное значение.

Источник: Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества» // Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. 4. М., 2002. С. 519–520.

Третий шаг состоялся, по моему мнению, 4 июня 2002 года в Алматы (Казахстан) на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

В его работе участвовали представители 16 стран Азии: Казахстан, Афганистан, Азербайджан, Египет, Индия, Иран, Израиль, Китай, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Палестина, Таджикистан, Турция, Узбекистан. Российскую Федерацию представлял Президент России В.В. Путин.

По итогам Совещания были обсуждены и приняты Алма-Атинский акт и Декларация об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями.

В содержании Документов СВМДА отмечу следующие положения:

- процесс СВМДА содействует формированию в Азии «общего и неделимого пространства безопасности»;
- будут разрабатываться и применяться меры, ориентированные на расширение сотрудничества и создание атмосферы мира, доверия и дружбы, призванные создавать благоприятные условия для разрешения конфликтов и напряжённости;
- было достигнуто согласие о подготовке и осуществлению «Каталога мер доверия СВМДА»;
- были согласованы институциональные аспекты функционирования СВМДА: встречи глав государств и правительств (каждые четыре года); министров иностранных дел (каждые два года); встреча старших должностных лиц (ежегодно); систематическая деятельность рабочих групп, проведение научных исследований, широкое информирование общественности о смысле, усилий участников СВМДА[1].

Четвёртый шаг. Для понимания содержания и полноты корпуса ключевых категорий Московско-Шанхайской модели мира XXI века важно, на мой взгляд, рассмотреть главные смыслы двух посланий, представленных весной 2006 года сотням миллионов граждан России и США, других стран мира.

[1] *Канто А.* Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) // *Канто А.* Энциклопедия Мира: 2-е изд., уточн. и доп. М., 2005. С. 593–594.

10 мая Президент России Владимир Путин в своём Послании гражданам страны чётко и точно обозначил состояние и динамику основных действий всей страны: «наши основные усилия направлены именно на те сферы, которые прямо определяют качество жизни граждан»[1]. Конечную цель, главный смысл Послания Владимир Путин сформулировал конкретно. У «России есть колоссальные возможности для развития, – отметил он, – есть огромный потенциал, который надо эффективно реализовать для улучшения жизни людей»[2].

16 марта 2006 года советник администрации США по вопросам национальной безопасности Стивен Хедли от имени президента США Дж. Буша зачитал в Американском институте мира доклад «Стратегия национальной безопасности».

Главный смысл новой стратегии мироустройства для XXI века президент США Дж. Буш охарактеризовал чётко и кратко: «Америка находится в состоянии войны» (America is at war)[3].

Более подробно Дж. Буш раскрыл смысл стратегической цели страны. «Наша конечная цель, – уточнил он, – распространение демократии по всему миру»[4].

В совокупность документов, соглашений, научных разработок, которые обеспечивают определение главных категорий новой модели мира, вышеприведённые документы конечно входят. Здесь же Послания Президента России за 2000–2005 годы; концептуальные документы, принятые на юбилейном саммите ШОС 15 июня 2006 года в Шанхае; документы ООН, других международных организаций; документы и научные разработки, принятые в странах, как входящих в ШОС, так и имеющих статус наблюдателя.

Особенно значительна для нашего исследования Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества», утверждённая главами государств Казахстана, Китая, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана 15 июня 2001 года. «Целями “Шанхайской организации сотрудничества”, – разъясняют главы государств, создавших ШОС, – являются: укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, **построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка**»[5]. (Выделено мною. – *В.К.*).

---

[1] *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2006. 11 мая. С. 1.

[2] Там же. С. 3.

[3] The National Security Strategy. March 2006. P. 1.

[4] Ibid. P. 3.

[5] Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества» // Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. 4. М., 2002. С. 519.

Фактически отмеченные девять слов раскрывают смысл категории ***«Московско-Шанхайская модель миропорядка»***:

- *сфера компетенции* – политические и экономические отношения;
- *характер* – демократичность;
- *ценностная определённость* – справедливость;
- *характер взаимодействий* – рациональность

Теперь можно более обоснованно утверждать, что ***субъектом в новой модели мира*** является народ.

Объектом в такой глобальной конструкции являются отношения между людьми, народами и государствами: доверие, дружба, добрососедство, сотрудничество, усилия людей и государств (т. е. воля и энергия сотрудничества).

Структура Московско-Шанхайской модели миропорядка имеет сетевой характер и представляет из себя российско-азиатский кластер.

Особо необходимо отметить своеобразие связей внутри такого кластера: они имеют горизонтальную ориентацию и, в основном, слабое проявление (слабые взаимодействия, слабые риски, малые энергии взаимосвязей).

Источник динамики в новой модели мира – энергия взаимодействия в ходе разрешения главного глобального противоречия XXI века: *культуры жизни человека* (культуры безопасности человека – Послание Президента России Владимира Путина 10 мая 2006 года народам страны) – *культуры смерти человека* (культуры войны – Стратегия национальной безопасности, озвученная 16 марта 2006 года от имени Президента США Дж. Буша с исходным тезисом: «Америка находится в состоянии войны»).

Содержание категорий: азиатская безопасность, европейская безопасность, национальная безопасность, глобальная (международная, коллективная) безопасность – определённо обусловлено смыслами ранее представленных понятий: новая модель миропорядка, субъект, объект, структура, источник динамики.

> ***Азиатская безопасность,*** *таким образом, является формирующейся устойчивой сетевой совокупностью действий, процедур и практик отдельных людей, неправительственных организаций (НПО), региональных и международных структур, самих государств, направленных на содействие конкретному устойчивому развитию каждого человека, благополучию народов на основе приемлемых условий российско-азиатского стратегического гуманитарного компромисса, уважительного диалога, мер доверия и сотрудничества между ними, всеми странами и регионами.*

Европа

На рисунке 8 европейская безопасность представлена с активными взаимосвязями с азиатской и евразийской безопасностью. Я уже отметил странный характер функционирования азиатской безопасности. Ещё более странный характер у евразийской безопасности.

Это как птица с двумя крыльями: европейская и азиатская безопасность. Если нет одного крыла (азиатской безопасности), то нет и евразийской без-

опасности. Представим их реконструкцию на рисунке 9. Обратим внимание, прежде всего, на иерархический характер её архитектуры. Хотя и условно можно предположить, что здесь доминирующим звеном является ОБСЕ.

Таким образом, строительство новой архитектуры европейской безопасности в 2007 году затруднительно. Причина: неопределённость во взаимодействиях с азиатской и евразийской безопасностью.

Евразия

Для исследования феномена «евразийская безопасность» целесообразно, на мой взгляд, в самом предварительном плане, сопоставить структуру европейской и азиатской безопасности (см. рис. 10).

Достаточно условно, можно определить европейскую безопасность как концептуализированную иерархическую систему. А азиатская безопасность может быть охарактеризована как неиерархическая сеть.

В самом предварительном плане, евразийская безопасность может быть определена как сеть=система.

Это важно для осмысления методологии исследования азиатской и евразийской безопасности. Я полагаю, что сетевой подход, институционально-сетевая методология могут быть полезны для такой работы.

Рисунок 9. **Примерная архитектура европейской безопасности**

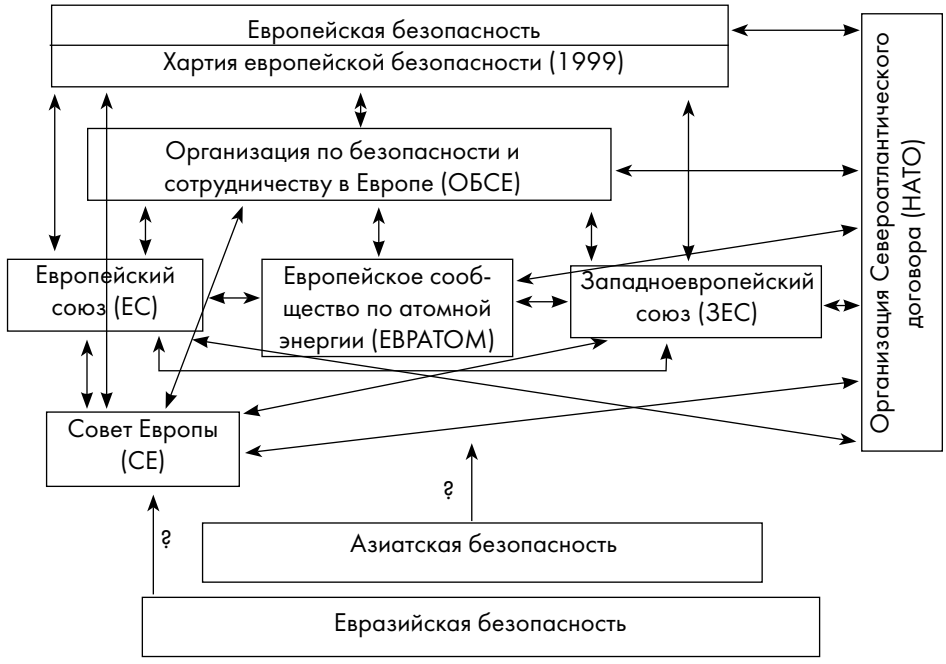
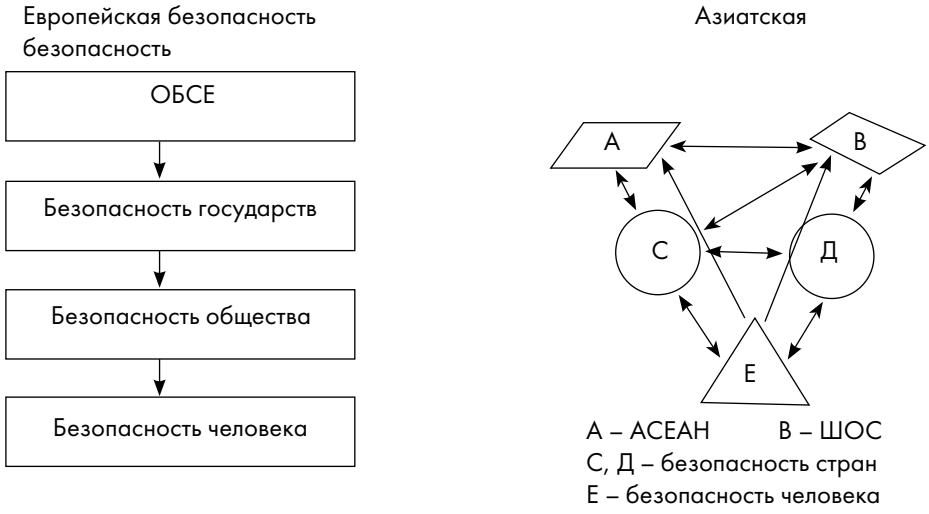

Рисунок 10. **Сопоставление примерных структур европейской и азиатской безопасности**

Критерий «национальная безопасность»

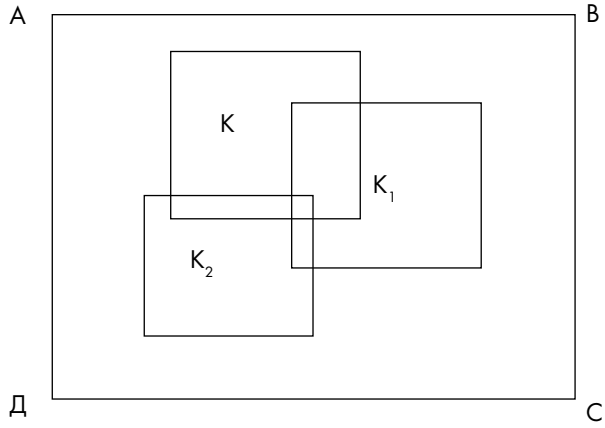
Смысл, содержание и эвристические аспекты теории национальной безопасности я уже представил, в основном, в предыдущих главах учебного пособия.

Здесь я приведу только определение категории так как это будет полезно для дальнейшего рассмотрения концептуализации самого этого феномена.

Национальная безопасность – *ключевое, базовое понятие, характеризующее защищённость всех систем жизнеобеспечения общества, человека и государства, их целей, идеалов, ценностей, интересов от внутренних и внешних угроз, способность противодействовать, своевременно адаптироваться к новым условиям развития как в сфере природы, окружающей среды, так и к тенденциям, закономерностям мирового и национального развития. Безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа.*

Важно более подробно рассмотреть структуру самой концепции, которая представлена на рисунке 11.

Рисунок 11. **Структура феномена «национальная безопасность»**

Здесь АВСД – пространство национальной безопасности.

Здесь прямоугольник К – пространство *государственной безопасности*.

Здесь прямоугольник K_1 – пространство *общественной безопасности.*

Здесь прямоугольник K_2 – пространство безопасности человека, его *личная безопасность.*

Особенности отношений граждан к состоянию государственной, общественной и личной безопасности наглядно, по моему мнению, представлено в показателях таблиц 4 и 5.

Таблица 4. **Мнение респондентов о выполнении государством своих основных обязанностей перед обществом**

РФ, июнь 2006 г., N=1857, % от числа опрошенных

Основные обязанности государства перед обществом	*Выполняет*	*Не выполняет*	*Затруднились ответить*
Налогообложение и взимание налогов	58	18	24
Оборона страны	48	23	29
Обеспечение мира и поддержание мирового порядка	**45**	**19**	**36**
Сотрудничество и укрепление связей с СНГ	40	22	38
Международное сотрудничество в решении глобальных проблем	34	14	52
Регулирование производства и распределения товаров и услуг	27	43	30

Интеграция в мировую экономику	25	14	61
Развитие науки, культуры и образования	25	54	21
Охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка	14	66	20
Охрана природы и использование ресурсов	13	66	21
Защита жизни и прав соотечественников за границей	12		
Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан	**7**	**82**	**11**

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований. ИСПИ РАН.

Приведено по: *Левашов В.К.* Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М., 2006. С. 33. (Выделено мною. – *В.К.*)

Таблица 5. **Мнение респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества, Конституции России (вариант ответа «обеспечиваются»)**

РФ, июнь 2006 г., N=1857% от числа опрошенных

	Равенство всех граждан перед законом	*Личная безопасность*	*Соблюдение прав человека*	*Социальные гарантии*	*Свобода политического выбора*	*Терпимость к чужому мнению*	*Свобода слова*
1995, январь	11	4	12	12	59	35	52
1995, ноябрь	8	3	9	7	59	34	53
1997, август	9	6	13	8	65	41	54
1998, декабрь	9	6	8	4	55	32	49
1999, ноябрь	7	3	4	3	37	15	35
2000, май	11	11	14	12	62	40	52
2000, декабрь	11	10	13	11	57	38	47
2001, декабрь	9	7	13	12	61	40	48
2002, декабрь	10	9	13	11	65	40	51
2003, октябрь	11	6	10	15	58	39	57
2004, июль	11	9	15	14	61	39	52
2004, декабрь	9	7	10	11	47	26	39
2005, сентябрь	13	11	15	16	56	38	50
2006, январь	14	12	19	20	58	40	54
2006, июнь	12	10	17	22	59	44	55

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований. ИСПИ РАН.

Приведено по: *Левашов В.К.* Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М., 2006. С. 36.

Таким образом, категория **государственная безопасность** это:
состояние защищённости, гарантирующее создание необходимых и достаточных условий для выполнения государством своих функций по управлению делами общества и обеспечению нормального функционирования политической власти; неотъемлемая часть национальной безопасности средство её обеспечения, включает следующие традиционные критерии: нерушимость границ и сохранение территориальной целостности; обеспечение национального суверенитета; поддержание условий нормального функционирования и развития национальной экономической системы; охрана конституционного строя; нормальное функционирование судебной системы.
Категория **«общественная безопасность»** может быть определена так:
это состояние, условия и характер жизнедеятельности государства и общества, при которых граждане, социальные группы, создаваемые ими объединения и организации свободно действуют в соответствии с их собственной природой и предназначением и способных нейтрализовать внешние и внутренние угрозы. Общественная безопасность охватывает экономический и социальный уклады жизни общества, общественные достояние и собственность, общественные институты и организации, национальные обычаи и традиции, среду жизнедеятельности, материальные и духовные ценности. Её обобщёнными характеристиками выступают социальное партнёрство, межнациональное согласие и гражданский мир. Своё непосредственное выражение общественная безопасность находит в уровне правовой и социальной защищённости человека как от произвола, злоупотреблений государственной власти и её структур, так и от преступных посягательств со стороны частных лиц и групп.
Категория **«личная безопасность»** может быть определена как
состояние защищённости жизни и здоровья каждого человека; его целей, идеалов, ценностей, интересов от неприемлемых рисков в обществе; от опасных воздействий природных и техногенных факторов; от неконституционного вмешательства государства и неправительственных объединений в его частную жизнь.

Критерий «сферы жизнеобеспечения»

Важнейшей и оригинальной особенностью моего подхода к становлению теории социологии безопасности стало понимание её «ядра». В его структуре – изучение и ориентированность на безусловное формирование позитивного и динамичного отношения к труду; к преодолению бедности и несправедливого социального, экономического, информационного неравенства; к содействию в борьбе против международного терроризма и организованной преступности.

Важный шаг по такой дороге к пониманию «ядра» помогают нам сделать соображения Ж.Т. Тощенко, посвящённые предмету и структуре социологии труда[1].

[1] *Тощенко Ж.Т.* Предмет и структура социологии труда // Социологические исследования. 2003. № 3.

Социология труда «как специальная социологическая теория представляет собой органическое единство экономического (трудового) сознания и поведения (деятельности) людей как субъектов производственной жизни и производственной среды. Содержание социологии труда не конструируется произвольно – оно само отражает реально сложившуюся ситуацию: работник включается в трудовой процесс посредством реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды»[1].

В этом тезисе органично соединены человек (субъект, работник), ситуация, процесс, сознание, деятельность (поведение), окружающая работника среда. Вместе с тем, очень важно отметить, что здесь речь идёт о человеке, у которого есть работа, который трудится.

К такому человеку применимы слова Назыма Хакмета о счастье: счастье – это когда человеку утром хочется идти на работу, а вечером хочется идти домой. Одной работы для счастья недостаточно: ещё нужен дом, нужна семья.

Но и этого недостаточно: нужен смысл жизни, нужна мечта, нужна цель. Всё? Нет. Необходима надежда. Юрий Левада так это выделил в статье с соответствующим названием: «Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций». Вот его «соображение»: «Таким образом, ключевым словом оказывается *надежда*, точнее даже – желание надеяться, которое диктует массовому сознанию своего рода направленный отбор поступающих сигналов... действует феномен надежд, вызванных тревожной ситуацией, страхом, растерянностью»[2]. Но он действует, люди надеются.

Проблема бедности, несправедливого неравенства может стать одной из самых понятных и важных национальных целей в 2007–2017 годах, одним из важнейших факторов укрепления безопасности человека и семьи. И, прежде всего, по той причине, что такая общая работа может быть основана на гражданском компромиссе самых различных граждан, конфессий, партий.

Складывается общая нравственная ситуация, когда граждане России начнут более конструктивно думать о себе с точки зрения мобильности, поддержки инноваций и готовности что-то делать для Другого человека, для Другой российской семьи, чтобы помочь ему в преодолении бедности, в содействии безопасности Другого (человека, семьи, народа). Я имею в виду динамику оценки экономического положения страны и своей семьи, отношения к экономическим реформам с учётом «запаса прочности» населения, показателей политического и экономического оптимизма, уровня и «окраски» настроения респондентов, движения индексов социальных и потребительских настроений.

Я называю организованную преступность и международный терроризм антигражданским обществом. Впервые такой термин предложил Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН.

---

[1] *Тощенко Ж.Т.* Предмет и структура социологии труда. С. 53.

[2] *Левада Ю.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 1. С. 11.

Полагаю возможным выделить такие факторы, которые трансформировали эти два института (они оформились в самостоятельные институты в середине 90-х годов XX века) в отдельную сферу современной российского общества как фиксированный сектор:

– выделилась и обозначилась конкретная криминальная культура;

– значительный рост «теневой» экономики обосновал общероссийское и международное предполье, питающее криминалитет;

– сложилась многообразная среда (информационная, молодёжная, спортивная, военная, коррупционная и т. д.), которая обеспечивает саморазвитие криминального образа жизни.

Преступность – это социально-правовое явление, включающее сумму *преступлений*, совершённых в обществе в тот или иной период и характеризующихся количественными (состояние, динамика) и качественными (характер, структура) показателями. Основные её признаки: специфическая форма планирования и осуществления противоправных акций, наличие особых преступных структур, способных проникать во все интересующие их сферы жизни общества; общественная опасность совершаемых преступлений, их экономических, политических и иных социальных последствий, избирательность объектов воздействия и др. Как особо опасные выделяются организованная преступность и профессиональная преступность. Россия крайне заинтересована в искоренении экономической и социально-политической основы преступности, выработке комплексной системы мер для эффективной защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Приоритетное значение имеет формирование системы мер действенной социальной профилактики и воспитания законопослушных граждан.

Важнейшими задачами в области борьбы с преступностью являются: выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих её; усиление роли государства как гаранта безопасности личности и общества, создание необходимой для этого правовой базы и механизма её применения; укрепление системы правоохранительных органов, прежде всего структур, противодействующих организованной преступности и терроризму, создание условий для их эффективной деятельности; привлечение государственных органов в пределах их компетенции к деятельности по предупреждению противоправных деяний; расширение взаимовыгодного международного сотрудничества в правоохранительной сфере, в первую очередь с государствами – участниками Содружества Независимых Государств. Важно лишить её питательной среды, обусловленной недостатками в законодательстве, кризисом в экономике и социальной сфере.

Получившая значительное развитие в период проведения реформ *организованная преступность предстаёт в виде единой системы организованных преступлений, между которыми существует устойчивая взаимосвязь.* Кроме того, организованная преступность старается опираться на институты государства, общества и использовать их в своих целях. Расширяется круг организованных преступных формирований, предназначенных для широкомасштабной преступной деятельности, легализации криминальных доходов.

Сфера деятельности организованных преступных группировок постоянно расширяется и видоизменяется. Наряду с торговлей наркотиками, оружием, контрабандой, вымогательством, другими насильственными действиями, они активно осуществляют различного рода действия по «отмыванию» денег, полученных преступным путём, в том числе и скупкой пакетов акций акционерных обществ с последующим включением своих представителей в Совет директоров. Значительно активизировалась деятельность этих группировок в плане распространения своего влияния на банковскую систему.

Участники организованных преступных сообществ для расширения сферы своей деятельности воспользовались неблагоприятными социально-политическими тенденциями в стране, форсированием рыночных отношений, отсутствием надлежащей правовой базы и прикрывались распространившимся в конце 80-х годов лозунгом «разрешено всё, что не запрещено законом».

Рост организованной преступности был связан с появлением новых форм преступной деятельности, получивших своё распространение в период экономических преобразований. К таким следует отнести: захват заложников, похищение людей, терроризм, торговлю детьми. Все эти преступления прямо или косвенно относятся к экономике.

Организованной преступностью в качестве приоритетной выделяется налогооблагаемая база государства, в которой основным интересом является прибыльный бизнес, связанный с быстрым оборотом капитала, обращением наличных денежных средств. Сюда следует отнести банковскую и торгово-закупочную деятельность, производство и реализацию винно-водочных изделий, продажу автомобилей, автосервис, экспортно-импортные операции и др. Не без участия организованных преступных групп, деятельность которых с учётом изменения форм собственности распространилась на различные отрасли экономики, значительно увеличился приток наркотиков на территорию страны, повысился уровень немедицинского потребления их населением.

Коррупция по своей социальной сути – это использование в личных либо в узкокорпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей. При этом государственный чиновник в противоречие государственным интересам предоставляет возможность использовать соответствующие структуры или открывающиеся возможности для обогащения определённых лиц, получения незаконных привилегий, освобождения от предусмотренной законом ответственности, социального контроля и другие. Опасность коррупции в плане изъятия общественных средств в распределении для потребления очевидна, и её масштабы постоянно растут.

Сложность экономического положения семей, широкий и заманчивый рынок в условиях деидеологизации и аморальности общества в большинстве случаев не дают легального выхода на удовлетворение материальных интересов. При этом несформированность разумных социальных потребностей, неустойчивость ценностных ориентаций морально-нравственного плана и недостаточно высокий уровень правосознания молодёжи создают предпосылки

тому, что всё большее число несовершеннолетних решают свои материальные проблемы криминальным путём.

Поэтому *рост преступности выступает неизбежным следствием качественных изменений самого общества. По сути, происходит криминализация законопослушных граждан, деформация всех форм общественного сознания и, прежде всего, правосознания молодёжи, которая в отличие от людей более старшего возраста, ещё не имеет достаточного жизненного опыта. Молодёжь в данной ситуации трудно адаптируется даже к нормальным условиям, а положение усугубляется тем, что социальные институты, призванные содействовать социализации личности, сами начинают деградировать, а то и вообще разрушаются. И довольно значительная часть молодёжи, по сути, подталкивается к преступным действиям самим фактом дезорганизации ряда институтов общественной жизни и отходом ещё недавно казавшихся незыблемыми коллективистских нравственных норм и ценностей.*

Терроризм представляет собой не любое насилие, не просто применение физической силы или принудительное воздействие на кого-либо. Ведь насилие, в том числе в форме диверсий, во многом схоже с террористическими актами, неизбежно сопровождает войны, включая национально-освободительные и гражданские, революции, восстания, да и имеющие криминальную основу передел собственности или бандитизм. В этом смысле два отличительных признака характеризуют терроризм.

Один заключается в том, что он представляет собой незаконное и/или осуждаемое посягательство на людей, институты либо материальные объекты. В силу этого террористические акты всегда означают вопиющее игнорирование норм права и морали, независимо от того, осуществляются они государственной властью или её противниками. Заблуждаются или лукавят те, кто пытается представить террористов в мифическом ореоле самоотверженных борцов против любых форм угнетения и дискриминации. Терроризм – абсолютное зло. Любой террористический акт, каковы бы ни были мотивы действий его исполнителей, представляет собой преступление против человечности и человечества.

Другим обязательным квалифицирующим признаком терроризма является прямой умысел: террористическими признаются акты, осуществляемые в целях: а) нарушения общественной безопасности; б) устрашения населения; в) оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам; г) удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; д) прекращения государственной или иной политической деятельности человека; е) мести за такую деятельность; ж) целях провокации войны; з) осложнения международных отношений.

Терроризм предстаёт как сила, не имеющая временной, пространственной, социальной или национально-государственной локализации.

Духовная безопасность

В смысловом «ядро» социологии безопасности я особо выделяю духовность как духовную безопасность. В её основе могут быть выделены: общенациональная цель, социальный идеал, основные ценности, смысл жизни, российская

мечта, надежда, вера (доверие), историческая память, патриотизм, культура патриотизма. Отсюда – сохранение и развитие образа жизни, гармоничное соотношение прав и свобод человека и его ответственности. И отсюда – солидарность, терпимость, ориентированность на согласие и сотрудничество.

Ключевое суждение, на наш взгляд, предложил Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II на встрече осенью 2002 года с группой журналистов в ходе «Бесед на переломе тысячелетий». На вопрос: **«Что, по-Вашему, движет человеком в жизни?»** он ответил:

«Цель. Ясная цель, которую каждый из нас должен наметить себе непременно. К этой цели человек стремится и, возможно, будет добиваться ее достижения всю свою жизнь. Но он должен ее достигать, потому что иначе жизнь превратится в бессмыслицу. Цель – это движение, в ее достижении – смысл человеческого существования».

В сложнейшей ситуации 2007 года на стадии становления национальной цели и национального идеала они, по нашему мнению, могут быть объединены: ***идеал – цель, цель – идеал.***

Нашей прагматической целью должно быть построение индустриально-информационного общества – общества, основанного на знаниях, – оно одновременно цель и средство. Средство достижения, если кратко, ***благополучия и безопасности.***

Этот идеал не связан напрямую ни с социализмом, ни с капитализмом. Он вообще достаточно размыт. Ведь благополучие – это достаток, комфорт, духовное богатство, психическое и телесное здоровье, свобода, справедливость, безопасность, динамизм. Именно благополучие осязаемое, зримое, а не мифическое, может стать сегодня нашей общепонятной и общепринятой национальной целью и социальным идеалом.

Роль социального идеала убедительно раскрыта Питиримом Сорокиным в статье «Историческая необходимость». Он пишет: «...человечество шаг за шагом завоевывало возможность законодательства и строительства своей истории. Шаг за шагом оно стремилось реализовать свои идеалы Правды, Истины и Красоты. Эти завоевания, порой замедляясь, ослабевая, в общем до сих пор увеличивались. Правда, кто сочтет, сколько страданий и усилий было потрачено на это! Кто сочтет все те пытки, которым подвергались бесчисленные строители этой Правды! Но эту Правду создавали они как личности, и точно так же наше будущее создаем мы. И чем активнее будет каждая личность, тем выше будут ее идеалы, тем быстрее мы будем приближаться к Правде и тем чище и прекрасней будет Правда человеческая!»[1].

Для понимания структуры ценностей населения в условиях социокультурного кризиса российского общества Н.И. Лапин предложил своё определение исходного понятия. «Ценности, – пишет он, – это фундаментальные нормы, позволяющие человеку осуществить выбор своего поведения в жизненно важ-

[1] *Сорокин П.* Историческая необходимость // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 521.

ных ситуациях и составляющих одно из оснований целостности социальных систем. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов тех или иных социальных общностей, которая, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на социальные интересы и потребности, выступает одним из важнейших стимулов социального действия, поведения индивидов... Освобождаясь от власти низших ценностей, выбирая высшие ценности и борясь за их осуществление, – продолжает Н.И. Лапин, – индивид реализует свою свободу как личности... Таким образом, каждая ценность имеет двуединое эмпирическое обоснование: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе».

Фундаментальная, инновационная идея уточняется Н.И. Лапиным в интереснейшем утверждении: «Результаты на основном, репрезентативном для всей России массиве респондентов убеждают, что наблюдающийся кризис ценностей на первой, дестабилизационной стадии общего кризиса означает не разрушение ценностей как таковых, а качественное обновление их структуры: происходит драматический для личности переход от идеологизированной к плюралистической структуре ценностей»[1].

Основной состав ценностей сохраняется. «Однако ***в центре повседневного гуманизма,*** – отмечает Н.И. Лапин, – оказывается не спокойная совесть, представляющая особую самоценность, а такая инструментальная ценность (ценность – средство), как ***самообеспечение индивидом своей безопасности.***

Органическое единство понятых и воспринятых национальных целей, социального идеала и основных ценностей образуют, на наш взгляд, и поддерживают, обогащают смысл жизни человека, его мечту и надежду, историческую память и культуру патриотизма, способствуют конструктивной самоидентификации как самого человека, так и российского общества.

Отметим важное обстоятельство. А.Н. Леонтьев особо выделил, что смысл «создается в результате отражения субъектом отношений, существующих между ним и тем, на что его действия направлены как на свой непосредственный результат (цель)»[2]. Он дополнительно уточняет, что именно «отношение мотива к цели порождает личностный смысл, а «смыслообразующая функция в этом отношении принадлежит мотиву»[3]. А состоявшиеся смыслы, как итог деятельности, становятся теми самыми единицами сознания человека, которые его формируют вместе со значениями, через которые и выражаются».

Подчеркнём в этом сюжете исключительное значение цели: чем точнее она определена (применительно к жизни человека) и чем надёжнее защищена, тем полнее и значительнее смысл жизни, тем основательней и устойчивей вера человека в других людей и в себя самого.

В определении роли социологии для дела возрождения России могут быть подчёркнуты исключительные возможности социологической науки в изуче-

---

[1] *Лапин Н.И.* Тяжкие годины России: Перелом истории, кризис, ценности, перспективы // Мир России. 1992. Т. 1. № 1. С. 17, 21.

[2] Психологический словарь. М., 1996. С. 361.

[3] Там же.

нии мотивов деятельности человека, социальной группы, семьи; в содействии формированию и существованию национальных целей определяют её оригинальность и значимость.

Можно привести итоги широкого опроса исследований, раскрывающих роль и содержание смысла жизни в современном российском обществе и в других странах мира. Общее в анализе их итогов – смыслообразующая роль общенациональной цели, социального идеала и базовых ценностей. В таком контексте смысл жизни укрепляет в человеке веру в себя и в других людей, сплачивает людей и воодушевляет их.

Своеобразное свидетельство «наоборот» представил Валерий Соловей в своей статье с названием «Почему вымираем?» (Век. 2002. № 26).

«Среди множества проблем, – пишет он, – аполитических, экономических, социальных и т. д., осаждающих современную Россию, – есть одна, о существовании которой знают все, но говорить о которой почему-то не принято, хотя надо бы кричать и бить в колокола. Это – угроза депопуляции, а попросту – вымирания страны, в первую очередь ее русского населения. Заговор молчания на этот счет прервал президент Путин, который в своем первом президентском Послании заговорил о демографическом кризисе как об одном из главных вызовов безопасности России. Только что опубликованный «Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год», подготовленный под эгидой ООН, содержит поистине драматическую информацию об ускоряющихся темпах потери нашей страной населения...

Кажется, античный бог смерти Танатос подчинил своей воле целый народ, который покорно приносит чудовищные жертвоприношения и не стремится выйти из-под его жесткой, но приносящей желанное забвение власти. Старшим поколениям жить невмоготу, младшие не видят смысла в своем существовании. ***Потеря смысла – вот что лежит в основе глубинного нежелания сопротивляться смерти и давать жизнь последующим поколениям. Смысла не только индивидуального, но главное и в первую очередь – коллективного, национального существования».*** (Выделено мною. – *В.К.*)[1].

Таким образом, *мы можем определить категорию* ***«смысл жизни»*** *как сущность органичного единства цели, идеала и основных ценностей человека, понятых и принятых им как руководство к деятельности, в его ориентации на достойную, благополучную и безопасную жизнь, на ее воспроизводство, на единство свободы и ответственности.*

Анализ содержания российской мечты показывает, что в её основании – взаимодействие цели, идеала, ценностей и смысла жизни (как целостности).

Роль мечты обозначается как проявление внешней среды, возможного, для сохранения и динамики целей, идеалов, ценностей и смысла жизни.

Сама категория ***«российская мечта»*** *может быть определена как самостоятельный феномен, обеспечивающий связи между целью, идеалом, ценностями*

[1] *Соловей В.* Почему вымираем? // Век. 2002. № 26. 9–15 августа. С. 1,3.

и смыслом жизни; гармонизирующий трансформацию таких связей для сохранения их формы и структуры; сохраняющий идентичность целей, идеалов, ценностей и смысла жизни, их самостоятельность и самодвижение.

Способом сохранения и развития российской мечты и надежды могут быть определены историческая память и культура патриотизма.

Мы можем сформулировать самое предварительное определение категории ***«историческая память»***:

историческая память – это состояние деятельности человека по воспроизводству своей культуры, своих отношений с другими людьми, обществом; это личная технология по организации, сохранению и осмыслению исторически приобретаемого социального опыта субъектом, по превращению освоенной культуры во внутреннее содержание сознания и в практику деятельности во времени, и в масштабе всей его жизни.

Важная особенность феномена *«историческая память»* состоит в том, что такое состояние человека определяется зрелостью цели, идеала, ценностей и смысла жизни. Специфика исторической памяти обусловлена, на наш взгляд, своеобразием её связи с целью, идеалами и ценностями. Речь идёт, как и в ситуации с феноменом «смысл жизни», о внешней среде для них, что и содействует их динамике и актуальности проявления.

Новое, что вносит в их взаимодействие историческая память, – это обогащение смысла жизни, цели, идеала и ценностей координатами времени и масштаба (пространства).

Анализ динамики национальной идеи (как национальной цели и социального идеала) показал важность и необходимость смысла жизни и исторической памяти. Исследование компании «РОМИР мониторинг» и Агентства региональных политических исследований (1600 респондентов и 28 субъектов Российской Федерации) представили первый итог: 70% опрошенных высказали мнение о её необходимости для страны, для народов России.

Второй вывод: одно из ключевых мест принадлежит *патриотизму*.

Патриотизм – это любовь к родине, преданность своему народу; стремление своими действиями служить их интересам. Исторической почвой, на которой возник и развивается патриотизм, является существование различных отечеств, делящих человечество по принадлежности к определённой стране, государству. Патриотизм сплачивает соотечественников перед лицом внешних угроз, является мощным фактором мобилизации и организации их сил в борьбе против внешнего агрессора, в защиту суверенитета и территориальной целостности страны. Утверждение и укрепление патриотического сознания, патриотических чувств народа, военно-патриотическое воспитание масс во всех государствах всегда выступает в качестве важного средства консолидации общества, подчинения его социальной энергии интересам национального развития и обеспечения безопасности.

Исследования позволяют сделать предположение о том, что необходимо продвижение от категории «патриотизм» к категории **«культура патриотизма».**

С учётом анализа состояния проблемы «исторической памяти» *можно определить* ***культуру патриотизма*** *как*

отношение устойчивой и осознанной любви к своей семье и образу жизни; нации, национальной и культурной идентичности; государству и Отечеству в их прошлом, настоящем и будущем состояниях; готовность жить во имя Родины и защищать её цели, идеалы и ценности; ориентированность на постоянный и уважительный диалог по поводу целей, идеалов и ценностей других наций и народов, их семей и граждан.

Национальные интересы – это объективно обусловленные потребности жизнедеятельности и поступательного развития национальной (этнической) общности. Они составляют: физическое существование (выживаемость) народа как целостного социального образования, сохранение его национальной (этнической) самобытности, свободное самоопределение и суверенитет, социально-экономическое процветание и экологическую безопасность, достойное место среди других народов и т. д. Обеспечение и реализация национальных интересов предполагает способность нации защищать их от враждебных посягательств. Организация этой защиты, обеспечение национальной безопасности, в том числе при необходимости военными средствами, также относится к национальным интересам, что обусловливает правомерность военного строительства и военной деятельности нации.

Роль интересов обстоятельно исследована в двух значительных работах, опубликованных в 2002 году. Мы имеем в виду книгу А.А. Прохожева «Человек и общество: законы социального развития и безопасности», а также учебник «Общая теория национальной безопасности», подготовленный под общей редакцией А.А. Прохожева. **«Интересы,** – по мнению А.А. Прохожева, – **это потребности, осознанные, пропущенные через головы людей, сознательно сформированные обществом, социальными группами, индивидами»**[1].

В книге «Общая теория национальной безопасности» проблема и категория интереса получила своё развитие и рассмотрена в общем контексте проблем безопасности[2].

Таким образом, ***духовная безопасность,*** –

состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны, а вместе с тем способность государства решать назревшие задачи экономического, социального и политического развития.

Девальвация духовных ценностей способствует усилению напряжённости во взаимоотношениях власти и народа, государства и гражданского общества, регионов и Центра. Снижение духовно-нравственного потенциала общества

[1] *Прохожев А.А.* Человек и общество: законы социального развития и безопасности. М., 2002. С. 23.

[2] Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М., 2002. С. 79–114.

является основным фактором, способствующим росту преступности, особенно её организованных форм, а также коррупции. Вот почему в документах Российской Федерации отмечается, что обеспечение её *национальной безопасности* включает в себя защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения, введение запрета на использование эфирного времени в электронных средствах массовой информации для проката программ, пропагандирующих насилие, эксплуатирующих низменные проявления, а также противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров.

Духовное обновление общества невозможно без сохранения языка межгосударственного общения народов государств – участников Содружества Независимых Государств. Основными направлениями обеспечения духовной безопасности являются: совершенствование законодательства Российской Федерации, регулирующего отношения в области конституционных ограничений прав и свобод человека и гражданина; формирование правовых и организационных механизмов обеспечения конституционных прав и свобод граждан, повышения их правовой культуры в интересах противодействия сознательному или непреднамеренному нарушению этих конституционных прав и свобод в сфере духовной жизни; развитие в России основ гражданского общества; создание социально-экономических условий для осуществления творческой деятельности и функционирования учреждений культуры; государственная поддержка мероприятий по сохранению и возрождению культурного наследия народов и народностей Российской Федерации; выработка цивилизованных форм и способов общественного контроля за формированием в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным интересам страны, воспитанием патриотизма и гражданской ответственности за её судьбу; противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров.

Социальная безопасность

Из всех видов безопасности – именно социальная безопасность обладает весьма многообразным объектом. Прежде всего, во-первых, здесь чётко представлен конституционный аспект, так как Россия, согласно Конституции РФ, является социальным государством. Во-вторых, именно этот социологический по своей сути вид безопасности ориентирован на каждого человека: от момента рождения до ухода из жизни. Я имею в виду всю гамму социальных связей, пособий – всё, входящее в социальную сферу (во взаимосвязи с другими сферами общества).

Становление и динамика социологии социальной сферы на рубеже XX и XXI веков наиболее полно (по сравнению с другими видами безопасности) исследованы в работах А. Хлопьева, В. Серебрянникова, Г. Силласте, В. Левашова, Р. Яновского, О. Бурьянова.

С учётом исследований российских социологов можно так представить *понятие* ***социальной безопасности*:**

1) совокупность мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса нынешних и будущих поколений. Объектами социальной безопасности являются люди, их цели, идеалы, ценности, законные интересы (потребности), общности, отношения; системы социализации человека (образования, воспитания, соцкультбыта); инфраструктуры жизнеобеспечения (здравоохранение, торговля, снабжение и т. д.); образ жизни. Национальные интересы России в социальной сфере заключаются в обеспечении высокого уровня жизни народа; 2) защищённость социальной сферы общества и государства от угроз, способных разрушить её или обусловить её деградацию.

Между тем, как отмечается в Концепции национальной безопасности РФ, социальная дифференциация и социально-политическая поляризация российского общества, кризис системы социальной защиты населения находятся в числе факторов, несущих угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации, создающих широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны. Отмечая отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, Концепция утверждает необходимость комплексного подхода к решению правовых, экономических, социальных и этнополитических проблем при сбалансированном соблюдении интересов Российской Федерации и её субъектов.

Экономическая безопасность

Социология экономической безопасности получила важный стимул в 1996 году, благодаря принятию документа «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положениях)» (Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 года). В этом Указе, социологическом по своей сути, впервые для таких государственных документов о безопасности страны, была прописана процедура социологического мониторинга динамики состояния безопасности.

Предварительные итоги оформления социологии экономической безопасности (в контексте этого Указа) были подведены зимой 1997 года на Всероссийской Конференции.

С учётом её итогов и последующих исследований определились *основы социологии* ***экономической безопасности:*** *мониторинг, сфера экономики, инновационная активность.*

Это устойчивое функционирование национальной экономики и её способность обеспечить эффективное удовлетворение общественных потребностей, поддержание социально-политической и военной стабильности государства; его технико-экономическую и технологическую независимость, устойчивость по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам, защиту экономических интересов страны на внутреннем и внешнем рынках. В сфере экономики угрозы имеют комплексный характер и обусловлены, прежде всего, существенным сокращением внутреннего валового продукта, снижением инвестиционной,

инновационной активности и научно-технического потенциала, стагнацией аграрного сектора, разбалансированием банковской системы, обострением конкуренции на мировом рынке товаров и услуг, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, экономической экспансией на территорию России со стороны других государств, преобладанием в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих, а в импорте – продовольствия и предметов потребления, включая предметы первой необходимости.

Экономическая безопасность является основой *национальной безопасности*; защита целей, интересов России в экономической сфере является приоритетным направлением политики государства. На первый план выдвигаются задачи, связанные с устранением деформаций в структуре российской экономики, с обеспечением опережающего роста производства наукоёмкой продукции и продукции высокой степени переработки, с поддержкой отраслей, составляющих основу расширенного воспроизводства, с обеспечением занятости населения.

Основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации *во внутриэкономической деятельности* государства являются правовое обеспечение реформ и создание эффективного механизма контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации; усиление государственного регулирования в экономике; принятие необходимых мер по преодолению последствий экономического кризиса, сохранению и развитию научно-технического, технологического и производственного потенциала, переходу к экономическому росту при снижении вероятности техногенных катастроф, повышению конкурентоспособности отечественной, промышленной продукции, подъёму благосостояния народа. Переход к высокоэффективной и социально ориентированной рыночной экономике должен осуществляться путём постепенного формирования оптимальных механизмов организации производства и распределения товаров и услуг в целях максимально возможного роста благосостояния общества и каждого гражданина. Особое значение для экономической безопасности имеет состояние юридических, экономических отношений, организационных связей, материальных и интеллектуальных ресурсов предприятия, при котором гарантируется стабильность его функционирования, финансово-коммерческий успех, прогрессивное научно-техническое и социальное развитие.

Политическая безопасность

Становление социальной и политической безопасности обусловили возможность социологического анализа нового феномена: движения в теории и практике обеспечения безопасности от *«культуры реагирования»* к *«культуре предотвращения»*.

Теперь категорию **«политическая безопасность»** я определяю

как состояние и условия жизнедеятельности социума, при которых обеспечивается сохранение легитимного государственного строя, стабильность политической системы и гарантируются политические свободы и права граждан, демократическое взаимодействие государства и гражданского общества. Политическое благополучие общества может быть подвержено опасностям двоякого рода. Крайней формой внешней угрозы ему является война, агрессия со

стороны других государств; крайними формами внутренней угрозы выступают социальная напряжённость и вырастающие из неё массовые беспорядки, экстремизм и терроризм, конфликты, гражданская война.

Политическая безопасность означает способность общества и государства предупреждать подобные явления, а в случае их возникновения – противостоять им, защитить свои цели, ценности и идеалы. С точки зрения внутренних условий она предполагает стабильность конституционного строя, институтов государственной власти, обеспечение гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка, нейтрализацию причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий – социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма.

В международной сфере политическая безопасность заключается в обеспечении суверенитета России, упрочении её позиций как великой державы – одного из влиятельных центров многополярного мира, в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего, с государствами-участниками Содружества Независимых Государств и традиционными партнёрами России, в повсеместном соблюдении прав и свобод человека и недопустимости применения при этом двойных стандартов.

Информационная безопасность

Особенности социологического анализа теоретических и практических вопросов информационной безопасности можно обозначить в такой последовательности:

1) информационная безопасность (как объект) представляет самостоятельный вид безопасности;

2) во всех видах и сферах безопасности присутствует важный аспект информационной безопасности;

3) информация в исследовании общих проблем безопасности обладает уникальной особенностью: как объект обеспечения она взаимодействует со средой безопасности, в которой опять же информация присутствует и в позитивном, и в нейтральном, и в негативном аспекте.

Сама ***информационная безопасность*** *может быть рассмотрена как способность государства, общества, социальной группы, личности обеспечить с определённой вероятностью достаточные и защищённые информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития; противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации, вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения; поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано.*

Важнейшими задачами обеспечения информационной безопасности Российской Федерации являются: реализация конституционных прав и свобод

граждан Российской Федерации в сфере информационной деятельности; совершенствование и защита отечественной информационной инфраструктуры, интеграция России в мировое информационное пространство; противодействие угрозе развязывания противоборства в информационной сфере. Соответствующую работу в масштабах страны организует Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности и управление информационной безопасности в структуре аппарата Совета Безопасности.

Категория *«информация»* рассматривается нами как сведения о лицах, предметах, событиях, явлениях, процессах и объектах (независимо от формы их представления), используемые в целях получения знаний, оптимизации принятия решений и управления объектами. Лицо, представляющее информацию, является информатором. Информацией также называют любые сведения, известия, сообщения, новости и т. п.; в научно-технических приложениях – то, что несёт на себе сигнал; как философская категория «информация» есть всеобщее свойство материи, являющееся аспектом свойства отражения, допускающим количественное описание.

Отметим, что именно учёные, преподаватели, докторанты, аспиранты, научные сотрудники и студенты Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова первыми в России создали оригинальную научную школу по изучению широкого круга проблем информационной безопасности.

Экологическая безопасность

Особенности социологического подхода к анализу социальных проблем экологической безопасности связана, по мнению автора учебного пособия, с трансформацией и дополнительностью анализа проблемы с синтезом. Речь идёт о работах Т.М. Дридзе, О.М. Яницкого и Р.Г. Яновского.

Исходная категория ***«экологическая безопасность»*** может быть определена, как минимум, в двух аспектах.

> Во-первых, это *защищённость среды обитания людей и биосферы в целом, атмосферы, гидросферы, литосферы и ближней космосферы, видового состава животного и растительного мира, а также природных ресурсов (энергетических, минеральных и т. п.) от угроз, создаваемых деятельностью человека.*
> Во-вторых, это *положение, при котором путём выполнения правовых норм, экономических, природозащитных и инженерно-технических требований достигается предотвращение или ограничение опасных для жизни и здоровья людей, разрушительных для хозяйствующих субъектов и окружающей среды последствий экологических катастроф, вызываемых повседневным загрязнением окружающей среды в результате хозяйственной деятельности человека, от стихийных бедствий и техногенных катастроф.*

В настоящее время в качестве критериев экологической безопасности для населения используются «предельно допустимые концентрации» (ПДК) и «предельно допустимые уровни» (ПДУ) опасных веществ и воздействий, а также соответствующие им «предельно допустимые выбросы и сбросы» (ПДВ и ПДС). Критерии экологической безопасности по отношению к окружающей

среде частично определены только для некоторых природных сред, а критерии по допустимым пределам использования природной среды для народнохозяйственных нужд не определены. В качестве методов регулирования используются плата за ресурсы и плата за землю.

Экологическая безопасность не может быть обеспечена в рамках отдельных стран, а требует объединения усилий всего мирового сообщества. Пренебрежение экологической целостностью мира приведёт к непоправимому ущербу для биосферы и представляет возрастающую угрозу политическому, социальному и экономическому благополучию, устойчивому развитию всех народов. Стремление некоторых стран обеспечить на своей территории экологическую безопасность за счёт других стран, в частности, путём передачи им экологически вредных производств, захоронения отходов и хищнического использования природных ресурсов, снижает общий уровень экологической безопасности. В Концепции национальной безопасности РФ отмечается, что национальные интересы России в экологической сфере заключаются в сохранении и оздоровлении окружающей среды. Угроза ухудшения экологической ситуации в стране и истощения её природных ресурсов находятся в прямой зависимости от состояния экономики и готовности общества осознать глобальность и важность этих проблем. Для России эта угроза особенно велика из-за преимущественного развития топливно-энергетических отраслей промышленности, неразвитости законодательной основы природоохранной деятельности, отсутствия или ограниченного использования природосберегающих технологий, низкой экологической культуры. Имеет место тенденция к использованию территории России в качестве места переработки и захоронения опасных для окружающей среды материалов и веществ.

К числу приоритетных направлений деятельности государства в экологической сфере относятся рациональное использование природных ресурсов, воспитание экологической культуры населения; предотвращение загрязнения природной среды за счёт повышения степени безопасности технологий, связанных с захоронением и утилизацией токсичных промышленных и бытовых отходов; предотвращение радиоактивного загрязнения окружающей среды, минимизация последствий произошедших ранее радиационных аварий и катастроф; экологически безопасное хранение и утилизация выведенного из боевого состава вооружения, прежде всего атомных подводных лодок, кораблей и судов с ядерными энергетическими установками, ядерных, боеприпасов, жидкого ракетного топлива, топлива атомных электростанций; безопасное для окружающей природной среды и здоровья населения хранение и уничтожение запасов химического оружия; создание и внедрение безопасных производств, поиск способов практического использования экологически чистых источников энергии, принятие неотложных природоохранных мер в экологически опасных регионах Российской Федерации.

Особо отметим, что социологический подход к исследованию проблем экологии (так же, как и к проблемам информации) обозначает новые глубокие и перспективные стимулы к развитию социологии.

Военная безопасность

Социальное измерение военно-политической компоненты национальной безопасности для понимания важности социологических подходов может быть рассмотрено через сумму двух её аспектов: внутренней и внешней безопасности.

Внутренняя безопасность – *это защищённость личности, общества и государства от внутренних угроз их устойчивому, стабильному функционированию и развитию.*

Основные внутренние угрозы Российской Федерации: попытка насильственного свержения конституционного строя; противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране; планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры; создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооружённых формирований; незаконное распространение (оборот) на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий; организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность.

Внешняя безопасность государства – *это защищённость его целей и идеалов, национального достояния, национальных ценностей, национальных интересов и образа жизни от угроз, исходящих из внешней среды, способность государства противостоять давлению зарубежных сил.*

Внешняя безопасность государства может быть нарушена как военным путём, так и иными способами, например, незаконным ввозом и вывозом через границу сырья, ресурсов, продукции, валюты, художественных и других ценностей, проведением промышленного и другого шпионажа, духовной экспансией, распространением подрывной информации и т. д.

Основные внешние угрозы Российской Федерации порождают следующие факторы: стремление отдельных государств и межгосударственных объединений принизить роль существующих механизмов обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ; опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире; укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток; возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов; распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки; ослабление интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств; возникновение и эскалация конфликтов вблизи Государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств-участников Содружества Независи-

мых Государств; притязания на территории Российской Федерации. Проявлением и одновременно условием обеспечения внешней безопасности являются суверенитет, целостность и неприкосновенность территории государства, её оборона, экономическая самостоятельность и др.

Рассматривая защиту целей, идеалов, ценностей, интересов личности, общества и государства как высший приоритет внешнеполитического курса России, Концепция внешней политики РФ в качестве одной из главных целей международной деятельности провозглашает обеспечение надёжной безопасности страны, сохранение и укрепление её суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы.

Внешняя безопасность России основывается на признании приоритетности принципа международной коллективной безопасности и обеспечивается активной внешнеполитической и иной деятельностью, в том числе и военной по отстаиванию и при необходимости защите национальных интересов на международной арене. Защита от внешних опасностей достигается совокупным потенциалом страны, но в зависимости от характера и направленности угроз преимущество отдаётся тем мерам и средствам, которые им адекватны.

Таким образом, *собственно военно-политическая безопасность как* ***военная безопасность***, с учётом социального измерения внутренней и внешней безопасности, *может быть рассмотрена* как

> *состояние и объективные (в том числе латентные) тенденции развития общества, а также совокупность внутренних и международных условий и факторов, которые нейтрализуют или исключают возможность нанесения личности, обществу, государству ущерба военным путём, средствами вооружённого насилия. Она является важной составной частью и образует одну из основ систем национальной, региональной и международной безопасности и находится в диалектической связи с другими их слагаемыми.*

Военная безопасность характеризуется либо отсутствием применения и угрозы применения военной силы по отношению к объекту безопасности, либо его способностью гарантированно противостоять военному давлению в любой форме. Она обеспечивается, прежде всего, комплексом невоенных мер экономического, политико-дипломатического, разведывательного, идеологического и т. д. характера.

Однако в современных международных отношениях продолжает оставаться существенным значение военно-силовых факторов. В этих условиях национальные цели и интересы Российской Федерации требуют наличия достаточной для её обороны военной мощи. Главная роль в обеспечении военной безопасности принадлежит государству, как подчёркивается в Концепции национальной безопасности РФ. По общему правилу, государство решает три группы задач: обеспечения вооружённой защиты территориальной целостности и национальной независимости, суверенитета государства; создания военных гарантий стабильности общественного и государственного строя, поддер-

жание правопорядка, гражданского мира в стране; противодействия диверсионно-террористическим действиям политических и криминальных групп.

Основные принципы обеспечения военной безопасности: сочетание твёрдого централизованного руководства военной организацией государства с гражданским контролем её деятельности; эффективность прогнозирования, своевременность вскрытия и классификации военных угроз, адекватность реагирования на них; достаточность сил, средств и ресурсов, необходимых для обеспечения военной безопасности, их рациональное использование; соответствие уровня готовности, подготовки и обеспечения военной организации государства потребностям военной безопасности; ненанесение ущерба международной безопасности и национальной безопасности других стран.

* * *

При подведении итогов рассмотрения становления социологии безопасности как теории важно отметить некоторые тенденции, которые по моему мнению, актуальны для всех звеньев и этапов концептуализации социологических исследований гуманитарной безопасности.

1. Теория безопасности при рассмотрении её через компромиссность становится важным интеллектуальным, энергетическим и технологическим фактором защиты культуры жизни, защиты человека.

2. Обогащение «строительства» современных концепций безопасности геокультурной, геоэкономической методологией способствует эффективности и востребованности со стороны общества Большой Социологической Теории Безопасности.

3. Накоплен богатейший российский, международный материал мониторингов практически всех сфер жизнеобеспечения человека и общества – необходима Хорошая Теория.

Контрольные вопросы

1. Объясните важность взаимодействия методологии и концептуализации социологии безопасности.
2. Почему труд становится главным ядром всех теорий безопасности?
3. Как можно объяснить феномен «безопасность через компромисс» на уровне теории безопасности?
4. В чём позитивный, и в чём негативный аспект дробления теорий безопасности?

Литература

Останков В.И. Военная безопасность России в начале XXI столетия. М., 2007.
Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
Кулагин В.М. Международная безопасность: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2006.
Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты (теория и практика). М., 2006.

Безопасность Евразии – 2004. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2006.
Становление евразийской безопасности. М., 2005.
Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М., 2005.
Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М., 2005.

Глава 9

Мир и безопасность как культура мира, безопасности, предотвращения и диалога

Особого внимания для содержания и структуры самого широкого спектра теорий безопасности, их эвристичности, перспективности и востребованности заслуживает, по моему мнению, переход от общей для всего спектра теорий и методологий схемы: вызов – ответ, опасность – ответ, угроза – ответ.

Эта пассивная доминанта «реагирования» утверждалась в концептуальных основаниях безопасности во многих странах мира, и в России, в 60 – 90-х годах XX века.

И в настоящее время, лето и осень 2007 года, все концептуальные государственные документы в России функционируют, в основном, именно по схеме: опасность – ответ, угроза – ответ.

С начала 90-х годов XX века всё активнее в теорию и практику международных отношений, обеспечение безопасности и подготовки населения к возможным чрезвычайным ситуациям из-за природных и техногенных обстоятельств стали внедряться *превентивность и предотвращение.*

Своеобразным «катализатором» и «проводником» новых методологий и концепций, технологий и механизмов стал опыт подготовки и проведения Года Культуры Мира (2000 г.) и Года диалога между цивилизациями (2001 г.).

Культура мира

Важнейшее понятие «мир» практически отсутствует в российских социологических словарях и в словарях по проблемам безопасности (1999–2001 гг. издания). Военная энциклопедия предлагает содержательное и убедительное, на наш взгляд, определение этой категории. Мы приведём первые семь строк: «... состояние общества, характеризующееся отсутствием *войны, вооруженной борьбы* между государствами, народами, социальными группами внутри отдельных стран и основанное на проведении политики без прямого вооруженного насилия»[1].

[1] Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 5. М., 2001. С. 154.

Существенным дополнением к такому развёртыванию категории «мир» служат суждения А.С. Капто: «...отсутствие ссоры, вражды, несогласия, разногласий при торжестве принципов согласия (как в международных делах, так и во внутриполитической жизни государства); приязнь, единодушие, доброжелательство, дружба между разными агентами (агент от лат. agens, agentis – действующий) социальных отношений; покой, лад, дружелюбие, спокойствие – как социально-психологическое и нравственное состояние человеческих обществ, социальных групп; мир как внутреннее состояние человеческой души, определяющее его образ мыслей и образ действий»[1].

Дополнения А.С. Капто к определению категории «мир» делают её, на мой взгляд, специфической категорией социологии безопасности и создают, обеспечивают конкретную и убедительную связь проблематики социологии культуры безопасности с предметной определённостью, смыслом социологии как важной гуманитарной науки.

В учебном пособии ключевая роль отводится категории «культура». Российская социологическая энциклопедия определяет её как «специфич. способ организации и развития человеч. жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе соц. норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе»[2].

Начало 2002 года – значительный этап для осмысления роли и места культуры в жизни человека, семьи, современной цивилизации. Ведущей доминантой такого анализа может стать, на мой взгляд, социологический анализ опыта Международного года культуры мира (2000 г.) и размышления по поводу завершившегося Международного года диалога между цивилизациями (2001 г.). Особенностью нашего подхода к такому осмыслению является важное суждение Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, представленное в его докладе на «Саммите тысячелетия» (6–8 сентября 2000 г., Нью-Йорк): «Наши послевоенные институты создавались под *международный* мир, а мы сейчас живем в мире *глобальном*. Эффективное реагирование на этот сдвиг – основная институциональная задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами»[3].

Полагаю, что новой актуальной научной проблемой становится понимание сути *«эффективного реагирования на этот сдвиг» как «основной институциональной задачи»*. Речь идёт о методологии, возможном концептуальном феномене, об институте, о процессе и т. д.

Самые предварительные итоги Года культуры мира показывают, что в качестве такого глобального института, глобальной стратегии, глобальной идеи уже

---

[1] *Капто А.С.* Генезис и становление культуры мира // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 100–101.

[2] Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1999. С. 240.

[3] *Аннан К.* Мы, народы: Роль Организации Объединенных Наций в XXI веке // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 211.

проявляется программа ЮНЕСКО «На пути к культуре мира», сама культура мира[1].

Моя точка зрения: в основе глобальной стратегии XXI века для формирования эффективного реагирования на вызовы, опасности и риски новой глобальной реальности могут быть два взаимообусловленных гуманитарных феномена – культура мира и культура безопасности. Я полагаю, что на пути сохранения и развития цивилизации состоялся первый шаг – оформилась культура мира. Теперь необходим второй шаг – становление культуры безопасности как самостоятельного глобального гуманитарного феномена XXI века.

Моя позиция: новая безопасность XXI века оформляется в синтезе культуры мира и культуры безопасности.

Определённую концептуальную оформленность культура мира как понятие получила в 1995–1998 годах. Исходным этапом я считаю одобрение *трансдисциплинарного проекта* **«На пути к культуре мира»** в ходе работы 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (декабрь 1995 г.). Достаточно полное определение категории **«культура мира»** было приведено через два года в Резолюции «Культура мира» 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая была принята 20 ноября 1997 г.

В Резолюции культура мира представлена концепцией, *«включающей в себя ценности, взгляды и виды поведения, которые отражают определенные социальные отношения и способствуют развитию таких отношений, которые строились бы на принципах свободы, справедливости и демократии, всех прав человека, терпимости и солидарности, отказа от насилия и были бы направлены на предотвращение конфликтов путем устранения их коренных причин, решали бы проблемы путем диалога и переговоров и гарантировали бы возможность в полной мере пользоваться всеми правами и средствами, чтобы полностью участвовать в процессе развития своего общества»*[2].

Уже на этой стадии можно определённо утверждать, что культура мира, как процесс, идея, проект, является глубоко социологической по своей сути.

Две важные особенности проявились в документах 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (10 ноября 1998 г.). Во-первых, в **Декларации о культуре мира** уточнено основное понятие. *«Культура мира,* – отмечено в Декларации, – *является процессом преобразований индивидуального, коллективного и институционального характера.* Она складывается *из убеждений и действий самих людей и развивается в каждой стране в зависимости от конкретных исторических, социально-культурных и экономических условий. Ключом к культуре мира является превращение жесткой конкуренции в сотрудничество, основанное на общих ценностях и целях. Культура мира, в частности, требует, чтобы конфликтующие стороны сообща стремились к достижению*

[1] См.: *Рац М.* «Лишь бы не было войны»: К вопросу о культуре мира в России // Независимая газета. 1999. 4 марта. С. 8.

[2] Приведено по: Москва на пути к культуре мира. М., 1999. С. 182–183.

целей, представляющих общий интерес на всех уровнях, включая процесс развития»[1]. **Это фундаментальная геокультурная категория.**

Во-вторых, в **Программе действий в области культуры мира,** принятой Генеральной Ассамблеей ООН в тот же день, впервые для документов о культуре мира обозначена необходимость координации в интересах безопасности (разделы: цели и стратегии, конкретные мероприятия)[2].

Здесь ещё раз необходимо обратиться к суждениям А.С. Капто. Ему принадлежит оригинальный и перспективный конструктивный анализ содержательного синтеза: возникновения новой категории «культура мира» из двух категорий «мир» и «культура». «В концепции “культура мира” “культура” и “мир” (как состояние, противоположное войне), – пишет А.С. Капто, – понятия не автономные, рядом сосуществующие. В данном случае понятие «культура» выступает в качестве имманентного (имманентный – лат. immanentis, означает: внутренне присущий какому-либо явлению, проистекающий из его природы) элемента по отношению к “миру” – как его теоретико-методологического обоснования, так и определения его стратегий и “программ действий”. В словосочетании “культура мира” понятие “культура” фиксирует новое, более высокое качество миротворческого процесса и включает в себя не только культурологический, но, прежде всего, социальный, социолого-политологический аспект. Смысловым эквивалентом “культуры мира” в английском языке является не “world culture”, а “culture of peace”. По аналогии отдельную связку составляют “культура” и “демократия” – “культура демократии”; “культура” и “международные отношения” – “культура международных отношений”; “культура” и “управление” – “культура управления” и т. д.»[3].

Таким обрезом, категория **Культура Мира** *является процессом преобразований индивидуального, коллективного и институционального характера. Она складывается из убеждений и действий самих людей и развивается в каждой стране в зависимости от конкретных исторических, социально-культурных и экономических условий. Ключом к культуре мира является превращение жёсткой конкуренции в сотрудничество, основанное на общих ценностях и целях. Культура мира в частности, требует, чтобы конфликтующие стороны сообща стремились к достижению целей, представляющих общий интерес на всех уровнях, включая процесс развития, чтобы вместе создавали приемлемые компромиссы.*

Для читателей моего учебного пособия будет, надеюсь, интересно узнать, что в 2002 году А.С. Капто подготовил и выпустил две интересные и очень важные для изучения проблем мира и безопасности работы. Это монография «От культуры войны к культуре Мира» и уникальное издание «Энциклопедия Мира».

Книга посвящена итогам оригинального фундаментального научного многолетнего исследования динамики проблем мира и войны. Основное внимание

---

[1] Приведено по: Москва на пути к культуре мира. М., 1999. С. 187.
[2] Там же. С. 190, 196.
[3] *Капто А.С.* Генезис и становление культуры мира... 101.

уделено становлению гуманитарных основ культуры мира как новой важной синтетической концепции. Это позволяет понять формирование культуры мира в контексте миропорядка XXI века. В таком аспекте практически впервые в научной литературе раскрывается динамика сложной реальности феномена «культуры войны», «культуры насилия» в сложной взаимосвязи с изменениями миротворческого потенциала человечества[1].

Для сложного и непредсказуемого мира после 20 марта 2003 года особое значение приобретает «Энциклопедия Мира». На протяжении многих веков, страдая от войн, человечество утверждалось в осознании Мира как высшей ценности, единственно разумной альтернативе взаимодействия народов и государств. Забота о его сохранении и укреплении ныне относится к приоритетным направлениям их политики. Это предполагает, с одной стороны, заинтересованное и активное включение в миротворческую деятельность всё более широких масс людей, а с другой – овладение ими культурой Мира, обретение знаний, навыков и умений, обеспечивающих реализацию её интеллектуального, нравственного, политического потенциала.

Парадокс состоит в том, что и в прошлой истории и в наши дни человеческая мысль сосредоточена в значительно большей мере на проблемах войны, чем Мира. Своеобразным подтверждением этого является ситуация в книгоиздательском деле. Достаточно сказать, что военные энциклопедии, как систематизированный свод военных знаний и сведений из других наук, имеющих военное значение, издаются во многих странах, включая Россию. В то же время совершенно отсутствуют и зарубежные и отечественные энциклопедические издания, посвящённые Миру. Предлагаемое издание – одна из первых попыток восполнить этот пробел.

Автор «Энциклопедии Мира» – Александр Семёнович Капто, государственный и общественный деятель, известный учёный, давно и плодотворно не только исследующий культуру Мира, но и утверждающий её на практике, будучи Чрезвычайным и Полномочным Послом, а затем заведующим международной кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам Института социально-политических исследований РАН. Подготовленная им книга – фундаментальный научный труд, в котором получил всестороннее освещение Мир как состояние общества, свободного от войн, насилия и вражды; как принцип и норма организации человеческого общежития, обеспечивающие плодотворное сотрудничество разных стран и народов; как согласие, лад во взаимодействии индивидов, социальных групп и создаваемых ими институтов.

«Энциклопедия Мира» представляет собой уникальное издание. Это своего рода компендиум, суммарное изложение накопленных человечеством сведений о мире. Его содержание составляют сюжеты о мире как психологическом, социальном, социально-политическом явлении и научной категории; об истории осмысления этой категории, миротворческих идеях и акциях, способство-

[1] *Капто А.С.* От культуры войны к культуре Мира. М., 2002.

вавших её развитию; о пути человечества от «войны всех против всех» к мирному содружеству народов и персонажах, организациях, движениях, знаменовавших крупные вехи на этом пути; о правовых, моральных, нравственных и других нормах, определяющих принципы Мира, и самих этих принципах[1].

Культура безопасности

Необходимость, потребность во втором шаге – оформлении *культуры безопасности* как методологии, концепции, развивающей и дополняющей *культуру мира,* проявилась, на мой взгляд, в 1999 году.

Отметим, что феномен «культура безопасности» с позиций социальной философии исследован российским ученым В.В. Чебаном в работах 1996–1997 годов (по доступным нам источникам)[2].

Ключевое понятие В.В. Чебан формулирует через *«понимание сущности культуры национальной безопасности России как относительно самостоятельного компонента культуры страны, представляющего собой совокупность созданных народом материальных и духовных ценностей, характеризующей содержание и своеобразие способа познания и воспроизводства отношений безопасного бытия, функционирования и развития личности, общества и государства российского генотипа»*[3]. По ходу исследования автор приводит понятия: «культура безопасности»[4], «субкультуры безопасности»[5], «генетический код культуры национальной безопасности»[6], «кризис культуры национальной безопасности»[7], «отечественная культура безопасности»[8], «российская культура безопасности»[9].

В логике и содержании исследования культуры безопасности, осуществлённого В.В. Чебаном, важном и очень интересом, культура безопасности рассматривается вне связи с содержанием и динамикой культуры мира.

Понятия «культура безопасности» и «культура риска» развёрнуты и обозначены авторами коллективной монографии «Катастрофы и образование», которая опубликована под редакцией Ю.Л. Воробьёва в 1999 году. Авторы исследования отметили, что «значимость триады наука о рисках и безопасности –

---

[1] *Капто А.С.* Энциклопедия Мира. М., 2002, 2005.

[2] См.: *Чебан В.В.* Культура национальной безопасности России: история и современность (социально-философский анализ). М., 1996; *Он же.* Культура национальной безопасности России (социально-философский анализ): Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Балашов, 1997.

[3] *Чебан В.В.* Культура национальной безопасности России (социально-философский анализ): Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. С. 13.

[4] См. там же. С. 13, 16, 17, 18, 19, 23, 28, 29.

[5] Там же. С. 14.

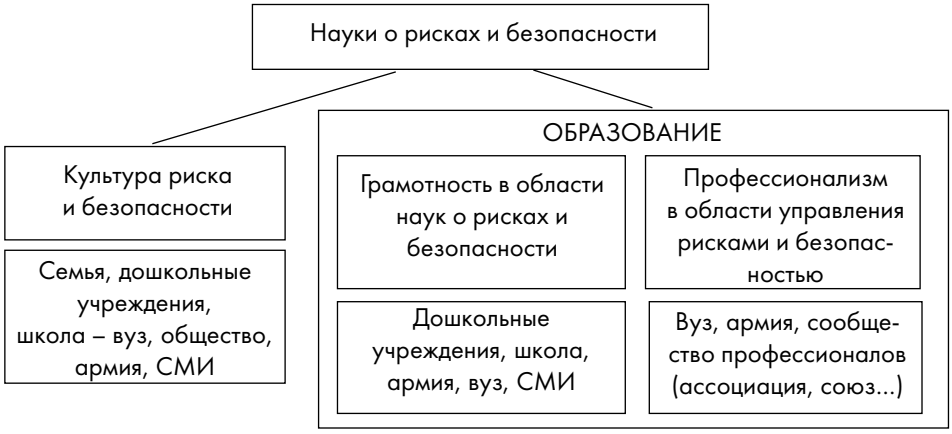
[6] Там же. С. 16.

[7] Там же. С. 26, 27.

[8] Там же. С. 18, 29.

[9] Там же. С. 29.

Схема 7. **Схема системы: «Наука – культура – образование в области безопасности жизнедеятельности»**

Источник: Катастрофы и образование // Под ред. Ю.Л. Воробьёва. М., 1999. С. 18.

культура риска и безопасности – образование» резко повышается в связи с тем, что на государственном и международном уровнях формируется комплексная система на основе компонент указанной триады»[1]. Наглядно они представили уровни взаимодействия на оригинальной схеме (см. схему 7).

Важным продвижением в становлении социологии культуры безопасности можно, на мой взгляд, считать обозначение ими и формулирование механизма взаимодействия культурной среды в соотношении с рисками, безопасностью и чрезвычайными ситуациями: по их мнению, процесс становления культурной среды «должен идти с опережением»[2]. «Под *"культурной средой" в отношении к рискам, безопасности и чрезвычайным ситуациям,* – формулируют авторы книги, – мы понимаем социальное пространство (систему отношений), в котором происходит формирование мотивационного поля деятельности людей, направленной на восприятие рисков, анализ ситуации и принятие решений, обеспечивающих индивидуальную защищённость и участие в риск-коммуникации с целью предотвращения чрезвычайных ситуаций и событий риска (для обеспечения безопасности) или ликвидации их последствий (если события произошли)»[3].

Необходимость и важность оформления культуры безопасности в контексте мировой культуры, в контексте и взаимосвязи с культурой мира одним из первых обстоятельно рассмотрел С.-П. Хантингтон весной 1999 года в своей статье

[1] Катастрофы и образование. М., 1999. С. 18.
[2] Там же. С. 31.
[3] Там же.

«Одинокая сверхдержава»[1]. Он тщательно анализирует взаимодействие мощи и культуры, которое, по его мнению, для XXI века будет решающим образом влиять на характер сотрудничества (антагонизма) между государствами. Автор предварительно обосновал важную тенденцию, которая может проявиться в ближайшие 10–20 лет. Речь идёт о переходе от «одно-многополярности» (сегодня единственная сверхдержава – США) к истинной многополярности XXI века.

Собственно исходный этап становления культуры безопасности (во взаимосвязи с культурой мира) может быть соотнесён с Хартией европейской безопасности, принятой на саммите ОБСЕ 19 ноября 1999 г. Во-первых, в документе было констатировано возникновение новых угроз и вызовов для XXI века всем странам (международный терроризм, экстремизм с применением насилия, организованные преступность и оборот наркотиков, острые экономические проблемы и деградация окружающей среды)[2]. Во-вторых, в Хартии откровенно констатировано: «С вызовами и угрозами, с которыми мы сталкиваемся сегодня, самостоятельно не может справиться ни одно государство или организация»[3].

Определённый итог анализа движения от культуры мира к культуре безопасности (и необходимости их взаимодействия) как пути от реагирования к предотвращению сформулирован Кофи Аннаном, Генеральным секретарём ООН, в Докладе об итогах работы ООН за 1999 год. Переход «от культуры реагирования к культуре предотвращения будет нелегким, – подчеркнул он, – однако трудность выполнения нашей задачи отнюдь не означает, что она становится менее насущной»[4].

В сентябре 2000 года на «Саммите тысячелетия» Кофи Аннан более подробно развернул тезис о *«культуре предотвращения»*. Сейчас «формируется новая концепция безопасности. Если раньше обеспечение безопасности означало защиту территории от внешнего нападения, то теперь оно включает в себя защиту всего населения и конкретных людей от насилия, порожденного внутри государства...

...эти новые задачи в области обеспечения безопасности заставляют нас подходить к этому вопросу творчески и корректировать наши традиционные концепции, с тем чтобы они больше отвечали потребностям новой эры. Однако один проверенный временем рецепт остается верным как никогда: начинать нужно с предотвращения»[5].

Таким образом, в самом предварительном порядке, можно выделить основные характеристики для определения содержания категории «культура безопасности». Прежде всего, можно назвать *гуманитарность,* имея в виду линию

---

[1] См.: *Huntington S.-P.* The Lonely Super-Power // Foreign Affairs. 1999. March–April. Vol. 78. № 2.

[2] См.: Хартия Европейской безопасности // Независимая газета. 1999. 23 ноября. С. 6.

[3] Там же.

[4] *Аннан К.* Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов: Годовой доклад о работе Организации за 1999 год. Нью-Йорк, 2000. С. 21.

[5] *Аннан К.* Мы, народы: Роль Организации Объединенных Наций в XXI веке... С. 236.

обеспечения безопасности человека. Далее – *миротворчество* как органическую связь с культурой мира. На третьем месте, с учётом итогов многих социологических исследований, можно обозначить *законность* в смысле равенства всех людей перед законом. Далее – *корпоративность, доверие* и *сотрудничество*. Именно эти свойства выделены в Хартии европейской безопасности (1999 г.) как основные элементы безопасности и мира в XXI веке. *Экологичность* и *прозрачность* (транспарентность), согласно той же Хартии, могут быть названы важнейшими чертами культуры безопасности.

Полагаю возможным, в рабочем плане, так сформулировать понятие:

«культура безопасности» является процессом сохранения развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищённостью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов; эффективного предотвращения угроз на основе опережающей стратегической партнёрской культуры компромисса.

Культура предотвращения

А важнейшей гуманитарной инновацией XXI века стали: предотвращение, культура предотвращения.

Это достаточно давно известная категория: смысл предотвращения в максимально ранней стадии изучения условий и факторов формирующих опасности, угрозы и вызовы человеку, обществу, государству и цивилизации. Здесь, *на первой стадии*, необходим социологический мониторинг этих условий и факторов. Высокое качество исследовательских процедур способно изучать и самые ранние стадии возникновения опасностей и угроз.

Вторая стадия социологического мониторинга как условий, влияющих на возникновение опасностей, так и первых признаков оформления самих опасностей предполагает реальные упреждающие действия по устранению и блокированию как условий, так и ещё только возникающих опасностей.

Осознание значительности и необходимости императива «предотвращение» для всего мирового сообщества состоялось только на рубеже XX и XXI веков. Инициаторами нового понимания императива «предотвращение» выступили Кофи Аннан, Генеральный Секретарь ООН, и сама Организация Объединённых Наций.

Продвижение предотвращения в реальные социальные, экономические, идеологические глобальные отношения выявило необходимость в новой гуманитарной парадигме, в новом мировоззрении, в новой социологии, философии, экономике, политологии безопасности[1].

[1] *Кузнецов В.Н.* Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура – Сеть. М., 2003; *Он же.* Российская идеология 21: Опыт социологического исследования российской идеологии XXI века. М., 2004; *Он же.* Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М., 2006.

В настоящее время как в России, так и во многих странах мира функционирует мировоззрение, социология и философия безопасности и мирового развития, основанные, как я отметил ранее, на императиве «реагирование».

С учётом такой реальной ситуации в отношении императива «предотвращение» Кофи Аннан в своих докладах, статьях и выступлениях 1999–2006 годов предложил новое понимание мировоззрения, социологии, философии, экономики и политологии безопасности.

Он сформулировал, как *третью стадию продвижения императива «предотвращение»*, тезис о «культуре предотвращения».

По моему мнению, императиву «предотвращение» трудно было реализоваться в конце XX века, так как он опирался на геополитическую и геоэкономическую парадигму, которым «родным» был императив «реагирование».

Именно новая, геокультурная, парадигма органично и полно наполняет реальным и актуальным содержанием императив «культура предотвращения», обусловливает его востребованность[1].

Таким образом, категория *«культура предотвращения»* *может быть определена так – это процесс анализа формирования вызовов, угроз, рисков, опасностей и страхов жизнеобеспечению людей, семей и народов; их целям, идеалам, ценностям и интересам. Это процесс синтеза интеллектуальных, материальных и силовых технологий для снижения уровня блокирования или полного преодоления небезопасности (вызовов, угроз, рисков, опасностей) на основе: конструктивного диалога и поступков, основанных на действующем законодательстве, на реальных нормах, традициях и образе жизни акторов, вовлечённых в сферу предотвращения; опережающего глобального гуманитарного стратегического компромисса.*

Именно императив **«культура предотвращения»** стал фундаментом нового подхода к новому мировоззрению XXI века, к новой социологии, философии, экономике и политологии национальной безопасности России.

Культура диалога

В методологическом и практическом аспектах осмысления становления социологии безопасности важнейшее значение имеет реальность диалога. *Я соотношу реальность диалога с масштабом.*

Сначала о диалоге. Тревожно звучат слова Чингиза Айтматова, писателя и настоящего человека. На вопрос Эллы Тарановой в ходе интервью: «Насколько возможно негативное развитие событий в Центральной Азии, связанных с религиозным или политическим экстремизмом?» он сделал развёрнутое определение ситуации. «Я не стал бы сужать вопрос до Центральной Азии, – сказал Ч. Айтматов. – Если уж на то пошло, предречение о столкновениях цивилизаций и религий после завершения “холодной войны” в конце XX столетия,

[1] Мои обоснования такого подхода приведены в моих книгах и статьях 2003–2007 годов.

как ни печально, во многом сбылось. Напряженный момент текущей истории требует выработки концепции духовного партнерства перед лицом разрушительных сил зла»[1].

Мы готовы утверждать, что именно социология безопасности, культура безопасности, геокультура и её душа – культура диалога – является такой концепцией.

Интересный подход к диалогу был представлен в материалах I Международного конгресса «Наука безопасности», который состоялся 24–26 сентября 1990 г. в Кёльне (Германия). Первый конгресс имел девиз: «Жизнь в безопасности». Особенностью этого научного симпозиума стал научный анализ системы «человек – машина – окружающая среда», осмысление итогов исследований по управлению рисками, возникающими на стыке техники, природы и социума. Это, по нашему мнению, реальное движение к культуре безопасности, к диалогу.

По итогам Конгресса изданы два тома материалов, которые имеют большую научную ценность и сегодня, в первом десятилетии XXI века[2].

Структура науки безопасности, основные определения были доказательно развёрнуты в выступлении на пленарном заседании при открытии Конгресса (26 сентября 1990 г.) Вилли Гейзена, профессора Католического университета г. Лувена (Бельгия)[3]. Тема его доклада «Структура науки безопасности: определения, цели и средства». Во введении к теме он особо обратил внимание на концептуальное суждение президента Международного конгресса науки безопасности, профессора, доктора-инженера Альберта Кульмана, которое тот изложил в своём докладе *«Облик риска в мире, подверженном технике»* (по поводу 600-летнего юбилея Кёльнского университета в конце 1988 г.). «Однако вполне возможно исходить из того, чтобы ручаться за риск, который подвергает опасности условия жизни вплоть до существования как отдельных индивидов так и целых сообществ», – сказал А. Кульман[4].

Для нас в определении науки безопасности, предложенной Вилли Гейзеном, весьма существенно соединение человека, технологии и окружающей среды. Вот его формулировка: «Наука безопасности, – поясняет он, – может быть представлена посредством базовой модели, а именно MTE-модели. Мир научного работника по безопасности состоит из элементов: человек, технология и окружающая среда, а также взаимодействий между ними. Эта модель позволяет нам сформулировать работающее определение науки безопасности:

---

[1] *Таранова А.* Чингиз Айтматов: Миновать буранный полустанок (интервью) // Российская газета. 2002. 28 октября. С. 6.

[2] См.: 1st World Congress on Safety Science: Living in Safety. Teil 1. Ko1n, 1990; 1st World Congress on Safety Science: Living in Safety. Teil 2. Koln, , 1990.

[3] См.: *Geysen W.J.* The Structure of Safety Science: Definitions, Goals and Instruments // 1st World Congress on Safety Science... Teil 1. P. 44–80.

[4] См.: Ibid. P. 45. (Выступление опубликовано на немецком и английском языках. Этот фрагмент – на немецком языке.)

“Наука безопасности изучает взаимодействие между человеком, технологией и окружающей средой и нацелена на создание уравновешенного симбиоза этих трех элементов”»[1].

Особенно интересна в докладе В. Гейзена реальная линия возможной социологизации науки безопасности, линия размышлений о движении от безопасности к культуре безопасности, к геокультуре.

Размышляя о технической и социальной компонентах рисков, он фиксирует: «технари» получили возможность классифицировать и хранить несложным способом все события как чётко определённые фигуры (цифры) риска в своих, всё более мощных компьютерах, и даже, используя таблицы сравнения, доказывать, что ядерные и химические заводы, как и автопутешествия, заключают в себе много меньше риска, чем классические тепловые процессы или транспортировка по дорогам.

Поэтому трудно себе представить, подчёркивает В. Гейзен, как они должны были быть разочарованы, когда обнаружили, что это представление социально не принимается на общественном уровне, где риск всё более и более ассоциируется с любыми неожиданными побочными эффектами технологии относительно человека и окружающей среды, причём во всех областях жизни. Таким образом, риск очень быстро стал в своей сути определяться негативными последствиями любой технической деятельности.

Технология не понимает, что социальный уровень в обществе определяется, в первую очередь, через удовлетворение базовых потребностей, таких как пища, одежда, жизненные ожидания свобода, процветание и благоденствие. Фактически граждане рассматривают безопасность как субъективную ценность, соответствующую их собственным понятиям (образцам) ценности, базирующимся, по большей части, на субъективной выгоде. Понимание риска и сопротивление его принятию были логическим следствием этой субъективной концепции риска, в которой уровень ущерба был значительно более важен, чем вероятность осуществления этого ущерба. Возможно, проблема принятия риска сможет быть решена в будущем путём использования весовых коэффициентов, лучшего сравнения рисков или отдельных компонентов риска.

Кроме того, концепция риска определяется с третьей точки зрения, полностью пренебрегающей технологией, а именно философски-этической точкой зрения, изначально базирующейся на моральной позиции уважения жизни и природы. Естественное представление концепции риска как синонима опасности, вызывающей озабоченность и страх, является характерным для этих обстоятельств. Ничего нет удивительного, что множественность этических точек зрения влечёт за собою повсюду в обществе также многочисленное желание сократить риск[2].

---

[1] См.: *Geysen W.J.* The Structure of Safety Science: Definitions, Goals and Instruments / 1st World Congress on Safety Science... Teil 1. P. 58. (Здесь текст уже на английском языке.)

[2] См.: Ibid. P. 62–63.

Особенно перспективны и продуктивны, на мой взгляд, размышления Вилли Гейзена о роли диалога по поводу ключевых аспектов науки безопасности. «Наука безопасности, – отметил он,– стремится к понижению уровня риска некоторых событий до приемлемого минимального значения. Люди часто думают, что риск может быть понижен до нулевого уровня. В жизни человека нулевой риск недостижим, так как жизнь и риск существенным образом переплетены. Если бы нулевой уровень риска даже был достижим, скорее всего, он не был бы желателен, так как цена его достижения почти определенно перевешивала бы преимущества. В итоге, оптимальный уровень риска иногда описывают как "столь низкий, насколько разумно достижим", или ALARA-принцип, дающий технические и экономические ограничения. И здесь опять решение должно быть найдено в диалоге на общественном уровне. Если учесть, что понятие общественного риска различно в природе, то это делает проблему еще сложнее. Например, опасная деятельность, в которую народ вовлекается добровольно, должна быть запрещена или нет? Является ли моральным, что народ должен быть защищен от себя самого?»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Полагаю существенным и следующее его замечание: предубеждением, относящимся к безопасности и риску, является то, что безопасная ситуация часто рассматривается как «нормальная» ситуация. Риск рассматривается как вид отклонения от нормы. В итоге учёный по науке безопасности оказывается в ситуации дантиста или пожарного, от которого люди ожидают, что он уберёт нечто плохое, чтобы восстановить нормальную ситуацию. В действительности, отмечает В. Гейзен, риск является нормальной ситуацией и уменьшение риска до приемлемого уровня должно рассматриваться как «благо», за которое общество должно платить, а не как «нормальная ситуация», которую каждый заслуживает без дополнительных расходов[2].

Интересное, глубокое и перспективное соображение было сформулировано Вилли Гейзеном в завершающей части доклада. «В предыдущей дискуссии я обосновал, – констатирует он, – что безопасность является весьма обширным и комплексным вопросом, для решения которого простая методология недостаточна. В качестве логического следствия это означает, что наука безопасности имеет мультидисциплинарную природу.

Она берёт свои нравственные основы из философии и этики, а своё происхождение из медицины, психологии, социологии и всех позитивных и инженерных наук. В отношении общества выводы науки безопасности воплощаются через правила и законы. Мы можем сделать вывод, что наука безопасности является, вероятно, одним из наиболее ярких примеров синергетики (нелинейного взаимного усиления влияний при наложении) в науке.

К тому же, наука безопасности, вероятно, наиболее интернациональная из всех дисциплин. В то время как железный занавес всё ещё существует, Черно-

[1] См.: *Geysen W.J.* The Structure of Safety Science: Definitions, Goals and Instruments / 1st World Congress on Safety Science... Teil 1. P. 68.

[2] См.: Ibid. P. 69.

быль учит нас, что риск не может быть удержан в политических границах, сколь строго бы они ни охранялись. Озоновая проблема и гибель лесов Амазонии являются сейчас двумя наиболее значительными проблемами безопасности, которые дают нам осознание того факта, что Земля является системой, в которой все элементы взаимосвязаны. Потому национальные интересы являются неприемлемыми в безопасности. Безопасность является правом всех наций, и она может быть реализована только посредством унификации норм безопасности поверх национальных границ»[1].

Однако важнейшим интегрирующим фактором создания евразийской безопасности как ядра новой международной безопасности XXI века является, по моему мнению, действительно *евразийский вклад в обеспечение, мотивацию и гуманитаризацию прорыва к новой концепции безопасности.* **Я имею в виду диалог между цивилизациями,** который имеет целью обеспечить организационную структуру для расширения сферы позитивного взаимодействия между народами различных культур и ценностей. Общая концепция понятия диалога между цивилизациями находится в полном соответствии с основными принципами международного сообщества, а именно с принципами международного мира и безопасности, международного сотрудничества, развития, процветания и содействия правам человека.

Я считаю методологию диалога между цивилизациями (с осуществлением в 2001 году в Международный год диалога между цивилизациями) важным позитивным фактором продвижения за рамки Хартии европейской безопасности (1999 г.).

Здесь же и новое качественное обогащение методологии культуры мира и культуры безопасности, культуры предотвращения.

С сентября 1998 года, когда президент Ирана Мохаммад Хатами предложил членам Организации Объединённых Наций объявить 2001 год Годом диалога между цивилизациями, его позиция была поддержана многими мировыми лидерами и международными организациями.

В резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (A/53/L. 23 нояб. 1998 г.) международное сообщество продемонстрировало свою готовность принять и поддержать идею диалога между цивилизациями в качестве нового и многообещающего подхода к будущим международным отношениям. Резолюция «приглашает» все правительства и организации «предусмотреть создание и обеспечить выполнение культурных, образовательных и социальных программ с целью поддержания концепции диалога между цивилизациями, в том числе с помощью организации конференций и семинаров и распространения информации и научных материалов по этому вопросу».

В ответ на это приглашение Исламская Республика Иран выступила в качестве спонсора ряда конференций на тему Диалога между цивилизациями. Первая конференция под названием «Диалог между азиатскими цивилизациями:

---

[1] См.: *Geysen W.J.* The Structure of Safety Science: Definitions, Goals and Instruments / 1st World Congress on Safety Science... Teil 1. P. 75, 76.

существующее разнообразие и будущая конвергенция» состоялась 17–18 февраля 2001 г. в Тегеране, выполняющем роль столицы Диалога между цивилизациями. По существу именно здесь уже состоялся первый фундаментальный анализ факторов и проблем становления евразийской безопасности и культуры диалога.

Реальность и перспективность именно культуры диалога убедительно представлены в программе конференции.

Программа

17 *февраля, суббота*

Утро – свободное время

Регистрация: 15.00 – 16.00

Вторая половина дня: 16.00 – 23.00 (Открытие)

Место: Территория Хафезийех (Сад-абад, Тайриш) Hafeziyyeh Compound (Sadabad, Tajrish).

Первое заседание

– Вступительное слово Его превосходительства Садека Кхаррази (заместитель министра иностранных дел Ирана) (Sadegh Kharrazi)

– Приветствие Его превосходительства доктора Кхаррази (министр иностранных дел Исламской Республики Иран) (Kharrazi)

– Приветствие доктора Мохаджерани (директор Международного центра «Диалог между цивилизациями») (Mohajerani)

– Послание от Генерального секретаря Организации Объединённых Наций (зачитано Его превосходительством г-ном Жианом Доминико Пикко) (Jian Dominico Picco)

– Послание от Генерального директора ЮНЕСКО (зачитано Специальным представителем Генерального директора)

– Главное выступление: президент Мохаммад Хатами (Mohammad Khatami)

– Перерыв

Приветствия глав делегаций:

– Китай: Его превосходительство г-н Ван Гуанъя (заместитель министра иностранных дел) (Wang Gungya)

– Индия: Его превосходительство г-н К.В. Раджан (заместитель министра иностранных дел) (K.V. Rajan)

– Индонезия: Его превосходительство Хассан Вирайудха (заместитель министра политических дел) (Hassan Wirayudha)

– Япония: Его превосходительство д-р Тацу Арима (специальный посланник правительства) (Tatsu Arima)

– Корея (Народно-Демократическая Республика): Его превосходительство Ен Чанг Хан (генеральный директор по делам культуры – Министерства иностранных дел) (Yon Chang Han)

– Корея (Республика): Его превосходительство д-р Ким Ерсу (генеральный секретарь Корейской комиссии при ЮНЕСКО) (Kim Yersu)

– Малайзия: Его превосходительство г-н посол Ясми (помощник секретаря по многосторонним вопросам Министерства иностранных дел) (Yasmi)

– Филиппины: Достопочтенный Розарио Г. Манало (заместитель министра иностранных дел) (Rosario O. Manalo)

– Таиланд: Его превосходительство посол д-р Суохот Каймук (посол Таиланда в Иране) (Suohot Khaimuk)

Традиционная музыка и приём (от имени министра иностранных дел Исламской Республики Иран)

18 февраля, Воскресенье Утро: 9.00 – 13.00

Место: Территория Хафезийех (Сад-абад, Тайриш-Тегран) Hafeziyyeh Compound (Sad-abad, TajrishTehran)

Председатель: Д-р Джавад Зариф (заместитель министра иностранных дел Исламской Республики Иран) (Javad Zarif)

Комитет 1) *Азиатские цивилизации и современный мир. Какую роль могут играть азиатские цивилизации в углублении понимания между различными обществами во всём мире?*

9.00 –11.00 (Представление докладов) Перерыв

Председатель: г-н Аминзадек (заместитель министра иностранных дел И. Р. Иран) (Aminzadeh)

Комитет 2) *Азиатские ценности. Как азиатские культуры и цивилизации могут помочь процессу развития гармонии и терпимости в человеческом обществе?*

11.00 – 13.00 (Представление докладов) *Обед: 13.00 – 14.00*

Вторая половина дня 14.00 – 23.00

Председатель: д-р Казем Сайядпур (генеральный директор Института политических международных исследований (IPIS) (Kazem Sajjadpour)

Комитет 3) *Азиатские цивилизации и мир во всём мире. Как азиатские цивилизации могут способствовать миру во всём мире, безопасности и развитию человечества?*

14.00 – 16.00 (Представление докладов) Перерыв

Председатель: Г-н Садек Кхаррази (заместитель министра иностранных дел И. Р. Иран) (Sadegh Kharrazi)

Комитет 4) *Заключительное заседание 16.00 – 18.00*

Главный докладчик: д-р Мохаджерани (директор Международного центра «Диалог между цивилизациями» (Mohajerani)

Дискуссия

19.30 – 21.30

Посещение Фестиваля традиционной музыки (Зал Вахдат) (Vahdat Hall)

Важный факт: в своём призыве к диалогу президент Исламской Республики Иран Мохаммад Хатами (выступление 21 сентября 1998 г. на Генеральной Ассамблее ООН) особо акцентировал такой подход.

«Среди наиболее ценных достижений этого века, – констатировал он, – есть одобрение необходимости и значимости диалога и отказа от силы, поощрения понимания в культурной, экономической и политической областях и укрепление основ свободы, справедливости и прав человека. Установление и укрепление цивилизованности на национальном и межнациональном уровне является возможным в диалоге между обществами и цивилизациями, представляющими разные точки зрения, склонности и подходы. ***Если человечество на пороге нового века и тысячелетия посвятит все***

свои усилия институционализации диалога, замене враждебности и конфронтации переговорами и пониманием, это позволит создать бесценное наследие для пользы будущих поколений»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Социологический аспект анализа путей институционализации диалога предполагает осмысление совокупности установок самих субъектов диалога.

Во-первых, важен субъективный ракурс намерений, мотивов участников диалога. И, прежде всего, важны социально-культурные установки каждого субъекта диалога. Не менее значимы их социально-экономические установки в отношении оценки ситуации в России, в современном мире.

Во-вторых, очень важен анализ объективных условий, в которых осуществляется диалог и которые обусловливают сам диалог и его динамику.

2–6 ноября 2001 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл интересное общероссийское исследование взрослого населения Российской Федерации (опрос 1600 человек), ориентированное на анализ динамики именно объективных условий диалога[2] (см. табл. 6).

Таблица 6. **Выберите из списка две-три позиции, по которым в первую очередь Россию следовало бы считать великой державой**

1. Богатые природные ресурсы	29
2. Огромная территория	23
3. Военная мощь, ядерное оружие	20
4. Великая история	14
5. Особые таланты и величие духа российского народа	12
6. Богатое культурное наследие	8
7. Высокое историческое предназначение России	5
8. Высокий культурный уровень населения	1
9. Высокий уровень благосостояния граждан	1
10. Соблюдение прав и свобод граждан	1
Затруднились ответить	1
Не считают Россию великой державой	60

Источник: *Савельев О.* Благосостояние паче великодержавности // Время новостей. 2001. 27 ноября. С. 3.

[1] *Khatami M.* The Call for Dialogue // Crossing the Divide: Dialogue among Civilizations. New Jersey (USA), 2001. P. 16.

[2] См.: *Савельев О.* Благосостояние паче великодержавности // Время новостей. 2001. 27 ноября. С. 3.

Таблица 7. **Что, на Ваш взгляд, более важно для России – сохранение ключевого положения в мире или обеспечение благосостояния народа?**

Обеспечение благосостояния народа	78
Сохранение ключевого положения в мире	19
Затруднились ответить	3

Источник: Там же.

Важное уточнение объективных условий диалога было исследовано социологами Российского независимого института социальных и национальных проблем (октябрь – ноябрь 2001 г., 1750 респондентов, репрезентативная общероссийская выборка). Сравнение итогов этого опроса с аналогичными показателями октября 2000 года обозначило обнадёживающую динамику: за прошедший год в два раза сократилась доля россиян, живших с отчётливым чувством отчаяния и страха. Михаил Горшков, генеральный директор института, более точно характеризует перемены в самой среде диалога: «...в 2 раза снизилось число тех, кто пребывал в состоянии озлобленности и подавленности. В целом же доля населения, для которого были свойственны сугубо негативные психологические состояния, сократилась всего лишь за год с 43 до 22%.

В то же время оставалась стабильной и немного выросла та часть населения, у которой преобладали состояния уравновешенности и спокойствия, даже бодрости и эмоционального подъема. Если прошлой осенью таковых в обществе было 52%, то ныне – 58%»[1].

Объективность такой динамики подтвердила и Елена Башкирова, президент исследовательского центра «Российское общественное мнение и исследование рынка» (РОМИР). Произошло «некоторое снижение страхов, – отметила Е. Башкирова. – Пять лет назад мы проводили большое исследование, измеряли уровень тревожности в обществе по разным аспектам и сравнивали результаты с американскими и европейскими данными. Тогда наши люди боялись буквально за все. Не хочу сказать, что это полностью ушло, но сейчас страхов стало гораздо меньше»[2].

В-третьих, изучение взаимодействия субъективных и объективных условий, предпосылок, которое и определяет содержание социологического ракурса анализа институционализации диалога, позволяет наиболее доказательно выявить полноту особенности и устойчивость универсального диалога (между людьми, культурами и цивилизациями). Именно такой аспект взаимообусловленности

[1] *Горшков М.* В 2 раза меньше стало подавленных и озлобленных // Известия. 2001. 23 ноября. С. 11.

[2] *Башкирова Е.* Люди поверили, что и в нашей стране можно жить нормально // Известия. 2001. 21 сентября. С. 4.

субъективного и объективного представлен в недавней статье Генерального секретаря НАТО Джорджа Робертсона в газете Financial Times. Комментируя итоги заседания НАТО, состоявшегося 12 сентября 2001 г., он особо выделил именно аспект взаимообусловленности безопасности и среды безопасности.

«Бездумное убийство такого числа невинных людей, – пишет он, – беспрецедентный акт насилия в нынешние времена. **Это нападение на ценности и интересы цивилизованного мира и на чувство безопасности, которого заслуживают наши граждане.** Если мы хотим избежать повторения этих актов, международное сообщество должно сплотиться в поиске и наказании тех, кто причастен к ним. Террористические сети должны быть уничтожены»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Таким образом, если осмыслить три рассмотренных мною социологических ракурса особенностей путей институционализации диалога, то можно сформулировать следующие выводы:

– позитивный и устойчивый *диалог между людьми институционализируется, прежде всего, в преодолении страха, напряжённости и боязни другого человека, другой культуры, другого образа жизни*. В своём послесловии к книге по итогам Года диалога между цивилизациями (среди 20 авторов – наш соотечественник Сергей Капица) её создатели констатировали:

«...как бы ни выглядело то, что разделяет, есть первый шаг в обучении, как управлять многообразием и ценить его. Это такое качество, которое новые поколения смогут считать необходимым. Прошла ли у нас, старого поколения, боязнь многообразия? Если это так, то столь же важно, как если бы наша молодежь была защищена от наших ошибок и нашла смелость сделать дальнейший шаг, научиться тому, чему мы не научились, видеть то, что мы не видели, и преодолеть разъединение, где мы потерпели неудачу. Молодое поколение стремится сделать работу, превосходящую нашу, построить общество более справедливое, чем мы имеем. Никакой “урок” из прошлого не может погасить мечты и стремления, предвидения и ожидания поколения, которое делает больше. Для большинства из нас тот факт, что что-то не было сделано раньше, не означает, что это вообще не может быть сделано. Таким образом, есть побудительный мотив стремиться к большему»[2];

– конструктивный *диалог между культурами институционализируется, прежде всего, в культуре предотвращения*. Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН, в своём Годовом докладе о работе Организации за 2001 год особо выделил:

«Всеобъемлющие и последовательные стратегии предотвращения конфликтов являются самым эффективным инструментом обеспечения прочного мира, однако их разработка и осуществление никогда не были простым делом.

---

[1] Приведено по: *Робертсон Дж*. Эволюция НАТО: Альянс выразил поддержку США и расширил свои функции от простой обороны до обеспечения безопасности // Коммерсантъ. 2001. 25 сентября. С. 10.

[2] Crossing the Divide: Dialogue among Civilizations. New Jersey (USA), 2001.

Я с удовлетворением отмечаю, что в последние годы государства-члены уделяют все больше внимания предотвращению конфликтов и предпринимают все больше усилий с этой целью. Что же касается Организации Объединенных Наций, то концепцию предотвращения конфликтов необходимо претворить в жизнь, а слова надо подкрепить делом...

Я намерен продолжить практику направления в нестабильные регионы междисциплинарных миссий Организации Объединенных Наций по установлению фактов и укреплению доверия; приступить к представлению Совету Безопасности периодических региональных или субрегиональных докладов о спорах, которые могут угрожать международному миру и безопасности; разработать региональные превентивные стратегии совместно с региональными партнерами и органами и учреждениями Организации Объединенных Наций с учетом обстоятельств; создать неофициальную сеть видных деятелей для целей предотвращения конфликтов, а также укрепить потенциал и ресурсную базу превентивной деятельности в Секретариате. **Я рассчитываю на конструктивный диалог с государствами-членами по вопросу о том, какой вклад мы можем вместе внести в усилия, направленные на то, чтобы "культура предотвращения" укоренилась в международном сообществе»**[1]. (Выделено мною.– *В.К.*)

Важные идеи были сформулированы в холе анализа интеллектуальных аспектов международного Года диалога между цивилизациями (2001 г.). Особый интерес представляет суждение известного специалиста по динамике цивилизаций Ю.В. Яковца. В рабочем варианте его доклада к конференции «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век» и к Междисциплинарной дискуссии «Будущее России и евразийской цивилизации» особо выделен тезис: *«Первое.* Нужна новая, научно обоснованная *долгосрочная геоцивилизационная стратегия,* опирающаяся на трезвую оценку ресурсов и возможностей России и ее места в трансформирующемся постиндустриальном обществе и в становлении интегрального социокультурного строя, на понимание необходимости сохранить самобытность, генотип евразийской цивилизации, остановить и повернуть вспять процесс ее ускоренного распада, на эффективное использование ее географического и геополитического положения как моста, балансира между более мощными цивилизациями Запада и Востока»[2].

Сделаем два предположения. Прежде всего, геоцивилизационная стратегия – это, по существу, геокультурный подход. И далее: суждение Ю. Яковца сделано в рамках исходной геополитической парадигмы, которая последовательно проводится в его докладе.

В итоге, ***культура диалога*** *может быть определена как*

процесс обеспечения общего участия граждан любой страны, культуры, цивилизации для достижения справедливости, законности и терпимости в чело-

[1] *Аннан К.* Годовой доклад о работе Организации: 2001 год. Нью-Йорк, 2001. С. 7, 8.

[2] *Яковец Ю.* Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 41.

веческих взаимоотношениях; для повышения и сохранения взаимопонимания, уважения и взаимодействия, сбалансированности и умеренности; для поиска общих точек, линий и масштаба соприкосновения различных цивилизаций в их общении между собой с тем, чтобы совместно терпеливо и мудро разрешать назревшие проблемы, угрожающие разделяемым ими целям, идеалам и ценностям.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете смысл движения от категории «Безопасность» к категории «Культура безопасности»?
2. Определите общее, особенное и отдельное в феноменах: «Культура мира», «Культура безопасности», «Культура предотвращения», «Культура диалога».
3. В чём Вы видите «социологичность» феномена «культура диалога»?
4. Почему концепция социологии безопасности может трактоваться сопоставимой с теорией социологии компромисса?

Литература

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

Доклад о мировом развитии 2007: Развитие и новое поколение / Всемирный банк. М., 2007.

Добреньков В.И. Глобализация и Россия. М., 2007.

Альянс цивилизаций: Доклад Группы высокого уровня, 13 ноября 2006 г. (ООН, Нью-Йорк) // Безопасность Евразии. 2007. № 2.

Доклад о мировом развитии 2006: Справедливость и развитие / Всемирный банк. М., 2006.

*Безо*пасность России в XXI веке. М., 2006.

Капто А.С. Энциклопедия Мира. М., 2005.

Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам, переменам / Организация Объединённых Наций // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

Доклад о развитии человека 2005: Международное сотрудничество на перепутье: Помощь, торговля и безопасность в мире неравенства / Организация Объединённых Наций. М., 2005.

Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире / Организация Объединённых Наций. М., 2004.

Капто А.С. От культуры войны к Культуре Мира. М., 2002.

Глава 10

Культура безопасности российского общества как предмет теоретического анализа

Теоретические основы социологии безопасности выстраиваются на фундаменте итогов новой институционализации по следующим линиям: опасность – небезопасность – безопасность – культура безопасности – геокультура; геополитика – геоэкономика – геокультура; системный подход – институционально-сетевой подход; социокультурные технологии – высокие технологии – высокие гуманитарные технологии.

Концептуальным ядром в создании новой теории безопасности России и современной цивилизации XXI века является логика и мотивация в осмыслении самого мира в целостности: мира как Системы, мира как Экономики, мира как Культуры–Сети.

Перспективными и эффективными в 2007 году, в последующие годы для всей сферы гуманитарной безопасности я считаю и новые институты XXI века:

- культура Мира;
- культура безопасности;
- культура диалога;
- культура предотвращения;
- культура жизни;
- культура компромисса.

Целесообразно более подробно осмыслить суть самих институтов. В настоящее время особенно актуально, на мой взгляд, определение исходного понятия, предложенное Дугласом Нортом. В его понимании институты – это «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют *взаимодействие между людьми*. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике... *институциональные изменения определяют то, как общество развивается во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен*»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Для моего учебного пособия весьма актуальны комментарии известного предпринимателя Клауса Штайльманна к соображениям Д. Норта по поводу институционализации в сферах жизнеобеспечения людей.

Во-первых, К. Штайльманн отметил, что «в институциональной теории понятие “институты” обозначает “правила игры” в обществе вообще»[2].

---

[1] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: Пер. с англ. М., 1997. С. 17.

[2] *Штайльманн К.* Новая философия бизнеса. Т. 2. М.; Берлин, 1998. С. 221.

Во-вторых, он особенно выделил, что институты формируют лишь возможности, тогда как организация направлена на использование этих возможностей[1].

В-третьих, К. Штайльманн исключительно высоко оценивает введение Д. Нортом в научный оборот ключевого понятия недискретности, плавности изменения состояния институциональных параметров[2].

В-четвёртых, по его мнению, «главная роль, которую институты играют в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой – хотя не обязательно эффективной – структуры взаимодействия между людьми»[3].

Важной особенностью динамики развития самой институциональной методологии стало формирование на его основе нового гуманитарного синтеза как продолжения идей и подходов Н.Н. Моисеева. Механизм такого подхода обозначен в статье В.Я. Нечаева[4] (2001 г.) и развёрнут в статье В.В. Радаева[5] (2001 г.).

В.В. Радаев анализирует динамику движения традиционной социологии к синтезу (соединению) достижений новой институциональной экономики и традиционной экономики[6]. В процессе приближения к такому синтезу он вводит понятие «институциональной среды»[7] и анализирует взаимосвязь институционального подхода с «деловыми сетями»[8]. По существу это важнейший шаг в направлении осмысления институционально-сетевого подхода, хотя у В.В. Радаева своё, достаточно обоснованное понимание Сети, сетевых взаимодействий[9].

Это шаг по дороге к культуре безопасности, к геокультуре.

Сама необходимость социологии безопасности, культуры безопасности обусловлена, на мой взгляд, реальностью дополнения институционализации процессов безопасности на рубеже XX и XXI веков возможностями сетевого подхода, сетевой методологии.

Агрессии США в Евразии 1999–2003 годов (Югославия – Ирак) против её народов и суверенных стран чётко обозначили новую реальность XXI века. Для гуманитарных наук обострилась проблема осмысления взаимосвязи свободы человека и его безопасности. Ещё более актуальной обозначилась проблема смысла жизни; целей, идеалов и ценностей, проблема мечты и надежды.

---

[1] *Штайльманн К.* Новая философия бизнеса. Т. 2. М.; Берлин, 1998. С. 225.

[2] Там же. С. 226, 227.

[3] Там же. С. 238.

[4] *Нечаев В.Я.* Институционализация как феномен и категория социологии // Вестник Московского университета: Серия 18: Социология и политология. 2001. № 3. С. 3–21.

[5] *Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии: 2001. Т. 4. № 3. С. 109–130.

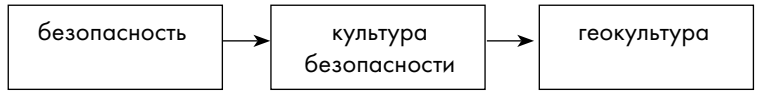
[6] Там же. С. 112.

[7] Там же. С. 113.

[8] Там же. С. 118–123.

[9] *Радаев В.В.* Сетевой мир // Эксперт. 2000. 27 марта (№ 12). С. 34–37.

А в теоретическом плане исходным звеном содержания, на мой взгляд, может стать теория развития по линии:

Теоретичность и методологичность геополитики и геоэкономики не требуют изначального оформления национальных целей, идеалов и ценностей человека, семьи и общества. В теоретических построениях геополитики и геоэкономики практически отсутствует безусловный приоритет Человека.

А для геокультурного анализа инноваций в российском обществе XXI века, прежде всего, предстоит сформулировать Цель, Идеалы и Ценности Человека. *Считаем необходимым и возможным так представить главную цель и конкретную задачу российского общества и государства в двадцать первом веке: содействие каждому человеку, каждой семье, каждому народу России в достижении высокого качества и уровня благополучия и надёжной безопасности; достоинства и справедливости, счастья.*

Методологический аспект моих размышлений посвящён, естественно, методологии становления культуры безопасности. С учётом геокультурного подхода.

Исходное соображение – разработка методологии культуры безопасности существенно дополняет теорию и методологию культуры мира.

Следующее соображение – культура безопасности органично включает в себя уважительный диалог людей, народов и цивилизаций. Тем самым диалогу придаётся новое качество – культура диалога.

И ещё одно соображение: культура безопасности в геокультурном измерении, на мой взгляд, становится первой методологией XXI века по очень важному **основанию.** Именно в таком качестве культура безопасности уделяет основное внимание смыслу жизни человека, его мечте, надеждам, исторической памяти. Потому что в центре культуры безопасности – цели, идеалы и ценности человека.

Культура безопасности становится важнейшей характеристикой (доминантой) реального процесса жизнеобеспечения человека, общества и государства.

Её сущностные черты:

– она неразрывно и динамично связана с феноменом «культуры мира», а смысл категории «безопасность» обусловлен постоянной позицией («позиционированием») в единстве и взаимосвязи с категорией «мир»;

– культура безопасности более определённо и наглядно связывает состояние безопасности в прошлом, настоящем и будущем: т. е. носит интегрирующий характер;

– культура безопасности неразрывно связана со средой безопасности, зависит от её социальных характеристик, от происходящих в ней изменений (трансформаций).

С учётом исследований российских и зарубежных авторов категория «институт» может быть представлена следующим образом: совокупность устоявшихся правил, традиций, процедур, обеспечивающих выживание и развитие социума, т. е. это своеобразные правила игры.

Их отличие от организации состоит в том, что они более универсальны, подвижны. Но главное: они органично соединяют формальные и неформальные правила игры. Они формулируют возможности в ситуации неопределённости, тем самым, обеспечивая саморазвитие. Организации действуют только в рамках формальных процедур и направлены на реализацию чётко обозначенных задач.

Институционализация *обозначает совокупность институтов в их взаимосвязи со средой и главное её свойство: реализация адаптации институтов к изменяющейся среде, к ситуации неопределённости, т. е. выживания социума в нестандартных ситуациях.* Это исходное положение, характеризующее новую методологию для нового качества безопасности – культуры безопасности.

Сеть *– новый социокультурный феномен, который отражает целостность нового объекта, включающего в себя информацию, знания, отношения и взаимодействия людей в единстве с новыми высокими технологиями, объединяемыми Интернетом.* Определение «рабочее». Какое-либо понятие в различных словарях отсутствует. Генезис понятия соотнесён с серединой 80-х годов XX века, когда обозначился кризис индивидуализма и начало создаваться новое качество информации – «коммуникации», а неправительственные организации (их сети) стали играть важнейшую роль во многих странах.

Характерной чертой сетевой методологии (на основании работ Кастельса) являются:

– сдвиг от вертикальных связей к горизонтальным;

– сетевой подход составляет материальное выражение культуры в информационно-глобальной экономике. Он способствует преобразованию сигналов и кодов в товары и услуги, обрабатывая знания.

Это закладывает основания для культурно-институционального синтеза.

Становление самого сетевого подхода имеет определённую логику. Сначала это деловые сети предприятий. Но также феномен культуры.

Этот подход сопровождается технологическими инструментами:

– новые телекоммуникационные сети;

– новые мощные компьютеры;

– *и* самое *главное: новое адаптивное саморазвивающееся программное обеспечение: но это новые рабочие, новые менеджеры, новые связи между ними, которые способны работать в ситуации неопределённости, дезорганизации, хаоса, высокого риска.*

И, прежде всего, потому, что они способны говорить на одном и том же цифровом языке в любой точке мира с громадной скоростью и главное – в режиме диалога.

Это позволило оформить тезис: выражением такого свойства становятся именно высокие гуманитарные технологии. Именно они соединяют институциональный и сетевой подход в новую методологическую целостность – институционально-сетевую методологию.

Социологичность такого подхода представлена в новом качестве человеческих отношений, социальных связей. Кастельс отмечает: «имеется действительно общий культурный код в разнообразных устройствах сетевого предприятия».

В настоящее время сетевой подход существует как новый подход, методология (Яницкий, Дридзе). И есть другой подход, который рассматривает сетевой подход только на уровне «деловых сетей» (Радаев).

В чём отличие сетевого подхода от системного?

– Сетевой подход ориентирован на анализ безопасности во взаимодействии со средой.

– Сетевой подход ориентирован на целостность, т. е. он учитывает подходы и возможности синергетики, как свойство нелинейных взаимодействий и возможность учитывать неопределённость состояния объекта (от хаоса к порядку).

– Сетевой подход неиерархичен. Здесь необязательно лидерство. Поэтому здесь в центре внимания – человек: и он гарантировано избавляется от одиночества.

Логика становления института «культура безопасности», динамика развёртывания категорий геокультуры: законность, терпимость (толерантность), доверие и сотрудничество могут быть представлены в ходе подготовки и проведения общероссийского социологического исследования, под руководством автора учебного пособия, по теме **«Культура безопасности современного российского общества».** Оно было проведено в Институте социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (февраль 2002 года).

Социологический подход к анализу культуры безопасности: объект и предмет исследования. Социологический анализ культуры безопасности базируется на представлении о членах общества не только как об объектах социального воздействия и социальной защиты, но и как об активных субъектах, порождающих, поддерживающих и изменяющих существенные элементы своего социального окружения в сторону минимизации рисков и опасностей со стороны агрессивной среды. Поэтому в центре исследования оказались процессы функционирования, изменения, развития социальной среды, включая социально-экономическую, политико-правовую, духовно-нравственную сферы жизнедеятельности социальных субъектов.

При таком подходе объектом теоретического анализа стало отражение в массовом сознании существующих в обществе конкретных рисков и опасностей, посредством когнитивных, эмоционально-оценочных и вербально-поведенческих реакций людей на возникающие угрозы, а также обусловливающие их социальные факторы и механизмы, характерные для современного российского общества. Особое внимание было уделено выявлению особенностей

слоёв и групп населения, выделенных по социально-демографическим, социально-профессиональным, культурно-образовательным критериям, а также классообразующим признакам.

В качестве предмета теоретического анализа рассматривались общие закономерности (модели) формирования культуры безопасности российского общества на современном этапе его развития и специфичные формы её проявления (типы культур), характерные для разных социальных групп. Основные единицы анализа (типы культур, безопасность и характер общей ментальности) включили в себя системы представлений, ценностей социокультурных норм, эмоционально-оценочных и поведенческих реакций, выраженных на вербальном уровне, а также способов организации и регулирования социальных отношений в условиях «общества риска». Иными словами, речь шла об изучении широко распространённых устойчивых форм социальных оценок, реакций, отношений разных слоёв и групп общества, связанных с их безопасностью.

Эмпирическим объектом социологического исследования выступили основные социальные группы российского населения – носители представлений о социальных рисках на уровне личности, общества, государства, представлений об условиях и причинах их возникновения, о мерах по обеспечению безопасной жизнедеятельности. Предмет исследования – условия и факторы функционирования основных типов культур безопасности, масштабы распространённости их в различных социальных средах.

Цель и задачи исследования. Основной целью исследования стало построение системных блоков культуры безопасности российского общества, формирующейся в разных социальных слоях и группах населения.

В рамках обозначенной цели решался следующий комплекс задач:

- определить основные уровни культуры безопасности (личностный, групповой, общественный, государственный); выявить главные риски и вызовы на каждом из этих уровней; оценить масштабы обеспокоенности со стороны исследуемых социальных субъектов распространённостью существующих угроз для личности, общества и государства;
- изучить общий фон социально-психологических состояний обследуемого социума и связь социальных фрустраций (страх, напряжение, конфликт) с основными рисками и опасностями;
- вычленить и изучить основные внутренние и внешние аспекты культуры безопасности; проанализировать взаимосвязь и взаимообусловленность эмоционально-оценочных, когнитивно-установочных и вербально-поведенческих сторон её формирования и изменения;
- изучить основные контуры «образа врага», т. е. вычленить главных субъектов угроз, и определить его опосредованность социальной средой, классовым сознанием и типом общей ментальности россиян, характером ценностных ориентаций;
- проанализировать социодинамику рисков и опасностей в различных социальных средах; выявить представления людей об основных причинах угроз и путях их локализации;

• изучить отношение разных социальных групп к институтам гражданского общества и государства с точки зрения оценки эффективности противостояния угрозам и рискам;

• классифицировать основные формы проявления культуры безопасности; дать их типологию и оценить уровень распространённости основных видов (субкультур) в разных социальных средах;

• выявить взаимосвязь, взаимовлияние и взаимообусловленность основных форм проявления безопасности типом ментальности, с одной стороны, характером ценностного ядра структуры личности – с другой;

• рассмотреть процессы формирования культуры безопасности российского общества в региональном, социальном, демографическом измерениях и определить основные факторы, обусловливающие особенности её развития и изменения.

Концептуальная модель исследования и теоретическая интерпретация основных понятий. «Культура безопасности» – социологическая категория, отображающая социальные отношения, направленные на устранение и минимизацию (либо создание и эмиссию) социальных рисков, опасностей и угроз, возникающих на уровне личности, группы, общества, государства в различных социальных ситуациях. Культура безопасности российского общества – это специфическая совокупность ориентиров, средств, форм и способов взаимодействия людей (социальных групп, институтов и др.) со средой существования, которые они вырабатывают в совместной жизни для поддержания (изменения) определённых структур деятельности, социального взаимодействия и общения. В рамках концепции «общества всеобщего риска» среда существования рассматривается как совокупность вызовов, опасностей и угроз, встающих перед личностью, социальной общностью, государством.

В рамках представленного исследования риски, опасности, угрозы, вызовы определяются следующим образом:

«риски» – комплекс (система) социальных, экономических, политических, духовных, техногенных и экологических явлений и процессов, разрушающим образом воздействующих на социальные организации и структуры, трансформируя их элементы и нарушая нормальное функционирование, что, в конечном счёте, приводит социальные системы к упадку и распаду;

«опасности» – качественно и количественно определённые параметры и характеристики рисков, доходящих по критериям статистической значимости до уровня устойчивого социального явления;

«угрозы» – качественно определённые характеристики и количественно замеренные параметры риска, находящегося по критериям статистической значимости на уровне массового социального явления;

«вызовы» – основные детерминанты угроз и общий вектор их направленности.

В процессе формирования предмета исследования концептуальный образ «культуры безопасности российского общества» был расчленён на следующую совокупность частей, элементов и связей:

1. Характер опасностей и угроз.
2. Особенности и тип ментальности.
3. Ядро ценностных ориентаций и жизненных преференций.
4. Характер общего фона социальных настроений.
5. Наиболее устойчивые эмоционально-оценочные и вербально-поведенческие реакции на возникающие риски.
6. Альтернативы локализации и минимизации риска.

Были выделены три основных типа культуры безопасности российского общества: демократическая, тоталитарная и анархо-охлократическая культуры.

Данная типология основывается на критериях социального выбора основных альтернатив возможного ответа на существующие угрозы, которые соответствуют, с одной стороны, новым императивам социального развития, ориентированным на построение правового государства и гражданского общества, с другой – отражают особенности современной ситуации в России «с анархией и безвластием», с третьей – историческую память людей с фундаментальными принципами сильного государства, «железного порядка», «твёрдой руки».

Культура безопасности российского общества, очевидно, будет формироваться из этих трёх пластов политического сознания и менталитета населения. Важнейшим элементом культуры безопасности является тип ментальности общества. Под менталитетом в исследовании понимается исторически сложившиеся групповые умонастроения, представляющие собой сплав ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении. В концепции исследования основные менталитеты классифицируются на основе фундаментальных философских универсальных категорий, выстроенных по следующим оппозициям:

– духовное – материальное;
– мягкое – твёрдое (безнаказанное – жестокое);
– индивидуальное – общественное;
– справедливое – несправедливое;
– доброе – злое.

Образованные таксоны характеризуют следующие типы менталитета российского общества:

– ***Коллективистско-социалистический*** (материальное, твёрдое, общественное, справедливое, доброе);

– ***Православно-христианский*** (духовное, мягкое, общественное, справедливое, доброе);

– ***Индивидуалистско-капиталистический*** (материальное, твёрдое, индивидуальное, независимое, злое);

– ***Криминально-мафиозный*** (материальное, твёрдое, индивидуальное, справедливое, злое).

Важное значение, для определения характера культуры безопасности, имеет иерархия социальных ценностей личности, а также общий фон социальных настроений, классовая самоидентификация личности. В концептуальной модели исследования были выделены три блока ценностей.

– Ценности – выживания (здоровье, семья, благополучие).
– Ценности – развития (образование, работа, общение).
– Ценности – самоутверждения (богатство, романтика).

По общему фону социальных настроений и эмоциональной реакции на существующие риски и угрозы социальные субъекты культуры безопасности делятся на оптимистов, пессимистов, уверенно-спокойных и напряжённо–обеспокоенных. По типу поведенческих реакций на возникающие вызовы и угрозы безопасности, выраженные на вербальном уровне, объекты наблюдения классифицируются следующим образом:

– пассивная, апатичная реакция;
– правовое, институциональное решение проблем;
– делинквентное поведение;
– протестное поведение;
– экстремальное поведение.

По характеру классовой самоидентификации носители культуры безопасности классифицируются по следующим группам:

– «низший класс»;
– «низший средний класс»
– «средний класс»;
– «высший средний класс».

Указанные аспекты анализа культуры безопасности стали главными элементами структуры концептуальной модели исследования.

Операциональная модель исследования и эмпирическая интерпретация основных понятий. Исходя из целей и задач исследования для каждого термина и понятия, с помощью которых описывается общая модель формирования и функционирования культуры безопасности российского общества, были определены основные показатели, а также отобраны их эмпирические референты.

Прямая эмпирическая интерпретация осуществлялась через следующие операциональные определения:

1. Определение основных уровней культуры безопасности и оценка масштабов рисков для общества, личности, государства.

«Личностный уровень» – выявлялся через показатель обеспокоенности прямыми угрозами своему выживанию (фундаментальным основам жизнедеятельности).

Основные переменные (риски):

– угрозы жизни, здоровью, имуществу, нужда, бедность, потеря работы, жизненных перспектив, смысла жизни, плохие жилищные условия.

«Общественный уровень» – выявлялся через показатели оценки характера угроз, стоящих перед российским обществом.

Основные переменные (риски):

– высокая смертность, забвение духовных ценностей народа, культ обогащения и силы, наркомания, преступность, угроза фашизма, национализма, сильное расслоение общества, нарушение прав и свобод человека.

«Государственный уровень» – выявлялся через показатель оценки угроз безопасности российского государства.

Основные переменные (риски):

– сепаратизм, войны, терроризм, организованная преступность, коррупция, межнациональные и этнические конфликты, возможность военного нападения извне.

2. Изучение общего фона социально-психологических состояний осуществлялось через показатель самооценки преобладающего в последнее время настроения.

Эмпирические референты социальных фрустраций:

– «чувство опасности, безысходность, страх»;

– «эмоциональное напряжение»;

– «чувство беспокойства»;

– «неуверенность».

Эмпирическими референтами чувства уверенности и оптимизма являются следующие индикаторы:

– «очень хорошее, приподнятое настроение»;

– «спокойное, уверенное».

3. Изучение основных внутренних и внешних аспектов культуры безопасности осуществлено через набор показателей отображающих следующие уровни:

Внутренние аспекты:

– когнитивно-установочный – выбор по оси «лучше оправдать преступника, чем осудить невиновного»; «лучше осудить невиновного, чем оправдать преступника»; выбор альтернатив «отменить мораторий на смертную казнь», «шире пропагандировать идеи ненасилия и гуманизма», «ужесточить ответственность...» и др.

– эмоционально-оценочный уровень:

индикаторы: «чувство опасности, страха», напряжённости; поле личностных, социальных, экономических проблем и угроз, беспокоящих респондента;

– вербально-поведенческий – показатель готовности действовать определённым образом в случае опасности.

Индикаторы пассивной апатичной реакции: «ничего не буду делать».

Индикаторы институционного решения проблем: «обращусь в суд, милицию»... в общественные организации.

Индикаторы делинквентного поведения: «обращусь к криминальным авторитетам».

Индикаторы протестного поведения: «буду участвовать в митингах, демонстрациях, забастовках».

Индикаторы экстремальных действий: «возьмусь за оружие».

4. Основные контуры «образа врага» или главных субъектов угроз фиксировались в исследовании по оппозициям:

«богатые – бедные»;

«народ – олигархи»;

«советская власть – нынешняя власть»;

«молодые – старые»;

«демократы – коммунисты»;

«атеисты – религиозные экстремисты»;

«США, НАТО» – национал-патриоты»;

«чиновники, бюрократы – криминалитет» через показатель канализации вины за все трудности и проблемы, с которыми приходится сталкиваться обществу и государству.

5. Социодинамика рисков и опасностей фиксировалась через показатели, отображающие вектор изменения масштабов проблем, опасностей и угроз, стоящих перед обществом и личностью. Индикаторами социодинамики рисков стали следующие референты: «стало больше», «столько же, сколько и раньше»; «стало меньше».

6. Оценка эффективности противостояния рискам и угрозам со стороны:

а) государства – определялись через показатели доверия к следующим структурам: президент, правительство, Госдума, Совет Федерации, суд, прокуратура, МВД, ФСБ, армия, государственные СМИ;

б) институтов гражданского общества – через показатели доверия к независимым СМИ, политическим партиям разной ориентации, правозащитным и благотворительным организациям, общественным союзам, церкви и другим религиозным объединениям.

7. Классификация основных форм проявления культуры безопасности основывалась на показателе, отображающем социальные экспектации относительно шагов по локализации стратегических рисков и угроз, а также показателе, фиксирующем «образ врага».

Эмпирическими индикаторами тоталитарной культуры безопасности стали признаки-референты:

Считают необходимым: «ужесточить ответственность за пренебрежение интересами государства»; «отменить мораторий на смертную казнь»; «укрепить дисциплину во всех сферах жизнедеятельности общества».

Не доверяют: «политическим партиям правой ориентации»; «правозащитным и благотворительным организациям»; «независимым СМИ».

Винят за трудности: «нынешнюю власть»; «олигархов»; «демократов»; «США и НАТО»; «журналистов».

Эмпирическими референтами демократической культуры безопасности определены следующие признаки:

Считают нужным: «строго соблюдать права человека, принципы правового государства и гражданского общества».

Доверяют в наибольшей степени политическим партиям правовой ориентации», «правозащитным организациям».

Винят за трудности: «чиновников-бюрократов», «национал-патриотов».

Считают: «что интересы личности, её права важнее интересов государства и нации».

8. Классификация основных типов ментальности основывалась на ряде показателей, фиксирующих когнитивно-установочные, эмоционально-оценочные и вербально-поведенческие характеристики мировоззренческих представле-

ний личности. Эмпирическими референтами коллективистско-социалистической ментальности стали следующие индикаторы:

Считают: что «справедливость и равноправие более важны в жизни общества, чем свобода и независимость»; «материальное важнее духовного».

Доверяют: армии, ФСБ.

Выступают: за соблюдение законности и порядка; за усиление регулирующей роли государства в обществе; против захвата собственности в стране узким кругом людей; против засилья массовой культуры, культа обогащения и силы; против навязывания России со стороны США своего пути развития и стандартов жизни. Эмпирическими референтами *православно-христианской ментальности* были установлены следующие индикаторы:

Считают: что «духовное важнее материального в жизни человека»; что «человек по своей сути скорее добрый»; что «справедливость и равноправие важнее свободы и независимости».

Доверяют: благотворительным организациям, РПЦ.

Выступают: за пропаганду идей ненасилия и гуманизма; против отказа от духовных ценностей народа.

Обеспокоены: утратой идеалов и смысла жизни.

Эмпирическими референтами *индивидуалистско-капиталистической ментальности* стали следующие переменные:

Считают: что «человек по своей сути скорее злой»; что «интересы личности, её права важнее интересов государства»; что «материальное важнее духовного».

Доверяют: правозащитным организациям, неправительственным общественным союзам и объединениям, независимым СМИ, политическим партиям правой ориентации.

Выступают: за «строгое соблюдение прав человека, принципов правового государства и гражданского общества».

9. Характер социальной среды раскрывался в исследовании через набор объективных показателей, фиксирующих место проживания респондентов, пол, возраст, образование, род занятий и сферу занятости.

«Классовая принадлежность» базируется на показателе самооценки своего уровня и стандартов жизни.

Эмпирическими референтами самооценки стали:

«Низшего класса» – «Относит себя к категории людей с крайне низкими доходами, которые едва сводят концы с концами».

«Нижнего среднего класса» – «относят себя к категории лиц, с доходами ниже среднего, которые не могут себе многое позволить».

«Среднего класса» – «относят себя к категории лиц, со средними доходами, живущими не хуже других».

«Высшего среднего класса» – «относят себя к категории лиц, с доходами выше среднего, живущими вполне благополучно».

Указанные выше показатели составили ядро операциональной модели исследования и представлены в методическом инструментарии социологического опроса.

Основные гипотезы исследования. Приведённые типы культуры безопасности, ментальности, «классового» сознания стали гипотетическими конструкциями, отображающими концептуальное видение предмета исследования, его структуры, а также характера и связи элементов, входящих в неё.

В качестве гипотез исследования выступили следующие положения:

– тоталитарная культура безопасности в большей мере проявляется среди респондентов старших возрастных групп, с низким уровнем образования, относящих себя к «низшему» классу;

– тоталитарная культура безопасности тесно корреспондируется с ценностями, ориентированными на выживание;

– демократическая культура безопасности в большей мере проявляется среди молодёжи, людей с высшим образованием, людей, относящих себя к «среднему» и «высшему среднему» классу;

– демократическая культура безопасности тесно корреспондируется с ценностями, ориентированными на развитие и самоутверждение.

Основные процедуры исследования. Организация выборки. Генеральной совокупностью исследования стало взрослое население (18 лет и старше) проживающее на территории России. Выборочная совокупность представила собой микромодель генеральной совокупности по полу, сфере деятельности, месту жительства граждан. Эти параметры выступают в качестве основных при формировании выборочной совокупности. Возраст и род занятий являются контрольными характеристиками, по которым проводится корректировка выборки. Территорию России представили следующие регионы:

1. Москва и Московская область.
2. Калужская область.
3. Воронежская область.
4. Краснодарский край.
5. Кировская область.
6. Свердловская область.
7. Омская область.
8. Иркутская область.
9. Республика Коми.
10. Республика Удмуртия

В каждом регионе опрашивалось по 150 респондентов. Отбор респондентов осуществлялся по квотной выборке. На каждый регион накладывалась общероссийская квота, отображающая пропорции городского и сельского населения, мужчин и женщин, занятого и незанятого населения, а также распределения по основным сферам занятости. Выборка является репрезентативной по России в целом. В данном исследовании Россия была представлена шестью федеральными округами (кроме Дальневосточного).

Всего в ходе исследования предполагалось опросить 1500 респондентов.

Основные методы сбора данных. Первичные социологические данные получены методом очного комбинированного опроса респондентов с использованием стандартизированной анкеты. В одних случаях опрос проводился

методом интервьюирования (как правило, пожилых респондентов с низким уровнем образования при адресной или маршрутной выборке). В других – методом анкетирования (при аудиторном опросе респондентов с относительно высоким уровнем образования).

Использование комбинированных процедур сбора информации и отбора респондентов было обусловлено факторами «доступности» респондентов (в среднем этот показатель не превышает 40%, что ставит под сомнение возможности использование других методов, так называемых, «правильных» процедур, которые абсолютизируют формальные приёмы и не учитывают новые реалии, связанные с отношением населения к массовым опросам).

Схема анализа информации. Группировка и анализ первичной социологической информации осуществлялся по программе статистической обработки SPSS/PC. В полученных распределительных матрицах (табуляграммах) представлены частотные и процентные распределения ответов как по строке (подлежащее), так и по столбцу (сказуемое), что позволило разносторонне оценить характер субъективно-объективных отношений и вычленить тот ракурс анализа, который в большей степени отвечает задачам исследования.

Культура безопасности в фокусе социологического исследования

Эмпирическую основу раздела составляют результаты общероссийского социологического исследования, проведённого в период 20–28 февраля 2002 г. в 10 регионах страны (Москва, Вятка, Ижевск, Краснодар, Воронеж, Омск, Калуга, Воркута, Екатеринбург, Иркутск). Метод сбора информации – раздаточная анкета. Отбор респондентов проводился среди взрослого населения методом квотной выборки со связанными параметрами (пол, возраст, род занятий). Всего опрошено 1577 респондентов, представляющих население России в целом. Фокус анализа был сосредоточен на сфере культуры безопасности личности. Индивидуальная культура безопасности рассматривалась одновременно и как часть, и как продукт или результат деятельности той общности, к которой индивид принадлежит.

В качестве индикаторов культуры безопасности использовались зафиксированные на эмоционально-оценочном, аксиологическом, когнитивно-установочном и вербально-поведенческом уровнях факты реального или потенциального реагирования личности на индивидуальные и социальные риски, возникающие в процессе жизнедеятельности и общественной практики. В частности, как отражение реакций на сложившуюся жизненную ситуацию, использовались индикаторы социальных фрустрации (внутренняя эмоциональная напряженность, угнетённость, чувство страха и др.), а также аксиологической значимости личной безопасности и спокойной жизни в общей структуре ценностных ориентаций личности.

Другими важными индикаторами культуры безопасности личности являлись представления респондентов об основных рисках и опасениях, стоящих перед со-

временным российским обществом, а также личная готовность респондентов отстаивать свои интересы, защищать права и свою безопасность, включая все основные формы её проявления и выражения. Совместно с перечисленными индикаторами анализу подвергались переменные, характеризующие основные объекты и субъекты социального напряжения и депривации личности (субъективного чувства недовольства своим настоящим).

Важное значение при этом отводилось переменным, фиксирующим отношение респондентов к институтам гражданского общества и органам власти, а также к тем действиям и мерам, которые они принимают для укрепления общественной безопасности и локализации социальных рисков. В ходе анализа использовались также переменные, отражающие мировоззренческие установки респондентов, уровень материального благосостояния, социально-демографические признаки. При обсчёте и анализе эмпирических данных применялись традиционные статистические процедуры, включая методы парных распределений признаков и установления связи между разными переменными.

Социальные фрустрации как показатели индивидуальных и социальных рисков

Важным признаком, характеризующим социальное самочувствие респондентов, является общий фон доминирующих настроений. Ответы на вопрос анкеты: «Какое у Вас преобладает настроение в последнее время?» выявили достаточно широкий спектр проявлений общих эмоциональных состояний респондентов. Как показало исследование, «очень хорошее приподнятое настроение» отметили у себя 5% опрошенных; «спокойное, уверенное» – 10%; «относительно нормальное» – 32%; «чувство некоторого беспокойства, неуверенности» – 26%; «эмоционального напряжения» – 12%; «чувство опасности, безысходности, страха» – 10% от общего числа респондентов. Определённая часть респондентов (6%) затруднилась оценить общий фон своих настроений за последнее время.

Полученные данные свидетельствуют о том, что по доминирующему фону социальных настроений респонденты разделились примерно на две равные части. Около половины обследованных россиян (47%) в эмоциональном плане не испытывают серьёзных беспокойств и дискомфорта, отмечая у себя в целом вполне уверенное и нормальное настроение. В то же время другая половина опрошенных (48%) характеризуется разного рода социальными фрустрациями – чувствуют неуверенность, испытывают страх, беспокойство, напряжение. Как показал дальнейший анализ, существует определённая зависимость фрустрационных настроений от социальной среды, в которой находится респондент, а также от масштабов индивидуальных и социальных рисков и опасностей, которые беспокоят людей в их повседневной жизнедеятельности и социальной практике. В частности, среди респондентов, которые пессимистически оценивают общую динамику развития социальной ситуации, считая, что

за последнее время проблем, опасностей и угроз, стоящих перед российским обществом стало значительно больше, доля лиц, характеризующаяся фрустрационными настроениями, примерно в два раза выше, чем в группе оптимистов, считающих, что рисков стало меньше (соответственно 54% и 26%). Та же тенденция проявляется и в отношении оценки индивидуальных рисков. При наблюдении динамики роста личных проблем, связанных с индивидуальными рисками, заметно усиливаются масштабы проявлений в обследованных средах социальных фрустрации. Так, например, среди респондентов, которым за последнее время приходится сталкиваться с большим числом проблем обеспечения своей безопасности, 28% постоянно испытывают беспокойство и неуверенность, 13% – эмоциональное напряжение и стресс, 14% – чувство опасности, страха, безысходности. В противоположной группе, которая отмечает динамику снижения за последнее время угроз своей безопасности, значение данных показателей, отражающих характер социальных фрустрации, составляет соответственно 15%, 7% и 3%.

Проведённый анализ зависимости фрустрационных настроений от социально-демографических признаков, материального положения, рода занятий а также, показателей, отображающих социальное положение респондентов, выявил следующие характерные особенности. В эмоциональном плане мужчины оказались более устойчивыми, чем женщины. Среди первых социальные фрустрации наблюдаются у 41%, в то время как среди вторых – уже у 54% от общей численности опрошенных в группе.

Наблюдаются определённые связи фрустрационных настроений с возрастом респондентов: чем он больше, тем сильнее проявляется беспокойство, неуверенность, чувство страха. Так, например, в возрастной группе «18–24 года», которая с точки зрения общего фона социальных настроений является наиболее благополучной, показатель социальных фрустрации составляет 34%, в то время как у самой неблагополучной в этом плане возрастной группы «50–59 лет» значение данного показателя находится на уровне 56%.

В других возрастных группах зафиксированы следующие значения показателей фрустрационных настроений:

«25–29 лет» – 35%;
«30–39 лет» – 43%;
«40–49 лет» – 55%;
«60 лет и старше» – 51%.

Анализ зависимости социальных фрустрации от уровня образования показал, что данная переменная не влияет на степень распространённости негативных социальных настроений. В разных группах, выделенных по образовательному уровню, сводные показатели социальных фрустрации находятся примерно на одном уровне (в пределах 45–49%). Однако определённая зависимость негативного фона социальных настроений от данной переменной всё же имеется: чем ниже уровень образования респондента, тем более острую и крайнюю форму приобретают сами социальные фрустрации. Например, если среди респондентов с низким и неполным средним образованием такую острую

форму социальной фрустрации, как преобладание чувства опасности, страха, безысходности отмечают 19%, то среди людей с высшим образованием на это указывают уже только 8%.

Анализ индикаторов социальных фрустрации в зависимости от рода занятий респондентов выявил следующее их суммарное значение в разных социальных средах, в том числе среди:

– руководителей и управляющих 22%;
– специалистов, занятых на производстве 42%;
– работников бюджетной сферы 49%;
– рабочих и служащих 50%;
– учащихся 33%;
– военнослужащих 32%;
– предпринимателей 44%;
– пенсионеров 53%;
– безработных 76%.

Наиболее острые формы социальных фрустрации выявлены среди безработных (27%), пенсионеров (13%), предпринимателей (11%). Именно в этих группах такие эмоциональные состояния, как страх, безысходность, ощущение жизненного тупика проявляются наиболее часто. Важное значение в формировании негативного фона социальных настроений имеет характер самоидентификации респондентом своего материального положения и социального статуса. Между этими переменными обнаружена самая тесная обратная зависимость: чем ниже показатели оценки своего социального статуса и уровня жизни, тем выше фиксируется распространённость социальных фрустраций (см. таблицу 8).

Как показывают приведённые данные, в группе респондентов «с крайне низкими доходами» общие показатели социальной фрустрации составляют 66%; с «низкими доходами» – 55%; с «доходами ниже среднего» – 51%; со «средними доходами» – 28%; с «доходами выше среднего» – 19%.

В целом показатели общего фона социальных настроений достигли критических значений. По критериям статистической значимости масштабы социальных фобий и стрессов уже переходят из разряда массового во всеобщее социальное явление. Такой переход свидетельствует о том, что Россия становится обществом тотального риска. В этих условиях в наиболее сложном положении оказались женщины, люди старших возрастных групп, безработные, пенсионеры, бюджетники, рабочие и служащие, имеющие крайне низкие и низкие доходы. Новые вызовы времени затронули в первую очередь эти, наименее защищённые слои населения. Показатели ключевых аспектов жизнедеятельности этих групп уже «зашкалили» за все критические параметры индивидуальных и социальных рисков. Высокий уровень социальных фрустраций подрывает фундаментальные основы общественной жизни, приводит к серьёзной деформации процессов социализации и идентификации личности, к эрозии нормативно-регулирующих социальных механизмов, что грозит социальной устойчивости и стабильности российского общества.

Таблица 8. **Зависимость доминирующего фона социальных настроений от характера социальной самоидентификации респондентов *(в % от общего числа опрошенных в группах)***

Относят себя к категории людей с...	*Преобладающее в последнее время настроение*						
	Очень хорошее, приподнятое	*Спокойное, уверенное*	*Относительно нормальное*	*Некоторое беспокойство, неуверенность*	*Эмоциональное напряжение*	*Чувство опасности, безысходности*	*Затруднялось ответить*
Крайне низкими доходами, ко торые едва «сводят концы с концами»	3	5	20	25	14	27	10
Низкими доходами, которым на всем приходится экономить	4	6	30	30	15	10	8
Доходами ниже среднего, которые не могут себе многого позволить	3	8	34	30	11	7	7
Со средними доходами, живущими не хуже других	8	20	39	16	7	5	7
С доходами выше среднего	16	40	26	5	11	3	–
Всего	5	10	31	26	12	10	8

Массовые представления о динамике и характере социальных угроз

В ходе исследования была выявлена тенденция ощущения респондентами постоянного роста масштабов индивидуальных и социальных рисков. По данным опроса, доля респондентов отметивших, что за последние два года многих проблем и беспокойств «стало больше», составила 59%. Тех, кто считает, что проблем и рисков «столько же, сколько и раньше» – 28%, а уверенных, что их «стало меньше» – 7%. Примерно такая же динамика наблюдается и в отношении оценок опрошенными масштабов опасностей и угроз, стоящих перед обществом:

57% – считают, что за последние годы опасностей и угроз «стало больше»;

26% – «столько же, сколько и раньше»;

7% – «стало меньше»;

10% – затруднились сделать определённые оценки.

Анализ показал, что субъективные ощущения роста масштабов индивидуальных рисков наблюдаются в наибольшей степени среди представителей возрастной группы «40–49 лет» (63%); лиц с начальным и неполным средним образованием (64%); безработных (72%); людей с крайне низкими доходами (78%). В наименьшей – среди возрастной группы «60 лет и старше» (54%); людей с высшим образованием (54%); руководителей и управляющих (44%); лиц, оценивающих свои доходы, как средние и выше среднего – (47%). Отчасти похожая тенденция выявлена в отношении оценки динамики общих социальных рисков. Самая высокая доля респондентов, считающая, что за последние годы проблем, опасностей и угроз, стоящих перед обществом стало значительно больше, наблюдается в следующей социальной среде: в возрастной группе «40–49 лет» (67%), среди людей со средним специальным образованием; предпринимателей и безработных (63%); имеющих крайне низкие доходы (70%). Самая низкая – наблюдается среди: возрастной группы «18–24 года» (48%); людей, имеющих общее среднее образование (53%); учащихся (43%); оценивающих свои доходы выше среднего (37%).

В ходе исследования были выявлены основные индивидуальные и социальные риски, которые беспокоят респондентов в наибольшей степени и зачастую являются главными объектами депривации, вызывающими субъективное чувство недовольства, по отношению к своему настоящему.

Как свидетельствует анализ распределений ответов респондентов на вопрос анкеты: «Какие проблемы беспокоят Вас лично в первую очередь?» россиян волнует широкий спектр разных сторон своей жизнедеятельности.

В том числе:

– страх за своё будущее, будущее своих детей – 55%;
– нужда, бедность, дороговизна жизни – 35%;
– угроза болезни – 32%;
– загрязнение окружающей среды, плохая экология – 24%;
– угроза жизни, здоровью, имуществу со стороны преступников – 22%;
– отсутствие жизненных перспектив – 19%;
– страх остаться без работы, отсутствие работы – 18%;
– плохие жилищные условия – 18%.

По данным опроса, только 8% респондентов не испытывают состояния депривации, считая, что в их жизни нет особых проблем и беспокойств. Данная категория людей, которые не испытывают особых беспокойств, наиболее широко представлена в возрастной группе «18–24 года» (14%); среди лиц, имеющих среднее общее образование (11%); среди руководителей и управляющих (17%); в категории людей со средними и выше средних доходами (17%). Анализ выявил высокую зависимость степени депривации личности от уровня образования, возраста, материального положения и рода занятий. Наиболее высокий уровень обеспокоенности жизненными проблемами и отсутствием перспектив их разрешения наблюдается в возрастной группе «60 лет и старше», среди лю-

дей с невысоким уровнем образования, пенсионеров, имеющих крайне низкие и низкие доходы. Далее, по степени выраженности депривации, следуют представители возрастной группы «40–49 лет», со средним специальным образованием, бюджетники, рабочие и служащие, имеющие доходы ниже среднего. Оценки респондентами характера основных социальных рисков и угроз, с которыми им приходится сталкиваться, как членам социума, фиксировался в исследовании с помощью вопроса: «Какие проблемы сегодняшней жизни являются, на Ваш взгляд, самыми опасными для нашего общества?

Ответы на данный вопрос распределились следующим образом (позиции проранжированы в зависимости от общего числа выборов):

– наркомания, алкоголизм – 58%;
– рост преступности и насилия – 45%;
– низкая продолжительность жизни и высокая смертность населения – 32%;
– цинизм, равнодушие, отказ от духовных ценностей народа – 31%;
– сильное расслоение общества на бедных и богатых – 28%;
– захват собственности в стране узким кругом людей – 24%;
– беспризорность и бездомность – 24%;
– пассивность населения, социальное иждивенчество и апатия – 13%;
– культ обогащения и силы – 13%;
– нарушение прав человека, зажим свободы слова – 10%;
– засилье массовой культуры – 4%;
– угроза фашизма, национализма, антисемитизма – 4%.

Как видно из приведённых выше данных в число ключевых угроз, затрагивающих основы выживания нашего общества, опрошенные ставят проблемы наркомании, преступности и высокой смертности россиян. Обеспокоенность данными проблемами носит массовый характер фактически во всех обследованных социальных группах. Это свидетельствует о том, что они приняли уже общенациональный характер. Среди значительной части опрошенных наблюдается высокая степень обеспокоенности возникновением новых социальных угроз, связанных с либеральной или квази-либеральной моделью общественного развития, которая реализовывалась последнее десятилетие. В числе новых угроз либерального развития России опрошенных в первую очередь беспокоит поляризация общества на бедных и богатых, отказ от духовных ценностей народа, несправедливость при разгосударствлении и приватизации общенародной собственности. Главным образом это опасности, связанные с капиталистическим путём развития Российского общества. Беспокоят представителей возрастных групп «50 лет и старше», лиц с высоким уровнем образования; бюджетников, а также рабочих и специалистов, занятых на производстве; категорию людей с низкими и крайне низкими доходами.

По своей классовой сути и мировоззренческой ориентации многие представители данной группы (обеспокоенных рисками капитализации и либерализации страны) относятся, скорее всего, к социалистам и государственникам, славянофилам, считая коллективные, и духовные начала устройства социаль-

ных отношений выше индивидуальных, материальных и либеральных ценностей. С другой стороны определённая часть респондентов, ориентированная в первую очередь на либеральные ценности, обеспокоена угрозами и опасностями реставрации тоталитарного режима со всеми вытекающими отсюда рисками – нарушением прав человека, зажимом свободы слова, социальной апатией и конформизмом. В наибольшей степени эти опасения проявляются в следующих социальных средах: в возрастных группах «18–29 лет» (17%); среди лиц, имеющих среднее общее или среднее специальное образование (12%); среди учащихся (15%) и предпринимателей (14%); людей, имеющих доходы выше среднего (24%).

Определённая часть опрошенных обеспокоена наступлением массовой культуры с её пропагандой культа обогащения и силы. Как показал анализ, в большей степени встревожены появлением этой социальной угрозы люди с высшим образованием (16%). Возраст, социальное положение, уровень материального достатка фактически не влияют на значение показателя данного риска.

Как показывают результаты исследования, индивидуальные и социальные риски в представлениях опрошенных тесно корреспондируются с их взглядами относительно основных угроз безопасности российского государства. Об этом в частности свидетельствуют данные, приведённые в таблице 9.

Таблица 9. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, больше всего угрожает безопасности российского государства?»** *(в % от числа опрошенных)*

Ранги угроз	*Характер угроз*	*Количественные показатели*
1	Коррупция и организованная преступность	63
2	Вооружённые конфликты, войны на территории России	45
3	Превращение России в сырьевой придаток развитых стран	39
4	Терроризм, политический радикализм и экстремизм	34
5	Природные и техногенные катастрофы	26
6	Межнациональные и этнические конфликты	18
7	Угроза сепаратизма и раскола государства	15
8	Возможность военного нападения извне	10
9	Массовые выступления населения, восстания бунты	4

Как показал анализ, такие угрозы как терроризм, природные и техногенные катастрофы волнуют в большей степени молодёжь, чем представителей средних и старших возрастных групп. Угрозы превращения России в сырьевой придаток Запада, вооружённые конфликты, коррупция и организованная преступность в большей степени волнуют представителей средних возрастных групп. Угрозы сепаратизма и раскола государства, массовых выступлений и

восстаний населения, а также межнациональных конфликтов, в большей мере, чем других, волнуют и беспокоят представителей старших возрастных групп. Исходя из этого факта, можно предположить, что в ощущении рисков и угроз существуют определённые исторические пласты, связанные с особенностями той или иной эпохи и времени, когда они привносились в массовое сознание. Хотя эти рискогенные пласты имеют определённую диффузию в обществе, тем не менее, они достаточно отчётливо просматриваются и являются своеобразной приметой того времени, в которое происходило становление мировоззрения людей, представляющих разные возрастные когорты.

Идеологемы массового сознания о причинах возникновения социальных рисков и национальных угроз

В целях определения данных характеристик культуры безопасности респондентам был задан вопрос: «В чём Вам видятся основные причины тех проблем и опасностей, с которыми столкнулось наше общество и государство?»

Ранжированный ряд ответов выявил распространённость следующих мировоззренческих представлений по данному вопросу:

– бюрократизация государства и разложение чиновничьего аппарата – 56%;

– недоверие населения и власти – 51%;

– потеря Россией статуса великой державы и лидирующего места в мире – 44%;

– экономическая и технологическая отсталость России – 35%;

– деградация образования, науки, культуры – 34%;

– долговая зависимость от мирового капитала – 32%;

– отсутствие ясной политики и чёткой стратегии развития государства – 30%;

– навязывание России со стороны США своего пути развития и стандартов жизни – 28%;

– вырождение русской нации – 26%;

– отсутствие общенациональной идеи – 24%;

– снижение регулирующей роли государства и общества – 23%.

Эти представления можно свести в следующие три основных блока:

1. Кризис власти и управления (среднее значение показателей, сведённых в единый индекс, составляет – 35%).

2. Потеря российским обществом смысловых координат своего развития и уход на периферию мирового процесса (среднее значение индекса – 31%).

3. Гегемонистская политика США и их стремление к мировому господству (среднее значение индекса по блоку показателей – 30%).

Таким образом, при перевзвешивании значений показателей в общей модели объяснения причин основных угроз национальной безопасности, в интегрированном виде «вес» каждого из этих факторов является достаточно существенным и равно положенным. В рамках данной модели, которая представля-

ет собой «ось главных опасностей», в зависимости от смещения центра тяжести в сторону той или иной угрозы, расположенной на этой оси, выделяются три типа основных мировоззренческих представлений.

Первый тип – выделяет в качестве основной угрозы России кризис власти и управления.

Второй тип – утрату обществом основных ориентиров и приоритетов развития.

Третий тип – угрозу со стороны США.

По существу данная модель является ключом к пониманию идеологической компоненты культуры общественной безопасности, отвечающей за объяснение сущностных причин стратегических рисков. Как показал дальнейший анализ, представители ***первого типа*** мировоззренческих представлений («критики власти») имеют наибольшую диффузию (рассеянность) в следующих социальных средах: в средних и старших возрастных группах; среди лиц со средним специальным образованием; среди безработных; пенсионеров; рабочих и специалистов, занятых на производстве; среди лиц с крайне низкими и низкими доходами.

Второго типа («виновато само общество») – среди представителей молодёжи и людей среднего возраста; лиц с высшим и неоконченным высшим образованием; занятых в бюджетной сфере; предпринимателей и учащихся; относящих себя к категории лиц со средними доходами.

Третьего типа («антиглобалисты») – среди представителей возрастной группы «50–59 лет»; лиц с начальным, неполным средним и средним общим образованием; рабочих и военнослужащих; среди людей с доходами ниже среднего уровня.

Таким образом, выявлена тенденция формирования в разных социальных средах, по существу, трёх отличных друг от друга парадигм общественной безопасности, в рамках координат которых выстраиваются все другие элементы субкультуры общественной безопасности.

Общественные представления об основных субъектах социальных и национальных угроз

Для конкретизации социального образа субъектов рисков и опасностей респондентам был задан вопрос: «Кого Вы чаще всего вините за трудности и проблемы, с которыми приходится сталкиваться нашему обществу и государству?» Распределение ответов респондентов по позициям данного вопроса фиксирует следующую «виновность» разных социальных субъектов:

– *чиновников–бюрократов* – обвиняют 54%, что по критериям статистической значимости является всеобщим социальным явлением;

– *нынешнюю власть* – 49% («массовое явление, переходящее в разряд всеобщего»);

– *уголовный мир, криминалитет* – 47% («массовое явление, переходящее в разряд всеобщего»);

– *олигархов* – 40% («массовое социальное явление»);

– *демократов* – 18% («устойчивое социальное явление, приближающееся к разряду массового»);

– *США и НАТО* – 17% («устойчивое социальное явление»);

– *советскую власть* – 16% («устойчивое социальное явление»);

– *коммунистов* – 14% («устойчивое социальное явление»);

– *религиозных экстремистов* – 13% («устойчивое социальное явление»);

– *народ* – 10% («устойчивое социальное явление»);

– *журналистов* – 8% («случайное социальное явление, переходящее в разряд устойчивого»);

– *либералов* – 7% («случайное социальное явление, переходящее в разряд устойчивого»);

– *молодёжь* – 5% («случайное социальное явление»);

– *национал–патриотов* – 4% («случайное социальное явление»);

– *атеистов* – 3% («случайное социальное явление»);

– *людей старшего поколения* – 3% («случайное социальное явление»).

Определённая часть опрошенных (15%) отметила, что никого не винят. Как видно из вышеприведённых распределений, выявленные ранее тенденции и характеристики массового сознания нашли в ответах на данный вопрос своё дальнейшее подтверждение, конкретизацию и уточнение. Отмечается высокое единство и общность взглядов респондентов относительно главных виновников трудностей и проблем современного российского общества, а именно, нынешней власти, криминального мира и олигархов. Фактически всеобщее признание данных групп–влияния главными субъектами угроз национальной безопасности России по существу подтверждает серьёзную опасность срастания власти, криминала и крупного бизнеса. Вера в существование этой внутренней оси угроз национальной безопасности идейно консолидирует значительную часть опрошенных россиян. В то же время, помимо общих характеристик массового сознания, проявляются некоторые его особенности, которые разводят людей по разным полюсам мировоззренческих представлений, мешая консолидироваться на основе единых позиций и стремлений. Как правило, эти особенности проявляются в наборе, так называемых, дополнительных «страшилок».

Остановимся на двух главных из них: «коммунистах» и «демократах». Данная ось противостояния и противопоставления в значительной степени продолжает раскалывать массовое сознание и мешает формированию единой культуры безопасности общества. Для того чтобы определить основную социальную базу этих представлений, остановимся боле подробно на анализе групп, классифицированных по антикоммунистическим и антидемократическим социальным фобиям. Анализ данных социологического опроса показал, что обвинения коммунистов в трудностях и проблемах, с которыми приходится сталкиваться российскому обществу, имеет наиболее широкое распространение в следующих социальных средах:

– среди лиц с начальным и неполным средним образованием, независимо от возраста (19%);

– среди предпринимателей (27%);

– людей, относящих себя к категории лиц с доходами выше среднего (32%).

Обвинения демократов в проблемах, стоящих перед страной в большей степени проявляются в следующих социальных группах:

– среди представителей возрастной когорты «60 лет и старше» (27%);

– лиц, имеющих низкий уровень образования (30%);

– пенсионеров (25%);

– рабочих и служащих (20%);

– респондентов, принадлежащих к категории людей с крайне низкими и низкими доходами (соответственно 21% и 20%).

Оценка роли государственных органов и институтов гражданского общества в локализации социальных угроз

Как свидетельствуют данные проведённого исследования отношение респондентов к органам власти и управления, а также, к институтам гражданского общества во многом определяется их неспособностью адекватно и своевременно ответить на возникающие вызовы, стратегические риски и угрозы национальной безопасности российского государства и общества. Именно поэтому, в ходе опроса были зафиксированы крайне низкие оценки доверия практически ко всем органам государственной власти, а также к общественным и неправительственным организациям. Исключение составляет ещё относительно высокий рейтинг доверия населения к Президенту России, который составляет 38%. Фактически, в общественном мнении, Президент остаётся единственным гарантом безопасности России.

Напомним, что критические значения показателей доверия населения к органам власти, принятые в политических науках и социологии, составляют 25%, и когда их значения опускаются за эту пороговую отметку, фиксируется состояние кризиса власти.

Поэтому, если исходить из этих критериев, показатели доверия населения другим органам власти – «зашкаливают» за все критические границы дозволенных параметров. Об этом говорят полученные в ходе исследования данные. Рейтинги доверия населения к следующим государственным структурам, ответственным за безопасность страны и общества выглядят следующим образом:

- Армия 11%;
- Федеральная служба безопасности 10%;
- Правительство 8%;
- Милиция и органы МВД 6%;
- Суд, прокуратура 6%;
- Государственные СМИ 4%;
- Госдума 3%;
- Совет Федерации 3%.

В то же время никому не доверяют – 52% от общего числа респондентов.

Фактически больше половины опрошенных, как показало исследование, находятся в состоянии полной отчуждённости от всех институтов политической власти, что свидетельствует о глубоком политическом кризисе общества. В наибольшей степени данная отчуждённость проявляется среди представителей возрастной группы «25–29 лет» (59%); лиц, имеющих высшее образование (54%); специалистов, занятых на производстве (59%), а также рабочих и служащих (58%); лиц, относящих себя к категории людей с крайне низкими доходами (65%). Подобный кризис доверия наблюдается и в отношении институтов гражданского общества, зарождающихся в России. Учитывая тот факт, что реальная роль этих институтов в условиях современной России значительно ниже органов власти и государственного управления, критический порог, свидетельствующий о кризисе, можно опустить до 15%. Отношение респондентов к традиционным российским институтам и новым институтам гражданского общества приводятся в таблице 10.

Таблица 10. **«Каким общественным силам Вы доверяете в наибольшей степени?»** *(в % от общего числа опрошенных)*

Русской православной церкви	23
Независимым СМИ	17
Правозащитным организациям	12
Благотворительным организациям	10
Политическим партиям левой ориентации	8
Политическим партиям правой ориентации	7
Другим неправительственным общественным союзам и объединениям	4
Другим религиозным объединениям и конфессиям	1
Никому не доверяю	48

Как видно из приведённых выше данных, только Русской православной церкви и независимым СМИ опрошенные оказывают определённое доверие, которое ещё не опустилось до критических параметров социального отчуждения. Согласно проведённому анализу, доверие к русской православной церкви в большей степени распространено среди возрастной группы «30–39 лет» (29%), а также «60 лет и старше» (28%); лиц с начальным и неполным средним образованием (31%); среди предпринимателей, безработных и пенсионеров (соответственно 33%; 30% и 28%); среди людей со средними доходами (25%).

Доверие к независимым СМИ в наибольшей степени проявляется в возрастной группе «25–29 лет» (25%); среди обладателей высшего образования (21%); учащихся, руководителей и работников бюджетной сферы (соответственно 25%, 23% и 21%); среди людей со средними и выше среднего доходами (соответственно 19% и 21%). Можно сказать, что в гражданском обществе безопасность личности держится, в определённом смысле, на двух социальных опорах – РПЦ и независимые СМИ, которые выполняют определённую защитную и компенсаторскую функцию в становлении культуры безопасности общества.

Основные типы культуры безопасности и их социальная обусловленность

Классификация основных типов культуры безопасности опиралась в исследовании на показатели, фиксирующие установки и поведенческие реакции респондентов, выраженные на вербальном уровне, в отношении локализации социальных рисков и противостояния индивидуальным угрозам. Основными эмпирическими индикаторами данной культуры на уровне социальных ожиданий являлись требования соблюдения от всех граждан законов; ужесточения ответственности и наказания; отмена моратория на смертную казнь; соблюдение прав человека и др. На уровне поведенческих реакций, такими индикаторами выступали показатели вербальной готовности респондентов разными способами и средствами отстаивать свою безопасность и защищать свои права, вплоть до участия в протестных действиях и вооружённой борьбе. Отвечая на вопросы анкеты, «Какие меры, на Ваш взгляд, необходимо предпринять для того, чтобы жизнь в стране стала более безопасной?», респонденты, по сути, выразили свои основные социальные экспектации. Их «социальный набор» сводится к следующим ожиданиям:

– требовать от всех соблюдения законности и порядка – 57%;

– строго соблюдать права человека и принципы правового государства – 52%;

– укреплять дисциплину во всех сферах жизнедеятельности общества – 51%;

– ужесточить ответственность и репрессивные меры за покушение на жизнь и имущество людей – 45%;

– отменить мораторий на смертную казнь – 27%;

– шире пропагандировать идеи ненасилия и гуманизма – 11%;

– ужесточить ответственность за пренебрежение интересами государства – 10%.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что культура безопасности российского общества в XXI веке является сплавом трёх основных принципов. Во-первых, законности и порядка, во-вторых, уважения человека и его естественных прав и интересов, в-третьих, строгой ответственности и жёсткого наказания преступников, посягающих на жизнь и имущество людей. Данные принципы являются, с одной стороны, отражением общецивилизационного культурного процесса. С другой, – выражением особенностей российской традиции и ментальности народа. Как свидетельствуют данные, фиксирующие отношение респондентов к мораторию на смертную казнь, мифологемы о «кровожадности» россиян явно преувеличивают реальные масштабы данных социальных черт и характеристик. Для анализа выделим три основные субкультурные группы респондентов, и посмотрим, какое распределение они имеют в разных социальных средах.

Для начала отметим, что когерентность этих основных принципов, заложенных в социальную культуру безопасности, находятся на низком уровне, т. е. другими словами, принцип «ужесточения ответственности» может в инди-

видуальном сознании благополучно сосуществовать с требованием «ненасилия и гуманизма», а идея «соблюдения прав человека» – с позицией «отмена моратория на смертную казнь». Более того, не единичны случаи сочетания «ненасилия» с требованием смертной казни. Это объясняется влиянием общественной среды в тот или иной период времени. В России этот вектор влияния менялся достаточно часто в зависимости от эпохи. Поэтому социальные особенности ключевых социальных групп будут представлять несомненный интерес для исследователей.

Остановимся более подробно на этих особенностях.

1. «Выступающие за законность и единый для всех порядок». Самая большая диффузия данной группы наблюдается: в возрастных категориях «40–49 лет», «60 лет и старше» (60%); среди людей, имеющих высшее образование (62%); занятых в бюджетный сфере и военнослужащих (соответственно 62% и 60%); среди людей, имеющих низкие доходы (60%).

2. «Призывающие к соблюдению прав человека». Наиболее широко представлены среди: женщин (54%); возрастных групп «30–39 лет», «40–49 лет» (соответственно 58% и 59%); среди людей, имеющих среднее специальное и высшее образование; безработных и бюджетников (соответственно 63% и 58%); людей, имеющих разные доходы.

3. «Требующие ужесточения ответственности и репрессивных мер». Эта группа имеет наибольшие масштабы распространения среди: возрастной группы «50–59 лет»; людей, имеющих начальное и неполное среднее образование (52%); предпринимателей (63%); пенсионеров (49%); рабочих и служащих (48%); лиц, имеющих доходы ниже среднего уровня.

Рассмотрим теперь ответы респондентов на вопрос анкеты: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов и своей безопасности?». Распределение ответов в зависимости от возраста респондентов, который данном случае является ключевым фактором, приведены в таблице 11.

Как видно из данных, приведённых в таблице, молодёжь, в плане отстаивания своих прав и защиты безопасности, проявляет несколько большую активность, чем люди старших возрастных групп. Причём для первых более характерна реализация своих интересов через институты гражданского общества. Для вторых – через государственные структуры.

Взаимосвязь общественной ментальности и культуры безопасности общества

Характеристики общественной ментальности, отражающие сущностные черты умонастроений людей и общий строй их мыслей и сознания, фиксировались с помощью следующих индикаторов – суждений:

– «интересы государства, нации выше, чем интересы отдельно взятого человека» (так считают 37%);

– «интересы личности, её права важнее интересов государства и нации» (50%);

Таблица 11. **Готовность разных возрастных групп респондентов отстаивать интересы своей безопасности**
(в % от числа опрошенных в группе)

«Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов и своей безопасности?»	*В целом по массиву*	*В том числе в возрастных группах*					
		18–24 года	*25–29 лет*	*30–39 лет*	*40–49 лет*	*50–59 лет*	*60 лет и старше*
Мои интересы защищены, мне ничего не угрожает	4	6	2	3	2	4	7
Обращусь в общественные и правозащитные организации	11	12	10	15	15	7	9
Обращусь к властям, в суд, в милицию	33	29	32	35	32	29	39
Обращусь к друзьям, знакомым, родственникам	29	39	40	30	30	26	18
Обращусь к частным охранным структурам	5	9	6	5	3	4	3
Обращусь к криминальным авторитетам	3	5	4	3	3	3	1
Буду лично отстаивать свои права	18	15	17	18	16	18	23
Возьмусь за оружие	10	10	9	11	13	11	6
Ничего не буду делать	6	2	2	3	4	10	10

– «духовное важнее материального» (42%);

– «материальное важнее духовного» (38%);

– «в жизни общества более важным является свобода и независимость» (31%);

– «в жизни общества более важным является справедливость и равноправие» (67%);

– «лучше оправдать преступника, чем осудить невиновного» (51%);

– «лучше осудить невиновного, чем оправдать преступника» (14%).

На основе этих индикаторов выстраивалась следующая структура общественной ментальности российского общества, представляющая собой сплав и историческую взаимосвязь таких зачастую противоположных социальных качеств как:

– коллективизм (соборность) и индивидуализм;

– духовность и прагматизм;

– тяга к свободе и независимости наряду со стремлением к справедливости и равноправию;

– гуманизм и оправданная жестокость.

Социальная обусловленность этих качеств показана в таблице 12.

Таблица 12. **Социальный и социально-демографический срез основных качеств общественной ментальности** *(в % от общего числа опрошенных в группе)*

Социально-демографические группы, выделенные по:	Основные черты ментальности общества							
	«коллективизм» (госуд-рственность)	«индивидуализм»	«духовность»	«прагматизм» (либерализм)	«свободолюбие и независимость»	«тяга к справедливости и равноправию»	«гуманизм»	«оправданная жестокость»
полу:								
мужчины	39	49	41	42	35	61	51	17
женщины	34	50	45	36	27	71	51	11
возрасту:								
18–24 года	30	57	45	38	41	56	54	20
25–29 лет	31	52	38	41	44	52	49	13
30–39 лет	30	57	42	37	36	62	56	14
40–49 лет	31	53	38	36	24	73	49	9
50–59 лет	43	42	41	41	25	71	49	10
60 лет и старше	50	41	49	38	21	76	48	20
образованию:								
начальное и неполн. среднее	44	35	33	55	22	71	52	18
Среднее общее	39	49	41	43	32	65	51	18
Среднее специальное	38	49	37	43	29	69	51	13
Высшее, неоконч. высшее	32	54	50	30	32	64	51	12
Доходам:								
Крайне низкие	38	50	31	51	21	76	48	16
Низкие	36	50	42	37	26	70	48	14
ниже среднего	37	49	45	36	31	67	51	12
средние	38	50	44	38	39	57	52	18
выше среднего	26	58	42	32	55	45	68	21
Всего	27	50	42	38	31	67	51	14

Как свидетельствуют вышеприведённые данные, типы ментальности во многом опосредованы средой жизнедеятельности респондентов и теми влияниями, которые оказывались на них в разные периоды времени, в котором они жили. Например, такое качество, как «государственность» и «коллективизм» более выражено в старших возрастных группах. Чувство индивидуализма, наоборот, сильнее проявляется в молодёжной среде и среди людей, имеющих высшее образование. «Духовность» сильнее выражена в социальных группах с высоким образовательным уровнем. «Прагматизм и материализм» – среди людей с начальным и неполным средним образованием, людей, имеющих крайне низкие доходы. «Свободолюбие и независимость» чаще проявляются среди мужчин возрастной группы до 39 лет, а также людей с более высокими уровнями дохода. «Тяга к справедливости и равноправию» более выражена среди женщин, людей, старше 40 лет, а также среди тех, кто имеет крайне низкие и низкие доходы. «Гуманизм» примерно в равной степени проявляется во всех обследованных социальных сферах. В то же время «оправданная жестокость» сильнее проявляется среди мужчин, молодёжи, людей с невысоким образовательным уровнем. Также, в ходе исследования, выявлена некоторая связь между характером ментальности респондента и типом его культуры безопасности. В частности, ценность «личная безопасность» несколько сильнее выражена среди «индивидуалистов», чем «коллективистов», а также сторонников приоритета «свободы и независимости» над «равноправием и справедливостью». В то же время, ориентация на такую ценностную позицию, как «тихая и спокойная жизнь» сильнее проявляется среди «материалистов» по сравнению с «идеалистами», а также среди сторонников «справедливости и равноправия» (17% против 10% среди сторонников «свободы и независимости»).

Анализ выявил определённую связь разных субкультур безопасности с определёнными чертами менталитета респондентов. Субкультура безопасности, требующая ужесточения ответственности за преступления, как показал опрос, примерно в одинаковой степени распространена среди «идеалистов» и «материалистов», «коллективистов» и «индивидуалистов», приверженцев «свободы» и «равноправия». Принцип «соблюдения прав человека» имеет большую диффузию среди «индивидуалистов», «свободолюбцев», «гуманистов». Социальные ожидания «отмены моратория на смертную казнь» сильнее проявляются среди «сторонников оправданной жестокости», «государственников», «приверженцев равноправия и справедливости».

В целом же, как отмечалось выше, культура безопасности и менталитет российского общества являются достаточно сложными и противоречивыми духовно-идеологическими и нормативно-регулятивными системами социальной жизни, обладающими достаточно низким уровнем когерентности многих составляющих характеристик основных своих феноменов. Во многом это обусловлено пересечением разных векторов цивилизационного влияния, на перекрёстках которых находится российское общество, а также разными смысловыми пластами и координатами исторического развития страны за последние десятилетия.

* * *

Результаты проведённого исследования подтверждают гипотезу о том, что в настоящее время россияне живут в обществе «тотального риска». Анализ показал, что это вызвало серьёзные негативные последствия. Серьёзно затронуты процессы социализации и идентификации разных групп. Отмечены опасные деформации нравственного уклада жизни и базисных основ социальных отношений. Социальное поведение во многом носит реактивный и защитный характер. Это привело к ослаблению нормативно-регулятивных поведенческих механизмов. Социальные организации не справляются со своими защитными функциями. Проявляется рост отчуждённости населения от власти и тех институтов гражданского общества, которые были созданы «сверху» либо «извне». По многим показателям параметры социальных фрустраций и депривaций достигли критических значений. Наблюдается усиление социальной напряжённости. Заметен рост экстремизма и крайних форм проявления социального протеста.

Как показал опрос, несмотря на тотальные масштабы социальных угроз, культура безопасности общества остаётся на уровне явно не отвечающем современным реалиям и новым экзогенным и эндогенным вызовам. Основные структурные элементы культуры безопасности имеют низкий уровень когерентности. Это противоречит объективным требованиям дня. В условиях обострения политической и социально-экономической ситуации для повышения устойчивости развития общества уровень внутренней согласованности системы убеждений должен возрастать.

Личностные аттитюды и социальные экспектации носят противоречивый характер. Ментальность общества представляет собой наслоение разных исторических и цивилизационных пластов социального времени и социального пространства. То обстоятельство, что россияне находятся на пересечении координат многовекторного общемирового процесса в силу своей исторической миссии буфера между Западом и Востоком, привело к особому складу умонастроений общества, что не могло не отразиться и на культуре безопасности. Естественноисторическое развитие процесса становления культуры по этой причине, навряд ли исправит ситуацию. Явно требуется целенаправленная государственная политика в гуманитарной сфере, которая поможет переломить отмеченные негативные тенденции.

Содействие выработке научных основ данной политики является центральной задачей социологии культуры.

Необходимо отметить, что проведённый анализ не является исчерпывающим и не претендует на научную завершённость.

Возможные направления эволюции массовой культуры безопасности во многом связаны с общим вектором развития политических и социально-экономических процессов в стране.

В этих условиях актуальной для социальной практики является задача согласования культурологических процессов, протекающих в различных социальных сферах с выбранной стратегической альтернативой развития общества.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете смысл движения от феномена «безопасность» к «культуре безопасности»?
2. В чём преемственность культуры Мира и культуры безопасности?
3. Почему методологическим и теоретическим основанием социологии безопасности, культуры безопасности признаётся геокультура?
4. В чём, по Вашему мнению, значение социологического исследования теоретических оснований культуры безопасности?
5. Зачем рассматривать культуру безопасности через культуру компромисса?

Литература

Кузнецов В.Н. К единению народов России через культуру компромисса: Послание самим себе как Повестка Дня для России 2007–2017 годов. М., 2007.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века. М., 2006.

Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006.

Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М., 2006.

Бойков В. Народ и власть. М., 2006.

Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М., 2005.

Кузнецов В.Н. Культура безопасности современного российского общества. М., 2002.

Глава 11

Статус социологии безопасности в современном научном знании

Считаю возможным утверждать, что уже в первых двух разделах учебного пособия обозначились конкретные научные результаты.

1. *Ядром общей теории безопасности России XXI века, на взгляд автора, является предотвращение опасностей, угроз, рисков, вызовов целям, идеалам, ценностям человека семьи и общества; смыслу их жизни, российской мечте, исторической памяти и культуре патриотизма.*

Актуальным направлением научного дискурса становится весьма значительное несоответствие такого подхода практически всем действующим законам Российской Федерации о сущности безопасности (1992–2007 гг.), в которых за концептуальную основу и в определении ключевых категорий (т. е. методология и теория общей безопасности России в XXI веке) принимаются базовые интересы личности, общества и государства.

Именно в таком контексте написаны практически все диссертационные работы, большинство научных статей, монографий и учебников.

2. *Автор впервые представил исследование взаимосвязи и взаимообусловленности целей, идеалов, ценностей с содержанием смысла жизни, мечты, исторической памяти и культуры патриотизма. Ключевая роль в таком взаимодействии принадлежит общенациональной цели, главным целям человека, семьи и общества.*

Суть дискуссии – в наличии самой идеи, её восприятии и укоренённости. Достаточно значительное количество репрезентативных социологических исследований в России за 1992–2007 голы не показывают в своих итогах чёткое и устойчивое наличие такой цели, наличия смысла жизни и конструктивной мечты у многих респондентов.

3. *В первых главах обоснована интегрирующая роль опасности в генезисе, существовании и динамике самого феномена безопасности и роль страха как основного индикатора дуальной оппозиции опасности – безопасности.*

Предметом дискуссии является природа и механизм воздействия опасности – страха на масштабно-временные характеристики содержания и связей конгломератов: цель – смысл жизни; идеал – мечта; ценности – историческая память, культура патриотизма.

*4. **Важным научным результатом** я считаю возможным назвать оформление методологического ядра концепции социологии безопасности.*

5. Я считаю, что в этой части учебного пособия уже представлен актуальный и востребованный результат исследований: **в рамках новой институционализации в становлении социологии безопасности, в её движении к культуре безопасности, к геокультуре, сложились необходимые и достаточные методологические и теоретические основы для создания новой концепции безопасности России XXI века, новой международной (глобальной) безопасности для реальности современной цивилизации.**

Предметом дискуссии могут быть, на мой взгляд, такие аспекты:

– неубедительность любых попыток создать новую социологию безопасности без преимущественной опоры на потенциал геоэкономики и геокультуры;

– неготовность мирового сообщества, его гуманитарной науки перейти от культуры реагирования (вызов – ответ, риск – ответ, угроза – ответ, опасность – ответ) к культуре предотвращения;

– отсутствие мотивации у специалистов по гуманитарным проблемам безопасности ориентировать содержательный каркас новой теории безопасности XXI века на обеспечение благополучия и безопасности людей, их семей, народов России; на достижение каждым человеком справедливости и счастья.

Таким образом, реальное функционирование специфического социологического научного дискурса по проблемам безопасности можно считать доказанным. Это и научный результат, и путь к обоснованию научного статуса социологии безопасности.

Полагаю, что мне удалось в основном, получить значимый научный результат: есть основание считать социологию безопасности самостоятельной и оригинальной научной методологией, важной научной теорией с эксклюзивной технологией (высокие гуманитарные технологии), с динамичным и

эффективным механизмом (взаимодействием мира и безопасности со средой в процессе институционализации).

Считаю возможным обосновать тезис, что новый геокультурный подход реально содействует человеку, семье, народам, современной цивилизации в формировании актуального мировоззрения, основанного на достойных и динамичных целях, идеалах, ценностях и интересах. Впервые в новейшей истории в рамках научной концепции удалось добиться оптимального сочетания стремления человека к счастью, благополучию и безопасности в приемлемой и понятной гармонии с ответственностью, терпимостью, патриотизмом на основе устойчивого и уважительного диалога в координатах, масштабе и времени культуры и географии.

Впервые на концептуальном уровне удалось продвинуться от культуры реагирования (вызов – ответ, угроза – ответ, опасность – ответ, риск – ответ) к культуре предотвращения. Это позволяет на операциональном уровне с приемлемым уровнем эффективности и оптимальными затратами в допустимое время перейти к мониторингу вызовов, угроз, опасностей и рисков для целей, идеалов, ценностей и интересов с последующим управлением ими, доведения вызовов, угроз, опасностей и рисков до приемлемого уровня.

Оправданным и ожидаемым может быть сформулирован вопрос об устойчивости, необходимой и достаточной, совокупности научных категорий социологии безопасности, их исключительности для объекта и предметного поля культуры безопасности, геокультуры.

На основании представленных итогов исследований автора учебного пособия проблем социологии безопасности, культуры безопасности может быть представлена такая последовательность аргументов для научного дискурса.

Субстанциональной определённостью социологии безопасности является социальная деятельность по защите и обеспечению достижения людьми, обществом, государством своих целей, идеалов, ценностей и интересов.

Область исследований включает изучение отношений между людьми, между людьми и общественными институтами по поводу проблем жизнеобеспечения. Речь идёт о сохранении жизни, достижения благополучия, сбережения своей ментальности, национальной культуры и языка. Предметное поле геокультуры включает анализ изменений основных институтов и процессов, обеспечивающих безопасность в разных сферах общественной жизнедеятельности.

Структура предмета ориентирована на анализ таких вопросов: отношений между людьми в процессе деятельности по обеспечению безопасности; выявление тенденций и определение адекватности реагирования на формирующиеся и состоявшиеся риски, вызовы, угрозы и опасности; выявление особенностей в динамике функционирования институтов безопасности как государственных, так и негосударственных, характера их взаимодействия и вероятных перспектив их трансформации с учётом изменений внутренней и внешней среды.

Феномен «социология безопасности» может стать реальной основой приращения нового гуманитарного знания, способом достижения общественного согласия, динамичным институтом обеспечения понимания и восприятия но-

вого научного мировоззрения XXI века. Как сфера научных исследований, как образовательный феномен социология безопасности может способствовать новому гуманитарному синтезу XXI века в интересах диалога людей и народов, государств и цивилизаций. Социология может раскрыть свои важные инновационные и созидающие стороны.

Прежде всего, целесообразно отметить высокую степень подтверждения того обстоятельства, что сформулированная нами научная проблема о преобразовании исходной парадигмы безопасности через угрозы интересам, получила значительное подтверждение: согласно итогам наших четырёх социологических исследований именно вызовы, угрозы и опасности целям, идеалам, ценностям обусловливают реальность предметного поля изучения безопасности как актуальнейшего феномена трансформирующейся России.

Представляется возможным сформулировать ряд соображений.

Прежде всего, отметим, что процесс институционализации органично соединил в целостную совокупность: кооперативное взаимодействие; целерациональное действие; свободу в позитивном контексте и ответственность как желательную необходимую ценность; доверие и согласие; обязательность заботы о безопасности другого; безусловное подчинение закону. Таким образом, мы имеем реальную основу создания идеальных типов (в смысле М. Вебера) основных институтов общества; основных институтов обеспечения безопасности человека, семьи, общества, государства, современной цивилизации. В итоге гуманитарная наука, социология, прежде всего, обретает конкретные условия для исследования самого широкого спектра институциональной динамики, т. е. перемен в состоянии безопасности институтов.

Во-вторых, уже сама острота дискуссии в российском обществе в 2000–2007 годах по вопросам методологии развития России; целям, субъектам и объектам развития; ресурсам развития, темпам и предполагаемым результатам на этой стадии анализа позволяют, на мой взгляд, перейти от понятия «безопасность через развитие» к понятию «безопасность через компромисс».

Всё вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: *институционализация процесса анализа и обеспечения безопасности действительно оформляет фундаментальные основы для становления социологии безопасности, культуры безопасности, геокультуры как фундаментальной научной дисциплины.*

Перспективы, учитывающие возможности сетевого подхода, наиболее полно подтвердились в результатах анализа. Действительно широкое развитие сети неправительственных объединений (НПО) как «третьего сектора» придаёт новое позитивное качество взаимодействию людей между собой, с властными структурами, с бизнесом. Полагаю, что представленные рассуждения подкрепляют итоговый тезис о том, что *сетевой подход, сетевая методология способны обогатить изучение проблем геокультуры качественно новым информационным подходом, доказательными технологиями участия самого человека в обеспечении своей безопасности и безопасности другого человека.*

Вместе с тем, здесь много проблем нуждается в обстоятельном анализе и, прежде всего, речь идёт о таких феноменах, как «диалог между цивилизация-

ми», «культура мира». Их опыт находится на исходной стадии гуманитарного анализа.

Строительство и обновление всех основных звеньев безопасности человека и современной цивилизации предполагает, прежде всего, значительный интеллектуальный этап. Здесь идёт непрерывная работа по формированию новой локальной и новой глобальной безопасности для народов Азии, Европы и других континентов.

В этой деятельности появились новые элементы и процедуры. Известны содержание и взвешенная оценка Президента Российской Федерации Владимира Путина по поводу войны в Ираке (март–апрель 2003 года): это серьёзная политическая ошибка США. Газета «Известия» (издаётся в Москве, Россия) 11 апреля 2003 года опубликовала статью директора российских и азиатских программ Центра оборонной информации США Николая Злобина (Вашингтон). И что характерно, деловито поучая руководителя суверенной страны, он всё же говорит только об интересах. Сам выбор слов: – «*Н. Злобин имеет в виду изложение позиции В. Путина по войне в Ираке, которую он назвал политической ошибкой,* – "Россия не заинтересована в поражении Соединенных Штатов", произвели в Вашингтоне неприятное впечатление. Общественное мнение здесь сошлось в том, – *это уже социологический подход* – что, заняв враждебную США позицию и солидаризировавшись с антиамериканскими силами внутри страны, Путин, как выражаются американцы, выстрелил сам себе в ногу, подставив ради своей популярности под удар долгосрочные национальные интересы. Начавшееся снижение антиамериканской истерии в России вряд ли способно изменить такую оценку...

Недавно казалось, что российская элита совершит интеллектуальный прорыв, но вместо этого президент озвучивает фантастическую по наивности идею вернуть вопрос об Ираке в Совет Безопасности, где он пережевывался последние 12 лет...

Восприяли сторонники идеи занятия Россией какой-то промежуточной позиции между Европой, США и азиатским континентом. Непонятно только, зачем нужен им посредник – даже отдаленных свидетельств этому нет. А если он все-таки потребуется, **почему роль эту доверят Москве, знаменитой своим неумением находить компромисс в международных делах?..**

Сегодня перед Путиным стоит трудная задача по преодолению последствий, наверное, единственной серьезной ошибки в его внешней политике. Москва до сих пор не озвучила степень своего несогласия с Вашингтоном и отношение к стратегическому партнерству с ним. Это нужно сделать как можно скорее – и на словах, и на деле. Непонятно, как видит это партнерство Кремль и в чем, по его мнению, заключается современное содержание и смысл отношений между двумя странами. Недавнее фиаско СБ ООН и война в Ираке поставили международное сообщество перед новыми альтернативами. **Россия, по сути, выступила против доктрины Буша,** но не ясно, насколько далеко она готова пойти в этом направлении.

России нужны четкие позиции по тем идеям будущего мироустройства, которые вынашиваются сегодня в Белом доме. **Речь идет о более серьезных вопросах, чем судьба иракских контрактов, – месте России в новом мировом порядке,**

в новой системе глобальной безопасности. Как – в тесном союзе с США или вне его – Россия способна занять максимально выгодное для себя положение в мире и обеспечить стратегическую безопасность своих интересов. Для Владимира Путина это не столько вопрос о его политическом будущем, сколько о месте в учебниках истории»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Я привёл подробные цитаты из статьи Н. Злобина, чтобы показать трудные пути к войне, ещё более трудные пути к миру, к новой глобальной безопасности.

Безусловно, нас (Россию) могут не допустить к созданию теории новой безопасности XXI века для послемартовского мира (2003 г.), т. к. наш Президент и Россия выступили **«против доктрины Буша».**

Это означает, что нам самим надо осуществлять такую теоретическую работу: здесь первый вывод.

Следующий вывод нам помог сделать Павел Малиновский, сотрудник кафедры политпсихологии ИНИОН. «Россия сейчас переживает цивилизационный кризис, – отметил он в беседе с журналистом Александром Никоновым, – кризис идентичности. После расхода республик СССР по своим "квартирам" каждая из них должна была ответить на вопрос: к какой цивилизации она принадлежит? Вопрос этот встал и перед Россией. Что дальше делать? Новую страну создавать? Или воссоздавать старую? А если старую, то какую именно? И, в конце концов, все сведется к вопросу о смысле жизни... Те же, кто терял смысл жизни, погибал в течение нескольких дней. Если граждане страны могут ответить на вопрос, зачем они живут и ходят на работу, – страна существует»[2].

Суть вывода: *нам всем нужен Большой Геокультурный Созидающий Проект XXI века – Возрождение России.*

А Смысл нашей общей работы: мы в 2003–2007 годах создали Большую Методологию и Большую Теорию: новую концепцию мироустройства XXI века; новую Московско-Шанхайскую модель миропорядка XXI века (Концепция Кузнецова); новую теорию безопасности; новую теорию российской государственнической объединяющей патриотической идеологии; теорию компромисса; новую геокультурную научную парадигму.

Отмечу, что в самом процессе становления социологии безопасности присутствует связь времён: прошлого, настоящего и будущего.

В её структуре необходимо вычленить в содержательном плане несколько важнейших элементов. В их числе:

– **геокультурная самоидентификация**, аккумулирующая историческую память человека ***(прошлое),*** **реализующая потребность в самосохранении;**

– оценка и самооценка семьёй своего социального статуса, своей социальной и культурной роли, осознание их возможных изменений под влиянием определённых факторов и обстоятельств, детерминирующие в своей совокупности **механизм саморазвития; в этом осуществляется институционализация *настоящего*.**

---

[1] *Злобин Н.* Место в истории или рейтинг // Известия (Москва). 2003. 11 апреля. С. 4.

[2] *Малиновский П.* (Беседовал А. Никонов) Психология власти: смысл жизни и национальная идея с точки зрения политической психологии // Огонек. 2003. № 4. С. 23.

В структуре геокультуры могут быть выделены ожидания и притязания народов, которые проявляются в требованиях, программах, протестных и иных движениях, в которых оформляется готовность к самозащите целей, идеалов, ценностей и интересов в ситуации возникновения для них угрозы потери социальных перспектив их реализации, – **здесь осуществляется институционализация *будущего*** (синтез перспектив).

В качестве самостоятельного элемента может быть обозначена **геокультурная позиция,** основу которой составляет мировоззрение. Здесь осуществляется оценка геокультурного опыта: ***обеспечивается* связь времён – *прошлого, настоящего и будущего,*** реализуется историческая преемственность в деятельности поколений.

Отсюда ответственность нас, граждан своих стран, и учёных за теоретический анализ содержания и структуры нового переустройства мира.

Позиция автора учебного пособия: возможно и необходимо переходить от культуры войны и культуры мира – к культуре безопасности.

Вернёмся к теории безопасности. В 2000 году она обогатилась *теорией культуры мира* и опытом проведения Международного года культуры. В 2001 году европейская теория безопасности обогатилась *теорией диалога между цивилизациями* и опытом Международного года диалога между цивилизациями. Определённо можно утверждать, что наметившаяся в 2000 году, в начале 2001 года *полнота теории мира и безопасности обусловлены зрелостью и эффективностью больших гуманитарных метатеорий: геоэкономики и геокультуры.* И их воплощением в Хартии европейской безопасности.

Однако появились и свидетельства неудовлетворённостью ими. Наиболее полно, на мой взгляд, это выразил Иммануэль Валлерстайн, известный социолог. Мягко он сделал это в 1999 году в своём разделе *«Социальные науки в двадцать первом веке»* обстоятельного доклада ЮНЕСКО с названием **«Всемирный доклад по социальным наукам».** Здесь он отметил необходимость «осознания скромности наших знаний, понимания общечеловеческих ценностей и умеренности наших суждений о наших возможностях» (Всемирный доклад по социальным наукам. М., 2002. С. 48).

Резко выступил Иммануэль Валлерстайн в 2001 году. «Нам отчаянно нужно изучить альтернативы сущностно более рациональной исторической системы, – призывает он, – заменить безумную, умирающую систему, в которой мы живем. Нам отчаянно нужно раскрыть глубокие корни расовых привилегий, которые пронизывают существующую мир-систему, охватывают все институты, включая структуры знания... Моральная, интеллектуальная функция социальных наук – помочь в обеспечении этого анализа. Но так же, как требуются неимоверные усилия от нас всех для искоренения расизма в каждом из нас, потребуются огромные усилия обществоведов, чтобы переосмыслить социальную науку, искалечившую нас, и создать вместо нее более полезную социальную науку» (Социологические исследования. 2001. № 1).

Сложилось так, что более 90 лет назад студент юридического факультета Петербургского университета Питирим Сорокин свою первую книгу написал о про-

блемах безопасности человека, социальной группы и общества. Я говорю о книге *«Преступление и кара, подвиг и награда»,* которая имеет подзаголовок «Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали».

Хотя на обложке книги указан год публикации – 1914, фактически она вышла в октябре 1913 года и уже в конце 1913 года появились первые рецензии на неё:

– Н. Тоцкий (Право. Еженедельная юридическая газета, 1913, № 44, Воскр. 3 ноября);

– А.Л. Погодин;

– Александр Гизетти;

– Т. Райнов;

– И. Михайлов;

– Н. Кондратьев. Это Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938), выдающийся русский учёный-экономист, близкий друг Питирима Сорокина;

– В.М. Чернов. Его обстоятельная рецензия (более 1 печатного листа) имела название «Научное построение идеалов и чистое познание» (Заветы, 1913. № 12. С. 142–183).

Сам Питирим Сорокин в предисловии к своей первой книге особо оговорил вопросы методологии исследования.

«На протяжении всей работы, – пишет автор, – мы старались держаться объективной или теоретической точки зрения, изучающей сущее как оно есть». (Фрагмент приведён по изданию книги в Санкт-Петербурге 1999 года, с. 34.)

Мой подход к анализу динамики безопасности человека, семьи и общества в России на рубеже XX и XXI веков основан на **«Сорокинской методологии:** *исходить из сущего, какое оно есть».*

А сегодня есть тотальная личная небезопасность человека. События 23 октября 2002 года в Москве и 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке показали, что теоретическая и практическая точки зрения на суть, смысл безопасности нуждаются в кардинальном пересмотре. Анализа здесь недостаточно – необходим созидающий синтез.

Наш подход основан на новом осмыслении самого феномена **«безопасность».** Это анализ. Конструктивный.

Суть: в действующем Законе Российской Федерации **«О безопасности»** (1992 года) *сама безопасность определена через состояние защищённости основных интересов личности, общества и государства.*

Мы полагаем, что это – недостаточно. Это – не социологично. Это обозначает главный недостаток – вся система безопасности России, политика безопасности не поддаётся управлению. Итог Вы все знаете – никто из нас не защищён, не защищено (надёжно и гарантированно с учётом реалий сущего как оно есть в XXI веке, в 2007 году) общество и государство.

Принципиально, на мой взгляд, проблематична и социология безопасности как наука.

Мой первый шаг к конструктивному анализу: мы ставим на главное место Цели, Идеалы и Ценности человека, семьи, общества и государства. Речь идёт об Общенациональной Цели, Социальном Идеале *(в условиях трансформации общества они могут совпадать),* об общероссийских ценностях.

Только теперь возможно (теоретически и практически) управление безопасностью: ведь оно становится возможным только при наличии цели. Теперь возможна и необходима социология безопасности – особенно в ситуации стремительного роста неопределённости, рисков, хаоса.

Задача социологии безопасности – теоретически обеспечить анализ и синтез гуманитарных отношений и процессов, динамику институтов. Тем самым оформляется особая и важная функция в информационно-аналитическом обеспечении управления сферой безопасности и её инфраструктурой:

> ***методология социологии безопасности*** *определяется как совокупность приёмов, методов социологических исследований в рамках предметного поля социологии безопасности и их теоретическое обоснование.*

> *Само понятие* ***«социология безопасности»*** *определено как самостоятельная социологическая теория среднего уровня, ориентированная на теоретические и эмпирические исследования состояния и динамики обеспечения безопасности человека, народов России, общества и государства, современной цивилизации.*

Вместе с тем, динамика проблем в трансформирующейся России показала недостаточность и такого моего подхода к задачам жизнеобеспечения.

Обозначилась проблема более чёткого учёта таких феноменов: законность, связь проблем мира и безопасности, доверие, сотрудничество, развитие человеческого потенциала, устойчивый и уважительный диалог между людьми, народами, культурами и цивилизациями, компромисс.

Потребовался второй Шаг: *движение по дороге к культуре безопасности.* Это шаг в направлении созидающего синтеза.

Таким образом, возникает, на мой взгляд, концептуальная и теоретико-методологическая возможность нового подхода к обеспечению безопасности. Его суть: упреждающее воздействие на вызовы, угрозы, опасности, риски, возникающие в самой социальной среде.

Теперь ***категория «социология культуры безопасности»*** *может быть определена как*

> *формирующаяся самостоятельная социологическая теория, отражающая процесс обеспечения жизни человека, сбережения семьи и народа, их целей, идеалов, ценностей и традиций, социальных институтов и сетей, устойчивости соблюдения прав и обязанностей человека и основных свобод для всех (без различия расы, пола, языка и религии), их защищённостью от неприемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз.*

– В системе социологических категорий понятие *«социология культуры безопасности»* может быть определено во взаимосвязи категорий: *свобода, сотрудничество, ответственность, солидарность, терпимость, согласие, мир, безопасность, доверие, компромисс.*

– Её *область исследований* шире области «социологии безопасности» за счёт включения проблем безопасности более широкого спектра социальных институтов, сетевых образований, проблем управления рисками, вызовами, угрозами, опасностями, культуры их предотвращения.

– *Структура предмета* социологии культуры безопасности расширяется (по сравнению с предметом социологии безопасности) за счёт включения анализа динамики перемен в состоянии человеческого потенциала, интеллектуального капитала, состояния среды, ориентированности людей на диалог и толерантность в межличностном общении.

– *В структуру принципов социологии культуры безопасности* добавляются принципы:

– **единства прав и обязанностей человека,** что выражает новое понимание безопасности – своя безопасность через безопасность другого;

– **ориентация на диалог между людьми, народами, культурами и цивилизациями.** Этот принцип объединяет феномены культуры мира и культуры безопасности. Здесь, по нашему мнению, есть возможное движение по пути к культуре глобализации.

– *Функции социологии культуры безопасности* расширяются и углубляются вследствие её ориентированности на перемены. В их числе такие, как:

– **технологическая,** связанная с обоснованием, внедрением и развитием высоких гуманитарных технологий;

– **общеметодологическая,** обусловленная возможностями продвижения институционально-сетевой методологии и широкий класс гуманитарных исследований в сфере жизнеобеспечения народов России, отношений между государствами.

Соединение конструктивного анализа и созидающего синтеза позволяет обозначить и более точно предмет исследования культуры безопасности.

Во-первых, это определяет *основные качественные характеристики процесса становления культуры безопасности.* В их числе:

– **развитость** концепции национальной безопасности;

– **востребованность** итогов разработки социологии культуры безопасности;

– **устойчивость** существования феноменов «культура мира», «диалог между цивилизациями», «доверие», «сотрудничество», «человеческий потенциал», «законность»;

– **готовность** профессионального сообщества к инновациям в сфере фундаментальных проблем гуманитарной безопасности.

Во-вторых, определяет основные **факторы** становления и функционирование культуры безопасности:

– **гуманизация** всех сфер обеспечения безопасности на основе её точной идентификации через доверие между людьми (социальными группами) и сотрудничество между государствами;

– **актуализация** роли механизмов безопасности с целью повышения влияния на обеспечение оптимальных условий жизни людей, их достатка, достоинства, социальных перспектив;

– **знания** о субъектах вызовов, угроз, риска и опасностей (международного терроризма, организованной преступности, социальной и национальной дискриминации);

– **всеохватность** самого феномена безопасности, взаимосвязь свободы и ответственности в разных сферах общественной жизнедеятельности.

Особо значим теоретический и практический потенциал социологии безопасности, социологии культуры безопасности для развития гуманитарной науки, для развития социологии.

1. Культура безопасности становится важнейшей характеристикой (доминантой) реального процесса жизнеобеспечения человека, общества и государства.

Её сущностные черты:

– она неразрывно и динамично связана с феноменом «культуры мира», **а смысл категории «безопасность» обусловлен постоянной позицией («позиционированием») в единстве и взаимосвязи с категорией «мир»;**

– культура безопасности более определённо и наглядно связывает состояние безопасности в прошлом, настоящем и будущем: т. е. носит интегрирующий характер;

– культура безопасности неразрывно связана со средой безопасности, зависит от её социальных характеристик, от происходящих в ней изменений (трансформаций).

В анализе типологии культур безопасности (основание: человек, социальная группа, общество, государство, цивилизация) автор выделяет:

– **индивидуальную культуру безопасности** можно обозначить как форму её существования, детерминированную статусными и ролевыми характеристиками граждан, их установками и готовностью действовать определённым образом;

– **групповую** (например, семейную) **культуру безопасности** определяют особенности внутригрупповых отношений, их устойчивость, ценностные ориентации, мотивация, социальное самочувствие;

– **общественную** (или культуру безопасности общества) определяют особенности динамики составляющих социальную структуру элементов, наличие противоречий между ними, степени поляризации социума;

– **цивилизованный аспект культуры безопасности,** тесно связанный с формами самосохранения, саморазвития и самозащиты цивилизации, её культурных традиций, ценностей и норм.

2. **В структуре культуры безопасности** необходимо вычленить в содержательном плане несколько важнейших элементов. В их числе:

– **социокультурная самоидентификация,** аккумулирующая историческую память ***(прошлое),*** **реализующая потребность в самосохранении;**

– оценка и самооценка своего социального статута, своей социальной и культурной роли, осознание их возможных изменений под влиянием определённых факторов и обстоятельств, детерминирующие в своей совокупности **механизм саморазвития; осуществляется институционализация *настоящего*.**

В структуре культуры безопасности могут быть выделены социокультурные ожидания и притязания, которые проявляются в требованиях, программах, протестных и иных движениях, в которых оформляется **готовность к самозащите** целей, идеалов, ценностей и интересов в ситуации возникновения для них угрозы потери социальных перспектив их реализации, – **здесь осуществляется институционализация *будущего*** (синтез перспектив).

В качестве самостоятельного элемента культуры безопасности может быть обозначена **социокультурная позиция,** основу которой составляет мировоззрение. Здесь осуществляется оценка социокультурного опыта: **обеспечивается связь времён – *прошлого, настоящего и будущего,*** реализуется историческая преемственность в деятельности поколений.

В системе социологических категорий понятие «культура безопасности» соотносится, прежде всего, с категориями: «культура мира», «социология национальной безопасности», «согласие», «солидарность», «сотворчество», «социокультурная динамика», «социальные перемены», «диалог», «терпимость», «социально ценностные ориентиры деятельности», «культура компромисса».

Субъекты культуры безопасности: человек, социальная группа (семья), общество, государство, организации и институты. Особо выделены неправительственные организации и новые, сетевые субъекты. Отдельно необходимо выделить субъекты антиобщественного действия – организованную преступность и международный терроризм (седьмой сектор).

Объекты культуры безопасности: различные способы и формы деятельности субъектов безопасности, их образ жизни, среда жизнеобеспечения, основные институты, организующие деятельность субъектов безопасности.

3. **Классификационные характеристики культуры безопасности:**

– **Предметность:** культура безопасности обладает предметной направленностью, связанной с определённой сферой общественной жизнедеятельности: **экономика, политика, культура.**

– **Её формы** отличаются значительным разнообразием и зависят от многих обстоятельств, в том числе от масштабов общественной дезорганизации, господствующих в обществе настроений, состояния общественного мнения, распространения различных фобий (страх, паника, истерия и т. п.).

– **Степень интенсивности:** выражает пространственные и временные масштабы становления культуры безопасности.

– **Характер** культуры безопасности: ориентированная на диалог (слабо, умеренно, сильно); оптимистическая или пессимистическая; активная или инертная, кризисная или развивающаяся.

– **Условия и факторы культуры безопасности** могут быть выделены посредством изучения взаимодействия субъекта с микросредой. Вместе – это среда жизнедеятельности. Здесь **микросреда** – взаимодействие человека с условиями жизни в личном окружении; **мезосреда** – социокультурная среда и сфера труда; **макросреда** – общественное окружение в целом.

4. **Особенности функционирования культуры безопасности.** Зависят от характера и вектора направленности происходящих в **обществе изменений,** стремительного роста нематериальных компонент, формирования экономики знаний, влияния человеческого капитала, сетевых реальностей (информации); **скорости взаимодействия и обратных связей, роли предотвращения;** уровня анализа состояния опасностей, их динамики и трансформаций среды (как внутренней, так и внешней).

Утверждение культуры безопасности прямо зависит от отношения населения (в том числе и в региональном аспекте) к общенациональным целям, идеалам, ценностям в ситуации восприятия (поддержки) или отторжения.

Социальные механизмы и показатели становления и динамики культуры безопасности.

Культура безопасности в процессе своего функционирования (в т. ч. и на стадии становления) формирует готовность к определённому типу деятельности, измеряемой с помощью системы показателей (индикаторов). *Деятельность субъекта осуществляется изначально при осмыслении и восприятии* ***цели*** *(идеала, ценности) – тогда проявление феномена «культура безопасности» становится способом* ***защиты цели*** *(идеала, ценностей) в процессе её достижения.*

Сам механизм выступает здесь как устойчивая структура взаимодействий, отношений, связей социальных субъектов по поводу предупреждения, реагирования и защиты общества от неприемлемых угроз, вызовов, рисков и опасностей.

* * *

Накопленный в настоящее время теоретический и эмпирический материал не даёт исчерпывающих ответов на все вопросы, связанные с содержанием и процессом институционализации социологии безопасности. Но анализ той научной информации, которая уже есть, даёт возможность ответить на основные (в настоящее время) что и будет сделано в третьем и четвёртом разделах учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Какие методологические и концептуальные основания составляют научный статус социологии безопасности?
2. Почему необходимо исследовать взаимосвязь особого научного социологического дискурса по проблемам безопасности и формирования научного статуса социологии безопасности.
3. В чём важность и необходимость функционирования социологии безопасности как самостоятельной научной дисциплины?
4. Систематизируйте этапы институционализации феномена «безопасность» в XXI веке в рамках российской социологии.

Литература

Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 1.
Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
Энциклопедический словарь-ежегодник «Безопасность Евразии 2004». М., 2006.
Становление евразийской безопасности. М., 2005.
Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебник. М., 2003.
Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебно-методическое пособие. М., 2003.
Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. М., 2002.

Раздел III

ТЕХНОЛОГИИ

Глава 12. Среда безопасности, компромиссности, справедливости 238
Контрольные вопросы 263
Литература 263
Глава 13. Социология безопасности как процесс 263
Контрольные вопросы 281
Литература 281
Глава 14. Безопасность как механизм 281
Контрольные вопросы 301
Литература 302
Глава 15. Высокие гуманитарные технологии в социологическом предотвращении возможной ядерной войны XXI века 302
Контрольные вопросы 313
Литература 313

Сто лет назад замечательный русский философ Н.Ф. Федоров для своих современников и для нас, как мы надеемся, создал произведение «Философия Общего Дела». Актуально и для XX и для XXI веков звучат его слова: «В настоящее время дело заключается в том, чтобы найти, наконец, потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней»[1].

Суть таких поисков для рубежа XX и XXI веков и состоит в разработке и освоении технологии сопоставления и соединения общенациональной цели и социального идеала, социологии и политологии общего дела с реальностью нашего бытия. Цель – благополучие и безопасность Человека и Семьи, возрождение Отечества, движение от выживания к социальному развитию.

Людмила Сергеева обозначила такой способ «как **высокие гуманитарные технологии,** как сочетание социального, общенационального идеала и реальной истории. В этом понятии, – отмечает она, – мы предлагаем выразить достижение целостного, синергетического по своей сути, эффекта за счёт соединения научных достижений и технологий политической социологии, экологии, безопасности, психологии, политологии, экономики, информационных технологий»[2].

Технологию – определяем как новую ценность, которая способна быть инструментом управления знаниями, человеческим потенциалом. Для выражения нового информационного компьютеризированного общества уже определён свой класс технологий – это высокие технологии.

Полагаем необходимым для адекватного отражения, именно роли технологий в XXI веке, определить новый класс технологий – высокие гуманитарные технологии, которые соединяют новый гуманитарный синтез с высокими технологиями.

Примером могут служить деятельность в рамках проекта «культура Мира», осуществление «диалога между цивилизациями», движение к «культуре безопасности», к «культуре глобализации», к «культуре компромисса».

Рудольф Яновский, развивая этот подход, предложил такую трактовку: «На рубеже XX и XXI веков все более активно в России, во многих странах мира стали проводиться политико-географические, экономико-географические и социальные исследования. Это вызвано... – выделил Р. Яновский, – стремлением осмыслить гуманитарные аспекты высоких технологий (hi-tech), все бо-

[1] *Федоров Н.Ф.* Философия Общего Дела. Т. 2. М., 1913. С. 237.

[2] *Сергеева Л.И.* К вопросу о социологии и политологии общего дела // Третья научная сессия: Человек и Реформы в российском обществе. М., 1995. С. 349.

лее широко применяющихся в промышленности, в быту, в военном деле. Динамика, неравномерность и сложность изменений мировой геополитической и геоэкономической ситуаций в контексте глобальных общественных перемен, необходимость рационального использования ресурсов планеты, сохранения окружающей среды в интересах безопасности населения планеты требуют адекватного научного анализа и соответствующей программы действий – **«высоких гуманитарных технологий»** (high humanities technologies: **hi-hum-tech)»**[1].

Наш сложный мир на рубеже веков и развитие России в контексте центральных мировых тенденций постоянно находятся в поле зрения российской общественной мысли. Показательно в этом отношении бурное развитие геоэкономики как фундаментальной основы нового миропорядка, теоретической и методологической основы внешнеэкономических связей. Наиболее выпукло общий теоретический и методологический контур российской школы геоэкономики был заложен в работе Эрнеста Кочетова «Геоэкономика и внешнеэкономическая стратегия России» (МЭиМО, 1994 г., № 11), где впервые раскрыта суть основных атрибутов и понятий геоэкономики: экономические границы, интернационализированные воспроизводственные ядра, мировой доход, геоэкономический атлас мира, геоэкономические войны, **высокие геоэкономические технологии** и др. Развитие этого нового научного направления продолжается.

Я понимаю технологизацию пути к геокультуре как культуру предотвращения рисков, опасностей, угроз целям, идеалам, ценностям, интересам человека, семьи, общества, государства, современной цивилизации. Возможно ли это? Да, если мы находимся в пространстве высоких гуманитарных технологий (ВГТ – hht: hi-hum-tech). Да, если мы соединяем институционализацию и сетиализацию в единую институционально-сетевую методологию на основе и с помощью высоких гуманитарных технологий. Да, потому что опыт культуры мира, новые вызовы из XXI века потребовали нового уровня и качества диалога между людьми, между народами, между народом и властью о справедливости, о компромиссности, о законности, об экологизации, о сотрудничестве, о благополучии, – т. е. о всеобщей безопасности XXI века.

Глава 12

Среда безопасности, компромиссности, справедливости

В формировании социологии безопасности важная роль принадлежит, на мой взгляд, феномену **«среда».**

В научный оборот эта категория вошла на рубеже XX и XXI веков как среда безопасности, как культурная среда, как окружающая среда, как институциональная среда.

---

[1] *Яновский Р.* Геополитические проблемы современной России: О необходимости высоких гуманитарных технологий // Безопасность Евразии. 1999. № 1. С. 107.

Феномен «среда безопасности» (security environment) наиболее последовательно в ходе анализа состояния международной безопасности представлен в ежегодных докладах Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute) – Ежегодниках СИПРИ[1].

Очередной том аналитического обзора Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук «Разоружение и безопасность 1999–2000» имеет подзаголовок *«Россия: среда безопасности в конце XXI века»*. Представление о структурировании самой **российской среды безопасности** дают три раздела обзора:

Россия: периметр безопасности;

Россия и режимы ограничения и нераспространения вооружений;

Военная реформа в России[2]**.**

СИПРИ в анализе динамики *международной среды безопасности* выделяет пять её особенностей: 1) нестабильность, неопределённость и непредсказуемость как итог политики отдельных государств; 2) тенденции интернационализации и глобализации; 3) новая региональная и глобальная роль США; 4) оружие массового уничтожения; 5) стрелковое оружие[3].

Уже эти два источника показывают, что любой вариант безопасности целесообразно рассматривать во взаимодействии со средой, в которой она (безопасность) функционирует. *Категория «среда» определяется «Российской социологической энциклопедией» как «совокупность явлений, процессов и условий, оказывающих влияние на изучаемый объект»*[4].

В «Современном политологическом словаре» отметим такой важный фрагмент в определении термина «среда»: «человек воспринимается, прежде всего, как продукт своей среды, воздействие которой на него и формирует его социальное поведение»[5].

Наиболее полно категория *«среда»* разработана в мировой науке применительно к организации, которая *«может быть определена как целевой, жестко структурированный социальный институт, обеспечивающий соединение разнородных и разнонаправленных деятельностей в единый процесс во имя достижения общих целей»*[6]. (Выделено мною. – *В.К.*) В рамках такого подхода среда рассматривается в двух аспектах: *внутренняя среда* организации и *внешняя среда* организации.

---

[1] См.: SIPRI Yearbook 2000. P. 7.

[2] См.: Разоружение и безопасность 1999–2000. Россия: среда безопасности в конце XXI века. М., 2001.

[3] См.: Ежегодник СИПРИ 1999: Вооружение, разоружение и международная безопасность. М., 2000. С. 23–24.

[4] Российская социологическая энциклопедия. М., 1999. С. 532.

[5] *Даниленко В.И.* Современный политологический словарь. М., 2000. С. 854.

[6] Общая социология: Учебное пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М., 2000. С. 570.

Внутренняя среда рассматривается как структура организации, как свойственное ей разделение деятельностей, система деловых коммуникаций, правила координации и контроля, способы и формы принятия решений[1]. Особая роль в структуре принадлежит целям организации, её стратегии, технологии, организационной и деловой культуре.

Внешняя среда организации может быть рассмотрена «как более широкая и сложная система, чем сама организация. В широком смысле внешняя среда – это *совокупность внешних по отношению к организации факторов, влияющих на процессы жизнедеятельности организации* (природных, технологических, культурных, экономических, юридических и т. д.)»[2].

По мнению ряда специалистов по теории организаций (например П. Лоуренса, Дж. Лорша) именно организация (институт) может быть рассмотрена в качестве посредника между человеком и средой (внешней). А перспективы выживания и эффективности деятельности самой организации прямо связаны с учётом её адаптации к изменениям состояния внешней среды[3].

С учётом вышеизложенного можно, на мой взгляд, рассмотреть тезис о реальности евразийской среды безопасности как внешней среды для человека, семьи, народов и государств в Евразии. Основные характеристики среды безопасности (евразийской), влияющие на состояние и динамику безопасности (объекты – человек, семья, народы, государства, Европа, Азия) для 1997–2007 годов могут быть представлены в такой последовательности[4].

Фундаментальной характеристикой евразийской среды безопасности становится переход от пространственной определённости отношений безопасности (геополитика) к управлению масштабом (геокультура).

Не менее важной фундаментальной чертой евразийской среды безопасности становится уточнение понимания времени, темпа изменений. Тенденции глобализации, интернационализации в сфере культуры, экономики, информационной технологии существенно и всё более быстрыми темпами влияют на среду безопасности в самом близком окружении конкретного человека, семьи, отдельного поселения, региона, страны, всего мира. *Прежде всего, это обусловлено тем важным обстоятельством, что в прямой контакт вступили миллионы людей. Причём их количество, качество взаимодействия, обратная связь увеличиваются, а скорость взаимодействия увеличивается ещё стремительнее.*

Здесь обозначилось взаимодействие многих институтов с глобальным институтом, имя которому – Сеть. То есть уместно говорить об институционально-сетевом взаимодействии в евразийской среде безопасности.

Увеличились нестабильность, неопределённость и непредсказуемость в проведении политики безопасности важнейших международных институтов –

---

[1] См.: Общая социология: Учебное пособие. С. 587.

[2] См.: Там же. С. 598.

[3] См.: Там же. С. 602.

[4] Мы взяли для исходной даты – 1997 год, когда в России впервые была разработана и утверждена Концепция национальной безопасности.

самих государств. Низкий уровень доверия народа к власти, слабость правительств, внутренние конфликты и кризисы в отдельных государствах стали существенным негативным фактором, влияющим на среду региональной и международной безопасности. Как итог – *тенденция к неопределённости стала практически базисной характеристикой евразийской среды безопасности*.

Отметим, прежде всего, важную особенность исходных условий для нового интеллектуального прорыва к евразийской безопасности XXI века.

Классик геополитики З. Бжезинский на вершине её развития прогнозирует возможный хаос и дестабилизацию в Евразии, если там уменьшится влияние США. Тем не менее, он обосновывает концептуальный аспект формирования евразийской безопасности: а это, в основном, геоэкономика.

Классик миросистемного подхода, авторитетнейший учёный Иммануэль Валлерстайн, на вершине системного подхода в предисловии к русскому изданию своей книги «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» (2001 год) пишет: «...Россия не сможет найти какого-то укрытия от потрясений, свойственных миросистеме в целом. Тезис миросистемного анализа состоит в том, что капиталистическая мироэкономика стоит перед кризисом, подобного которому она до сих пор не знала... Мы верим, что современная миросистема вступила в эпоху “перехода”, что она стоит перед точкой бифуркации и перед периодом великих родовых мук и повсеместного хаоса и что в течение следующих 25–50 лет мир эволюционирует к новому структурному порядку, который может быть будет, а может быть нет, лучше, чем современная система, но, несомненно, будет иным»[1].

И что характерно, для обоснования мировой динамики И. Валерстайн вслед за категориями **«геополитика», «геоэкономика»** вводит категорию **«геокультура»**[2]**.** И на вершине системного мира (иерархичного) по существу предвосхищает сетевой подход (неиерархический).

Таким образом, возникает, на мой взгляд, концептуальная и теоретико-методологическая возможность нового подхода к безопасности в евразийской среде. Его суть: управление вызовами, управление угрозами, управление опасностями, управление рисками.

Проблема объекта: видимость и сущность

Для 2001–2007 годов потребность в новом понимании содержания, структуры, механизмов, технологий, институтов, практик глобальной безопасности выразилась в создании широкого спектра изучения объекта и субъекта безопасности, самой среды безопасности. Даже сопоставление названий итоговых отчётов исследовательских коллективов (Групп высокого уровня), которые были созданы ООН или при её активном участии, позволяют предположить

[1] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: Пер. с англ. М., 2001. С. 16.

[2] Там же.

серьёзную озабоченность специалистов по поводу **видимости** (внешних проявлений) и **сущности** трансформаций в сфере жизнеобеспечения, безопасности всего мира (см. схему 8).

Схема 8. **Тематика исследований глобальной и региональной безопасности в 2001–2006 годах**

Годы	*Инициатива в организации*	*Тема (название отчёта)*
2001	ООН	Диалог между цивилизациями
2001–2003	Япония при поддержке ООН	Безопасность человека сегодня
2003–2004	ООН	Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам
2004–2005	ОБСЕ	Единство цели: сделать ОБСЕ более эффективной. Итоговый доклад и рекомендации Группы видных деятелей по вопросам повышения эффективности ОБСЕ
2005–2006	ООН	Альянс цивилизаций

Для доказательства принципиальной социологичности и геокультурности изучения смысла перемен в сфере безопасности предлагаю читателям последовательность названий разделов статьи академика Евгения Примакова «Нам нужны стабильность и безопасность», опубликованной «Российской газетой» 13 января 2006 года. Её автор участвовал в работе Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам применительно к глобальной безопасности в 2003–2004 годах. Сопоставление структуры статьи (2006 год) и структуры Доклада «Более безопасный мир: наша общая ответственность» впечатляет (см. схему 9).

Даже самое предварительное сопоставление схемы 8 (основные смыслы для национальной, региональной и глобальной безопасности в 2006 году) с показателями таблицы 13 («национальная сила» СССР и других государств в 1985–1986 годах) показывает **принципиально новые необходимые характеристики для надёжной и эффективной безопасности. Я имею в виду стабильность, справедливость, ответственность (государства, общества, цивилизации за человека, ответственность самого человека за свою жизнь, за Другого человека, за общество, за государство, за цивилизацию), предотвращение, воля к компромиссу, к достижению стабильности и безопасности.**

Обстоятельный по содержанию, глобальный по объектам анализа обобщающий доклад, посвящённый видимости и сущности новой глобальной безопасности представил мировому сообществу 21 марта 2005 года Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН. Автор осуществил анализ хода реализации Декла-

Схема 9. **Сопоставление смысловых блоков статьи Евгения Примакова «Нам нужны стабильность и безопасность» (январь 2006 года) и Доклада для ООН (при участии Евгения Примакова) «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (декабрь 2004 года)**

Евгений Примаков «Нам нужны стабильность и безопасность» (Название разделов статьи)

– Наметился поворот к социальной ориентации

– Не повторять ошибок монетизации льгот

– Огромные доходы от нефти: зло или добро?

– С кого брать пример

– Кто такие «государственники»

– Национальная идея: предотвратить демографический крах

БОЛЕЕ БЕЗОПАСНЫЙ МИР: НАША ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам

Организация Объединённых Наций

Содержание (Фрагмент)

Пункты
Резюме
Часть первая. На пути к новому консенсусу по вопросам безопасности
I. Различные миры: 1945 год и 2005 год 1–16
II. Аргументы в пользу всеобъемлющей системы коллективной безопасности 17–43
A.Угрозы без границ 17–23
B.Ограниченные возможности самозащиты 24–28
C.Суверенитет и ответственность 29–30
D.Элементы авторитетной системы коллективной безопасности 31–43
1. Эффективность 32–36
2. Экономическая рациональность 37–39
3. Справедливость 40–43
Часть вторая. Коллективная безопасность и задача предотвращения
III. Нищета, инфекционные болезни и экологическая деградация 44–73
A. Угрозы, с которыми мы сталкиваемся 44–58
B. Решение задачи предотвращения 59–73
1. Увеличение объема ресурсов и активизация деятельности 59–65
2. Новые инициативы 66–73
IV. Конфликт между государствами и внутри государств 74–106
A. Угроза межгосударственного конфликта 74–83
B. Угроза внутреннего конфликта 84–88
C. Решение задачи предотвращения 89–106
1. Более эффективные международные рамки и нормы регулирования 89–97
2. Совершенствование информационного и аналитического обеспечения 98–99
3. Превентивная дипломатия и посредничество 100–103
4. Превентивное развертывание 104–106
V. Ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие 107–144

– Демократия, но какая?

– Мировой контекст для России

Источник: *Примаков Е.* Нам нужны стабильность и безопасность // Российская газета. 2006. 13 января. С. 5.

A. Угрозы, с которыми мы сталкиваемся	107–116
1. Ядерное оружие	107–112
2. Радиологическое оружие	113
3. Химическое и биологическое оружие	114–116
B. Решение задачи предотвращения	117–144
1. Более эффективные стратегии в целях сокращения спроса	118–126
2. Более эффективные стратегии в целях сокращения поставок	127–138
3. Более эффективный потенциал обеспечения соблюдения	139–141
4. Более эффективные меры по охране здоровья населения	142–144
VI. Терроризм	145–164
A. Угроза, с которой мы сталкиваемся	145–146
B. Решение задачи предотвращения	147–164
1. Всеобъемлющая стратегия	147–148
2. Более эффективные инструменты по борьбе с терроризмом	149–153
3. Содействие государствам в борьбе с терроризмом	154–156
4. Определение терроризма	157–164
VII. Транснациональная организованная преступность	165–177
A. Угроза, с которой мы сталкиваемся	165–170
B. Решение задачи предотвращения	171–177
1. Более эффективные международные регулирующие рамки	172–176
2. Более эффективное укрепление потенциала государств	177
VIII. Роль санкций	178–182

Источник: Безопасность Евразии. 2005. № 1. С. 125–126.

рации тысячелетия, принятой в сентябре 2000 года, и на основе рекомендаций о трансформации коллективной безопасности (глобальной, международной), изложенных в отчёте Группы высокого уровня «Более безопасный мир: наша общая ответственность», предложил новые подходы к глобальной безопасности. Их суть: развитие, безопасность для каждого человека, для Всех[1].

Сразу же по представлении текста Доклада Кофи Аннана, с 22 марта 2005 года до начала Саммита 2005 года в сентябре 2005 года практически все содержательные положения Доклада вызвали широчайшую дискуссию. Итоговый документ саммита 2005 г. был согласован буквально за считанные часы до его завершающего обсуждения и принятия. В самом «Итоговом документе Все-

[1] Более безопасный мир: Наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам Организации Объединённых Наций // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

мирного саммита 2005 года» новые концептуальные и структурные изменения предложенные в Докладе Кофи Аннана от 21 марта 2005 года отражения или развития практически не получили[1].

Практики значительной, инновационной *подготовки* перемен в содержании, структуре институтов, процедур и механизмов обеспечения глобальной безопасности, осуществлённой ведущими мировыми учёными и специалистами в период подготовки Саммита 2005 года, *последующей глобальной дискуссии* по поводу предлагаемых перемен и *последовавшее,* в итоге, *отклонение инноваций* представляет, на мой взгляд, отражение каких-то новых глобальных процессов в гуманитарной сфере, в секторе обеспечения безопасности.

Дополним эти практики некоторыми событиями, которые состоялись в 2003–2005 годах и продолжают влиять на динамику глобальной безопасности в последующих годах:

• военная агрессия 21 марта 2003 года армии Соединённых Штатов Америки, а также вооружённых сил Англии и других стран против народов Ирака «вопреки мировому общественному мнению, вопреки принципам и нормам международного права и Устава ООН»[2];

• учреждение Конституции для Европы (20 октября 2004 года), содействующее строительству сверхгосударства, которое – **«единственное в современном мире уклоняется от вопроса, где пройдёт его окончательная граница»**[3];

• цветные «революции» в Грузии, на Украине, в Киргизии; трагические события (с гибелью людей) в Андижане (Узбекистан)[4];

• 5 ноября 2005 года в аргентинском городе Маар-дель-Плата завершилась встреча 34 глав государств американского континента (IV саммит Америк). Лидерам государств Западного полушария не удалось договориться по главному пункту повестки дня, который предложили США – грандиозному Проекту учреждения зоны свободной торговли от Канады до Огненной Земли[5].

Все эти практики внешне, как видимость смысла события, обозначают динамику институционализации объектов глобальных и региональных перемен, тенденций в формировании новой архитектуры глобальной безопасности.

Новые глобальные институты: гуманитарная безопасность, гуманитарная инновация, гуманитарное вмешательство, гуманитарные войны, гуманитарные катастрофы и т. д., казалось бы, подтверждают такую доминанту глобальных перемен. Более того: в моих статьях, в книгах с моим участием рассмотрены

---

[1] Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года: Принят Генеральной Ассамблеей ООН 20 сентября 2005 г. A/60/L.1 // Безопасность Евразии. 2005. № 3.

[2] *Путин В.* Президент России: Военная Акция против Ирака – это большая политическая ошибка // Парламентская газета. 2003. 21 марта. С. 2.

[3] *Павловский Г.* От издателей // Европа без России: Договор, учреждающий Конституцию для Европы от 20 октября 2004 года. М.: 2005. С. 7.

[4] *Почепцов Г.* Революция.com: Основы протестной инженерии. М., 2005; «Оранжевая революция». Украинская версия: Сборник. М., 2005.

[5] *Кутузова В.* Америки не договорились // Эксперт. 2005. 14–20 ноября. № 43; *Волхонский Б.* Южная Америка не сторговалась с Северной // Коммерсантъ. 2005. 7 нояб. С. 11.

новые институты для России и для Евразии – гуманитарный стратегический манёвр и евразийский гуманитарный стратегический компромисс[1].

Однако за внешними проявлениями, за видимостью можно, на мой взгляд, предположить наличие оформляющейся сущности, содержания нового глобального феномена.

Наиболее полно и аргументировано, на основании многолетнего глобального мониторинга динамики безопасности, о сущности глобальных революционных перемен (это моя интерпретация) высказалась в 2005 году Алисон Бейлс, директор Стокгольмского международного института исследования мира (СИПРИ). В обстоятельной вводной статье «Глобальное управление безопасностью: мир изменений и вызовов», предваряющей текст ежегодного доклада СИПРИ за 2005 год она впервые обосновала важность более полного понимания феномена «безопасность»[2]. По её мнению, в повестке дня для обеспечения мира и безопасности XXI века важно рассмотреть феномены «глобальной гуманитарной безопасности»[3], «всемирного управления безопасностью»[4], «закона о всемирной безопасности»[5]. Смысл предлагаемых ею инноваций – в новом содержании категории «безопасность». Для «гармоничного, всеобъемлющего и беспристрастного управления безопасностью»[6], по мнению А. Бейлс, необходимо широкое и разнообразное понимание безопасности «охватывающее не только суть конфликтов и вооружений, но и необходимость защиты от терроризма, криминала, болезней, природных катастроф и ущерба для окружающей среды; прекращение жизненно необходимого обслуживания и снабжения; сюда можно было бы добавить многие из социально-экономических явлений, такие как нищета, изгнание и недонаселенность и перенаселенность»[7].

Отмечу, что свои размышления А. Бейлс основывает как на глубоких и многолетних исследованиях сотрудников СИПРИ, учёных во многих странах мира, так и на выводах авторов Доклада ООН «Более безопасный мир: наша общая ответственность».

По моему мнению, в центре этих исследований, в центре интерпретации итогов этих трудов просматривается реальность уже идущей глобальной структурной гуманитарной революции, обусловленной прорывом многих миллионов людей во многих странах мира к личному участию в обеспечении как личной безопасности, так и к глобальной безопасности.

---

[1] Гуманитарный стратегический манёвр / Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2004; *Кузнецов В.Н.* Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: геокультурный аспект: Статья вторая // Безопасность Евразии. 2005. № 3.

[2] *Bailes A.J.K.* Introduction. Global Security Governance: a World of Change and Challenge // SIPRI Yearbook 2005: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2005. P. 1–27.

[3] Ibid. P. 20.

[4] Ibid. P. 19.

[5] Ibid. P. 1.

[6] Ibid. P. 1.

[7] Ibid. P. 1.

Смысл, суть, содержание глобальных перемен как в объекте и субъекте безопасности, в среде безопасности – именно структурная революция: каждый человек в мире заявляет свои права, свою ответственность по поводу безопасности. Это гуманитарная созидающая революция всей структуры обеспечения жизни человека, его развития, его достоинства, его смысла жизни.

Если доминантой предыдущих структурных (социально-экономических, технологических) революций была сила, сильные взаимодействия, перемены в материальном базисе общества, то в новой глобальной структурной гуманитарной революции XXI века главной доминантой становятся, по моему мнению, сетевые, слабые взаимодействия, связи; слабые риски.

Важнейшей особенностью в обеспечении безопасности человека, безопасности его жизни становятся нематериальные факторы.

Именно эта особенность позволяет выделить и понять источник новой структурной революции, её движущее противоречие – новую характеристику взаимодействия и противоборства жизни и смерти; обозначить и обдумать потребность в новом классе компромиссов: культуры компромисса. Речь идёт, прежде всего, о трансформации субъекта обеспечения безопасности, о субъекте, участвующем в новом противоречии, в новом компромиссе, в новом источнике динамики глобальной безопасности.

Трансформация субъекта глобальной структурной гуманитарной революции XXI века

Разворот России лицом к каждому человеку (Евгений Примаков, академик РАН); разворот всего мира к развитию, безопасности, правам и ответственности каждого человека – Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам, переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность», Доклад Кофи Аннана, Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» – предполагает последовательность нескольких этапов деятельности: соответственно анализа и синтеза.

Первый этап – глобальный гуманитарный стратегический манёвр. Его социология, экономика, философия, политология исследованы в качестве гуманитарной стратегической инновации на страницах коллективной монографии «Гуманитарный стратегический манёвр», опубликованной Отделением общественных наук Российской академии наук в 2004 году (г. Москва).

Второй этап – глобальный (евразийский) гуманитарный стратегический компромисс по вопросам безопасности человека. Его содержание, мотивы, динамика рассмотрены в статье В.Н. Кузнецова «Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: Геокультурный аспект» (Безопасность Евразии. 2005. № 3).

Третий этап – собственно глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: её генезис; состояние изученности; основные категории, методология, концептуальность; источники динамики; субъекты, объекты и среда; процессы и механизмы, институты; особенности дискуссии в российских и мировых обще-

ственных научных изданиях. Этим аспектам третьего этапа посвящены две мои книги, которые будут опубликованы в 2008 году[1].

В этом разделе главы основное внимание я посвящаю особенностям субъекта разворачивающейся структурной революции. Это имеет, по моему мнению, ключевое значение для понимания очень важного аспекта реального проявления новых революционных преобразований, для понимания феноменов: «безопасность», «справедливость», «компромисс». Речь идёт о характере и влиянии на состояние и динамику глобальной безопасности *превращённых форм* глобальной структурной гуманитарной революции.

Я считаю возможным причислить к таким превращённым формам: резкое нарастание военных расходов в мире за 2004 год (более 1 триллиона долларов); глобальное идеологическое наступление США, ряда стран Европы во всём мире для разрушения культуры, образа жизни народа, прав и свобод миллионов людей с целью продвижения своего понимания содержания ценностей, трактовки демократии; широчайшее распространение криминализации, коррупции и терроризма в России; мультикультурность и мультирегионализм; глобализацию и антиглобализацию; разрушение основ семьи, демографический кризис во многих странах; разрушение исторической памяти, традиций, национальных культур через внедрение в сферу досуга, учёбы, общения детей и молодёжи насилия, наркотиков, безнравственности и цинизма.

Для понимания трансформации субъекта революционных перемен, обусловленности проявления и существования превращённых форм содержания структурной революции значительная роль принадлежит итогам исследований Александра Неклессы[2].

Основные направления исследований А.И. Неклессы: политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории. Наиболее полный перечень его книг, сборников статей, брошюр; отдельных глав в монографиях и статей в сборниках; статей в журналах, альманахах, продолжающихся изданиях; интервью представлен в его книге «Люди воздуха, или кто строит мир?».

В работах А.И. Неклессы представлено оригинальное и фундаментальное, по моему мнению, видение и понимание динамики формирования новой глобальной безопасности XXI века; развёртывания новой глобальной революции, её субъектов, объектов, среды, закономерностей, процессов и механизмов.

---

[1] *Кузнецов В.Н.* Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М., 2008; *Он же*. Основания глобальной безопасности: Социологический геокультурный аспект. М., 2008.

[2] *Неклесса А.* Культура смерти // ИНТЕЛРОС: Интеллектуальная Россия. 2005. № 1; *Он же*. Люди воздуха, или Кто строит мир? М., 2005; *Он же.* Мир на пороге новой геокультурной катастрофы (беседовал С. Шаповал, обозреватель журнала «Политический класс») // Интернет: www.politklass.ru в рубрике «Депозитарий-1». Журнальная версия. «Политический класс». 2005. № 5.

Для моего исследования я рассмотрю такие аспекты его научного творчества: генезис революции, культура смерти, субъект изменений.

Генезис и динамика революции

Тема начавшейся глобальной революции проходит через многие работы А.И. Неклессы. А в 2005 году в его исследованиях сложилась теория «новой геокультурной катастрофы».

Первой особенностью понимания новой революции в работах А.И. Неклессы я отмечаю содержание перемен: «*...идёт, прежде всего, противоборство интеллектов и мировоззрений,* – справедливо констатирует он, – *столкновение кодекса поведения прежних институтов цивилизации с началами иной культуры*». (Выделено мною. – *В.К.*)[1].

Именно в таком понимании фундаментальных, стремительных и всепроникающих особенностях новой революции XXI века творческая глубина и прозорливость А.И. Неклессы. Например, в интереснейшем исследовании Алисон Бейлс, директора СИПРИ, основанном на, уникальном и достойнейшем по добросовестности, мониторинге перемен в глобальной безопасности за 2003–2005 годы в центре внимания: «Сила и влияние в XXI веке»[2], «Сила между государствами»[3], «Сила негосударственных действующих лиц»[4].

Культура смерти

Второй особенностью в работах А.И. Неклессы о революционных переменах считаю необходимым определить его убедительную аргументацию по поводу нового субъекта изменений, нового ресурса – «Ресурс смерти». Он поясняет: покойный «Папа Иоанн Павел II в 1995 году в энциклике “Евангелие жизни” употребил понятие “культура смерти”»[5].

«Сейчас это понятие, – утверждает Александр Неклесса (через 10 лет, в 2005 году), – приобретает гораздо более широкий и зловещий смысл. (Пост)современную культуру смерти я толкую, как выстраивание иерархии ценностей, имеющей целью деструкцию, а на её основе создание высокоэффективных действий, имеющих целью уничтожение человека»[6].

Я полностью поддерживаю предложенную им трактовку феномена «культура смерти». Вместе с тем, моя интерпретация этого феномена иная: я стремлюсь обосновать в предложенном учебном пособии новую универсальность категории «культура смерти» с уточнением – «культура смерти человека».

Суть интерпретации: оформление феномена «культура смерти человека» на рубеже XX и XXI веков «выстроила» главное противоречие в понимании динамики глобальной безопасности XXI века.

---

[1] *Неклесса А.* Культура смерти // ИНТЕЛРОС: Интеллектуальная Россия. 2005. № 1. С. 48–49.

[2] *Bailes A.J.K.* Introduction. Global Security Governance: a World of Change and Challenge... pp. 2–4.

[3] Ibid. P. 4–9.

[4] Ibid. P. 9–13.

[5] *Неклесса А.* Мир на пороге новой геокультурной катастрофы... С. 7.

[6] Там же.

Таким образом, в 2003–2005 годах глобальное, всепроникающее и всеобъемлющее противоречие: *«культура безопасности человека»* (культура безопасного развития человека, культура жизни человека) – *«культура смерти человека»* обозначилось как источник динамики всемирной, абсолютной безопасности; как источник мировой динамики гуманитарных перемен.

Полагаю, будет правомерным предположить, что это противоречие стало главным интеллектуальным, энергетическим, мотивационным и силовым фактором возникновения, оформления и развёртывания новой глобальной структурной гуманитарной революции XXI века.

Считаю необходимым привести в подтверждение возможности предложенной мною трактовки ещё одно важное суждение А.И. Неклессы. Он пишет: «есть у культуры смерти еще один аспект, который переворачивает не просто иерархию ценностей, но выворачивает наизнанку привычную для человека карьерную траекторию. Для большинства карьера – это амбициозная смерть с невиданными последствиями, в сравнении с которыми Всемирный торговый центр, Пентагон, Капитолий показались бы разбитыми елочными игрушками. Это и не Герострата амбиция, она основана на другой культуре и не требует признания во внешнем мире»[1].

Формирующаяся среда разворота всего мира к каждому Человеку

В качестве эпиграфа одного из первых разделов своей новой книги «Люди воздуха, или кто строит мир?», опубликованной в 2005 году, Александр Неклесса предложил читателям тезис Чарльза Райха:

> «Грядет революция! Она будет отлична от революций прошлого, устремившись на этот раз непосредственно к человеку, а не классам. И, прежде всего, она затронет культуру, изменения же политических структур совершатся лишь на последнем этапе»[2].

Сам А. Неклесса достаточно чётко сформулировал основные смысловые блоки понимания современных перемен.

Во-первых, он определённо выделяет их всемирный аспект. «Глобальная революция развивается и сегодня, – констатирует он, – несмотря на драматичную агонию культуры Модерна и рецидивы ее гальванизации (кризис цифровой экономики, гиперимериализм республиканцев США и т. п.). Противостояние «старого класса» и «класса нового» во многом определяет весь пейзаж битвы за будущее. Как и в случае любой попытки трансценденции обыденного тут нет внятных прописей борьбы и простого способа трансляции социального текста. И, тем не менее, новые агенты исторического процесса, его дина-

[1] *Неклесса А.* Мир на пороге новой геокультурной катастрофы... С. 8.
[2] *Неклесса А.* Люди воздуха, или Кто строит мир? М., 2005. С. 10.

мичные субъекты штрих за штрихом прочерчивают на оболочке глобального сообщества зыбкую и невнятную пока карту постсовременного мира: новой земли и нового неба по ту сторону Большого социального взрыва. Станет ли, однако, это концом цивилизации или же будет еще одним, очередным зигзагом истории?»[1].

Во-вторых, А. Неклесса особо подчёркивает геоэкономическую парадигму своего анализа. «**На планете совершается перемена декораций**, – утверждает он, – в ходе которой, в частности, *реализуется геоэкономическое переустройство* – становление системы контроля над ресурсными потоками, распределением мирового дохода, реконфигурация системы международных связей и их прежней номенклатуры. Параллельно штрих за штрихом прочерчивается береговая линия фрактальных пространств *контролирующего хаоса*, где смягченный суверенитет национальных связанностей замещается космополитичным освоением предметных полей "воздушной Лапутании", на которых и разворачивается историческая пьеса, выстраивая футуристическую композицию парагосударственного строительства»[2].

В-третьих, А. Неклесса чётко выделяет проблему ответственности каждого человека в России за судьбу России в коренных, глубочайших процессах наступающих перемен. «В российской истории, кажется приближается зигзаг, масштабная "загогулина", – справедливо, по моему мнению, предупреждает он всех нас, – окончание затянувшейся исторической паузы, которую опрометчиво приняли за устойчивую, стабильную формулу бытия. Колоссальная проблема вышла на поверхность: будет ли существовать страна с тысячелетней историей, с оригинальным содержанием, собственной исторической миссией, населенная творческим народом. Или же будет анклав (сумма анклавов) какого-то механизма – вселенской геоэкономической мастерской либо иной конструкции – то есть придаток, выполняющий предписанные функции, в том числе "исправительной колонии". Так будет или иначе – сказать сложно. Потому что речь идет о живом, совокупном выборе людей, которые обитают на данной территории. И за ее пределами»[3].

В-четвёртых, А. Неклесса особо выделяет сетевой, кластерный характер методологии понимания новых реальностей, в которых неопределённость, нелинейность, хаос – органические звенья конструктивного анализа и синтеза. «Диапазон глобальной социокультурной революции, – пишет он, – перерастающей в революцию политическую – необычайно широк: от сетевых трансформеров альтерглобализма, концептов постиндустриальной социализации до финансово-правовых связанностей и неокорпоративной организации мира. Противостоит этому пространству новизны не менее многоликая неоконсервативная формула квазиимперского общественного порядка...[4].

---

[1] *Неклесса А.* Люди воздуха, или Кто строит мир? С. 150.
[2] Там же. С. 36–37.
[3] Там же. С. 63.
[4] Там же. С. 48–49.

Грядущее возникает внутри. И будущее – это появление носителей будущего, личностей, которые, увидав иной горизонт, начали приближаться к нему. В синергии с персонами, которые симпатичны уже потому, что чувствуют те же вибрации, по мере продвижения опознавая и отторгая симулянтов. Собрание таких личностей образует некую организованность. Сетевую организацию»[1].

В-пятых, А. Некласса предлагает своё видение сопоставимости хода начавшейся глобальной революции с близким по размаху содержанию и последствиям историческим периодом в мировой истории: с 1966 по 1975[2] (см. вставку 6).

Исключительная важность итогов исследований А.И. Неклессы особенностей и характера глобальной революции, начавшейся в XXI веке («социокультурной», по его мнению), её сопоставления с похожим периодом в мировой истории («рубеж 1960–70-х годов») состоит в том, по моему мнению, что они выстроили реальное основание для социологического анализа и синтеза динамики новой глобальной безопасности XXI века.

Вставка 6

Александр Неклесса.
Люди воздуха, или Кто строит мир?
(Фрагмент книги)

Здесь я, пожалуй, вспомнил бы исторический урок, связанный с одним из центральных эпизодов истории XX века, который в своё время проморгали в Советском Союзе. Однако и в наше время этот фазовый переход нередко прочитывается, таким образом, который не соответствует его социальной мощи и сыгранной в истории роли. Можно достаточно четко определить временные границы этого социального взрыва: я определяю их с 1968 по 1973 год, или, чуть шире, с 1966 по 1975 год. Рамки для исторических перемен все равно необычайно узкие. Тогда, в течение буквально нескольких лет, на планете был запущен механизм глобальной трансформации, быстро изменивший мир. И, прежде всего, была изменена цивилизационная доминанта, связанная с центральным положением протестантской субкультуры, с положением всего христианского мира, всей современной цивилизации, мира Модернити. В те же – и последующие – годы достаточно быстро мутировали сложившиеся формы экономики, политики, культуры...

Чем памятно нам то время? Майская революция в Париже, «революция хиппи» и антивоенное движение в США, именно тогда появляются прообраз Интернета – Арпанет (продукт сотворчества Пентагона и университетской индустрии), чип... Начинается обсуждение глобальных проблем, судеб Третьего мира, процесса конвергенции и альтернативных сценариев будущего цивилизации. Еще более впечатляющим событием было стремительное развитие постиндустриальной экономики, финансово-правовой экономики, экономики знаний, цифровой экономики, «новой экономики».

[1] *Неклесса А.* Люди воздуха, или Кто строит мир? С. 72.
[2] Там же. С. 148–149.

Но главным событием стал все же выход на историческую арену «нового класса», тесно связанного с новым порядком вещей, с постиндустриальным укладом в целом. Иначе говоря, тех личностей, которые чувствовали себя «в своей тарелке» среди реалий возводимого на планете постиндустриального мира, имея прямое и косвенное отношение к средствам массовой и элитарной информации, к финансам и правовой деятельности, к идеологии и шоу-бизнесу, к политтехнологиям и вообще к новым высоким (в том числе и даже преимущественно социогуманитарным) технологиям.

Источник: *Неклесса А.* Люди воздуха, или Кто строит мир? М., 2005. С. 148–149.

Поясню: проблема исследования *содержания* новых революционных перемен в современной цивилизации в его соотношении с *видимостью, с превращёнными формами проявления* в различных странах исключительно актуальна, так как вместе (содержание перемен и формы их проявления) они образуют всемирную, региональную и национальную среду безопасности для всех.

Например, для реальности 2005 года тревожно воспринимается замечание Алисон Бейлс, директора СИПРИ, о уже оформившейся тенденции, когда на фоне деформаций международных отношений, снижения доверия между странами (поводы: агрессия США, Англии и ряда других стран мира против культуры, образа жизни, самой жизни в Ираке) важные перспективные итоги исследований по глобальной безопасности оказываются «отодвинутыми с передовой линии общественного мнения»[1].

Исключительно ценно пояснение А.И. Неклессы о соотношении видимости (на «поверхности» революционных практик) и сущности («основательном фундаменте») событий, состоявшихся в XX веке. «На рубеже 1960–70-х годов в мире произошел социальный взрыв – то, что на поверхности выглядело как «майская революция» в Париже, как контркультурные и антивоенные движения в США и т. п. Все эти события, однако, имели гораздо более основательный фундамент, – справедливо уточняет Александр Неклесса, – чем могло показаться непросвещенному наблюдателю, связанному с экспликацией новых форм социальной, политической и экономической деятельности, знаменуя утверждение на игровой площадке мира новой влиятельной страты, упомянутого ранее четвёртого сословия. Иначе говоря, людей, которые чувствовали себя «в своей тарелке» среди реалий возводимого на планете постиндустриального мира, имея прямое и косвенное отношение к средствам массовой и элитарной информации, к финансам и правовой деятельности, к идеологии и шоу-бизнесу, к политтехнологиям и т. п. Постепенно эти потоки начали сливаться в полноводное русло, образуя безбрежный виртуальный океан, деятельную протоплазму, в движениях которой ощущалась пульсация какого-то могучего организма»[2].

[1] *Bailes A.* Introduction. Global Security Governance: a World of Change and Challenge... P. 1.
[2] *Неклесса А.* Люди воздуха, или Кто строит мир? С. 173.

Рассмотрим проблему взаимосвязи видимости и сущности революционных перемен в событиях 60–70-х годов XX века. *Для моего исследования новой революции XXI века итоги такого анализа остро необходимы не только для понимания влияния внешней среды на становление глобальной безопасности. По-моему, сближение стадий социологического анализа и социологического синтеза по итогам исследования, позволяет обосновать оперативные, среднесрочные и долгосрочные рекомендации для сохранения и умножения позитивных всемирных тенденций революционных преобразований, для эффективного предотвращения нежелательных последствий уже обозначившихся глобальных перемен, для предотвращения «социологически» возможной ядерной войны XXI века*.

Свои соображения я изложу в виде некоторой последовательности тезисов: более развёрнутое изложение моих исследований событий 60 – 70-х годов XX века будет представлено в книге, которая готовится к публикации в начале 2008 года[1].

1. В 1963–1978 годах в ряде регионов мира произошли масштабные по влиянию на жизнь сотен миллионов людей (внешнее проявление) и глубокие в плане изменений социально-экономической структуры, вопросов перемен в жизнеобеспечении и безопасности людей, общества и государств (содержание изменений) события.

2. В содержании глобальных взаимодействий 1963–1978 года важнейшей общей доминантой стала борьба миллионов людей с участием тысяч учёных (социологов, философов, физиков, математиков, биологов и т. д.) за предотвращение угрозы возникновения ядерной войны XX века. И сторонники «культуры жизни» остановили сторонников «культуры смерти»: мир был сохранён.

3. Анализ многочисленных исследований этого периода в книгах, статьях, материалах конференций позволяет предположить, что во многих странах мира (США, СССР, Китай, Индия, Япония, Франция, ФРГ, Италия и другие) осуществилась глобальная социально-экономическая структурная революция.

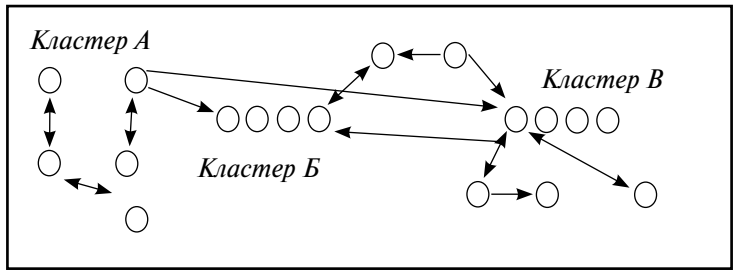
По существу это была сетевая революция с чётко выраженным кластерным характером (см. схему 10).

4. События в различных странах были исследованы на основе геополитической парадигмы. В основе изучения рассматривались, по преимуществу, сильные взаимодействия: масштабные волнения на расовой почве (США), террористические и военные акции в Ольстере, столкновения молодёжи во Франции, культурная революция в Китае, военные действия США во Вьетнаме, военные действия СССР в Чехословакии и т. д.

5. Превращённые формы структурной революции (**её внешние проявления, видимости**) в каждой из стран были разные и проявлялись в разное время. **Внутреннее содержание** было достаточно устойчиво во всех странах – противоречивый, болезненный, масштабный процесс изменения стиля жизни сотен мил-

[1] *Кузнецов В.Н.* Основания глобальной безопасности: Социологический геокультурный аспект. М., 2008.

Схема 10. **Сетевой и кластерный характер перемен в странах мира (60–70-е гг. XX века)**

Кластер А: США, Канада
Кластер Б: Франция, ФРГ, Англия, Италия
Кластер В: СССР, Япония, Китай Индия.
○○○○ – страны мира.

лионов людей; изменение технологического уклада – формирование высоких технологий (хайтек – high technologies).

6. Начало революции во всех странах было неожиданным, в достаточно благоприятных условиях жизни людей в этих странах: отсутствовал научный прогноз наступления таких масштабных и болезненных событий.

Завершение революционных событий как в отдельных странах, так и в мире (1975–1978 годы) произошло незаметно и спокойно.

Первые научные публикации по отдельным странам появились с временным интервалом в 5–7 лет.

7. Итогом глобальной социально-экономической революции стали коренные, огромные и масштабные позитивные изменения практически во всех сферах жизни человека, народов, государств и всей цивилизации.

8. Цена революционных преобразований через жизнь людей, их семьи; благополучие и безопасность народов оказалась, на мой взгляд, чрезвычайно большой. Качество и уровень, надёжность безопасности человека, семьи, народов, по моему мнению, не улучшились.

Вот некоторые события:

- развязывание правительством США войны против народов Вьетнама;
- война Израиля с Египтом и другими арабскими странами;
- вторжение войск СССР и его союзников в Чехословакию;
- культурная революция в Китае;
- девальвация доллара США с отказом от его золотого паритета;
- возникновение (дважды) угрозы мировой войны, обусловленной агрессией Израиля и ряда стран против Египта, в связи с активной, наступательной позицией СССР, а также в связи с событиями вокруг Берлина.

9. В ходе преодоления негативных последствий проявления превращённых форм структурной революции многими активными людьми, деятелями науки

и культуры, дипломатами, государственными деятелями, представителями религиозных конфессий, военными и работниками спецслужб было разработано и талантливо проведено в жизнь много позитивных конструктивных глобальных действий, создано много новых институтов, процедур и механизмов.

Среди них:

• разработка условий и технологий важнейших компромиссов («исторический компромисс» в Италии);

• подготовка и проведение 1 августа 1975 года по инициативе СССР конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе с подписанием представителями 30 государств Заключительного акта;

• подготовка и проведение в 1978 году в Бонне (Западная Германия) первой встречи «Большой семёрки» – руководителей самых позитивно преобразовавшихся в ходе глобальной социально-экономической структурной революции стран: США, Канады, Англии, Японии, Западной Германии, Франции, Италии.

Представленные выше девять тезисов о событиях 60 – 70-х годов XX века и позволяют, как я полагаю, двигаться к переменам, которые начались в XXI веке.

В анализе среды новых революционных преобразований есть общее с событиями практически 30-летней давности, есть и отличия.

Общее:

• глобальная революция имеет сетевой и кластерный характер (см. схему 11);

• внешние проявления структурной революции, видимость (превращённые формы) значительно отличаются от внутренней сути, содержания перемен;

• опять сторонники «культуры смерти» реально готовят ядерную катастрофу XXI века;

• Правительство США опять ведёт агрессивную войну в Евразии (против народов Ирака);

• определённо обозначилась возможность значительной девальвации доллара США.

Отличия:

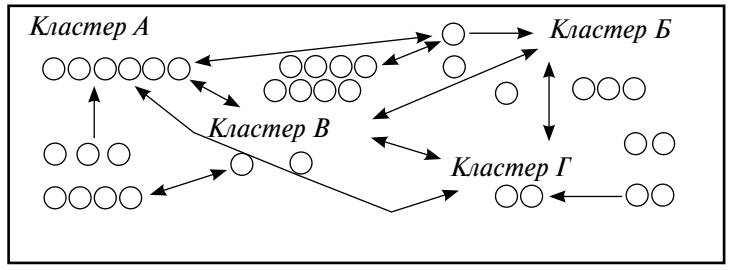
• локомотивом, интеллектуальным лидером революционных перемен могут быть названы, по моему мнению, такие страны: Россия, Китай, Индия, Бразилия;

• создано (Организацией Объединённых Наций) фундаментальное научное оснащение для позитивного исхода новых революционных преобразований. Я имею в виду согласованные и утверждённые практически всеми руководителями государств Цели развития тысячелетия с горизонтом деятельности до 2015 года с чёткими ориентирами и действующим социологическим мониторингом по их выполнению;

• есть общая доминанта для содержания революционных преобразований: безопасное развитие каждого человека;

• гуманитарная парадигма анализа структурной революции (геополитика) дополнена новыми её сторонами – геоэкономикой и геокультурой;

Схема 11. **Сетевой и кластерный характер глобальной структурной гуманитарной революции XXI века (начало 2003 год)**

Кластер А: Россия, Китай, Индия, Япония, Сингапур, Малайзия.
Кластер Б: Норвегия, Финляндия, Ирландия, Англия, Италия, Турция, Франция, Германия.
Кластер В: Бразилия, Венесуэла, Мексика.
Кластер Г: США, Канада.
○○○○○: страны мира

• новой принципиальной особенностью глобальных взаимодействий, связей и рисков стал их другой характер – теперь это, в основном, слабые взаимодействия, слабые связи, слабые риски, которые могут взаимодействовать и «складываться».

Эти особенности глобальной среды формирования новой глобальной безопасности оказывают на неё сложное и противоречивое влияние.

Социологический аспект движения в понимании новой российской, евразийской и международной реальности после факта агрессии США и их союзников против суверенного народа Ирака 20 марта 2003 года предполагает синтез. **Итогом такого гуманитарного социологического синтеза может стать суждение: необходимым условием свободы человека в России XXI века и её народов является умная, сильная, безопасная и ответственная Россия.**

Знаменательно, что когда известная японская газета «Иомиури» в декабре 2005 года задалась целью – предложить своим читателям надёжный и общепризнанный прогноз изменения картины мира к 2050 году, то на её страницах в начале января 2006 года были опубликованы итоги интересного исследования[1].

«Значительные изменения произойдут и в экономической табели о рангах, – так комментирует итоги этого исследования Олег Одноколенко. – По объёмам ВВП Китай в 2050 году опередит США (50 триллионов долларов против 40 триллионов). Но если насчёт экономического лидерства Поднебесной никто и не сомневается, то о втором месте среди предсказателей идут споры.

[1] *Одноколенко О.* Великолепная семёрка // Итоги. 2006. 9 января. С. 8.

Ранее считалось, что вторая позиция "зарезервирована" для США, но японский Национальный институт комплексных исследований полагает, что США по абсолютным размерам ВВП к 2050 году пропустят вперёд Индию (индийский ВВП превысит американский в полтора раза) и будут занимать лишь третье место.

Весьма благоприятен экономический прогноз и для России. Как ожидается, к указанному сроку она должна перегнать Германию, Великобританию, Францию и оказаться на 7-м месте в мире после Китая, США, Индии, Японии, Бразилии и Мексики. Именно так менее чем через полвека должна выглядеть новая "Большая семёрка"»[1].

В итоге, *если определить 2003–2005 годы как этап начала глобальной структурной гуманитарной революции, то результаты её исследования через публикацию их в крупнейшей японской газете «Иомиури» можно назвать возможным конструктивным гуманитарным результатом этих революционных преобразований к 2050 году*.

А теперь необходимо и важно рассмотреть суть возможной мировой геокультурной катастрофы в XXI веке, о которой в 2005 году обоснованно, по моему мнению, предупреждает Александр Неклесса[2].

Весной 2005 года Президент России Владимир Путин в своём Послании народам нашей страны, Федеральному Собранию Российской Федерации предложил нам всем осмыслить масштаб событий 60 – 90-х годов XX века через «крушение Советского Союза», которое он назвал «крупнейшей геополитической катастрофой века»[3].

О гуманитарном аспекте этих событий Владимир Путин, Президент Российской Федерации, сказал откровенно. «Накопления граждан были обесценены, старые идеалы разрушены, – пояснил он, – многие учреждения распущены или реформировались на скорую руку. Целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией. Олигархические группировки, обладая неограниченным контролем над информационными потоками, обслуживали исключительно собственные корпоративные интересы. Массовая бедность стала восприниматься как норма. И все это происходило на фоне тяжелейшего экономического спада, нестабильных финансов, паралича социальной сферы»[4].

Если вернуться к анализу национальной силы США, Японии, Великобритании, ФРГ, Франции в сопоставлении с мощью СССР, осуществлённому японскими учёными в 1985–1986 годах (см. табл. 13), то глубина и размах стремительного разрушения СССР на рубеже 80 – 90-х годов XX века очередная, на этот раз глобальная гуманитарная катастрофа уже для Российской Федерации...

---

[1] *Одноколенко О.* Великолепная семёрка // Итоги. 2006. 9 января. С. 8.

[2] *Неклесса А.* Мир на пороге новой геокультурной катастрофы // Политический класс. 2005. № 5; *Он же.* Драма России // Экономические стратегии. 2005. № 8.

[3] *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2005. 26 апреля.

[4] Там же.

Таблица 13. **Компоненты индекса «комплексной национальной силы» государства, %**

Компоненты индекса	*Япония*	*США*	*Великобритания*	*ФРГ*	*Франция*	*СССР*
I. Способность вносить вклад в международное сообщество						
1. Базовый потенциал	51	100	14	31	14	35
2. Экономическая мощь	50	100	17	34	17	30
3. Финансовая мощь	57	100	11	37	11	0
4. Наука и технология	47	100	13	21	13	79
5. Возможности реализации базового потенциала в мировом масштабе	77	98	95	94	100	77
6. Валютно-финансовые ресурсы	72	81	100	79	89	93
7. Консенсус в иностранной политике	54	52	66	96	100	24
8. Дееспособность на международной арене	63	100	67	67	67	62
Итоговая оценка:	61	100	43	54	45	50
II. Способность к выживанию						
1. Географические условия	24	100	23	7	16	206
2. Численность населения	51	100	23	26	23	117
3. Природные ресурсы	8	100	64	34	36	103
4. Экономическая мощь	62	100	32	58	29	36
5. Оборонительные силы	7	100	10	10	11	100
6. Национальная мораль	100	98	88	89	83	96
7. Дипломатия и сотрудничество в области обороны	100	88	95	85	95	178
Итоговая оценка:	56	100	52	49	47	119
III. Возможность силового давления						
1. Военная сила	0	100	33	10	57	56
2. Стратегические материалы и технология	50	100	11	17	16	59
3. Экономическая мощь	43	100	39	36	32	23
4. Дипломатические возможности	23	100	58	50	51	97
Итоговая оценка:	24	100	35	24	42	70
Индекс «комплексной национальной силы» (средняя взвешенная I–III, итоговая оценка)	47	100	43	42	45	77

Источник: Японская экономика в преддверии XXI в. М., 1991. С. 114–115; Экономическая безопасность: теория и практика. М., 1999. С. 19; Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник. М., 2005. С. 63.

Как понять, откуда, почему, зачем эти катастрофы: сначала геополитическая, за ней – геокультурная?

Прежде всего, *во-первых*, выскажу предположение, что «выход» СССР из глобальной структурной социально-экономической революции середины 60 – 70-х годов XX века (отказ от структурных реформ Косыгина в 1968 году: их начало – в 1965 году, на исходном этапе той структурной революции) стал одним из ведущих факторов разрушения динамики движения в СССР к благополучию и безопасности людей, народов, страны.

Во-вторых, в качестве субъекта революционных преобразований в США, Франции, Англии, Италии, Китае, Канаде, ФРГ действовали новые талантливые лидеры своих стран в оптимальном сочетании с ветеранами политики, экономики, безопасности.

Однако в СССР, огромной страной, с середины 60-х годов до начала 90-х годов XX века, в условиях глобальной революции, в последующий период всеми сферами жизнеобеспечения руководили добросовестные, честные, компетентные люди, но трудно сказать, что это были талантливые люди, что это была талантливая команда.

По существу, геополитическая катастрофа – развал СССР – стал итогом интеллектуального провала руководящих структур страны в середине 60-х – начале 90-х годов XX века.

В-третьих, СССР утратил интеллектуальное лидерство в мире, осуществив расстрел своих граждан в 1962 году в Новочеркасске, агрессивное вторжение своих войск в Чехословакию (1968 год), агрессию против народов Афганистана в конце 70-х годов.

На рубеже XX и XXI веков народы России, её руководящие группы, творческие, патриотические коллективы, как в федеральном центре, так и в регионах страны осуществили активную, динамичную, талантливую стратегическую и тактическую деятельность по возрождению Российской Федерации.

Начали обосновываться стратегические цели страны, формируется новая российская государственническая объединяющая патриотическая идеология. Практически сложилась концепция гуманитарного стратегического манёвра для подготовки «разворота» страны «лицом к человеку».

Особую актуальность участия России в революционных переменах придаёт понимание нового источника мировой динамики: строгого и всеобъемлющего противоречия между культурой безопасного развития человека, «культурой жизни человека» и «культурой смерти человека».

Если опять остановиться, двинуться вспять, как это было у СССР в структурной революции середины 60-х – середины 70-х годов XX века, то, действительно: прав Александр Неклесса – геокультурная катастрофа в России возможна. И в Евразии, во всём мире тоже.

Триединство гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной) в становлении культуры глобальной безопасности XXI века

Потребность, возможность и необходимость в безопасности, благополучии, достоинства для всех обусловила начало глобальной структурной гуманитарной революции в 2003–2005 годах.

В общественных науках обозначился стремительный гуманитарный манёвр в развёртывании фундаментальных исследований теории компромисса, перехода от культуры мира к культуре безопасности; от анализа устойчивого развития – к изучению культуры безопасности устойчивого развития каждого человека.

Таким образом, глобальное пространство событий, связей, тенденций, смыслов востребовало новое качество диалектического единства гуманитарной парадигмы XXI века: взаимосвязи, взаимообогащения, хорошей дополнительности и своей оригинальности каждой конкретной грани единой гуманитарной парадигмы – для Геополитических Проектов и Методологий[1], для Геоэкономических Проектов и Методологий[2], для Геокультурных Проектов и Методологий[3].

---

[1] Россия в пространстве и времени (история будущего) / Кузык Б.Н. (руководитель авт. коллектива). М., 2004. У авторов книги, применительно к теме исследования, используются ключевые категории: «геополитическая среда» (с. 18), «геополитический «вес» государства» (с. 31), «геополитический статус России» (с. 31), «геополитическое окружение России» (с. 31), «геополитический потенциал России» (с. 33); *Кузык Б.Н.* Россия и мир в XXI веке. М., 2005.

[2] *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: Учебник для вузов. М., 2006. В моей вступительной статье к этой выдающейся, оригинальной и очень своевременной работе говорится: «Сегодня невозможно понять стремительно меняющийся мир без осознания истоков и принципов его формирования, теоретического и методологического каркаса, философского рассмотрения фундаментальных основ грядущих трансформаций. Всё это в концентрированной форме дано в настоящем учебнике, где впервые в мировой и отечественной научной и образовательной практике представлена яркая картина глобального мироздания, где реальная и рациональная деятельность человека – геоэкономика – занимает ключевые позиции, составляет суть глобализации и предопределяет весь ход исторического развития человечества в новом столетии, гармоничный переход от экономического человека XX в. (homo economicus) к человеку XXI века – геоэкономическому (homo geoeconomicus)...

Разработанный автором геоэкономический подход (геогенезис) позволяет сформировать новую модель безопасного развития России в XXI в. в условиях глобальных трансформаций, новых вызовов и угроз» (с. XI–XII).

[3] *Кузнецов В.Н.* Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М., 2008; *Он же.* Социология разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: Геокультурный аспект // НАВИГУТ. 2006. № 2; *Он же.* Динамика становления евразийской безопасности XXI века: социологический геокультурный аспект // Становление евразийской безопасности. М., 2005; *Он же.* Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук // Безопасность Евразии. 2004. № 2; *Он же.* Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура – Сеть. М., 2003.

«Триединство» новой глобальной единой гуманитарной парадигмы позволяют соединить системный и сетевой подход, что обеспечивает исследование как сильных, средних взаимодействий, так и слабых взаимодействий.

Соединение «асимметричности», «кластерности», «неопределённости», «нелинейности», «хаоса» – этих важнейших характеристик при изучении событий, мотивов, тенденций позволяет единой гуманитарной парадигме, по моему мнению, рассматривать как фундаментальные, так и прикладные аспекты становления глобальной безопасности XXI века в среде (в контексте) разворачивающейся во многих странах мира глобальной структурной гуманитарной революции.

* * *

Социологические исследования видимости и сущности разворачивающейся в первом десятилетии XXI века глобальной революции во имя человека и для человека достаточно полно и, как я полагаю, быстро (вовремя) выявили драматичность и безжалостность действия главного глобального противоречия: культуры жизни человека – культуры смерти человека.

Возможно, впервые за всё существование социологии как важнейшей общественной науки Миссия социологии востребована каждым человеком. Помочь людям, религиозным конфессиям, журналистам, общественным и государственным деятелям, учёным и военным понять смысл своего участия в достижении желательного, достойного итога новых стремительных перемен – здесь приложение наших способностей и служения своим Отечествам.

Подводя итоги исследований в этой главе, считаю важным предложением – обратить внимание читателя на подзаголовок публикации Евгения Примакова «Нам нужны стабильность и безопасность». Это странный тезис-вопрос (без вопросительного знака): «Войдёт ли в историю 2005 год как переломный»[1].

Я предлагаю из 2007 года своё уточнение для ответа на такой тезис-вопрос (в терминах автора – академика РАН Евгения Максимовича Примакова): как можно понять результаты этого переломного года в смысле «разворота реформирования страны лицом к человеку»[2].

Итоги моего социологического исследования позволяют мне ответить четыре раза «Да».

Да, усилия, творчество, профессионализм миллионов граждан России, многих руководителей страны, её и нашего Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, позволили в 2003–2007 годах уверенно и надёжно, по моему мнению, развернуть Россию лицом к человеку[3].

Да, сегодня и завтра, и в последующие дни нас ждёт главная работа и забота, главное служение Отечеству – **развернуть Россию к каждому человеку.**

---

[1] *Примаков Е.* Нам нужны стабильность и безопасность: Войдёт ли в историю 2005 год как переломный // Российская газета. 2006. 13 января. С. 5.

[2] Там же.

[3] *Орлов Д.* «План Путина» и фактор Путина // Известия. 2007. № 183. 8 октября. С. 6.

Да, для такой структурной революции нам предстоит продолжить гуманитарный стратегический манёвр, **нам предстоит осуществить общероссийский гуманитарный стратегический компромисс для объединения интеллекта, таланта, умений и технологий (в условиях уже ощущаемого дефицита времени), во имя достоинства, доверия, безопасности и благополучия, Справедливости и счастья для Всех.**

Да, формирующийся Геокультурный Созидающий Российский Проект XXI века – Возрождение России, может стать российской мечтой, может стать глобальной мечтой, может стать Глобальным Проектом.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете влияние внешней и внутренней среды на технологии обеспечения безопасности, компромиссности и справедливости?
2. В чём смысл высоких гуманитарных технологий?
3. Почему важно учитывать свойство устойчивости или «революционности» внешней среды на методологию и технологию социологии безопасности?
4. Рассмотрите сходство и отличие структурной революции XX века (60–70-е годы) и глобальной структурной гуманитарной революции XXI века.
5. Обозначьте особенности (социологические) сильных, средних и слабых взаимодействий.

Литература

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.
Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма // НАВИГУТ. 2007. № 1.
Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.
Кузнецов В.Н. Российский геокультурный созидающий проект как смысловое ядро разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 1.
Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
Неклесса А. Культура смерти // ИНТЕЛРОС: Интеллектуальная Россия. 2005. № 1.

Глава 13

Социология безопасности как процесс

Для реального воплощения в практиках людей методологии, теории, технологии компромиссности, справедливости, безопасности должны быть осмыслены и освоены, с учётом влияния среды, как процесс, процедура, как воля, энергетика, творчество и настойчивость, цепкость. *Всё это, по моему мнению, остро востребовано во всех странах, всеми народами для стремительного, мудрого и эффективного предотвращения возможной ядерной катастрофы XXI века.*

В реальных практиках проявления самых разнообразных свойств взаимодействий людей, понимание конкретности как компромиссного, так и бескомпромиссного обусловлено реальным временем и пространством, в которых готовятся, происходят и осмысливаются события; величиной и качеством рисков.

Исходным, первым звеном для участников, субъектов компромиссного взаимодействия может быть названа оценка зрелости ситуации для переговоров сторон (субъектов) и само исходное понимание качества ситуации (установление факта, диагностика): насколько компромиссна или бескомпромиссна ситуация. Отмечу, что на этой стадии поиска компромисса, его подготовки оформляется и первая группа рисков компромисса для каждой из его сторон.

Вторым звеном подготовки компромисса становится предварительный подсчёт шансов договориться о способах и «цене» достижения компромисса: здесь вторая группа рисков, так как неточность, ошибка в степени вероятности точного определения ситуации компромиссного (достижим или недостижим компромисс по существу) приводит к значительным рискам.

Третьим звеном осуществления компромисса становится этап выявления и оценки главных рисков компромисса: определения характера и величины рисков переговоров, уступок, процесса фиксирования соглашения (договора, контракта, сделки), надёжности и качества ожидаемого результата; проверяемости условий достигнутого и зафиксированного соглашения об условиях компромисса.

Четвёртым звеном может быть названа реальная работа по обеспечению безопасности всего процесса подготовки, проведения компромисса, этапа реализации его результатов: речь идёт о защите информации; о сохранении смыслов компромисса – о недопущении их неприемлемой деформации; о соблюдении полноты и адекватности действий каждой стороной по выполнению в оговоренные сроки чёткой последовательности условий компромисса. Здесь четвёртая группа рисков.

Пятое звено это определение общей величины всех рисков достижения и обеспечения компромисса.

Поучительным *опытом становления и функционирования практики компромиссности* может быть названа выдающаяся по значимости для судеб людей, многих стран и всего мира деятельность по подготовке и проведению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, август 1975 года).

По существу, для второй половины XX века, для первого десятилетия XXI века оформление компромиссности в реальные и глобальные по масштабу взаимодействий практики убедительно осуществлялось как теория и практика разрядки, как хельсинкский процесс, как опыт институционализации компромиссного, компромиссности, конкретных компромиссов, достигнутых в сложное время, в сложной сфере обеспечения безопасности.

Речь идёт о разрядке, об этапе развития международных отношений в 70–80-е годы XX века, характеризующимся ослаблением военного противо-

стояния, снижением напряженности и нормализацией отношений между государствами, принадлежавшими к различным социальным системам. Главное содержание разрядки заключалось в отходе от конфронтационных стереотипов «холодной войны», признании необходимости строить международные отношения на принципах мирного сосуществования, стремления содействовать свёртыванию гонки вооружений. Мир, разоружение, международная безопасность, невмешательство во внутренние дела, уважение независимости и территориальной целостности государств, урегулирование споров мирными средствами, взаимовыгодное сотрудничество – таковы необходимые и самые важные элементы разрядки. Объективно она была обусловлена возникновением военного равновесия между НАТО и ОВД, США и СССР, прежде всего по ядерному оружию, накопленных запасов которого в случае его применения оказалось бы достаточно для гарантированного взаимного уничтожения. Международно-правовое оформление и закрепление разрядка получила в ряде соглашений и договоров, в том числе советско-французской Декларации (1966), договорах СССР и Польши с ФРГ (1970), принципах сотрудничества между СССР и Францией (1971), четырёхсторонним соглашением (СССР, США, Великобритания и Франция) по Западному Берлину (1971), основах взаимоотношений между СССР и США (1972), договорах ГДР с ФРГ (1972) и ЧССР с ФРГ (1973) и др. Разрядка получила признание в документах ООН, в частности, в принятой в 1977 году Декларации об углублении и упрочении разрядки международной напряжённости.

Новые возможности для её углубления были открыты совещаниями по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки 1975, Мадрид 1980–1983, Стокгольм 1984, Вена 1989, Париж 1990). Параллельно с оздоровлением политического взаимодействия государств осуществлялись реальные и действенные меры по ограничению и сокращению вооружений, в первую очередь оружия массового уничтожения, развитию мер доверия. Хартия Мира, принятая на Парижском Совещании, провозгласившая отсутствие в Европе противников, самороспуск Организации Варшавского Договора, объединение Германии и ликвидация СССР означали окончание «холодной войны», что переводило процесс дальнейшей гуманизации и демократизации международных отношений в новое русло.

На базе возникшего в начале 1970-х годов совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) была создана организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Решение о переименовании СБСЕ в ОБСЕ принято на Будапештской встрече глав государств и правительств в1994. ОБСЕ включает 55 государств (1999) Европы, Азии и Северной Америки, в том числе 12 стран СНГ.

ОБСЕ представляет собой основывающуюся на консенсусе (единогласии) многостороннюю структуру для переговоров, консультаций и принятия политических решений. На проводимых, как правило, один раз в два года встречах глав государств и правительств стран-участниц определяются важнейшие приоритеты деятельности организации, принимаются основные документы. Вто-

рым по значению руководящим органом является Совет Министров ОБСЕ. Он проводит заседания не реже одного раза в год. Основной рабочий орган – Постоянный совет. Он состоит из постоянных представителей и участников; ежедневные заседания проходят в Вене.

Парламентская ассамблея ОБСЕ учреждена в 1991 году, её секретариат находится в Копенгагене. Переговоры по контролю над вооружениями, разоружению, мерам укрепления доверия и безопасности ведутся в рамках Форума по сотрудничеству в области безопасности. Под эгидой ОБСЕ осуществляются операции по восстановлению и поддержанию мира.

Особая значимость уроков функционирования многообразных практик хельсинкского процесса как практик компромиссного состоит и в необходимости изучения мотивов, факторов, механизмов и технологий трансформации компромиссного в некомпромиссное.

В своём выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности (Мюнхен, 2007, 10 февраля) Президент России достаточно полно раскрыл смысл преобразования компромиссного в некомпромиссное через практики деятельности ОБСЕ на территории России. «Как известно, она, – уточнил В. Путин статус Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, – была создана, чтобы рассматривать все, – я подчёркиваю это, – все аспекты безопасности: военно-политические, экономические, гуманитарные, причём в их взаимосвязи.

Сегодня что мы видим на практике? Мы видим, что этот баланс явно нарушен. ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной из групп стран в отношении других стран. И под эту задачу «скроили» и бюрократический аппарат ОБСЕ, который абсолютно никак не связан с государствами-учредителями. «Скроили» под эту задачу процедуры принятия решений и использования так называемых «неправительственных организаций». Формально, да, независимых, но целенаправленно финансируемых, а значит – подконтрольных.

Согласно основополагающим документам, в гуманитарной сфере ОБСЕ призвана оказывать странам-членам, по их просьбе, содействие в соблюдении международных норм в области прав человека. Это важная задача. Мы её поддерживаем. Но вовсе это не означает вмешательство во внутренние дела других стран, тем более навязывания этим странам того, как они должны жить и развиваться.

Очевидно, что такое вмешательство отнюдь не способствует вызреванию подлинно демократических государств. И наоборот, делает их зависимыми, и как следствие – нестабильными в политическом и экономическом плане. Мы рассчитываем на то, что ОБСЕ будет руководствоваться своими непосредственными задачами и выстраивать отношения с суверенными государствами на основе уважения, доверия и транспарентности»[1].

---

[1] *Путин В.* Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета. 2007. 12 февраля. С. 2.

Генезис формирования многообразных практик некомпромиссности из компромиссности (на примере концептуальности компромиссного в содержании, структуре и процедуре Заключительного акта – главного документа совещания в Хельсинки 1975 года), последовательно и конкретно рассмотрел Виталий Третьяков в статье «Зачем Россия считается с ОБСЕ?», опубликованной в мае 2007 года.

Исходный тезис его размышлений в фиксировании исключительной значимости для мировой истории итогов Хельсинки: «В чём суть этой конференции?, – ставит главный вопрос В. Третьяков и сам на него отвечает. – В историческом компромиссе между Западом и Востоком в целом и в частности – в окончательном, как тогда думали, по крайней мере в Москве, закреплении итогов Второй мировой войны на территории Европы»[1].

Далее, там же В. Третьяков в четырёх смыслах компромисса тщательно рассматривает глубинное, перспективное и созидающее значение исторического компромисса.

Точкой отсчёт в трансформации компромиссности в некомпромиссность В. Третьяков берёт 1994 год, когда на основе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) была создана Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) с мотивацией – развивать Хельсинкские (1975) инициативы.

Рассмотрим подробнее аргументы В. Третьякова как оформление концепции некомпромиссности (в моей трактовке).

Во-первых, нарушен основополагающий смысл как фундамент всех инициатив Хельсинки и основание компромиссности: паритет силы и ответственности. Суть нарушения: «...возник диспаритет, причём в ущерб одной из сторон, без которой никакого СБСЕ в принципе состояться не могло бы. И эта сторона – Россия»[2].

Во-вторых, разрушен принцип «нерушимости границ и территориальной целостности, прямо записанный в Заключительном акте... Распался СССР, распалась Югославия, причём её основу – Сербию – США и Евросоюз пытаются расчленить и сегодня...»[3].

В-третьих, США и НАТО провозгласили и осуществляют практику вмешательства в дела других суверенных государств (агрессия стран НАТО против Югославии в 1999 году): разрушен принцип невмешательства.

В-четвёртых, в некоторых сферах ОБСЕ распространила свою юрисдикцию на страны не входящие в Европейский Союз: «Хельсинкские договорённости исключали это обстоятельство».

О сути некомпромиссности как самостоятельном и достойном внимания институте важного класса взаимодействий В. Третьяков выразился, на мой взгляд, удивительно образно, содержательно и поучительно: «Сегодняшнее

---

[1] *Третьяков В.* Зачем Россия остаётся в ОБСЕ? // Московские новости. 2007. 11–17 мая, № 18. С. 3.

[2] Там же. С. 18.

[3] Там же.

руководство России по отношению к ОБСЕ придерживается такого мнения: пользы от членства в этой организации для России нет, но вред от выхода из неё будет больше, чем продолжение членства»[1].

Я полностью поддерживаю эту позицию, относящуюся к самому феномену «некомпромиссность» (по моей интерпретации). Но в этой главе и в последующих главах я буду продолжать исследование «некомпромиссного», «некомпромиссности», «некомпромисса» как очень важного звена важного состояния взаимодействий, изучения практик в ходе развёртывания антагонистических, прежде всего, противоречий по линии «компромиссность – бескомпромиссность» в ходе «деятельности» дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность».

А *суть бескомпромиссности* в концептуальных основаниях нового глобального атлантического проекта мироустройства XXI века (Проекта Буша) наглядно, по моему мнению, представлена в практиках 2007 года руководства США (НАТО, Европейского Союза) по развёртыванию систем противоракетной обороны (ПРО) на границах с Россией и их стремлению к применению ядерного оружия.

Да, это выражение антагонистического противоречия между людьми и народами, руководителями, ориентированными на культуру жизни, культуру мира и безопасности, культуру диалога и предотвращения: здесь ведущая, главная сторона противоречия. Другая сторона противоречия – люди, народы, руководители, исповедующие культуру смерти, культуру войны, идеологию и практику подавления и уничтожения другой культуры, другого образа жизни, других традиций, других ценностей и идеалов, которые они (Буш, Райс, Солана и другие руководители США, НАТО, ЕС) считают неправильными, ущербными, несостоявшимися, неуспешными.

Да, творцы и сторонники бескомпромиссных практик как субъект Проекта Буша, нового атлантического мироустройства представляют не каждого жителя США, Англии, Европейского Союза. Но это легитимные руководители развитых и богатых, благополучных стран.

Да, Россия в интересах предотвращения возможной ядерной глобальной войны предложила для смягчения, блокирования ближайших угроз значительные уступки, стремится тщательно и публично объяснить свою позицию.

Да, пока «сдвинуть бескомпромиссность» хотя бы в сферу «некомпромиссности» не удаётся.

Поэтому для понимания взаимообусловленности компромиссности – некомпромиссности – бескомпромиссности, особенно в контексте возможности продвижения при разрешении антагонистических противоречий интересен комментарий газеты «Ведомости» к практикам Ватикана 2007 года осуществления политики «более чёткого артикулирования основ веры и ухода от политкорректности»[2].

---

[1] *Третьяков В.* Зачем Россия остаётся в ОБСЕ? С. 18.

[2] Ведомости. 2007. 12 июля. С. А4.

С учётом практики достижения и осуществления «Великого Компромисса» – объединения Российской Православной Церкви в 2007 году – всё актуальнее становится вопрос о сближении позиций, объединении христианства. И прежде всего в интересах предотвращения возможной ядерной глобальной войны XXI века. «Что касается объединения церквей – это цель, не подвластная человеческому разумению, – констатирует газета «Ведомости».– Догматические разногласия, приведшие к расколу, и культурные различия, накопленные за последующие века, слишком принципиальны для приверженцев той или иной конфессии. Прагматическая позиция здесь может быть только такая: невозможно объединить церкви к такому-то сроку, но в то же время над этим нельзя прекращать работать»[1].

Вот именно: нельзя прекращать работать над компромиссностью – компромиссное может трансформироваться в некомпромиссное; нельзя прекращать работу и над бескомпромиссностью – может быть удастся трансформировать этот феномен хотя бы в небескомпромиссное.

«Позиция» в практиках и теории компромиссного

Сначала ещё раз о бескомпромиссном. Именно такой императив всё более чётко предъявляет всему миру руководство США в ответ на предложения России по поиску компромисса по вопросу размещения систем противоракетной обороны, т. е. ядерного оружия США, на своих границах.

Для России такая позиция США имеет, безусловно, негативный смысл.

Но для многих руководителей в США, НАТО, Европейском Союзе, для многих рядовых граждан эта же позиция имеет позитивный смысл.

Для понимания компромиссного суть феномена «позиция» имеет важнейшее значение.

Позиция России в обсуждении проблемы американских ПРО в Польше и Чехии образует исходное основание для российского, европейского и глобального дискурса.

Прежде всего, *во-первых*, Россия выступает как субъект дискурса по поводу ключевого аспекта новой системы мироустройства.

Во-вторых, Россия своей активной конструктивной позицией (она предлагает упреждающий, предотвращающий компромисс на основе весьма чувствительных уступок из арсенала своей национальной безопасности) «встраивает» себя как субъект взаимодействий по поводу национальной и глобальной безопасности в мировое уже функционирующее семантическое (языковое) информационное пространство культуры.

В-третьих, позиция России активно стимулирует сравнения, сопоставляя в мировых дискурсах смысловую конкретность и перспективность, гуманизм и ответственность за судьбы как своего народа, так и народов других стран со стороны России; и в то же время в оппозиции к принципу бескомпромиссности, как позиции США, активизирует дискурс в интересах мира и безопасности, доверия и диалога.

---

[1] Ведомости. 2007. 12 июля. С. А4.

В-четвёртых, активность и чёткость позиции России в ситуации с американскими ПРО в Европе раскрывает огромный потенциал опережающего компромисса для своевременного предотвращения возможной ядерной войны и *позиционирует новые цели России, главные ценности российского общества, основы современного мировоззрения, нового гуманизма и ключевые смыслы национальной идеологии*.

В-пятых, практики состоявшихся обсуждений предложений России по поводу ПРО в Европе выявили важную доминанту самого процесса институционализации феномена «позиция»: необходимость и значительность тщательного, открытого и честного объяснения, разъяснения позиции.

Примером тщательного объяснения позиции России в предлагаемом ею опережающем компромиссе стал весь ход встречи Президента России с журналистами из стран – членов «Группы восьми» накануне саммита «Большой восьмёрки».

В ходе беседы заведующий московским бюро «Уолл-стрит джорнэл» Грегори Уайт задал очень длинный и весьма жёсткий вопрос: «Одна из наиболее острых проблем между Вашингтоном и Москвой в последнее время – это американские планы установить элементы ПРО в Европе. Поскольку Россия очень жёстко высказывает свои соображения против этой системы, а Белый дом утверждает, что всё равно будет устанавливать, и жёстче становится противостояние... больше появляется стран, желающих, чтобы система у них была установлена. Чего Россия добивается тем, что она так сильно выступает против? Вы надеетесь, что Вашингтон в конце концов откажется от своих планов установить ПРО, или у Вас какие-то другие цели, поскольку **Вашингтон уже сказал, что не даст России вето** на эту программу?»[1]. (Выделено мною. Поясню дополнительно: вето – это бескомпромиссность, это антикомпромисс. – *В.К.*)

Ответ Владимира Путина действительно стал детальным разъяснением позиции России как Грегори Уайту, так и всему мировому сообществу: «Теперь я хочу окончательно ответить на Ваш вопрос: чего мы добиваемся? Мы, во-первых, хотим, чтобы нас услышали. Мы хотим, чтобы была понятна наша позиция. Мы не исключаем, что наши американские партнёры могут пересмотреть своё решение. Мы никому ничего не навязываем. Но мы исходим из соображений здравого смысла, и думаем, что этот здравый смысл присутствует у всех. Но если же этого не произойдёт, то мы снимаем с себя ответственность за наши ответные шаги, потому что не мы являемся инициаторами безусловно назревающей новой гонки вооружений в Европе. И мы хотим, чтобы все ясно и чётко представляли, что мы за это ответственности нести не будем, как её, например, пытаются на нас переложить в связи с совершенствованием нами систем стратегического ядерного оружия. Мы же не были инициаторами выхода из Договора по противоракетной обороне. Но когда мы дискутировали с нашими американскими партнёрами по этому вопросу, что мы отвечали? Мы

[1] *Путин В.В.* Владимир Путин: Позицию России готов объяснить детально // Российская газета. 2007. 5 июня. С. 2, 4.

говорили, что у нас нет ресурсов и желания создавать такую систему. *Но мы с вами на профессиональном уровне понимаем, что система противоракетной обороны с одной стороны и отсутствие таковой у другой стороны создаёт иллюзию защищённости и повышает возможность развязывания ядерного конфликта.*

Я говорю чисто теоретически, это не имеет никакого личностного измерения. Нарушается стратегический баланс в мире. Для того, чтобы этот баланс восстановить, не создавая у себя системы противоракетной обороны, мы вынуждены будем создавать системы преодоления этой ПРО, что мы и делаем сейчас.

Мы тогда слышали от наших партнёров: "Ничего страшного, мы же не враги, мы против друг друга работать не будем". Мы напоминаем, мы посылаем ответную шайбу: "Мы вас предупреждали, мы об этом говорили, вы нам отвечали вот так. Так мы и делаем, как говорили". И в случае размещения систем противоракетной обороны в Европе и сегодня предупреждаем – будут ответные шаги. Мы вынуждены обеспечивать свою безопасность. И не мы инициаторы этого процесса.

Ну и, наконец, последнее. И опять не хотелось бы, чтобы возникла иллюзия, что мы кого-то разлюбили. Но иногда лично у меня возникает такая мысль: я думаю, зачем же всё-таки это делается, зачем так настойчиво наши американские партнёры пытаются претворить в жизнь планы по размещению противоракетной обороны в Европе, если они, совершенно очевидно, не нужны против защиты от иранских или тем более северокорейских ракет (известно ведь, где Северная Корея находится? И какая должна быть дальность у этих ракет, чтобы достичь Европы)? Ясно, что это не против них, и ясно, что не против нас, потому что для всех очевидно, что Россия не собирается ни на кого нападать. Но зачем же тогда? А может быть специально для того, чтобы мы совершили вот эти ответные шаги? И для того, чтобы не допустить дальнейшего сближения России с Европой? Если это так (я не утверждаю, что это так, это одна из версий), то я полагаю, что это ещё одна ошибка, потому что таким образом мы международную безопасность и международный мир не улучшим»[1]. (Выделено – курсив – мною. – *В.К.*).

Важные проблемы понимания смысла института «позиция» были обсуждены в ходе вопросов и ответов по проблеме Косово. Первый вопрос был задан международным обозревателем итальянской газеты «Карьере делла сера» Франко Вентурини. *«Я знаю Вашу позицию в отношении Косово, – сказал он, – в отношении прямых переговоров между сербами и косоварами. Однако мой вопрос: не считаете ли Вы, что наличие такой позиции против плана М. Ахтисаари в ООН фактически стимулирует, подталкивает Косово к одностороннему объявлению независимости?»*[2].

---

[1] *Путин В.В.* Владимир Путин: Позицию России готов объяснить детально // Российская газета. 2007. 5 июня. С. 2.

[2] Там же. С. 4.

В своём ответе Владимир Путин чётко и обстоятельно обозначил связь позиции России по Косово со сложными нравственными вопросами поиска и достижения компромисса в сложнейших сферах самоопределения народов. «Теперь Косово. Вы сказали о том, что мы за диалог между албанским населением Косово и сербами. Но это не всё, это не вся наша позиция, – уточнил В. Путин. – Я позволю себе всё-таки дать на эту тему более развёрнутый ответ.

Первое. Наша позиция основана на принципах международного права, где одним из главных является принцип территориальной целостности государства.

Второе. Наша позиция основана на решениях Совета Безопасности Организации Объединённых Наций. Резолюцию 1244, хочу это подчеркнуть, за которую проголосовали все единогласно, – эту Резолюцию никто не отменял. И в ней, в самой Резолюции, и в приложениях к ней чёрным по белому написано: Косово – неотъемлемая часть Сербии.

Далее. Если мы хотим принцип самоопределения народов, принцип самоопределения наций, а это как раз был советский подход во времена борьбы с колониализмом, поставить выше принципа территориальной целостности, то в этом случае такое решение и такой подход должен носить универсальный характер и должен быть распространён на другие регионы мира, во всяком случае, на другие регионы Европы. Заявление наших партнёров о том, что косовский случай носит уникальный характер, нас не убеждает. Нет никаких аргументов, которые говорят о том, что косовский случай чем-то отличается от ситуации, сложившейся в Южной Осетии, в Абхазии или в Приднестровье. В одном случае развалилась югославская коммунистическая империя, в другом случае развалилась советская коммунистическая империя. В одном случае был этнический конфликт. И во всех других случаях был этнический конфликт. И там, и там была война. И там, и там были жертвы. И там, и там были свои преступники и жертвы этих преступлений. Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье 15 лет уже как чувствуют себя независимыми государствами. Там избраны парламенты, президенты, приняты конституции. Никакого различия нет.

Поэтому для нас непонятно, почему мы должны поддерживать один принцип в одном месте Европы, а другими принципами руководствоваться в других частях Европы, отказывая малым народам, скажем, Кавказа в их праве на самоопределение.

Следующая позиция заключается в том, что я не исключаю, что постепенная работа с сербской стороной может привести к какой-то трансформации их взглядов на Косово. Я не хочу отвечать за сербскую сторону, но **настойчивая**, **тактичная работа может привести к каким-то компромиссам. Я не понимаю, зачем нужно сегодня ломать целый европейский народ «через колено», унижать его и ставить на колени с тем, чтобы потом целая страна видела врагов в тех, кто это сделал. Такие вопросы нужно решать только на основе согласия и, повторяю, компромисса Я думаю, что такие возможности не исчерпаны.**

Мы слышим только один ответ: надо спешить. Куда спешить? Что такого происходит, что мы должны дёргаться, я прошу прощения, «как блоха на аркане»?»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*).

Свои возражения в связи с развёрнутыми аргументами В. Путина по поводу поиска компромиссов в Косово предложил в своём вопросе, а точнее минивыступлении, руководитель международной редакции французской газеты «Фигаро» Пьер Руслен. «Я хотел бы отреагировать на то, что не было компромисса. Дайте мне представление о том, какой компромисс здесь возможен. Либо страна независима, либо она не независима. Я не понимаю, какой компромисс здесь возможен? Где Вы здесь усматриваете возможность компромисса?»[2].

Ответ, разъяснения и объяснения, которые изложил Президент России Владимир Путин, помогают глубже понять важность позиции в поисках компромисса: «Если бы я знал, я давно бы это предложил. Надо искать. Это тяжёлая и сложная работа. Не знаю. Пока не знаю,– откровенно и чётко ответил В. Путин. – Но был же найден компромисс между Черногорией и Сербией на какой-то исторический период. Правда? И все согласились с этим. Как пример я просто Вам говорю. Но Вам не приходит в голову, что принятие на вооружение принципа самоопределения наций подтолкнёт негативные процессы не только на постсоветском пространстве, с чем мы здесь в России столкнёмся? Нам будет трудно объяснить малым народам Северного Кавказа, почему в одной части Европы какому-то народу такое право предоставлено, а им здесь, на Кавказе, почему-то нет. Причём часть, скажем, осетинского народа проживает в России, а часть проживает на территории Грузии и считает себя независимым государством. Как нам объяснить осетинам, почему они люди второго сорта в Европе? Почему албанцам разрешено вести себя таким образом, а осетинам, скажем, нет? Невозможно это объяснить. Кроме этого, такое решение, давайте прямо скажем, подтолкнёт сепаратистские движения в самой Европе. В Шотландии, насколько мне известно, через три года планируется поставить на референдуме вопрос о независимости. В Каталонии мы слышим уже такие движения. В Стране басков уже давно развивается этот процесс. Если «поковыряемся» на Балканах, увидим, что Республика Сербская захочет присоединиться к Сербии. В Южной Европе и другие проблемы есть. Я просто не хочу даже называть эти проблемы, чтобы не провоцировать соответствующие движения. Если вы поговорите с экспертами, вы найдёте там массу проблем подобного рода. Зачем это провоцировать? Я считаю, что это крайне вредно и очень опасно. И если кому-то хочется идти на поводу у людей, которым почему-то не терпится, времени не хватает непонятно на что, ну, пожалуйста. Мы с этим согласиться не можем»[3].

---

[1] *Путин В.В.* Владимир Путин: Позицию России готов объяснить детально // Российская газета. 2007. 5 июня. С. 2.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 4.

Слова В. Путина о том, что поиск компромиссов «тяжёлая и сложная работа», поясняет, что эта работа начинается с выстраивания собственной Позиции; с разъяснения и объяснения оформленной позиции.

Все пять тезисов для основания выявления смыслов и понимания процесса институционализации феномена «позиция» позволяет, надеюсь я, оформит вывод, раскрывающий реальность функционирующего особого научного дискурса о природе, содержании и структуре конкретных компромиссов в самых разных сферах жизнеобеспечения человека и общества, современной цивилизации.

Рабочее определение категории «позиция» в пространстве и времени компромиссного может быть изложено так:

> *это взаимосвязанное сочетание: целей, идеалов и ценностей субъекта, его ментальности и идентичности; прав, свобод и ответственности; понимание обязанностей и долга; смысла жизни, исторической памяти и образа жизни; национальной культуры и созидающей патриотической идеологии; нового (не-Западного) гуманизма XXI века.*

Главная особенность смысла феномена «позиция» в масштабе компромиссного как конкретного института состоит в том, что для всех смыслов процесса строительства компромисса; торга по поводу уступок; процедур контроля соблюдения достигнутого соглашения; восприятия и функционирования результата компромисса чётко и доказательно заранее обозначается соотношение цели компромисса, средств его достижения и честности.

«Уступка» в практиках и теории компромиссного

Многие позитивные особенности компромиссного, компромиссности, компромисса обусловлены природой и функционированием важнейшего феномена, который называется «уступка». В то же время именно особые свойства этого феномена формируют самую значительную и трудно просчитываемую группу рисков всего компромисса.

Смысл уступки может быть понят как конкретная и актуальная часть цели, ценностей, интересов, активов, которую реальный субъект компромисса готов на заранее согласованных условиях, с учётом конкретного времени и пространства передать полностью или на оговорённое время другому субъекту компромисса, как своё возмещение другой стороне компромисса за полученную от этой другой стороны её уступку (тоже на заранее согласованных условиях).

Динамика институционализации феномена «уступка» определяется, как минимум, двумя факторами. *Во-первых*, процесс согласования качества и структуры уступок, их соответствие друг другу представляет многотрудный процесс согласования, экспертиз и оценок, который может идти как минуты и часы, так и дни, месяцы и годы.

Например, ключевой компромисс об урегулировании отношений между арабскими государствами и государством Израиль готовится и обсуждается много лет. Камень преткновения – характер и значительность уступок от каждой стороны переговоров по схеме, предложенной в 2002 году, которая называется «Саудовская инициатива» с её ключевым императивом «мир за землю».

Здесь смысл уступки от Израиля задан другой стороной возможного компромисса: арабские страны предложили Израилю освободить все земли, которые были им захвачены по итогам войны 1967 года; осуществить «справедливое решение» в конструктивном решении сложнейшей проблемы палестинских беженцев; позитивно сотрудничать в вопросах создания самостоятельного палестинского государства.

В свою очередь арабские государства, на основе решения Лиги арабских государств (ЛАГ), принятого в марте 2007 года, обязуются (это их уступка Израилю) полностью признать государство Израиль и наладить с ним полномасштабные отношения, т. е. мир.

Пять лет руководство Израиля не хотело даже в самом предварительном порядке обсуждать саму возможность компромисса с Лигой арабских государств.

Ситуация изменилась только летом 2007 года, когда Президентом государства Израиль стал Шимон Перес, убеждённый сторонник поиска компромиссов всегда и везде, а «квартет» посредников для «строительства» компромисса в составе России, ООН, Европейского Союза и США нашёл, наконец, способы и мотивацию для Израиля, чтобы он согласился на исходные переговоры.

И такие переговоры о достижении компромисса на основе заранее выставленных «уступок» начались в Израиле 25 июля 2007 года: с одной стороны, от Лиги арабских государств участвовали министр иностранных дел Египта Ахмад Абуль Гейт и министр иностранных дел Иордании Аббель Илях аль-Хаттаб; с другой стороны – Глава министерства иностранных дел Израиля Ципи Ливни.

Во-вторых, динамика институционализации феномена «уступка» обусловлена самим процессом согласования уступок – это в абсолютном большинстве ситуаций подготовки компромиссов реальный и конкретный торг, когда все стороны компромисса ищут такие процедуры и решения, которые, безусловно, принесут удовлетворение и выгоду каждой стороне компромисса.

О значимости учёта фактора риска в ходе согласования характера и значительности уступок откровенно сказал Президент России Владимир Путин в ходе своей встречи с журналистами из стран – членов «группы восьми»: этот сюжет представлен в предыдущей главе. Напомню только одну строчку: «А может быть, специально для того, чтобы мы совершили вот эти ответные шаги?». Т. е. может быть система ПРО США в Польше и Чехии это блеф, чтобы вынудить Россию на опережающие компромиссы, на опережающие уступки. Вот где действительно серьёзные риски.

Именно ситуация торга между сторонами компромисса по поводу уступок в ситуации с взаимной зависимостью для неантагонистических противоречий создаёт для понимания смысла и динамики уступок на стадии обсуждения условий компромисса аналогию игры с ненулевой суммой.

Учитывая исключительное значение для теории компромисса, для становления социологии компромисса категорий «уступка», «время компромисса», «пространство компромисса», «торг», «игра с ненулевой суммой», предложу рабочие определения этих понятий.

Категория «уступка» *может быть определена как*

собирательный термин для обозначения совокупности феноменов (правил игры, ценностей, интересов, устоявшихся процедур отношений, материальных факторов и т.д.), передаваемых одной стороной компромисса, в которых другие участники компромисса признают значимый и актуальный фрагмент прошлого, настоящего или будущего и соглашаются присвоить себе по итогам компромисса на определённых условиях.

Категория «компромиссологическое время» (или «время компромисса») –

это конкретизация временных рамок всего процесса компромисса от обозначения ситуации его желательности до осуществления результата компромисса с учётом условий его функционирования, с учётом полного цикла возмещения возможного ущерба от реализации рисков компромисса.

Категория «компромиссологическое пространство» (или «пространство компромисса») –

это место и масштаб подготовки функционирования компромисса, осуществления его результатов и возмещения рисков компромисса; это масштаб взаимосвязей практик функционирования компромиссного с новым гуманизмом, современным мировоззрением, с логикой и динамикой новой модели мироустройства XXI века (Проекта Путина).

Категория «торг» (в контексте подготовки компромисса) –

это действия сторон (субъектов) компромисса: по согласованию содержания, структуры и конфигурации уступок от каждой стороны; по согласованию условий (время, место, процедура функционирования уступки после факта обмена уступками); по согласованию процедуры контроля за условиями компромисса после его осуществления; по согласованию санкций конкретной стороны в ситуации зафиксированных нарушений условий компромисса.

Категория «игра с ненулевой суммой»

обозначает такой характер взаимодействий субъектов противоречий (в основном, неантагонистических), когда в итоге переговоров, торга может быть заключено соглашение, итоги которого одинаково удовлетворяют каждого субъекта взаимодействия: каждый справедливо определяет себя победителем.

Таким образом, в основании теории компромиссного можно обозначить свои специфические категории и выделить оригинальную доминанту дискурса о природе уступок в процессе достижения конкретного компромисса.

«Договор о компромиссе» Соединяет основные звенья компромисса (его цель, разные интересы субъектов компромисса, их общиё интерес, позиции, уступки, процессы их согласования) договор (соглашение, контракт и т. д.) о компромиссе.

На этапе его подготовки к утверждению в общую совокупность элементов добавляются процедура хода осуществления компромисса и способы контроля соблюдения соглашений.

С наступлением рубежа начала функционирования договора о компромиссе становится возможным и социологический мониторинг хода его осуществления.

Смысл феномена «договор о компромиссе» имеет как минимум два аспекта: первый – это когда принятый, утверждённый и легитимный договор является главным и желанным результатом для всех сторон компромисса; второй аспект – это когда результат, ожидаемый отдельными субъектами компромисса, обусловлен гарантированным исполнением конкретных пунктов договора.

В реальной жизни иногда достаточно устойчиво функционирует виртуальное определение для какого-либо класса событий, оценочное суждение типа *«Дух Ялты»* (о смыслах договорённостей по поводу итогов второй мировой войны), *«Дух Хельсинки»* (о смыслах сотрудничества, доверия и разрядки по итогам Совещания 1975 года).

Особенно важно отметить то обстоятельство, что содержание специфического социологического научного компромиссологического дискурса в значительной степени наполняется как социологической интерпретацией итогов мониторинга хода выполнения договора о компромиссе, так и хода восполнения ущерба от последствий проявления всей полноты рисков исполнения договора.

Примером начала именно специфического социологического дискурса по поводу состоявшегося компромисса и закреплённого в Соглашении может быть названа смысловая доминанта выступления выдающегося британского политика, учёного и писателя Уинстона Черчилля в Палате Общин 27 февраля 1945 года об итогах Ялтинской конференции. «Я отвергаю и отметаю всякое предположении о том, что мы... идём на сомнительный компромисс или уступаем силе или страху, и я подтверждаю с глубочайшим убеждением полную справедливость политики, которой все три великих союзника впервые придерживаются теперь»[1].

Категория «договор о компромиссе», с учётом вышеизложенного, *может быть определена мною, в рабочем плане, как*

> *оформленный итог взаимодействия субъектов переговоров по поводу достижения общей цели на основе урегулирования имеющихся противоречий, принятых и одобренных взаимных уступок, на основе утверждения процедуры исполнения условий компромисса в строго оговоренное время и в точно обозначенном пространстве.*

В заключение этой главы считаю важным отметить, что институт «договор о компромиссе» обладает очень важным потенциалом для выявления смысла и надёжности практик функционирования компромиссного по причине «встраивания» особого социологического компромиссологического дискурса в мировую традицию, в мировой культурный дискурс.

Первым фактором связи с традицией может быть названа чёткая доминанта связи договора о компромиссе с феноменом «общественный договор» в интерпретации Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо.

---

[1] Приводится по: *Петраков Н.* Тень бронзового солдата как смысл нового передела мира // Литературная газета. 2007. № 28. 11–17 июля. С. 1.

Вторым *фактором сохранения и развития традиций мирового дискурса по проблемам безопасности может быть названа органическая связь договоров (конвенций, хартий, соглашений, деклараций, пактов и т. д.) о компромиссах с содержанием и смыслами Женевской конвенции 1964 года, Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов (разработанных и принятых по инициативе России), определивших процедуру взаимодействий между субъектами в условиях войны и мира*.

Полагаю, что сохранение лучших традиций в теории и практике обеспечения мира и безопасности может содействовать практикам компромиссного создавать новые смыслы, новое пространство, новые императивы для преодоления как неантагонистических, так и антагонистических противоречий.

«Результат компромисса»

Оформление, институционализация феномена «результат компромисса» составляет, по моему мнению, как оптимистический аспект научного дискурса о вопросах мира и безопасности, так и драматический аспект этого же дискурса. Примером «сочетания противоположного» можно считать стратегические очерки Виталия Третьякова о трансформации смыслов Хельсинкских инициатив, хельсинкского компромисса 1975 года, о котором я рассказывал в предыдущих главах.

Вернёмся ещё раз к его размышлениям. Да, ещё в 1983 году все участники Хельсинки 1975 собрались в Мадриде и 6 сентября приняли итоговый документ, в котором ещё полностью поддерживаются результаты Хельсинки 1975.

Те замечания Президента России Владимира Путина в адрес ОБСЕ, официального «проводника» результатов Хельсинкского процесса 1975 года, я уже тоже приводил: оценка его противоположна мадридскому документу – «дух Хельсинки» выветрился из деятельности ОБСЕ.

Почему восприятие результатов сложнейших и важнейших компромиссов сохраняют свой динамизм и конструктивизм в восприятии всех сторон «строителей» компромисса?

Почему результаты важнейших и судьбоносных компромиссов со временем преобразуются в свою противоположность?

Здесь, по моему мнению, одна из интереснейших загадок современного специфического социологического компромиссологического дискурса.

Для продвижения в понимании смысла любой трансформации феномена «результат компромисса» важно вспомнить, по моему мнению, размышления Гегеля о результатах действий людей, преследующих свои цели и создающих всемирную историю. «Но всемирная история не начинается с какой-нибудь сознательной цели, как это бывает у отдельных групп людей, – утверждает Гегель в своём введении к курсу лекций по философии истории. – **Сознательною целью простого стремления их к совместной жизни является уже обеспечение безопасности их жизни и собственности, а когда осуществляется эта совместная жизнь, эта цель расширяется**. Всемирная история начинается со своею общею целью, заключающейся в том, чтобы понятие духа удовлетворялось лишь *в себе*, т. е. как природа. Этой целью является внутреннее, сокровеннейшее, бессознательное стремление, и все дело всемирной истории заключается, как уже было упомянуто, в том, что-

бы сделать это стремление сознательным. Таким образом то, что было названо субъективной стороной, – потребность, стремление, страсть, частный интерес, проявляясь в форме естественного состояния, естественной воли, тотчас оказываются налицо сами для себя, подобно мнению и субъективному представлению»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*).

Возможно, что для понимания трансформации результатов компромисса нам ещё раз полезно обратиться к размышлениям Гегеля по поводу внутренней противоречивости самих результатов деятельности людей, когда они «создают человеческое общество, в котором они дают праву и порядку власть *над собой*»[2].

Актуальность продолжения Гегелем этого замечания состоит в том, что оно даёт философский и социологический ключ к пониманию объективной противоречивости любого результата компромисса. «Далее, из вышеуказанного соотношения, – поясняет Гегель, – вытекает, что во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется ещё и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»[3].

И вот главный тезис Гегеля, который, по моему мнению, может содействовать пониманию противоречивой природы смысла результата компромисса. «Итак, частный интерес страсти неразрывно связан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определённых интересов и их отрицания, – подводит итог Гегель. – Частные интересы вступают в борьбу между собой, и некоторые из них оказываются совершенно несостоятельными. Не всеобщая идея противополагается чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остаётся недосягаемою и невредимою на заднем плане. Можно назвать *хитростью разума* то, что он заставляет действовать для себя страсти, причём то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идёт о явлении, часть которого ничтожна, а часть положительна. Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидов»[4].

* * *

Знаменательно, что выдающийся наш соотечественник Никита Николаевич Моисеев, математик, философ и эколог, свои соображения об основах теории компромисса, о его результатах изложил в своих публичных лекциях

[1] *Гегель*. Философия истории. М.; Л., 1935. С. 24.
[2] Там же. С. 27.
[3] Там же.
[4] Там же.

по философии истории, по вопросам самоорганизации материального мира, интерпретации процесса общественного развития, по универсальному эволюционизму, которые были прочитаны им в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Поэтому так интересны, по моему мнению, его размышления о «границах» возможностей, результатов компромиссов (в сфере антагонистических противоречий). «Уже во времена Платона, т. е. более 2500 лет тому назад, люди понимали, что свобода и равенство – понятия противоречивые: свобода, в силу различия людей, неизбежно порождает неравенство, каковы бы ни были общественные институты, – утверждает Н.Н. Моисеев. – А любое неравенство – национальное, правовое и, особенно, имущественное несёт в общество социальную напряжённость и неустойчивость. Маркс полагал, что это противоречие найдёт своё разрешение на последней стадии коммунизма, точнее, уже после него, на стадии перехода к обществу реального гуманизма. С этим утверждением марксизма я не могу согласиться, ибо убеждён, что это противоречие – вечное. Оно в «природе вещей»: без него развитие невозможно. *В разных условиях, в разные времена общества находили и будут находить свою меру компромисса между свободой и равенством, соответствующих конкретным жизненным реалиям. Какие-либо общие, универсальные рецепты, годные для всех времён, по моему глубокому убеждению, отсутствуют. Поэтому, когда я говорю о высоком уровне социальной защищенности и социальной справедливости, смягчающих противоречия, рождаемые социальным неравенством, то имею в виду не снятие противоречия «свобода – равенство», а такой компромисс между ними, который обеспечивает выполнение первого свойства, которым должно обладать рациональное общество.*

Каков будет этот компромисс, какими правовыми средствами и структурой собственности он будет обеспечен – сказать сегодня нельзя. Более того, эта проблема может решаться далеко не единственным образом, хотя бы потому, что люди очень разные, разнятся их традиции и представления об иерархии ценностей. Но важно, что, каким бы он ни был, компромисс должен снимать опасный уровень социальной напряжённости, которая мешает полноценному использованию таланта граждан для преодоления внешних трудностей развития общества»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*).

А **определение категории «результат компромисса»,** в самом предварительном порядке, можно осуществить так:

> *это совокупность целевых ориентиров, процедур их достижения и условий контроля соблюдения процедур с участием каждого субъекта переговоров; сами договорённости оформлены соответствующим документом, содержание и структура которого полностью удовлетворяет каждую сторону состоявшегося компромисса*.

[1] *Моисеев Н.Н.* Восхождение к разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М., 1993. С. 132.

Контрольные вопросы

1. Почему даже скромное, посильное участие человека в обеспечении своей безопасности и безопасности Другого предполагает наличие энергетики, воли, настойчивости?
2. Как важность овладения процедурой достижения желательных результатов зависит от понимания смыслов безопасности, справедливости, компромиссности, законности?
3. Что общее в технологии осуществления компромисса важно и полезно для осуществления процессов обеспечения безопасности?

Литература

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.
Яновский Р.Г. Мировоззрение. М., 2007.
Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
Безопасность Евразии – 2004: Энциклопедический словарь-ежегодник. М., 2006.
Капто А.С. Энциклопедия Мира. М., 2005.

Глава 14
Безопасность как механизм

Эта глава посвящена исследованию технологии продвижения фундаментальных разработок проблем формирования Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века во взаимосвязи с новым мировоззрением в сферу безопасности человека, общества и государства. Смысл таких исследований – обоснование инноваций в сфере безопасности через компромисс на основе высоких гуманитарных технологий. Тем самым впервые формируется оригинальная социологическая методология процедур гуманитарного регламентирования для сложнейшей сферы взаимодействия безопасности нового миропорядка, безопасности, нового мировоззрения, безопасности уникального феномена «миропорядок – мировоззрение».

По своему смыслу предложенные соображения являются первым социологическим гуманитарным технологическим регламентом в сфере разработки, экспертизы, принятия, выполнения и последующего анализа эффективности стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации.

Эти соображения призваны содействовать регулированию всего процесса стратегического планирования национальной безопасности и отношений между субъектами планирования на этапах разработки планов всех уровней (общероссийском, региональном и муниципальном), их экспертизы, согласования, принятия, корректировки по ходу выполнения и анализа эффективности.

Цель предложенного регламента – содействие достижению эффективности в обеспечении безопасности человека, семьи, общества и государства, обеспечение в деятельности всех субъектов осуществления национальной безопасности целостности и системности; содействие преодолению фрагментарности и разрозненности научных исследований в сфере национальной безопасности.

Наполнение регламента и его характер меняется в зависимости от фундаментальных целей и задач национального развития России. На сегодняшнем первом этапе (обозримая перспектива) гуманитарный технологический регламент стратегического планирования национальной безопасности предопределён гуманитарным стратегическим манёвром России: её развороту к обеспечению достоинства, безопасности и благополучия каждого человека.

Основное содержание главы – создание в Российской Федерации понятной, динамичной, убедительной и эффективной социологической технологии разработки программ конструктивных действий всех государственных и муниципальных структур на основе компромисса, действующих в едином технологическом ключе для достижения необходимого и достаточного уровня безопасности народов России через стратегический общероссийский, евразийский опережающий и предотвращающий компромисс.

Смысл гуманитарных инноваций – создание надёжного инструментария, призванного снизить реальные риски, повысить степень просчитываемости деятельности государственных органов, улучшить качество принимаемых государственных решений.

Основные мотивы, определяющие необходимость стратегического планирования обеспечения национальной безопасности:

- обострение и усложнение задач устойчивого развития страны;
- увеличение риска возникновения чрезвычайных ситуаций (природных техногенных, социальных);
- многообразие и сложность международных проблем и наличие кризисных ситуаций;
- рост преступности, особенно её организованных форм, а также распространение коррупции;
- усиление угроз со стороны радикальных террористических организаций, в том числе международных;
- ограниченность финансовых средств, выделяемых на решение проблем в области национальной безопасности.

Принципиальная особенность стратегического планирования определяется тем, что оно ведётся в условиях высокой степени неопределённости. В силу этого оно всегда носит вариабельный (вариативный) характер.

Исходным условием стратегического планирования является чёткая определённость общенациональной цели Российской Федерации, концентрация усилий на достижении которой служит устойчивому и безопасному развитию России. Достигается такая динамика на основе текущих и долгосрочных задач развития. В итоге суть стратегического планирования безопасности оформляется как кон-

структивное предотвращение опасного изменения ключевых факторов внешней среды, которые влияют на состояние и развитие государства.

Смысл, содержание и суть стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации могут быть, в итоге, представлены в устойчивой и мотивированной последовательности следующих шагов:

- надёжная защита смыслов и способов осуществления национальной цели страны, её идеалов, ценностей и базовых интересов через опережающие компромиссы;
- предотвращение возникновения стратегических угроз, опасностей, рисков и вызовов в окружающей среде целям и ценностям человека, народов России, самому государству;
- устойчивая и эффективная защита слабых сторон субъекта управления государством и участие в расширении сильных сторон субъекта управления;
- надёжная, устойчивая и всеобъемлющая защита как лидеров страны, так и их ценностей;
- терпимость, внимание и корректность как к лидерам, создающим альтернативные проекты развития страны, так и к их смыслам, логике существования.

Правовую базу стратегического планирования инноваций в обеспечении национальной безопасности составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, другие нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие отношения в области безопасности; конституции, законы, иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции в данной сфере; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры и соглашения, заключенные или признанные Российской Федерацией, указы и распоряжения Президента Российской Федерации.

Для целей настоящего исследования используются следующие основные понятия:

стратегическое планирование – инструмент обеспечения деятельности государства (организации) в долгосрочной перспективе на основе общего видения социально-политической ситуации в регионе и в мире; на основе предотвращения возможных неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов с ориентацией на достижение национальной цели путём снижения неопределённости управления в сфере безопасности, повышения степени и качества просчитываемости действий всех уровней государственной власти и качества принимаемых решений всеми ветвями власти;

регулирование в гуманитарной сфере – правовое регулирование отношений в сфере разработки, экспертной оценке, согласования, принятия, сопровождения и анализа эффективности всех основных установлений в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

соответствие – определённый порядок документального удостоверения действий всех субъектов в сфере безопасности требованиям гуманитарных регламентов, согласованных стандартов и принятых процедур;

обеспечение национальной безопасности – организация жизнедеятельности личности, общества и государства, а также система специальных мер, служащих предотвращению локализации и устранению вызовов, опасностей и угроз их существованию и развитию, а также минимизации рисков в их деятельности на основе компромиссности;

планирование обеспечения национальной безопасности – деятельность органов государственной власти и управления по утверждению целей развития государства и общества, выявлению и прогнозированию факторов, могущих оказать неблагоприятное влияние на них, определению путей и способов противодействия им.

Смысл стратегического социологического обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Современное состояние и будущее нашей страны во многом зависят от способности государства адекватно воспринимать, учитывать и реализовывать национальные интересы. В их ряду особое место занимает безопасность. Она относится к базовым потребностям и выступает условием реализации всех других интересов личности, общества и государства. В силу этого неотъемлемой частью российской стратегии устойчивого поступательного инновационного развития является решение вопросов обеспечения национальной безопасности. Необходимость этого связана с системным характером угроз национальной безопасности. Адекватное, оперативное и эффективное реагирование на них, их предотвращение предполагает стратегическое планирование обеспечения национальной безопасности.

Стратегическое планирование в Российской Федерации организуется в целях разработки долгосрочной стратегии и выделения перспективных задач развития общества и государства, определения последовательности их решения, форм и методов мобилизации и распределения ресурсов страны и на этой основе повышения эффективности государственного управления в интересах инновационного развития и национальной безопасности страны.

Для достижения этих целей в рамках стратегического планирования решаются следующие задачи:

- анализ и оценка внутреннего и внешнего положения страны;
- выявление и прогнозирование вызовов и опасностей объектам национальной безопасности; разработка комплекса оперативных и долговременных мер по их предупреждению и нейтрализации
- определение критериев и параметров, характеризующих национальные интересы и отвечающих требованиям национальной безопасности Российской Федерации.
- определение основных направлений внутренней и внешней политики государства на исторический период, формирование стратегии развития государства по различным направлениям и аспектам обеспечения национальной

безопасности, а также обеспечения конкурентоспособности Российской Федерации;

• подготовка предложений по совершенствованию системы органов, обеспечивающих национальную безопасность и нормативного правового регулирования в области национальной безопасности;

• определение условий работы органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в особых условиях (чрезвычайное положение, военное положение, в период мобилизации и в военное время);

• подготовка предложений по координации деятельности сил обеспечения национальной безопасности в связи с чрезвычайными ситуациями;

• разработка мобилизационных планов экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, мобилизационных планов Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований, в том числе планов создания, развития и сохранения мобилизационных мощностей и объектов для производства продукции, необходимой для удовлетворения потребностей государства, Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований и нужд населения в военное время;

• разработка предложений по созданию и подготовке специальных формирований, предназначенных при объявлении мобилизации для передачи в Вооружённые Силы Российской Федерации или использования в их интересах, а также в интересах экономики Российской Федерации;

Стратегическое планирование обеспечения национальной безопасности базируется на следующих основных принципах:

• централизованное руководство при разделении полномочий органов разных ветвей и уровней власти, обеспечивающих национальную безопасность (нельзя из Москвы руководить строительством школ, бань и канализаций);

• приоритетность интересов национальной безопасности в любых управленческих решениях;

• законность, соблюдение законодательства Российской Федерации, а также принятых Российской Федерацией обязательств по международным договорам и соглашениям в области обеспечения национальной и международной безопасности;

• комплексность (по сферам, субъектам, ресурсам, силам) и согласованность действий сил обеспечения национальной безопасности; учёт и согласование интересов личности, общества, государства и бизнеса;

• прагматизм: соответствие задач государственной системы обеспечения национальной безопасности потребностям и экономическим возможностям страны рентабельность, ресурсное сбережение и конкурентоспособность;

• согласование с другими государствами действий в целях выявления, предупреждения и пресечения возможных угроз национальной безопасности;

• гласность при защите информации, сохранение государственной и уважение коммерческой тайны;

• гражданский контроль. (Участие представителей общественности в разработке и экспертизе стратегических планов обеспечения национальной безопасности).

Стратегическое планирование строится на современной методологической и научно-методической основе. В нём, в частности, используются:

• формирование и поддержка эффективных экспертных инфраструктур (центров, ситуативных групп, профессиональных сообществ и др.), тематических направлений и заданий исследовательским учреждениям, различных исследовательских и организационно-научных мероприятий по проблемам безопасности (постоянно действующих семинаров, циклов тематических конференций, коллективных монографических исследований и сборников и т. д.);

• возможности компромиссов;

• формирование и обслуживание специальных динамических информационных баз данных для целей сопровождения перспективного планирования, отличающихся по принципам и содержанию от имеющихся статистических баз данных;

• моделирование, в том числе математическое;

• программно-целевые методы;

• статистические методы выявления угроз и оценки опасности;

• прогнозно-аналитические методы;

• эксперимент;

• деловая игра;

• и другие.

Стратегическое планирование ведётся на федеральном, региональном (муниципальном) и ведомственном уровнях.

В содержательном плане в стратегическом планировании выделяются следующие этапы:

• формулирование проблемы;

• сбор информации и концептуализация проблемы;

• операционализация проблемы;

• моделирование проблемы;

• определение целей, задач и ограничений.

Стратегическое планирование строится с учётом и использованием зарубежного опыта. В этой связи большое значение имеет сбор и анализ зарубежной научной и технической информации, связанной с обеспечением безопасности.

В прогнозировании и стратегическом планировании обеспечения национальной безопасности используются современные интеллектуальные технологии экспертного типа.

Стратегическое планирование учитывает и использует все имеющиеся в распоряжении Российской Федерации средства и методы, в том числе экономические, политические, военные, правовые, специальные (разведка, контрразведка), их применение односторонне или в соответствии с международными договорами.

Предельно-критические показатели развития общества: уровень падения промышленного производства (30–40%); доля импортных продуктов питания (30%); доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности (45%); доля в экспорте высокотехнологической продукции (10–15%); доля от ВВП государственных ассигнований на науку (2%); соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан (10:1); доля населения, живущего за чертой бедности (10%); соотношение минимальной и средней заработной платы (1:3); уровень безработицы (8–10%); условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся) (1); суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рождённых женщиной в фертильном возрасте) (2,14–2,15); средняя продолжительность жизни населения (в 1998 г. в США, Великобритании – 75 лет, Швеции – 78 лет, Японии – 79 лет); доля лиц старше 65 лет к общей численности населения (коэффициент старения населения) (7%); суммарные поступления для экологической безопасности 5% от ВНП; экологические потери 5% к ВВП; природоохранительные затраты на экологию 5% к ВВП; уровень преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения) (5–6 тыс.); уровень потребления алкоголя (8 л абсолютного алкоголя на человека в год); уровень суицидов (20 на 100 тыс. населения); уровень распространённости психической патологии (360 на 1000 человек); доля граждан выступающих за кардинальное изменение политической системы (40%); уровень доверия населения к центральным органам власти (25%); доля новейших образцов оружия и боевой техники (60%);уровень доверия населения к армии (40%).

Не допускается принятие каких бы то ни было решений и совершение действий, противоречащих интересам формирования и бесперебойного функционирования:

- рыночного пространства Российской Федерации, в пределах которого осуществляется свободное перемещение трудовых, финансовых и других ресурсов;
- единой и самостоятельной финансовой системы Российской Федерации, в том числе обращения на всей территории страны национальной валюты;
- единых и самостоятельных коммуникационной и энергетической системы Российской Федерации.

Стратегическое планирование для сферы взаимодействия ключевых смыслов нового миропорядка, нового мировоззрения, безопасности человека строится на системе совершенно ясных, чётких и определённых представлениях о национальных, региональных и глобальных целях, ценностях, интересах России – великой державы с уникальной ролью в судьбах мирового прогресса.

В стратегических планах определяются:

оптимальное распределение исполнительных и контрольных функций между уровнями государственного и муниципального управления;

усовершенствование государственных систем надзора и контроля;

проекты федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность в области обеспечения безопасности;

механизмы согласования федеральных, государственных интересов с интересами регионов, ведомств и рыночных субъектов промышленной деятельности;

формы и виды ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов управления опасными объектами, контрольных и надзорных органов, физических и юридических лиц;

нормативное определение базовых (стратегических) отраслей и видов деятельности и продукции, необходимых для самодостаточности страны;

необходимые объёмы и источники финансовых ресурсов (бюджетных и внебюджетных), их выделение (привлечение) на реализацию программ и планов мероприятий в области обеспечения национальной безопасности;

порядок создания, накопления и использования стратегических ресурсов и мобилизационных резервов Российской Федерации, *сохранение и укрепление ресурсно-энергетической основы экономики страны*.

Стратегическое планирование предполагает единство мировоззренческого, научного и экспертно-аналитического (информационного) обеспечения.

Стратегическое планирование имеет иерархическую природу и структуру, соответствующие структуре и функциям системы государственного управления. Система стратегического планирования иерархична. Каждый её элемент выступает как относительно самостоятельная система и одновременно – как элемент более широкой системы

При этом иерархичность имеет двоякое содержание: с одной стороны, федеральные, региональные, ведомственные и т. д. структуры являются соподчинёнными звеньями; с другой стороны, планирование мер по обеспечению безопасности разных сфер жизнедеятельности являющееся для их разработчиков генерализированной (абсолютной, предельно общей, самодостаточной) задачей выступает как сторона (частная задача) в рамках планирования будущего страны.

Иерархичность системы предполагает и утверждает информационное единство, которое требует:

- установления совместимости формальных языков разных уровней и направлений стратегического планирования;
- создания средств, механизмов, обеспечивающих диалог различных структур стратегического планирования со своими заказчиками и друг с другом.

Между различными уровнями стратегического планирования устанавливаются субординационные и координационные связи.

Система стратегического планирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Стратегическое планирование ведут как специально предназначенные органы, так и структуры, которые непосредственно не обеспечивают национальную безопасность, органы местного управления, предприятия, учреждения,

организации, общественные объединения в рамках, предусмотренных Конституцией и другими законодательными актами на федеральном, региональном (муниципальном) и ведомственном уровнях.

Систему обеспечения национальной безопасности на основе действующего законодательства и в рамках единой государственной политики образуют взаимодействующие между собой силы её обеспечения, иные государственные органы и организации, несущие в пределах своей компетенции всю полноту ответственности за обеспечение национальной безопасности.

Систему стратегического планирования обеспечения национальной безопасности составляют, образующие организационное единство:

- органы государственной власти и управления Российской Федерации, органы государственной власти и управления субъектов Федерации, органы местного самоуправления (созданные в них подразделения и их должностные лица), функционально предназначенные для стратегического планирования обеспечения национальной безопасности;
- планирующие подразделения предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений;
- государственные службы и структуры, функционально предназначенные для сбора и анализа информации, характеризующей внутреннее и международное положение страны (разведка, статистика, ...);
- научно-исследовательские учреждения и организации (государственные, общественные, коммерческие), специализирующиеся на сборе, обработке и анализе информации о состоянии и тенденциях развития страны в целом и/или её отдельных регионов;
- учебные центры (институты, факультеты, кафедры, курсы и др.) занятые подготовкой (переподготовкой) специалистов области стратегического планирования национальной безопасности;
- политико-правовые, административные и другие установления, регулирующие отношения в сфере национальной безопасности и стратегического планирования её обеспечения;
- специальная инфраструктура, включающая в себя информационно-аналитические и вычислительные центры, системы связи, информационные системы и базы данных (деловая документация, электронный документооборот, корпоративные информационные сети, Интернет, факсимильная и телефонная связь и т. д.);
- международные организации (правительственные и неправительственные), занятые изучением состояния и планированием безопасности, участником которых являются российские структуры;
- политические, правовые, административные, экономические, научно-технические и др. средства и методы деятельности;
- программы деятельности.

Организующим и координирующим центром стратегического планирования в Российской Федерации является Межведомственная комиссия Совета безопасности по проблемам стратегического планирования.

В рамках Межведомственной комиссии создаются группы:

• сбора аналитической информации. В ней представлены все ведомства и подразделения с аналогичными функциями, имеющиеся в других ведомствах;

• оборонной политики и контроля над вооружениями, включая режим нераспространения;

• народонаселения и демографии, включая проблемы миграции;

• федеральных и этнонациональных отношений, регионального развития;

• экономической статистики;

• нанотехнологий;

• проблем окружающей среды.

Формирование официальной статистической информации о социальном, экономическом, демографическом и экологическом положении страны осуществляет непосредственно и через свои территориальные органы Федеральная служба государственной статистики. Организация официального статистического учёта и система государственной статистики регламентируется специальным федеральным законом. Служба в установленном порядке представляет статистическую информацию Президенту Российской Федерации, Правительству Российской Федерации, Федеральному Собранию Российской Федерации, органам государственной власти, средствам массовой информации, организациям и гражданам, а также международным организациям, обеспечивая её совместимость и взаимодействие с другими государственными информационными системами.

Основными функциями системы стратегического планирования обеспечения национальной безопасности являются:

• совершенствование методологии научного обоснования стратегии развития Российской Федерации, прогнозирования и выявления угроз (на основе социологических мониторингов) национальной безопасности Российской Федерации;

• определение перспектив развития страны и снижение фактора неопределённости во внешней и внутренней политике государства;

• формирование государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

• научная проработка актуальных вопросов стратегии развития Российской Федерации, а также экспертиза предложений и оценка мер по обеспечению национальной безопасности;

• научное и методическое обеспечение деятельности по обеспечению национальной безопасности;

• подготовка предложений по направлениям научных исследований в области обеспечения национальной безопасности.

• совершенствование системы государственной власти Российской Федерации, федеративных отношений, местного самоуправления и формирование гармоничных межнациональных отношений

• укрепление правопорядка и сохранение социально-политической стабильности общества.

Основными задачами системы стратегического планирования обеспечения национальной безопасности являются:

• подготовка предложений по совершенствованию правового, методического, научно-технического и организационного обеспечения безопасности Российской Федерации;

• выявление, оценка прогнозирование внутренних и внешних угроз Российской Федерации, а также факторов, влияющих на её развитие и обеспечение национальной безопасности;

• разработка единых для федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации комплексных методик оценки национальной безопасности, критериев и параметров (пороговых значений) национальной безопасности Российской Федерации. Количественные параметры разрабатываются для страны в целом и для каждого её региона;

• разработка перечня опасных объектов Российской Федерации, в том числе ядерных, радиационных, химических;

• мониторинг факторов, определяющих угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Структуризация угроз по соответствующим областям и сферам жизнедеятельности страны;

• анализ соответствия системы обеспечения национальной безопасности степени угроз целям, идеалам, ценностям, жизненно важным интересам личности, общества и государства;

• разработка стратегии развития Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу и определение приоритетных задач в области обеспечения национальной безопасности, разработка оперативных и долгосрочных мер по предупреждению и нейтрализации внутренних и внешних угроз;

• подготовка документов по вопросам стратегии развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, в том числе проектов федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации; разработка предложений Президенту Российской Федерации по совершенствованию системы обеспечения национальной безопасности;

• разработка целевых программ обеспечения безопасности Российской Федерации;

• координация взаимодействия органов государственной власти при разработке стратегии развития Российской Федерации;

• сравнительный анализ теории и практики обеспечения национальной безопасности в зарубежных странах и в Российской Федерации;

• научная экспертиза проектов нормативных, концептуальных, аналитических и иных документов по вопросам обеспечения национальной безопасности;

• подготовка аналитических материалов к заседаниям (совещаниям) Совета Безопасности Российской Федерации и его рабочих органов и проектов их решений по вопросам внутренней и внешней политики в области обеспечения национальной безопасности;

• определение сил и средств обеспечения национальной безопасности, подготовка предложений по реформированию существующих либо созданию новых органов обеспечения национальной безопасности;

• организация исследований по стратегии развития Российской Федерации и обеспечению национальной безопасности;

• другие задачи, установленные нормативными актами.

Стратегическое планирование обеспечения национальной безопасности Российской Федерации основывается на гуманитарной методологии Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века; объективной и упреждающей информации о тенденциях мирового политического и экономического развития, ситуации в политике и экономике других государств, особенно сопредельных; на основе стратегической партнёрской культуре компромисса. Такую информацию обеспечивает служба социологического мониторинга, которая представляет собой систему соподчинённых федеральных, региональных, муниципальных, ведомственных и объектовых структур. Она включает в себя подразделения, ориентированные на отслеживание социально-экономической, общественно-политической, социально-психологической, научно-технической, военно-политической ситуации, и призвана обеспечить процедуры стратегического планирования разнообразным по сложности, функциям и формам представления материалов (статистических, справочных, расчётных, аналитических, прогнозных) по стратегии развития социальных объектов.

Система социологического мониторинга призвана дать необходимый (исчерпывающий) материал для оценки и прогноза:

• развития военного дела и военных потенциалов зарубежных стран;

• возникновения чрезвычайных ситуаций;

• тенденций развития военно-политической обстановки в мире;

• демографической ситуации в стране и мире.

Гуманитарные технологии стратегического планирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Перевод задачи стратегического планирования из стадии социологического концептуального анализа проблемы национальной безопасности в операциональный аспект (планирование; регламентирование; соподчинение по целям, ресурсам и временному интервалу; региональная конкретность, ответственность за сопровождение и результат) обусловливает обязательность достижения высокого уровня соответствия (в содержании, в способе предъявления результата, в последовательности оценки результата – его готовности к надёжной и качественной операционализации).

Обязательные события для исходной стадии стратегического планирования могут быть представлены в такой последовательности: необходимое (генеральное) условие начала планирования; чёткая формулировка характера востребованности готового плана; субъект и объект планирования; точное определение

качественных, количественных и технологических характеристик ресурсов для выполнения плана; уровни соподчинения; конкретный перечень индикаторов для мониторинга состояния и динамики национальной безопасности; информационное обеспечение процесса планирования; согласованный и утверждённый заранее перечень экспертов и экспертиз; порядок обнародования проекта плана и процедура его гласного утверждения.

Исключительным условием, определяющим саму возможность начала стратегического планирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, является *наличие чётко сформулированной и признанной Цели России*.

Здесь главная роль Правительства РФ, Администрации Президента РФ, Совета Безопасности РФ и всех остальных федеральных, региональных и муниципальных служащих.

Только Общенациональная Цель является высшим смыслом деятельности всех ветвей власти, а защита Общенациональной Цели, всех процессов, механизмов, регламентов её достижения на основе Конституции РФ – является исключительным смыслом и назначением всей сферы национальной безопасности.

Отсутствие Цели концептуально, методологически, операционально и технологически отрицает саму возможность гуманитарных инноваций в сфере стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации.

Технологии стратегического планирования национальной безопасности Российской Федерации выстраиваются исходя из сохранения статус-кво и гармонизации двух фундаментальных начал: **во-первых**, во внутренней сфере национальной безопасности – всемерное сохранение выбора народа и достигнутого вектора развития на формирование новой формационной модели и обеспечение равновесно-поступательного движения к всемерному укреплению и развитию данного выбора. Речь идёт о переходе к рыночным началам в экономике, становлении гражданского общества, защите прав и свобод человека.

В этих целях система стратегического планирования национальной безопасности предусматривает постоянное отсечение вторичных (побочных) векторов, ведущих либо к реваншу и в конечном итоге к изменению конституционного строя России.

Исходя из этого, система планирования национальной безопасности призвана сберечь выбранный вектор развития и закрепленный в Конституции Российской Федерации. Это выступает высшей целью, прерогативой и ориентирам стратегического планирования национальной безопасности. Все другие цели, смыслы могут привести к гражданской войне. **Во-вторых**, во внешней сфере национальной безопасности – реализация идеи гуманитарного стратегического манёвра, обеспечивающего сохранение равновесной стратегической паузы в отношении с ведущими контрагентами Российской Федерации на базе недопущения конфронтации по всем азимутам российских стратегических устремлений, которые должны носить геоэкономический характер и отражать принцип поддержания равноудалённости от любых геополитический альянсов, осей, плацдармов, группировок.

Залогом реализации этих стратегических установок и формированием безопасной среды их реализации служит всемерное раскрепощение творческой личности в рамках развития фундаментальных достижений российского народа – свободы и гражданственности, наличия российского созидающего Гуманитарного Проекта, Московско-Шанхайской модели миропорядка и нового мировоззрения XXI века, новой модели мироустройства XXI века (Проекта Путина); реально «работающего» национального компромисса.

Национальная безопасность страны предопределена чётким следованием двум модельно-стратегическим парадигмальным векторам мирового развития: *во-первых*, движение к взаимосвязности, взаимообусловленности, взаимозависимости, взаимодействию во всех сферах функционирования – в экономике, политике, социальной сфере, культуре, цивилизационных моделях, экологии, природопользования и т. п.; *во-вторых*, сохранение на этой основе в качестве всемирного достояния многообразия нашего мира в национально-этническом, морально-этическом, эстетическом, культурном и т. п. плане.

Существенная особенность всего процесса планирования – совершенно новые качества объекта планирования: нематериальные факторы – удовлетворённость жизнью, доверие, уровень развития человеческого потенциала, ориентация на диалог, терпимость, компромиссность, законность, состояние и динамика среды.

Такая новизна требует исключительно близкого по смыслу единообразного понимания для всех государственных, региональных, муниципальных структур ключевых категорий: *безопасность; субъект и объект безопасности; национальная безопасность; общенациональная цель; общенациональные ценности; свобода человека; компромисс; ответственность человека; компетенции и назначение власти; ответственность власти за безопасность человека, семьи, общества и государства; ответственность самого человека за свою безопасность, за безопасность другого человека, общества и государства*.

Важным этапом разработки стратегического плана является тщательное изучение опыта стратегического планирования по близкой тематике. Например, опыт подготовки, согласования, экспертизы, сопровождения, анализа результатов Федеральной целевой программы «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2005 года».

Стратегическое планирование определяет проблемы перехода к безопасному развитию России через проблемы управления. Будущим необходимо разумно и опережающе управлять.

Упреждающие управленческие действия должны выполнять три общие функции: поддерживать механизмы и тенденции, которые уже существуют и способствуют переходу к развитию России; стимулировать социально-политическую консолидацию общества и эффективность государственного управления; обеспечивать синтез, формировать уровень безопасности нового качества.

Важнейшая функция государства – организация системы диагностики и социологического мониторинга безопасности. Это оценка ситуации в стране с позиции императива безопасности и уровня угроз национальным целям, ценностям, интересам России.

Социологический мониторинг факторов, определяющих угрозы безопасности России, – основа всей дальнейшей работы по формированию мер для предотвращения и преодоления этих угроз; для осуществления опережающего, предотвращающего компромисса. Он должен стать постоянным элементом анализа кратко- и среднесрочного прогнозирования и разработки долгосрочной государственной стратегии национальной безопасности страны.

Методическое обеспечение мониторинга факторов должно осуществляться путём оперирования индикаторами, используемыми при анализе развития страны. Главными критериями для определения приоритетности и очерёдности всегда должны быть масштабы негативных последствий от тех или иных угроз безопасности, сроки их наступления, просчитанный вероятный ущерб. Поэтому необходимо ранжирование всех угроз национальной безопасности по масштабам негативных последствий и срокам их наступления.

Результаты мониторинга факторов, вызывающих угрозы безопасности, должны найти отражение в документе, ставшем объектом рассмотрения федеральными органами исполнительной власти и Правительством России и определения мер по парированию, преодолению и снижению уровня угроз России во всех жизненно важных сферах.

Социологическому мониторингу факторов, определяющих угрозы национальной безопасности, должны подвергаться не только отчётные, но и прогнозные показатели.

Для обоснования совокупности индикаторов возможно выделить определённую последовательность категорий: мир – безопасность – культура мира – культура безопасности – диалог между цивилизациями – компромисс – справедливость – устойчивость – развитие – удовлетворённость жизнью – заонность – доверие – сотрудничество – развитие человеческого потенциала – среда.

Первым, ключевым индикатором, определяющим взаимодействие и остальных индикаторов, считаем возможным обозначить *удовлетворённость жизнью*. Этот показатель на личностном уровне чётко показывает, насколько конкретный человек доволен своей жизнью, а на уровне конкретного региона, страны в целом такой индикатор раскрывает динамику соотношения удовлетворённых и неудовлетворённых в конкретное время условиями жизни людей.

Вторым индикатором, тесно связанным с первым является *законность*. Именно этот показатель является интегрирующим в российской индивидуальной и общественной ментальности, поскольку он соотносится во мнении многих со справедливостью, соборностью, стабильностью и служит основой для доверия, сотрудничества и диалога; для национального компромисса.

Третьим индикатором может быть определено *доверие*. Такой подход оправдан и в контексте Хартии европейской безопасности (1999 г.).

По существу речь идёт об индексе, так как необходимым отдельным индикатором можно считать *межличностное доверие* и отдельным индикатором *доверие людей к институтам власти, а также к таким общественным институтам как парламент, профсоюзы, пресса.*

Четвёртым индикатором (также в контексте Хартии европейской безопасности 1999) становится *сотрудничество.* Это тоже по существу интегральный индекс, так как его могут составлять такие индикаторы как участие, согласие, солидарность.

Пятым индикатором можно определить *ориентацию на диалог между людьми, народами, культурами и цивилизациями.* По структуре и содержанию – это агрегированный показатель, который включает: терпимость, социальное настроение, эмпатию, доброту, сострадание, сочувствие, плюрализм, соработничество, компромисс.

Шестым индикатором возможно обозначить *показатель развития человеческого потенциала (ИРЧП):* индекс развития человеческого потенциала. Новые возможности, позволяющие рассматривать его в качестве важного фактора анализа состояния культуры безопасности открылись с утверждением практики подготовки докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, которые готовятся по инициативе Правительства России совместно с ПРООН с 1995 года.

Седьмым индикатором может быть определён *фактор среды.* По существу это тоже интегральный показатель, объединяющий такие индикаторы, как:

- состояние природной среды;
- состояние социокультурной среды;
- состояние макроэкономической среды;
- состояние политической среды.

Таким образом, проект модели мониторинга состояния и динамики национальной безопасности, в самом предварительном порядке, можно было бы построить из этих семи индикаторов.

Порядок разработки, принятия, сопровождения, изменения гуманитарного регламента в рамках стратегического планирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации может быть представлен в следующей последовательности:

- о начале разработки плана может быть опубликовано уведомление в печатных изданиях федеральных органов исполнительной власти;
- разработчиком плана может быть любое лицо;
- на сайте основного субъекта разработки плана (Совета Безопасности РФ) может быть представлен перечень основных категорий (их содержания, смыслы, пожелания), основных Федеральных законов и нормативов, ориентированных на сферу национальной безопасности;
- в течение месяца со дня уведомления о начале разработки плана готовится аналитический материал, посвящённый обоснованию востребованности документа и адресам структур власти и неправительственных организаций, религиозных конфессий;

• через два месяца после уведомления рабочая группа готовит тезисное изложение проекта стратегического плана для информирования заинтересованных структур;

• разработчики сохраняют полученные замечания в письменной форме до утверждения плана в соответствующих структурах;

• экспертиза проекта стратегического плана осуществляется только в заранее публично объявленных организациях;

• стартовые замеры состояния и динамики национальной безопасности России осуществляются только после положительных итогов экспертизы проекта стратегического плана обеспечения национальной безопасности страны;

• итоги мониторинга стратегического плана сообщаются заинтересованным организациям и обозначаются на сайте разработчика;

• ресурсная и кадровая поддержка для сопровождения стратегического планирования (это может стать непрерывным процессом) осуществляется по нормативам государственных целевых программ.

В системе основных документов стратегического планирования национальной безопасности на федеральном, региональном (муниципальном) и ведомственном уровнях может составить такую совокупность:

• Конституция России;

• законы, посвящённые проблемам безопасности в России;

• Послания Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации;

• документы международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, ШОС и т. д.) о вопросах безопасности;

• Ежегодные доклады о динамике развития человеческого потенциала в России;

• Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации: Законодательное обеспечение основных направлений внутренней и внешней политики»;

• Предотвращение и ликвидация катастроф. Информационный бюллетень Федеральной целевой программы «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2005 года».

Стратегические планы обеспечения национальной безопасности после рассмотрения в Совете Безопасности и утверждения Президентом РФ вносятся в Федеральное Собрание, которое принимает их в качестве федерального закона, обязательного для выполнения всеми государственными учреждениями, общественными организациями, должностными лицами и гражданскими, а также хозяйствующими субъектами независимо от формы собственности.

Законодательные акты оформляются в виде Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, а также доктрин, регламентирующих деятельность по важнейшим направлениям национальной безопасности – Воен-

ная доктрина, Морская доктрина, Доктрина информационной безопасности и т. д. При нарастании вызовов и угроз в отдельных сферах жизни общества и актуализации проблем их безопасности разрабатываются специальные Национальные программы, которые так же, как правило, вводятся в действие законодательным актом.

Основанием для планирования текущей деятельности органов государственной власти и управления по реализации Стратегических планов служат директивы министерств и ведомств, распоряжения руководителей субъектов Федерации и глав местной администрации.

Для разработки целей и выделения приоритетов разрабатываются требования к процедуре и принимаются соответствующие организационно-управленческие решения. Эту процедуру осуществляют органы стратегического планирования, которые с привлечением экспертов и в координации с лицами принимающими решения выделяют приоритеты и формируют краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные цели и целевые показатели.

Важной задачей стратегического планирования обеспечения национальной безопасности является определение приоритетных направлений политики безопасности. Само это определение относится к исключительной компетенции органов власти, их должностных лиц. Однако оно не является произвольным актом. Вновь возникшие проблемы выявляются на основании мониторинга состояния национальной безопасности, существующих вызовов и угроз ей, а также рисков в функционировании и развитии общества, специально проводимых исследований, мнений экспертов, профессионально занимающихся соответствующими проблемами.

В целях подготовки решений по стратегическим направлениям развития Российской Федерации и концептуальным проблемам в области обеспечения национальной безопасности, выносимых на заседания Совета Безопасности, Секретарь Совета Безопасности проводит с постоянными членами Совета Безопасности и членами Совета Безопасности совещания по стратегическому планированию.

После формулировки целей и выбора приоритетов формируется программа (комплекс программ), определяющие способы её достижения, планирование действий и шагов, исполнение планов и контроль.

Главные этапы целеполагания:

- формирование государственной политики, включающей в себя спектр целей, которые ставит перед собой государство. При этом важнейшими направлениями стратегического планирования выступают: международная, военная, демографическая, экономическая, социальная, экологическая, информационная безопасность
- разработка государственных целевых программ
- создание механизмов (технологий) реализации этих программ
- определение ресурсного, финансового, кадрового, правового обеспечения
- контроль исполнения и корректировка планов.

Общая оценка состояния национальной безопасности, существующих вызовов и опасностей для Российской Федерации и задач по их нейтрализации и парированию определяется в Стратегии национальной безопасности. Стратегия национальной безопасности утверждается Президентом и обнародуется одновременно с его Посланием Федеральному Собранию.

Совет Безопасности Российской Федерации представляет ежегодный доклад о состоянии и тенденциях развития национальной безопасности с прогностическими данными на срок от 1 до 10 лет и перечнем потенциальных осложнений внутреннего и международного характера. Кроме того, он готовит оценочно-аналитические материалы по различным видам безопасности, которые представляются Президенту в период работы над ежегодным Посланием Федеральному Собранию. Кроме того, Совет Безопасности оперативно представляет доклады о возникновении новых вызовов и опасностей.

Территориальные и ведомственные информационно-аналитические службы готовят ежегодные доклады для Аналитического управления Администрации Президента РФ и Совета Безопасности, а также специальные материалы по их заданию или инициативно.

Президент преобразует аналитические материалы в директивы, имеющие обязательную силу.

Непосредственная текущая работа по стратегическому планированию обеспечения национальной безопасности по срокам приурочивается к этапам разработки государственного бюджета.

В государственных органах, организациях, предприятиях разрабатываются концепции (инструкции, положения) их безопасного функционирования и развития, которые утверждаются вышестоящей инстанцией и после регистрации в Министерстве юстиции, вводятся в действие приказом руководителя.

Все управленческие решения подлежат обязательной экспертизе на предмет их соответствия требованиям обеспечения безопасности.

Инновационные проекты (сценарии, прогнозы и т. д.) всех органов власти подлежат визированию в соответствующих федеральных и/или региональных ведомствах, а также в Межведомственной комиссии Совета Безопасности по стратегическому планированию. Постановлением Правительства РФ и правительств субъектов Федерации утверждается перечень органов, визирующих подобные акты.

Реализация положений настоящего исследования предполагает разработку планов действий на федеральном, региональном и отраслевом уровнях, а также разработку и реализацию мер государственной поддержки и регулирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования. Конкретизация положений предложенных разработок применительно к отдельным сферам деятельности общества и государства и особенностям проведения государственной политики в области экологии по различным субъектам Российской Федерации может быть осуществлена при разработке программ развития субъектов Российской Федерации и отраслей экономики.

Обеспечение национальной безопасности настоятельно требует тщательной организации и поддержания непрерывного взаимодействия всех ведомств и служб,

ответственных за состояние безопасности страны. Взаимодействие – не просто координация действий элементов общей системы. Это согласованность по целям, задачам, месту, времени и способам достижения поставленной цели. Такая согласованность достигается тем, что органы и подразделения стратегического планирования для осуществления своих функций имеют право: взаимодействовать по вопросам, входящим в их компетенцию с руководством и самостоятельными подразделениями ведомства, при котором они созданы, с соответствующими органами и организациями других структур, запрашивать и получать от них в установленном порядке необходимые материалы и информацию; пользоваться в установленном порядке банками и базами данных федеральных органов государственной власти; использовать государственные, в том числе правительственные, системы связи и коммуникации; привлекать в установленном порядке для осуществления аналитических и экспертных работ учёных и специалистов; подготавливать предложения о заключении в установленном порядке договоров с научно-исследовательскими организациями, учреждениями и специалистами на выполнение работ и исследований в области стратегического планирования развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности; обобщать и представлять в Совет Безопасности информацию по вопросам, входящим в компетенцию Комиссии.

На каждом уровне управления решения по стратегическому планированию обеспечения национальной безопасности согласовываются и корректируются со всеми заинтересованными организациями и учреждениями. Поскольку достичь приемлемого компромисса при этом удаётся далеко не всегда, стратегическое планирование имеет альтернативы, оно допускает веер возможных действий и последствия каждого из них. В силу этого возрастает роль и ответственность лица принимающего решения.

Комплекс мер государственной поддержки в области обеспечения национальной безопасности включает:

- определение органов государственного управления на федеральном и региональном уровнях, осуществляющих координацию деятельности соответственно федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению национальной, региональной, ведомственной безопасности;
- разработку и обеспечение реализации федеральных и региональных целевых программ (подпрограмм) и планов в области обеспечения безопасности;
- выделение необходимых финансовых средств из бюджетов всех уровней, а также использования внебюджетных средств на реализацию государственной политики в области обеспечения национальной безопасности;
- разработку механизмов привлечения негосударственных финансовых, материальных и иных ресурсов для решения инновационно-инвестиционных задач в области обеспечения национальной безопасности;
- обеспечение рационального сочетания государственного регулирования и рыночных механизмов, мер прямого и косвенного стимулирования деятельности по снижению опасности функционирования опасных объектов, включая

целевые бюджетные субвенции, субсидии, кредиты, налоговые освобождения, льготы и иные преференции;

• совершенствование законодательства Российской Федерации в части, касающейся усиления ответственности государственных организаций и хозяйствующих субъектов за непринятие мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций и снижению уровня ущерба от них;

• разработку и реализацию комплекса организационно-правовых, экономических и иных мер по выводу (перебазированию) из густонаселенных районов Российской Федерации либо реформированию (ликвидации) опасных объектов, функционирование которых создаёт систематическую угрозу безопасности;

• совершенствование отношений в области земельного законодательства путём формирования механизмов оценочной стоимости и платности за территории защитных зон, расположенных вокруг опасных объектов, в увязке с кадастровой стоимостью этих территорий;

• защиту имущественных интересов государства, хозяйствующих субъектов и других участников инновационно-инвестиционного процесса в области обеспечения национальной безопасности путем предоставления и обмена гарантиями выполнения обязательств по повышению национальной безопасности;

• совершенствование системы страхования рисков, в том числе формирование и внедрение механизма оптимизации страховых тарифов с учетом нарушения условий обеспечения национальной безопасности;

• совершенствование государственной системы медицинского мониторинга здоровья населения, проживающего в зонах расположения опасных объектов.

* * *

Инновации, технология компромисса, эффективность научно-методического обеспечения стратегического планирования в области национальной безопасности достигаются совершенствованием организации научно-исследовательской деятельности, необходимой для создания адекватной научно-информационной базы перехода на инновационную стратегию устойчивого развития страны.

При этом большое значение имеют исследования и разработки, проводимые государственными учреждениями и общественными организациями и связанные с восприятием вызовов, опасностей, угроз и стратегических рисков и оценкой приемлемости ожидаемого ущерба; с умением искать и осуществлять необходимые компромиссы.

Контрольные вопросы

1. Как взаимодействуют методология и теория социологии безопасности, её процессы и механизмы?
2. Почему необходимы социологические гуманитарные регламенты для сферы безопасности?

3. В чём творческая роль конкретного человека в обеспечении механизмов безопасности?
4. Обобщите роль и понимание Общенациональной Цели России на 2007–2017 годы для методологии, теории безопасности; её процессов и механизмов.
5. Проанализируйте роль модели мироустройства XXI века, новой Московско-Шанхайской модели миропорядка для стратегического планирования национальной безопасности России.

Литература

Кузнецов В.Н. К единению народов России через культуру компромисса во имя достоинства, благополучия и безопасности каждого человека; справедливости и счастья для Всех: Послание Самим Себе как Повестка Дня для России 2007–2017 годов // Безопасность Евразии. 2007. № 1.

Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Становление евразийской безопасности. М., 2005.

Гуманитарный стратегический манёвр. М., 2004.

Кузнецов В.Н. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук: О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке / Российская академия наук: Отделение общественных наук (для обсуждения). М., 2004.

Кузнецов В.Н. Безопасность, благополучие человека, семьи, государства. Доклад на общем собрании Отделения общественных наук РАН 15 декабря 2003 г. // Безопасность Евразии. 2004. № 1.

Глава 15

Высокие гуманитарные технологии в социологическом предотвращении возможной ядерной войны XXI века

31 мая 2007 года Организационный комитет Международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы (Люксембург 24–25 мая 2007 г.) представил основные вопросы и выводы, ставшие предметом обсуждения (заседания проходили в закрытом режиме) её участников (см. вставку 7).

В числе выступивших на Конференции почётных гостей были заместитель председателя правительства Люксембурга, министр иностранных дел и иммиграции **Жан Ассельборн**, генеральный директор Международного агентства по атомной энергии **Мохаммед эль-Барадей,** председатель Комиссии по оружию массового уничтожения, бывший генеральный директор Международного

Агентства по атомной энергии **Ханс Бликс,** Верховный комиссар Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе **Рольф Экеус,** глава Федерального агентства по ядерной энергии Российской Федерации **Сергей Кириенко,** вице-президент Российской академии наук академик **Николай Лаверов** (см. вставку 7).

«Участники Люксембургской конференции заключили, что в настоящее время Договору по нераспространению ядерного оружия и устанавливаемому им режиму нераспространения и разоружения брошены беспрецедентные вызовы, – констатируется в итоговом пресс-релизе "Международная конференция по предотвращению ядерной катастрофы: основные вопросы и выводы". – В этой связи, для обеспечения функционирования Договора о нераспространении ядерного оружия и режима нераспространения, а также их укрепления необходима политическая поддержка на высочайшем уровне.

Вставка 7

ПРОГРАММА
Международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы (Люксембург, 24–25 мая 2007 года)

24 мая

10.00–11.00 **Открытие конференции.**

Председатель – В. Кантор, председатель организационного комитета конференции, председатель Европейского еврейского фонда, доктор наук.

Приветствия участникам.

Ж. Ассельборн – заместитель председателя правительства Люксембурга, министр иностранных дел и иммиграции.

М. Эль-Барадей – генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); доктор наук.

С. Кириенко – руководитель Федерального агентства по атомной энергии России, экс-председатель правительства Российской Федерации.

Х. Бликс – председатель Международной комиссии по оружию массового уничтожения; доктор наук (Швеция).

Н. Лаверов – вице-президент Российской академии наук; академик (Россия).

Р. Экеус – верховный комиссар по делам национальных меньшинств Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

11.30–12.10 Председатели – **Р. Сагдеев,** заслуженный профессор, директор Центра «Восток–Запад» Университета штата Мэриленд; академик РАН (Россия/США).

	«Новые вызовы и угрозы режиму нераспространения и его ограничениям». Докладчик – **Дж. Сиринсионе**, старший вице-президент по национальной безопасности и международным отношениям Центра за американский прогресс (США). **«Угроза ядерного терроризма».** Докладчик – **Ф. Калоджеро**, профессор отделения физики Римского университета «Ла Сапьенца» (Италия). ***Дискуссия***.
12.10–12.50	Председатель – **С.Ознобищев**, директор Института стратегических оценок; профессор МГИМО (У) МИД РФ (Россия). **«Ядерный кризис» на Корейском полуострове».** Докладчик – Ю. Амано, Чрезвычайный и Полномочный Посол постоянной миссии Японии при международных организациях в Вене (Япония). ***Дискуссия***.
12.50–13.30	Председатель – **В. Дворкин,** главный научный сотрудник ИМЭМО РАН; генерал-майор в отставке; профессор (Россия). **«Ядерный кризис» на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива».** Докладчик – **Дж. Перкович**, вице-президент по научной работе и директор программы по проблемам нераспространения оружия массового уничтожения «Фонда Карнеги за международный мир»; доктор наук (США). ***Дискуссия***.
14.30–15.30	Председатель – **А. Арбатов,** руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; член научного совета Московского центра Карнеги; член-корреспондент РАН (Россия). **«Ядерная проблема в Южной Азии».** Докладчик – **М. Крепон**, президент-учредитель Исследовательского центра Генри Стимсона (США). ***Дискуссия***.
15.30–16.30	**«Укрепление гарантий МАГАТЭ и экспортного контроля (ГЯП, РКРТ).** Докладчик – **Р. Тимербае**в, председатель совета ПИР-Центра; посол (Россия). ***Дискуссия.***
16.50–17.40	Председатель – **А. Коновалов**, президент Института стратегических оценок, профессор МГИМО (У) МИД РФ (Россия). **«Проблема выхода из ДНЯО».** Докладчик – **А. Арбатов**, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; член научного совета Московского центра Карнеги; член-корреспондент РАН (Россия). ***Дискуссия***.

17.40–18.30	Председатель – **Р. Геттемюллер**, директор Московского центра Карнеги (США). **«Ядерное разоружение и нераспространение, статья VI ДНЯО».** Докладчик – **Р. Сагдеев**, заслуженный профессор, директор Центра «Восток–Запад» Университета штата Мэриленд; академик РАН (Россия/США). ***Дискуссия***. Доклад – **У. Перри**, профессор Стэнфордского университета; миссар Международной комиссии по оружию массового уничтожения (США).
25 мая	
10.00–11.00	Председатель – **А. Горелик**, почетный профессор политических наук университета Калифорнии в Лос-Анжелесе (США). **«Контрраспространение и роль СБ ООН».** Докладчик – **Д. Дханапала**, старший советник Президента Шри-Ланки; комиссар Международной комиссии по оружию массового уничтожения; посол (Шри-Ланка). ***Дискуссия***.
11.00–12.00	Председатель – **У. Поттер**, директор Центра по изучению проблем нераспространения оружия массового уничтожения и Центра российских и евроазиатских исследований, профессор Монтерейского института международных исследований (США). **«Ядерный топливный цикл – сопоставление существующих предложений и перспектив на будущее».** Докладчик – **Дж. Вулфстал**, старший научный сотрудник (программа по международной безопасности) Центра стратегических и международных исследований (США). **«Глобальное партнерство по ядерной энергии – технические и экономические вопросы».** Докладчик – **Р. Геттемюллер**, директор Московского центра Карнеги (США). ***Дискуссия***.
13.00–14.30	**«Дорожная карта» укрепления режима и системы ядерного нераспространения.** Докладчики: – **А. Арбатов**, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО, член научного совета Московского центра Карнеги; член-корреспондент РАК (Россия); – **В. Дворкин**, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН; генерал-майор в отставке; профессор (Россия); – **С.Ознобищев**, директор Института стратегических оценок; профессор МГИМО (У) МИД РФ (Россия).

	Общая дискуссия.
14.30–15.00	**Завершение конференции.**
	Заключительные слова участников.
	Заключительное слово – В. Кантор, председатель оргкомитета конференции, председатель Европейского еврейского фонда, доктор наук.
15.00–15.30	**Пресс-конференция.**

Источник: http://www.pnc2007.org/conference/agenda/29.06.2007

В частности было отмечено, что самая серьезная угроза в обозримом будущем связана с возможностью получения террористическими организациями доступа к ядерным взрывным устройствам или ядерным материалам. Кроме того, растет опасность окончательного краха Договора о нераспространении ядерного оружия и всего режима нераспространения, что вызвано безрезультатными попытками найти выход из сложившегося ядерного кризиса вокруг Северной Кореи и Ирана. Было отмечено, что положение самым серьезным образом усугубляется недостаточно строгим соблюдением обязательств по нераспространению и неэффективностью мер по их принудительному приведению в исполнение, непоследовательностью усилий ядерных государств в реализации курса ядерного разоружения, их приверженностью методам ядерного устрашения, а также несогласованностью процесса контроля над ядерными вооружениями и разоружением.

Участники Конференции подчеркнули, что обозначенные выше тенденции ставят под угрозу не только региональную, но и глобальную безопасность и повышают риск использования террористами ядерных взрывных устройств или боевого использования ядерного оружия. Участники согласились, что сложившаяся ситуация требует незамедлительного вмешательства международного сообщества.

Участники отметили необходимость подтверждения ядерными государствами своей приверженности цели ядерного разоружения в соответствии со Статьей VI Договора о нераспространении ядерного оружия и снижения фактора ядерного сдерживания. Было предложено возобновить диалог между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией о дальнейшем сокращении и ограничении ядерных вооружений. Многие участники выразили сомнение по поводу необходимости как самой системы стратегической обороны Соединенных Штатов Америки, так и ее развертывания в Европе. Поступило предложение о том, что Великобритания, Франция и Китай должны стать участниками (в приемлемой для них форме) системы ограничений ядерных сил и мер открытости и доверия, действующих между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией. Большинство участников высказалось за принятие всеми ядерными державами-участницами Договора о нераспространении ядерного оружия безоговорочного обязательства о неприменении ядерного оружия первыми против любого государства-члена Догово-

ра о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, участники выступили с инициативой проведения на международном уровне переговоров с целью обсуждения Кодекса правил, регулирующих мирное использование космического пространства, и проблем безопасности космоса. В качестве приоритетной задачи, требующей немедленного решения, участники назвали подписание и ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний всеми государствами, которые еще не присоединились к нему, в частности, 44 странами, включенными в список Приложения II, для обеспечения скорейшего вступления Договора в силу.

Все участники призвали стороны **шестисторонних переговоров** реализовать действенные меры для преодоления стагнации в ходе переговоров и исполнения Совместного документа по ядерной программе Корейской Народно-Демократической Республики. Корейская Народно-Демократическая Республика должна ликвидировать ядерное оружие, вновь присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия и гарантиям безопасности Международного агентства по атомной энергии и подчиниться международным договорам о разоружении и механизмам экспертного контроля в отношении оружия массового уничтожения и систем доставки.

В центре обсуждения стоял вопрос о **переговорах шести стран** с Ираном о применении гарантий безопасности Международного агентства по атомной энергии. Было особо отмечено, что нарушение Ираном положений резолюций Организации Объединенных Наций неприемлемо. Иран должен выполнить требования резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций путем урегулирования с Международным агентством по атомной энергии всех нерешенных вопросов. Участники выразили общее мнение, что, в первую очередь, Иран должен выполнить требование Совета Безопасности Организации Объединенных Наций о том, "что Ирану следует без дальнейшего промедления приостановить ... всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ; и всех связанных с тяжелой водой проектов, включая строительство исследовательского реактора с тяжеловодным замедлителем, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ". Как было отмечено многими участниками, невыполнение этих требований, повлечет ужесточение санкций против Ирана в соответствии со Статьей 41 и 42 Главы 7 Устава Организации Объединенных Наций с использованием всех надлежащих мер в рамках полномочий Совета Безопасности ООН. В случае соблюдения Ираном требований резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии и устранения всех несоответствий, Ирану может быть предоставлен пакет стимулирующих мер, в том числе гарантированные поставки низкообогащенного урана или ядерного топлива, а также вывоз облученного топлива для дальнейшей переработки и хранения за границей. Стимулирующие меры могут также включать помощь мирового сообщества в развитии нефтегазовой отрасли, вступление во Всемирную Торговую Организацию и возобновление

дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки. Политические круги и население Ирана в целом должны быть поставлены в известность о существенных экономических и социально-политических преимуществах, сопряженных с исполнением Ираном Резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

В тексте пресс-релиза я выделил сюжеты «шестисторонних переговоров», «переговорах шести стран» с целью обозначить институты компромисса, которые функционируют в течение многих месяцев. Весь текст пресс-релиза может быть интерпретирован как обоснование опережающего компромисса для осуществления предотвращения возможной ядерной катастрофы по существу.

Сама возможность и необходимость, важность таких компромиссов почти двадцать пять лет назад была обоснована выдающимся русским мыслителем, математиком и философом, академиком Российской академии наук Никитой Николаевичем Моисеевым.

Практически первая научная конференция, посвящённая комплексной (технической, гуманитарной, экологической) оценке итогов возможной ядерной войны состоялась в октябре 1983 года в Вашингтоне. В первом докладе Карла Сагана, известного американского астронома, были представлены итоги исследований последствий после гипотетического обмена ядерными ударами большой мощности. Его сценарий ранее был изучен в СССР научным коллективом Вычислительного центра Академии наук под руководством Н.Н. Моисеева.

После доклада К. Сагана в Вашингтоне выступил В.В. Александров, ученик Н.Н. Моисеева. В его выступлении американская модель динамики атмосферы (для первого месяца после обмена ядерными ударами) была дополнена моделью динамики океана (для первого года после обмена ядерными ударами).

Общий вывод был весьма доказательным: «в результате ядерной войны, произойдут такие качественные изменения биосферы, которые исключат возможность жизни человека на Земле»[2].

Осенью 1983 года Н.Н. Моисеев разработал и исследовал абстрактную модель «гонка ядерных вооружений», которая наиболее полно может содействовать изучению такой ситуации.

«Так вот, основной вывод, который следовал из анализа этой абстрактной модели, состоял в следующем, – размышляет Никита Николаевич Моисеев, выдающийся мыслитель XX и XXI веков. – Несмотря на сложную зависимость целевой функции, общей для всех партнеров (функции риска ядерной войны, зависящей от действий участников конфликта), основная гипотеза, ради проверки которой и было предпринято исследование, подтвердилась: **в такой сверхсложной и сверхопасной ситуации, какой является гонка ядерных вооруже-**

[1] http://www.pnc2007/org/events/news/text-114.html/29.06.2007

[2] *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М., 2001. С. 198.

ний, существует взаимовыгодный и эффективный компромисс. Другими словами, и здесь может быть создан "институт согласия".

Конечно, факт его существования еще недостаточен для реальной проблемы устранения конфликта. **Надо еще уметь найти этот компромисс и, в частности, суметь определить для стран-участников гонки вооружений приемлемые уровни этих вооружений, тем более, что качественный анализ показывает, что взаимовыгодный уровень не нулевой!**

Ответ на такой вопрос требует уже гораздо более детальной информации и многих количественных характеристик. Но и **знание того факта, что компромисс существует, что он будет выгоден всем, может оказаться немаловажным стимулом в поиске трудных решений, столь бесконечно важных сегодня для человечества. Заметим, отыскание компромисса еще тоже не исчерпывает проблемы, поскольку не менее важно убедить достаточно широкий круг людей в том, что компромисс действительно всем выгоден – задача не менее сложная, чем поиск компромисса**»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Я с особым чувством благодарности отношусь к провидческим и фундаментальным соображениям Н.Н. Моисеева по поводу базовых оснований социологической, общегуманитарной теории компромисса для XXI века; он выделил основные постулаты возможной будущей науки «компромиссология». В последующих главах я более подробно рассмотрю более широкий спектр результатов, полученных Н.Н. Моисеевым для создания теории компромисса.

А сейчас считаю важным представить итоги изучения Н.Н. Моисеевым ещё более сложной абстрактной модели, ориентированной на развёртывание средств противоракетной обороны (ПРО), осуществлённого им в 1985–1987 годах.

«Сначала был рассмотрен случай, когда каждая из стран создавала свою собственную ПРО, – поясняет Н.Н. Моисеев. – Оказалось, что создание такой системы качественного результата не изменяет: **взаимовыгодный компромисс существует, однако и в этом случае он не нулевой!**»[2]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Таким образом, новые проблемы обеспечения безопасности обусловили новое понимание феномена «компромисс», среды безопасности и компромисса; новое понимание взаимодействия компромисса и предотвращения.

Для нового понимания социологии безопасности через социологию компромисса очень актуально в 2007 году суждение Н.Н. Моисеева, представленное им в 1993 году. «Надо научиться обнажать противоречия, которые всегда существуют в обществе, – справедливо и убедительно, по моему мнению, размышляет Никита Николаевич Моисеев, – и создавать способы нахождения коллективных решений, которые всегда будут некоторыми компромиссами. Должно возникнуть ясное понимание того факта, что в наш век экологическо-

[1] *Моисеев Н.Н.* Восхождение к Разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М., 1993. С. 168.

[2] Там же.

го императива и ядерного оружия без компромиссов, без институтов согласия дальнейшее развитие общества перспективы не имеет!»[1].

Я полагаю, что именно в таком контексте можно и нужно воспринимать реальное ***«обнажение противоречий»***, осуществлённое Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным в его речи 9 мая 2007 года на Красной площади Москвы в связи с 62-й годовщиной Победы над фашизмом. «В этот день мы неизменно задумываемся о судьбах мира, о его стабильности и безопасности, – обратился Президент Российской Федерации В.В. Путин к участникам военного парада и его гостям, к народам России, к народам всех стран и континентов. – И уроки той страшной войны с каждым годом приобретают все больший смысл и значение. День Победы роднит и объединяет не только граждан России, но и наших ближайших соседей в странах Содружества. Все мы глубоко благодарны поколению людей, на долю которых выпал тяжкий жребий войны. Они передали нам свои традиции братства и солидарности, поистине выстраданный опыт единения и взаимопомощи. И мы будем свято хранить память об этом, свято хранить это историческое достояние.

А те, кто пытается сегодня принизить этот бесценный опыт, кто оскверняет памятники героям войны, – оскорбляет собственный народ, сеет рознь и новое недоверие между государствами и людьми.

Мы не вправе забывать – причины всякой войны нужно, прежде всего, искать в ошибках и просчетах мирного времени. А их корни – в идеологии конфронтации и экстремизма. Тем более что и в наши дни таких угроз не становится меньше. Они лишь трансформируются, меняют свое обличие. И в этих новых угрозах, как и во времена Третьего рейха, – все то же презрение к человеческой жизни, те же претензии на мировую исключительность и диктат.

Убежден, только общая ответственность и равноправное партнерство способны противостоять этим вызовам, способны дать согласованный отпор любым попыткам развязать очередной вооруженный конфликт, подорвать безопасность в мире»[2].

Считаю возможным назвать ***уникальное, сущностное свойство компромисса: он возможен тогда и только тогда, когда после его согласования и утверждения обязательно и непременно выигрывает, чувствует себя победителем каждый его участник, каждая сторона оформления компромисса, каждый его субъект.***

Практически не исследовано в общественных науках важное свойство этого этапа: да компромисс возможен только при наличии воли; умения его найти; соединить терпимость, сотрудничество, диалог и доверие на докомпромиссной стадии; тщательно, многотрудно, иногда в течение многих дней, месяцев и лет, талантливо поработать. Однако достижение компромисса, особенно на

---

[1] *Моисеев Н.Н.* Восхождение к Разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. С. 168.

[2] Московские новости. 2007. 11–17 мая. № 18. С. 9.

стадии культуры компромисса сопровождается практически всегда наделением каждого субъекта компромисса новой энергией, креативностью, обретением (уточнением) смысла жизни, мечты.

На поверхности многих тревожных событий 1999–2007 годов субъектом, фактически готовящим ядерную войну XXI века выступает США и блок НАТО.

В послании конгрессу США 2006 года президент США Дж. Буш официально в первых нескольких словах чётко констатировал: «США находится в состоянии войны со всем миром».

Хронология:

• весна 1999 – армия США и армии стран НАТО бомбят Югославию и убивают детей, женщин, стариков;

• весна 2003 – армия США и армии многих стран НАТО бомбят и уничтожают народы Ирака: по данным общественных организаций к лету 2007 года в Ираке убиты сотни тысяч детей, женщин, стариков;

• 2006–2007. Армия США и НАТО готовятся разместить своё ядерное оружие (мотив – противоракетная оборона) на территории Польши и Чехии;

• 2007. Армейские контингенты армии США размещаются на территории Румынии, Болгарии, Грузии, Киргизии, Афганистана и т. д.

Есть мотивы для развязывания ядерной войны:

• народы России, её руководители неправильно понимают ценности, которым привержены США; они неправильно относятся к демократии и правам человека (таких обвинений, поводов и мотивов оказалось, в основном, достаточно, чтобы с 2003 года по настоящее время американские солдаты и их союзники из многих стран каждый день убивали детей, стариков и женщин);

• народы России на своей законной исторической территории владеют огромными запасами земли, воды, газа, нефти и т. д.: это несправедливо, по мнению ряда влиятельных политиков, бизнесменов, военных, общественных деятелей США;

• народы России, её общество якобы погрязли в преступности, коррупции, воровстве; они не обеспечили, якобы, достойного управления страной, её безопасностью, экономикой, экологией. Поэтому, как несостоявшаяся страна она должна управляться извне, из других стран, из определённых международных организаций;

• народы России, её политики, учёные, предприниматели предъявили свои концепции миропорядка XXI века, свои научные парадигмы; свою достойную культуру, интеллект, новый гуманизм: это плохой пример для многих других стран и народов. Поэтому нельзя, по мнению отдельных высокопоставленных деятелей США, позволять реально и ускоренно развиваться России;

• появились новые, благоприятные, якобы, для США и его ближайших союзников, научные и экспертные разработки, что в ситуации стремительно развязанной глобальной ядерной войны XXI века, США победят, Россия будет уничтожена: никакой «ядерной зимы» и «ядерной ночи» (по сценариям К. Сагана и Н. Моисеева – 1983 год) не будет.

Эти обоснования в 2005–2007 годах получили широкое распространение как в США, так и во многих странах мира (в т. ч. и в России). Они (публикации) получили солидную прессу (научные журналы с ранее безупречной репутацией) и многочисленные комментарии. Отдельно о комментариях: в российских газетах и журналах маститые политологи, эксперты солидно и спокойно прокомментировали эту линию подготовки возможной ядерной войны: молодые авторы, что с них возьмёшь и т. д.;

• самостоятельной линией подготовки собственно ядерной войны во многих структурах США стало развёртывание беспрецедентной идеологической войны против России: её истории; её целей, идеалов и ценностей; её культуры. Здесь внятным «проводником» стали отдельные политологи, социологи, философы и другие представители общественных наук, которые, возможно, на основании своих убеждений, готовят мирный захват России в интересах США и Запада за счёт блокирования процессов создания объединяющей государственнической патриотической идеологии (или грамотной деформации этого процесса); формирования общенационального созидательного Проекта; сохранения и развития лучших традиций российского образования и культурного просвещения людей; патриотического воспитания молодёжи.

Эти тенденции на поверхности событий, угрожающих миру в XXI веке, достаточно чётко и устойчиво оценивают граждане во многих странах.

Недавний опрос общественного мнения, осуществлённый компанией «Харрис» (Harris Interactive) и британской газетой «Файнэншл таймс» (первая половина 2007 года) показал, что в Европе больше всего боятся США – 32% от числа опрошенных (граждане Великобритании, Германии, Италии, Франции, Испании). Далее: Китай – его опасаются 19 процентов от числа орошенных, Иран – 17 процентов, Ирак – 11 процентов, Северная Корея – 9 процентов, Россия – 5 процентов[1].

Тем не менее, правительство и народ США; правительства и народы стран, входящих в НАТО – необходимая и желательная сторона в остро востребованной стратегической партнёрской культуры компромисса (её Субъект) во имя предотвращения возможной ядерной катастрофы XXI века.

Важным этапом формирования и определённости социологии предотвращения ядерной войны можно назвать главную доминанту из фрагмента высказывания генерального директора МАГАТЭ, лауреата Нобелевской премии мира Мохаммеда эль-Барадея в ходе встречи с журналистами (после своего официального доклада). «Для меня честь быть здесь, – приветствовал он собравшихся журналистов. – Спасибо организаторам этой нужной конференции, спасибо за ее проведение. Мы живем в сложное время. Нарастает опасность ядерной катастрофы. Как я упомянул в своем докладе, угроза ядерной катастрофы выросла, сама проблема становится все более сложной. Существует ядерный терроризм. Актуальным становится вопрос об охране ядерных

[1] *Максимов А.* Европейцы боятся США гораздо больше, чем Россию // Известия. 2007. 3 июля. С. 5; Кого боится мир? // Российская газета. 2007. 22 июня. С. 3.

материалов, в том числе об их непосредственной, физической защите. Все больше появляется стран, способных завершить ядерный цикл, следствием чего становятся попытки получить ядерное оружие или создать возможности для его производства.

Результат, который мы сейчас имеем, – полная стагнация в решении проблемы ядерного разоружения, так как государства продолжают видеть в ядерном оружии залог своей безопасности, И те страны, которые им не обладают, стремятся заполучить его для обеспечения своей безопасности. Как следствие – стран, которые стремятся стать обладателями ядерного оружия, становится все больше. И это **ядерное оружие может быть применено.** Случайно или намеренно – это не так важно.

Д-р Кантор накануне справедливо говорил о том, что происходит «банализация» ядерной угрозы – она стала общим местом, и ее не воспринимают всерьез, нет понимания того, что ядерная катастрофа может действительно уничтожить нашу цивилизацию. И когда мы видим, что такие люди, как У. Перри, Д. Шульц, которые имеют полувековой опыт работы в условиях «холодной войны» и ядерного противостояния, говорят о необходимости запрета ядерного оружия, я думаю, что это сигнал, важный сигнал к действию. Нам необходимо принципиально изменить нынешнюю систему безопасности. Нужна такая система безопасности, которая не будет основана на ядерном оружии. Само же ядерное оружие должно быть определено как оружие геноцида, и ему не должно быть места в нашей системе коллективной безопасности»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Я определяю эту доминанту как ***«необходимость действовать социологически уже сегодня для предотвращения ядерной войны XXI века».***

Контрольные вопросы

1. Как возможны действия учёных в *«социологическом»* предотвращении угрозы ядерной войны XXIвека?
2. Почему важны невоенные гражданские инициативы людей во всех странах мира для предотвращения ядерной катастрофы?
3. Что, по Вашему мнению, может сделать Человек, Гражданин для защиты Мира и Безопасности в 2007 году?

Литература

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

Миройстройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.

Уткин А. Трудно быть Америкой // Литературная газета. 2007. № 41. 10–16 сентября. С. 4.

Смехов А. ПРО США в Европе: Американские учёные раскрыли планы Вашингтона // Комсомольская правда. 2007. 28 сентября. С. 7.

[1] http://www.pnc2007.org/events/news/text-79/.html/29.06.2007

Картер Дж. Мир рискует вернуться к гонке ядерных вооружений // Ведомости. 2007. 19 сентября. С. А04.

Шмидт Г. Перед лицом новых кризисов // НГ Дипкурьер. 2007. № 16. 8 окт. С. 13, 19.

Альянс цивилизаций: Доклад Группы высокого уровня. 17 ноября 2006 г. (ООН, Нью-Йорк) // Безопасность Евразии. 2007 № 2.

Добреньков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам / Организация Объединённых Наций // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

Раздел IV

ПРАКТИКИ

Глава 16. Феномен «безопасность» в научном дискурсе и социологических исследованиях 324
Контрольные вопросы 342
Литература 343
Глава 17. Социология безопасности через социологию компромисса и справедливости 343
Контрольные вопросы 358
Литература 358
Глава 18. Стратегия культуры безопасности как стратегическая партнёрская культура компромисса: от опыта XX века к практикам XXI века 358
Контрольные вопросы 369
Литература 369
Глава 19. Социология безопасности и культура предотвращения глобальной ядерной войны XXI века 369
Контрольные вопросы 391
Литература 391

Важнейшим направлением практической деятельности самих людей, их общественных объединений, парламента и других структур власти, самого государства в преодолении неопределённости и небезопасности, всего спектра опасностей, угроз, вызовов, рисков для благополучия человека и семьи является разработка эффективного законодательства, ориентированного на обеспечение безопасности.

Законодательные основы обеспечения безопасности –

это система установленных государством общеобязательных норм (правил поведения), регулирующих общественные отношения, права и обязанности государственных органов, общественных объединений, должностных лиц и граждан в сфере безопасности.

В РФ их составляют Конституция России, федеральные законы и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие отношения в области безопасности; конституции, законы, иные нормативные акты республик в составе Российской Федерации и нормативные акты органов государственной власти и управления краёв, областей, автономной области и автономных округов, принятые в пределах их компетенции в данной сфере; международные договоры и соглашения, заключённые или признанные Российской Федерацией.

Кроме того, в РФ действует ряд официальных документов, которые не являются нормативно-правовыми актами, не содержат прямых предписаний непосредственного действия, но играют большую роль в регулировании отношений в области безопасности и обороны страны. К ним относятся ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию, Концепция национальной безопасности РФ, Концепция внешней политики РФ, Военная доктрина РФ, Морская доктрина РФ, Доктрина информационной безопасности РФ, Основы пограничной политики РФ и др.

Закон Российской Федерации «О безопасности» от 22.12.92 № 4235-1, закрепляет правовые основы обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяет систему безопасности и её функции, устанавливает порядок организации и финансирования органов обеспечения безопасности, а также контроля и надзора за законностью их деятельности. Закон определяет безопасность как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы – совокупность потребностей, удовлетворение которых надёжно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития

личности, общества и государства. К основным *объектам безопасности* относятся: личность – её права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. *Субъектами обеспечения безопасности* являются: государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей, граждане, общественные и иные организации и объединения.

Для непосредственного выполнения функций по обеспечению безопасности личности, общества и государства в системе исполнительной власти образуются государственные органы обеспечения безопасности; государство обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам, общественным и иным организациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом. Безопасность достигается проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства. Закон определяет *принципы обеспечения безопасности* и *законодательные основы обеспечения безопасности.*

Систему безопасности образуют органы законодательной, исполнительной и судебной властей, государственные, общественные и иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении безопасности в соответствии с законом, а также законодательство, регламентирующее отношения в сфере безопасности. Создание органов обеспечения безопасности, не установленных законом Российской Федерации, не допускается. Общее руководство государственными органами обеспечения безопасности осуществляет Президент Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации обеспечивает руководство государственными органами обеспечения безопасности Российской Федерации. Министерства и государственные комитеты Российской Федерации обеспечивают реализацию федеральных программ защиты жизненно важных интересов объектов безопасности. Для непосредственного решения задач безопасности создаются *силы и средства обеспечения безопасности.* Конституционным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации в области обеспечения безопасности является *Совет Безопасности Российской Федерации,* который образует постоянные временные межведомственные комиссии на функциональной или региональной основе[1].

Концепция национальной безопасности Российской Федерации – это официальная система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности, излагающая важнейшие направления государственной политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ

[1] См.: О безопасности. Закон РФ от 5.3.1992 № 2446-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

№ 24 от 10 января 2000. *Под национальной безопасностью Российской Федерации в Концепции понимается безопасность её многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.* В ней подчёркивается, что Россия является одной из крупнейших стран мира с многовековой историей и богатыми и культурными традициями и объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах. Она выступает за формирование многополярного мира, совершенствование механизмов многостороннего управления международными процессами, широкую интеграцию Российской Федерации в мировую экономику и против попыток создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего, военно-силовые решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права.

Основные стратегические цели и текущие задачи внутренней и внешней политики государства определяют *национальные интересы России,* которые носят долгосрочный характер и обеспечиваются институтами государственной власти в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции и законодательства Российской Федерации общественными организациями. В Концепции отмечается, что реальное состояние страны, осложнение международных отношений создают широкий спектр внутренних и внешних *угроз национальной безопасности России.* Это придаёт приоритетное значение политике в области *обеспечения национальной безопасности.* Она призвана решать большой круг задач в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах.

Реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики. Поэтому обеспечение *экономической безопасности* имеет ключевое значение. Государство должно содействовать созданию равных условий для развития и увеличения конкурентоспособности предприятий независимо от формы собственности, в том числе становлению и развитию частного предпринимательства во всех сферах, где это способствует росту общественного благосостояния, прогрессу науки и образования, духовному и нравственному развитию общества, защите прав потребителей. Особенно важно проведение социально справедливой и экономически эффективной политики в области распределения доходов.

Сближение интересов населяющих страну народов, налаживание их всестороннего сотрудничества, проведение ответственной и взвешенной государственной национальной и региональной политики позволит обеспечить в России внутриполитическую стабильность. Комплексный подход к решению этих задач должен составлять основу внутренней государственной политики, обеспечивающей развитие Российской Федерации как многонационального демократического федеративного государства. Осуществление конституционного принципа народовластия требует обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия всех органов государственной власти, жёсткой

вертикали исполнительной власти и единства судебной системы России. Необходима консолидация усилий, направленных на борьбу с преступностью и коррупцией. Борьба с терроризмом, наркобизнесом и контрабандой должна осуществляться на основе общегосударственного комплекса контрмер по пресечению этих видов преступной деятельности.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России, противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров. Вместе с тем в Концепции констатируется, что значение военно-силовых аспектов в международных отношениях продолжает оставаться существенным, а уровень и масштабы угроз в военной сфере возрастают. Исходя из этого, в Концепции обеспечение *военной безопасности* квалифицируется как важнейшее направление деятельности государства. При этом в предотвращении войн и военных конфликтов отдаётся предпочтение политическим, дипломатическим, экономическим и другим невоенным средствам. Более того, Россия выступает за упрочение ключевых механизмов многостороннего управления мировыми политическими и экономическими процессами, в первую очередь под эгидой Совета Безопасности ООН, для сохранения глобальной и региональной стабильности. Она выражает заинтересованность в осуществлении мер по укреплению доверия и стабильности и в разработке при необходимости новых соглашений в этой области.

Применение военной силы для обеспечения безопасности жёстко ограничено. Во внешнем плане её использование возможно в случае необходимости отражения агрессии, если все другие меры разрешения кризисной ситуации исчерпаны или оказались неэффективными. Внутри страны применение военной силы допускается в строгом соответствии с Конституцией и федеральными законами в случаях возникновения угрозы жизни граждан, территориальной целостности страны, угрозы насильственного изменения конституционного строя. Необходимы новый подход к организации и ведению гражданской обороны на территории Российской Федерации, качественное совершенствование единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе дальнейшая интеграция её с аналогичными системами иностранных государств.

Система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации создаётся и развивается в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, федеральными программами в этой области. Её основу составляют органы, силы и средства, осуществляющие меры политического, правового, организационного, экономического, военного и иного характера, направленные на обеспечение безопасности личности, общества и государства. Полномочия органов и сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, их состав,

принципы и порядок действий определяются соответствующими законодательными актами Российской Федерации.

В формировании и реализации политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации принимают участие президент Российской Федерации, Федеральное собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Совет безопасности Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, политические партии и общественные объединения. В тексте Концепции подчёркивается, что полномочия органов и сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, их состав, принципы и порядок действий определяются соответствующими законодательными актами Российской Федерации. Концепция национальной безопасности Российской Федерации не является нормативно-правовым актом: она не содержит прямых предписаний непосредственного действия. Тем не менее, утвержденный Указом Президента этот документ играет большую роль в регулировании отношений в области безопасности и обороны страны. В нём сформулированы важнейшие направления государственной политики Российской Федерации, которые определяют содержание и формы соответствующей деятельности органов государственной власти и управления[1].

Концепция безопасности союза Беларуси и России – это система взглядов и положений, распространяющихся на безопасность Союза и государств-участников Союза, принципов, целей, задач и механизмов её обеспечения, а также стратегии и политики по становлению, укреплению и развитию Союза. Утверждена решением Высшего Совета Союза Беларуси и России от 28 апреля 1999. Правовую основу Концепции составляют Договор о Союзе Беларуси и России, Устав и другие правовые акты Союза, Декларация о дальнейшем единении Беларуси и России, двусторонние договоры и соглашения, национальное законодательство государств-участников Союза по вопросам безопасности, нормативные правовые акты органов безопасности Беларуси и России.

Концепция определяет общие для государств-участников Союза подходы к безопасности Союза и её обеспечению, методологические основы нормотворческой, теоретической и практической деятельности в сфере безопасности, основные жизненно важные интересы Союза в целом, а также в политической, экономической, военной, научно-технической, информационной, экологической и социальной сферах деятельности, подлежащие защите от внешних и внутренних угроз, внешние и внутренние угрозы, защиту от которых или противодействие которым требуют интересы обеспечения безопасности Союза, приоритетные направления обеспечения безопасности, структуру, функции и основные требования к организации деятельности системы обеспечения безопасности Союза. Обеспечение безопасности Союза рассматривается в до-

[1] Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 10.01.2000 № 24 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.

кументе как постоянно осуществляемая целенаправленная и скоординированная деятельность, направленная на защиту жизненно важных интересов Союза и государств-участников Союза от внутренних и внешних угроз, а также противодействие им. К жизненно важным интересам Союза отнесены: эффективное функционирование и развитие Союза с перспективой добровольного объединения его государств-участников и реализация международной правосубъектности Союза, укрепление между государствами-участниками отношений братства, дружбы и всестороннего сотрудничества, повышение уровня жизни народов и создание благоприятных условий для всестороннего гармоничного развития личности, устойчивое социально-экономическое развитие Беларуси и России на основе объединения их материального и интеллектуального потенциалов, использования рыночных механизмов функционирования экономики, сближение национальных правовых систем и формирование правовой системы Союза, обеспечение безопасности и поддержание высокой обороноспособности Союза, совместная борьба с преступностью, содействие общеевропейской безопасности и развитию взаимовыгодного сотрудничества в Европе и мире.

В качестве субъектов обеспечения безопасности Союза Концепция называет Высший Совет, Парламентское Собрание и Исполнительный Комитет Союза Беларуси и России, органы Союза отраслевого и иного характера, высшие органы законодательной и исполнительной власти государств-участников Союза, законодательные и исполнительные органы субъектов Российской Федерации и административно-территориальных образований Республики Беларусь, суды всех уровней, органы государственного контроля и надзора государств-участников Союза, общественные объединения. Она исходит из того, что система обеспечения безопасности Союза призвана гарантировать централизованное управление при принятии стратегических решений по вопросам, отнесённым к компетенции Союза, самостоятельность элементов системы в реализации их функций, способность системы оперативно реагировать на изменения обстановки, возможность полного и эффективного использования сил и средств обеспечения безопасности, которыми располагают государства-участники Союза, в их комплексе и тесном взаимодействии.

Приведённые далее соображения были предложены автором учебного пособия на Парламентских слушаниях 12 ноября 2002 г. в Государственной Думе Российской Федерации по проблемам национальной безопасности.

1. Ключевым считаем главный вопрос содержания возможного нового Федерального закона «О национальной безопасности». Тем более это важно для формирования целостной системы законодательного обеспечения национальной безопасности. Я имею в виду роль и место Национальной Цели. Речь идёт о главном, решающем значении цели, идеала, ценностей для человека, семьи, общества и государства.

Это главная методологическая и концептуальная проблема, на мой взгляд, для обеспечения душевного здоровья россиян, культуры патриотизма, для смысла деятельности воина и государственного служащего, для гражданина.

Здесь ключ к преодолению кризиса российского общества и государства.

Суть: в настоящее время в содержательной (концептуальной) основе действующего Федерального закона «О безопасности» (1992 г.) и «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в редакции 2000 г.) обозначены только интересы личности, общества и государства. И сам феномен «безопасность» имеет в своём возникновении и артикуляции определённый момент возникновения угроз и опасностей только и исключительно только интересам.

В итоге, вся смысловая канва законов, указов, концепций о безопасности (система безопасности, её принципы, функционирование, вся совокупность категорий) построена на интересе. А по существу, на концепции середины XX века, разработанной американским политологом Гансом Моргентау для США того периода.

Кстати, сами американцы в 80–90-х годах XX века преодолели методологию Моргентау.

Определение Цели (идеалов, ценностей) в центр нового Федерального закона позволит, по моему мнению, более точно сформулировать понятия: безопасность, угроза, опасность, объект и субъект безопасности, система безопасности, её принципы и функционирование, политика безопасности.

Особенно важно отметить и такое негативное обстоятельство. В действующей совокупности законов и концепций безопасности принципиально не поддаётся определению феномен «управления безопасностью». Причина: интересы есть, однако, управление осуществляется «по целям». А цели нет, она не сформулирована. А нет цели, нет и управления безопасностью в масштабах государства.

По существу, весьма уязвима и политика безопасности.

Вывод: без категории «цель» вся система категорий в концептуальной основе нового Федерального закона будет неполной и явно недостаточно эффективной.

2. Второй тезис связан с природой категории «цель». По своему характеру она не входит ни в субъект, ни в объект безопасности. Более обоснованно было бы включить «цель» в среду безопасности. Понятие «среда безопасности» не определено в совокупности действующих законов и концепций безопасности. Прежде всего, мы имеем в виду раздел II Закона РФ «О безопасности» (1992 г.). Здесь в разделе «Система безопасности Российской Федерации» это звено не обозначено.

Полагаю, что при разработке концептуальных основ нового закона феномен «среда безопасности» важно учесть.

Вместе с понятием «цель» в предметном поле среды безопасности важно, на мой взгляд, выделить категорию «законность». В действующем законе это понятие определено как исходный принцип безопасности (раздел I, статья 5).

Я рассматриваю феномен «законность» значительно шире.

Вот основания для такого подхода. В итогах социологических исследований общественного мнения о состоянии России, удовлетворённости жизнью оформилась устойчивая тенденция. На один и тот же вопрос в различных исследова-

ниях *«Что надо сделать государству и обществу для коренного улучшения жизни, для обеспечения безопасности?»* в ответах респондентов на 1–3 местах стоит одинаковый ответ. Он формулируется так: *«Самое главное – обеспечить законность как равенство людей перед Законом»*.

Что особенно значительно, на вопрос: *«Какие идеи, какие действия могли бы наиболее эффективно объединить россиян с разными взглядами, сторонников разных конфессий?»* был получен такой же ответ: *«Законность как равенство людей перед Законом»*.

Представляется, что категория «законность» в новой концепции Федерального закона могла бы занять более значительное место, чем как один из принципов безопасности.

Вывод: полагаю возможным в систему безопасности Российской Федерации включить феномен «среда безопасности».

3. Третий тезис ориентирован на изменение характера подхода в обеспечении безопасности. Философия и социология обеспечения безопасности в действующих законах и концепциях ориентирована на системный подход в выявлении угроз и опасностей интересам объекта безопасности и формировании адекватных ответов на вызовы, угрозы и опасности.

Ряд обстоятельств в реальности XXI века обозначили такие особенности. Во-первых, кардинально изменились характеристики ряда объектов: их нематериальные (интеллектуальные) составляющие оформились на уровне 50–70% в капитализации основных фондов.

Во-вторых, всё больший удельный вес в социологии безопасности стали занимать технологии предотвращения угроз и опасностей (культура предотвращения). Это резко увеличило роль интеллектуального фактора в осуществлении тактики и стратегии безопасности.

В-третьих, опасности и угрозы всё чаще стали в XXI веке исходить от «сетевого противника» – международного терроризма и т. д. Логика и технология анализа и предотвращения таких угроз связана с действиями в условиях неопределённости. Таким образом, опасности и угрозы всё чаще носят несистемный, нелинейный характер.

Глава 16

Феномен «безопасность» в научном дискурсе и социологических исследованиях

Ключевым аспектом в становлении особенного социологического дискурса о смыслах безопасности может быть названо изучение практик его присутствия в научных текстах.

Для развёртывания дискурса о проблемах безопасности интересно и поучительно, по моему мнению, ознакомиться с динамикой наполнения актуальны-

ми и узнаваемыми смыслами феномена «безопасность» в важнейших текстах Президента России Владимира Путина.

Обратимся к итогам интересного исследования известного отечественного социолога Леонида Яковлевича Аверьянова. Он провёл контент-анализ текстов Посланий Президента Федеральному Собранию РФ за 2000–2006 годы[1].

Прежде всего, отмечу характер непосредственного понятийного окружения слова «безопасность» в текстах Посланий (см. табл. 14). Л.Я. Аверьянов дополнил эти особенности более подробным изучением опосредованного понятийного окружения при использовании категории «безопасность» (см. табл. 15).

Таблица 14. **Частотность субъектов в понятийном пространстве слова «безопасность»**

Военные	5	За рубежные	49	Бандиты	6
1. Армия	2	1. Штаты Америки	3	1. Бандиты	1
2. Военные	3	2. Афганистан	1	2. Преступники	3
		3. НАТО	1	3. Террористы	2
Общество 70		4. ООН	1	Властные субъекты	21
1. СМИ	1	5. ОДКБ	1	1. Власти	3
2. Граждане	5	6. Державы	2	2. Федеральных	1
3. Народ	1	7. Союзники	2	3. Политики	2
4. Нас, мы	22	8. Содружества	2	4. Службами	1
5. Люди	1	9. Государства	3	5. Правительство	1
6. Личность	5	10. Международные	12	6. Налоговой	1
7. Общество	4	11. Странами	5	7. Республики	1
8. Жители	1	12. Рубежом	1	8. Государство	11
9. Человек	1	13. Организации	2		
10. Предпринимательство	1	14. Мировые	6		
12. Инвесторы	1	15. Политики	3		
13. Страны	11	16. Соотечественники	1		
14. Россия	17	17. Партнеры	1		
		18. Сообщество	2		

Источник: *Аверьянов Л.* Власть и общество: Контент-анализ текстов Посланий Президента Федеральному Собранию РФ. 2000–2006 гг. // Безопасность Евразии. 2006. № 4. С. 275.

Знаменательно для понимания итогов изучения практик функционирования безопасности, что известные социологи Жан Терентьевич Тощенко и Николай Валентинович Романовский в своём исследовании тенденций развития

[1] *Аверьянов Л.* Власть и общество: Контент-анализ текстов Посланий Президента Федеральному Собранию РФ. 2000–2006 гг. // Безопасность Евразии. 2006. № 4. С. 231–278.

Таблица 15. **Анализ смыслов в расширенном понимании слова «безопасность»**

Смысловые единицы	***Всего упоминаний***	
Констатация угроз	49 (60,6%)	18,9 %
Серьезные угрозы	16 (19,8%)	6,2 %
Борьба за безопасность.	16 (19,8%)	6,2 %
Всего:	***81 (100%)***	
Гражданские угрозы	13 (27,1%)	5,0 %
Военные угрозы	1 (2,1%)	0,4 %
Экономические угрозы	15 (31,3%)	5,8 %
Преступность, террор	19 (39,6%)	7,3 %
Всего:	***48 (100%)***	
Сотрудничество	13 (43,3%)	5,0 %
Право	9 (30,0%)	3,5 %
Армия	8 (26,7%)	3,1 %
Всего:	***30 (100%)***	
Общество	44 33,9%)	17,0 %
Международные субъекты	34 (26,2%)	13,1 %
Власть	22 (16,8%)	8,5 %
Всего:	***130 (100%)***	
Всего:	259	100 %

Источник: Там же. С. 277.

социологии в современном мире особое внимание уделили её методологическим стратегиям.

Они констатировали заметную активность и востребованность социального конструктивизма и социологии жизни (её варианта)[4].

Это позволяет мне в изучении глобального научного дискурса отметить, **во-первых,** что специфический социологический дискурс по проблемам безопасности реально состоялся через свою главную доминанту – культуру жизни, ориентированную на содействие «социологически» предотвращению глобальной ядерной войны в XXI веке.

Во-вторых, уже оформленные, изученные практики социологического продвижения смыслов нового глобального гуманитарного Проекта Мира XXI века Мироустройства XXI актуализировали необходимость интеграции социологического знания, связав её с активизацией всех общественных наук, для реального участия в разработке мировых правил игры в определении и осуществлении международной повестки дня XXI века: с позиций культуры жизни.

Важнейшим направлением в глобальном научном дискурсе становится обсуждение проблем становления жизнеутверждающей, справедливой и компро-

[4] *Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В.* О тенденциях развития социологии в современном мире // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 9–10.

миссной идеологии нового мироустройства, а точнее – социологии идеологии мироустройства[1].

В-третьих, считаю, что именно в условиях нарастания определённости тенденций перемен в современном мире *(я полагаю возможным и необходимым констатировать: ситуация в первой половине 2007 года кардинально изменилась. Обозначенные многими уважаемыми участниками глобального научного дискурса: неопределённость, хаотичность, неструктурированность ситуации в мире – сменилась на определённость, чёткость позиций, их содержательную наполненность.*

Определились Смыслы (Проект Путина и Проект Буша – здесь нужна и рефлексия, и анализ практик, и конкретные поступки: наступило время действовать), востребованы традиции «социологического» влияния на предотвращение нежелательных перемен (опыт 60 – 70-х годов XX века).

Ещё больше востребованы гуманитарные, социологические инновации, которые могут, прежде всего, содействовать миллионам людей в понимании сути динамики обозначившихся тенденций в мире. И, прежде всего, в сохранении достойной, честной, благополучной, справедливой и безопасной жизни для каждого человека, для каждой семьи, для каждого народа.

Целесообразно рассмотреть важный аспект функционирования специфического социологического научного дискурса по проблемам социологии безопасности через осмысление конкретного опыта деятельности по социологическому предотвращению возможной ядерной катастрофы в XXI веке, через интериоризацию (присвоение) этого опыта; через рефлексию, сомнения и ответственность человека за свою жизнь, за жизнь Другого.

Первый опыт социологического предотвращения возможности ядерной катастрофы в XXI веке

Содержание и структура первого опыта, создаваемого социологами, другими обществоведами в XXI веке, могут быть рассмотрены, в самом предварительном порядке, как последовательность методологических, теоретических и технологических Шагов по большой дороге к Миру и Безопасности.

Первый Шаг, по моему мнению, уже сделан в виде фундаментальной методологии создания новых способов формирования глобального мироустройства XXI века (Проект России), новой Московско-Шанхайской модели миропорядка и участия миллионов честных, талантливых, профессиональных и цепких сторонников «культуры жизни» в определении и корректировании глобальных Правил Игры при составлении и осуществлении глобальной Повестки Дня мировому сообществу на XXI век.

Методология первого Шага уже стала предметом мощной и серьёзной научной критики во многих странах мира.

Определённым итогом такой критики в 2005–2007 годах стала значительная содержательная трансформация теории и практики Западной модели мироустройства и миропорядка (Проекта Буша), которая приобретает черты новой

[1] *Кузнецов В.Н.* Социология мироустройства XXI века (Проект России): традиции и новизна. М., 2007.

евро-атлантической модели мироустройства с ориентацией на блокирование России, деформацию взаимосвязей и сотрудничества России, Индии, Китая, Бразилии, Казахстана[1].

Критика критики методологии предотвращения опасности ядерной войны в XXI веке прозвучала и была оформлена в виде научных текстов, обсуждённых и принятых на Международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы (Люксембург, 24–25 мая 2007 года).

Критика критики методологии мироустройства и миропорядка на основе «культуры жизни» стала предметом конструктивных и созидательных дискуссий в ходе XI Петербургского экономического форума (лето 2007 года). Созидающим *первым итогом* критики критики стала коллективная научная деятельность мирового сообщества учёных и специалистов (разных взглядов, разных научных школ) по **«достройке» новой («не-Западной») модели мироустройства.** *Вторым итогом* стала оформленность и презентация глобального **«Петербургского компромисса XXI»**, основанного на методологии достижения справедливости для всех людей и народов. И здесь же состоялись торжественные проводы *«Вашингтонского консенсуса XX»*, ориентированного в своей методологии и концептуальности на обеспечение благополучия и безопасности только финансистов, банкиров; только «давосской цивилизации»; только «золотого миллиарда».

Второй Шаг тоже, по-моему, осуществлён: мировому сообществу предложены Новые Правила Игры в новой Повестке Дня на XXI век.

Теоретическим основанием новых правил игры стала концептуализация уже оформившегося опыта деятельности по предотвращению ядерной угрозы через теорию и практику опережающего, предотвращающего компромисса.

Критика концептуальности Второго Шага развернулась практически мгновенно и осуществляется как в процессе мирового научного дискурса[2], так и внутри страны.

Критика критики осмысления уже накопленного опыта по предотвращению ядерной опасности способствовала формированию нового созидательного компромисса на основе изучения реального конструктивного взаимодействия *дуальной позиции* (компромиссности – справедливости) и *дуальной оппозиции* (компромиссности – бескомпромиссности).

Оригинально и убедительно, по-моему, парадоксальность такого опыта – проникновение в сферу бескомпромиссности, в сферу антагонистических противоречий – обозначил Евгений Велихов, секретарь Общественной Пала-

---

[1] *Brzezinski Zb.* Second Chance: Three Presidents and the Crisis of America. N. Y., 2007; *Блэр Т.* Битва за глобальные ценности // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. У 1; *Карозерс Т.* Ошибка теории «поэтапной демократизации» // Pro et Contra. 2007. № 1. Январь–февраль; *Перкович Д.* Конец режима нераспространения? // Pro et Contra. 2007. № 1. Январь–февраль; *Фукуяма Ф.* Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2007.

[2] *Голдман М.* Россия играет не по правилам G8 // Независимая газета. 2007. 9 августа. С. 3.

ты Российской Федерации, один из крупнейших в мире экспертов по ядерной безопасности. Он отметил необходимость «переосмыслить подход к человеку. Например, – поясняет Е. Велихов, – при обсуждении демографической проблемы главенствует тема трудовых ресурсов – россиянин рассматривается как средство решения государственных задач. «Это неправильно, – говорит Евгений Велихов. – На самом деле гражданин не средство, а цель. Перевернуть эту парадигму очень важно»[1].

Критика критики важности и необходимости обобщения конструктивного опыта предотвращения ядерной войны в XXI веке; блокирования и смягчения антагонизмов, а то и «перевёртывания парадигм» сложили новую интеллектуальную ситуацию в России, во многих других странах мира. Новой реальностью, важнейшей сущностной характеристикой мироустройства XXI века (Проекта России) стал Человек рефлексирующий, сомневающийся, ответственный[2].

Это влияние созидающего компромисса. Это влияние опыта предотвращения ядерной войны в XX веке.

Рефлексия о позиции и оппозиции

В изучении опыта компромиссного через продвижение к предотвращению возможной ядерной войны особое значение имеют практики несостоявшихся компромиссов. Здесь надо выделить компромиссы состоявшиеся, но в результатах которых со временем проявились неучтённые риски.

19 марта 2007 года в Токио было обнародовано решение о самороспуске российско-японского Совета мудрецов. В его задачу входили *поиски компромисса* в вопросе о территориальной дискуссии между Россией и Японией.

Совет был образован 20 октября 2003 года Президентом России Владимиром Путиным и премьером Японии Дзюнъитиро Коидзуми на их встрече в Бангкоке. От каждой страны были предложены по семь мудрецов. Например, от России – первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Виктор Садовничий, мэр Москвы Юрий Лужков (сопредседатель Совета). Формула договорённости по Южным Курилам предполагала определённые уступки с каждой стороны. Вот по уступкам и не удалось договориться.

---

[1] Мир становится плоским. (С академиком Е. Велиховым беседует А. Яковлева) // Трибуна. 2007. 20 июля. С. 4.

[2] *Дашичев В.* Битва за Россию: Против нашей страны ведётся неслыханная пропагандистско-психологическая кампания // Наше время. 2007. Август. № 30–31; *Федоров А.* Отступать некуда – за нами Китай // Аргументы неделі. 2007. 2 августа. № 31; *Маргелов М.* Не обязательно идти в обнимку // Российская газета. 2007. 17 июля. С. 9; Будет ли Америка воевать с Россией? // Комсомольская правда. 2007. 17 июля. С. 14–15; *Петраков Н.* Тень Бронзового солдата как символ нового передела мира // Литературная газета. 2007. 11–17 июля, № 28. С. 1–2; *Лавров С.* Настоящее и будущее европейской политики // Известия. 2007. 03 июля. № 114. С. 4; *Хазин М.* Путин и геополитика: Неочевидные итоги саммита G8 и форума в Санкт-Петербурге // Завтра. 2007. Июнь. № 25; *Николаева А.* Критик мирового масштаба // Ведомости. 2007. 13 июня. С. А2.

В итоге Совет мудрецов самораспустился, но остались и живут оговорённые и согласованные смыслы, осталась рефлексия: *о договорённости о компромиссе, стратегическом диалоге, теоретическом варианте компромисса, стратегическом партнёрстве*[1].

Сомнения в позиции и в оппозиции, в необходимости и возможности

Если при участии Совета мудрецов компромисса между Россией и Японией по островам достичь пока не удалось, то компромисс между Индией и США по проблемам сотрудничества в ядерной области состоялся: в марте 2006 года между Дели и Вашингтоном было подписано соответствующее соглашение.

Это соглашение Правительство Индии стремится представить как «сделку века». Однако летом 2007 года в ходе обсуждения смысла «исторического соглашения» в обеих палатах парламента Индии *характер уступок с индийской стороны* вызвал резкую критику.

В этой ситуации компромиссная позиция Индии (до заключения соглашения) представляется справедливой, так обусловлена необходимостью заботы о развитии ядерной энергетики. Однако сомнение было и остаётся в самой Позиции: Дели до настоящего времени находится вне международного режима нераспространения ядерного оружия.

Бескомпромиссная оппозиция США в отношении ядерных притязаний Индии до весны 2006 года была, как минимум, понятна.

Но в марте 2006 года и США и Индия пошли на сложный компромисс между *Позицией Индии и Оппозицией США*: было подписано соглашение, не запрещающее Индии развивать как мирные ядерные программы, так и военные.

Отсюда сомнения по поводу *«компромисса века»* (март 2006 года), достигнутого между Индией и США по поводу сотрудничества в ядерной сфере.

Ответственность за смысл компромисса

Ситуация с несостоявшимся компромиссом при участии Совета мудрецов (Россия – Япония, март 2007), а также с «компромиссом века» (Индия – США, март 2006) без участия советов мудрецов на примере только одного звена процесса компромиссного – **уступка** – обозначила исключительную важность волевой и нравственной компоненты: ответственности субъектов компромисса за его смысл.

Примером реальной ответственности субъекта компромисса за все этапы его подготовки, но самое главное – **за его Смысл,** может быть определена многомесячная и многотрудная деятельность России в поисках компромисса по поводу статуса Косово (позиция России подробно разъяснена Президентом России Владимиром Путиным на встрече с журналистами накануне встречи «восьмёрки»)[2].

---

[1] *Головнин В.* Умом Курилы не понять: Распущен российско-японский Совет мудрецов // Коммерсантъ. 2007. 20 марта. С. 9.

[2] *Юрьева Д.* Компромисс на торгах // Российская газета. 2007. 3 августа. С. 7.

Таким образом, созидающий **компромисс между** дуальной **позицией** (компромиссность – справедливость) **и** дуальной **оппозицией** (компромиссность – бескомпромиссность) **возможен:** это путь критики критики компромиссного. Это дорога, которую осиливает человек рефлексивный, сомневающийся, ответственный.

Рассмотреть более подробно место и роль безопасности в контексте дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность», в контексте самых важных ценностей для миллионов людей в разных странах позволяют мне итоги двух социологических исследований, в которых принимали участие граждане Украины в 2003–2005 годах.

Первое исследование посвящено динамике условий жизнедеятельности и проведено в Харькове, Львове и Одессе. Общая выборочная совокупность 1400 человек: Харьков – 400, Львов – 400, Одесса – 600. Время проведения 1996 и 2003 годы[1].

Особенно интересна, на мой взгляд, картина типологии респондентов, осуществлённая на базе факторного анализа свойств ментальности через дуальную оппозицию «толерантность – интолерантность» (см. табл. 16).

Поучительны соображения Н.А. Победы о динамике свойств ментальности, изученных в контексте дуальной оппозиции «толерантность – интолерантность».

«Пограничная определенность толерантности, вырисовывающаяся в результате анализа альтернативных значений ментальных установок, – констатирует он, – позволяет считать в качестве значимых такие свойства, как терпимость, терпеливость, неагрессивность. Они формируют тип лиц, живущих в обществе согласно самым общим, естественно сложившимся нормативным стереотипам. В народе их называют основаниями жизненной мудрости. Второй тип составляют люди, придерживающиеся неолиберальных установок и осознающих необходимость реализации собственных целевых задач. Для них важны как самостоятельность выбора, так и ответственность за него, свободолюбие и продуктивность (деловитость), служение отечеству, а не «хозяину». Тип третий представляют люди, лояльные к власти, признающие приоритет государства во всех направлениях, подчиняющиеся и общечеловеческим нормам, и общественному мнению. Все они, как правило, считают себя законопослушными гражданами. Параллельно с ними имеют место иные модели толерантности – с упрощенной системой ценностей (“открытость”, “коллективность”, “простота”) и приспособительной ориентации»[2].

Второе исследование, осуществлённое в Украине (февраль – март 2005 года), было посвящено сравнению ценностей украинских граждан и жителей 24 стран Европы. Возможность такой работы открылась после вступления

[1] *Победа Н.А.* Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 13–28.

[2] Там же.

Таблица 16.

Типология респондентов, построенная на основе факторного анализа* свойств ментальности

*(в альтернативе толерантности – интолерантности)***

Устройство толерантной ориентации (в логике обыденного сознания)		*Толерантной ориентации с ядром осознанных либеральных ценностей и саморегуляции*		*Толерантной ориентации с акцентом на государственную и общественную регуляцию*		*Толерантной ориентации с упрощенной системой ценностей*		*Приспособительской ориентации*	
Терпимость (умение идти на компромисс) – нетерпимость	0,775	Самостоятельность выбора и ответственность за него – расчёт на решение проблем другими	0,735	Лояльность к власти – непринятие институтов власти	0,676	Открытость – замкнутость	0.688	Гибкость – прямолинейность	0,768
Толерантность – агрессивность	0,718	Свободолюбие – рабский дух	0,687	Приоритет государства – анархия	0,669	Коллективизм - индивидуализм	0.674	Работа только за деньги – работа из интереса	0,595
Терпеливость – нетерпение	0,574	Рационализм, продуктивность, деловитость – «мечтательность», неконструктивность в мышлении и действии	0.641	Подчиненность нормам, общественному мнению – игнорирование общественного мнения	0,646	Простота – хитрость	0,542		
Политическая активность – политическая индифферентность	-0,240	Служение Отечеству – служение хозяину	0,500	Законопослушность -склонность к «обхождению» законов	0,611				
				Работа только за деньги - работа из интереса	-0,200				

* Факторизация проводилась методом главных компонент, вращение методом VARIMAX, в описание факторов включались те признаки, факторные веса которых были больше 0,5. Дисперсия, описываемая выделенными факторами, составляет 61,2%

** Индексы рассчитывались на основании обозначенных респондентами альтернатив по пятибалльной шкале, где значения позитивные ("терпимость") обозначались (5), а негативные – (1).

Источник: *Победа Н.А.* Толерантность: Содержательные смыслы и социологическая интерпретация // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 24.

Украины в число участников «Европейского социального обследования». В конце 2004 – начале 2005 года в этих странах было опрошено 45 681 человек, а в Украине 2 031 человек[1].

Своей главной задачей украинские социологи назвали проверку и конкретизацию десяти индивидуальных ценностей человека, понимаемых ими «как убеждения человека»[2], «как синоним неравнодушия человека к тому или иному аспекту действительности»[3].

Список ценностей, их определённость в содержании были основаны на разработках известного израильского учёного Ш. Шварца: его десять «латентных мотивационных типов ценностей» (см. вставку 8)[4].

В ходе исследования учёные использовали модификацию одной из методик Ш. Шварца: Портретный ценностный вопросник. Его суть: каждому респонденту предлагается 21 описание каких-то людей, ориентированных на конкретные ценности. В итоге респондент оценивает каждый портрет, исходя из шестибалльной шкалы: «очень похож на меня» – 6 баллов; «похож на меня» – 5 баллов; «довольно похож на меня» – 4 балла; «немного похож на меня» – 3 балла; «не похож на меня» – 2 балла; «совсем не похож на меня» – 1 балл. Каждой ценности предлагалось по два описания и только ценности «универсализм» было предложено три описания (см. табл. 17)[5].

Вставка 8

Власть *(Power)*. Социальный статус и престиж, контроль или доминирование над людьми и ресурсами.

Достижение (*Achievement*). Личный успех и его демонстрация через достижения и способности, соответствующие социальным стандартам.

Гедонизм *(Hedonism)*. Собственное удовольствие и чувственное удовлетворение.

Стимуляция *(Stimulation)*. Жизнь, насыщенная острыми ощущениями, новизной и сложными задачами.

Самостоятельность *(Self-direction)*. Независимость в мышлении и принятии решений, творчество, познание.

Универсализм *(Universalism)*. Понимание, высокая оценка и защита благополучия всех людей, а также природы; толерантность.

[1] *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. Май–июнь. С. 21–34.

[2] Там же. С. 21.

[3] Там же. С. 22.

[4] Там же.

[5] См.: С. 520.

Продолжение вставки 8

Благожелательность *(Benevolence)*. Сохранение и повышение благополучия людей, с которыми человек часто общается.

Традиция *(Tradition)*. Уважение и принятие обычаев и идей, которые исходят от традиционной культуры и религии, приверженность им.

Конформность *(Conformity)*. Избегание действий, склонностей и побуждений, которые могли бы расстроить других людей или причинить им вред, а также нарушить социальные требования и нормы.

Безопасность *(Security)*. Безопасность, гармония и стабильность общества, отношений с людьми и самого человека.

Источник: *Schwartz S.H., Bilsky W.* Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. P. 878–891; *Schwartz S.H.* Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. M.P. Zanna. San Diego (CA), 1992. Vol. 25. P. 1–65.

Приведено по: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 22.

Исключительный интерес для моего исследования представляет углублённый анализ динамики и взаимодействий ценностей, представленных в таблице 17.

Первый этап сопоставлений – знаменитый «Круг Шварца» (см. рис. 12), на котором наглядно видна смысловая близость ценностей, объединённых в четыре укрупнённых блока (сохранение, самоутверждение, открытость изменениям, выход за пределы своего «я»).

Особенно впечатляет наглядность оппозиции смыслового блока «Сохранение», в который входят ценности: «Безопасность», «Традиция», «Конформность», смысловому блоку «Открытость изменениям», в который входят ценности: «Самостоятельность», «Стимуляция», «Гедонизм».

Такое структурирование и более глубокое выявление большой значимости феномена «конформизм как конформность» (согласно Р. Мертону) в качестве одной из важнейших современных европейских ценностей позволяет более высоко оценить роль и место феномена «конформизм» в понимании компромиссного, компромиссности, компромисса.

Уникальность феномена «конформизм как конформность», предположительно, состоит в том, что, **во-первых**, при изучении соотношения «некомпромиссность» и «небескомпромиссность» феномен «конформизм как конформность» занимает место существенно более близкое к некомпромиссности. А с учётом изучения оппозиции «толерантность – интолерантность» (таблица 16), а также оппозиции «сохранение – открытость изменениям» (рисунок 12) можно уже бо-

лее уверенно предположить, что в дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» есть «модуль перехода». Это важно, по-моему, для изучения участия опережающих компромиссов в желательном варианте разрешения антагонистических противоречий.

Таблица 17. **Иерархия ценностных показателей, измеряемых по методике Ш.Шварца**

Ценностные оси («факторы»)	*Укрупнённые категории ценностей*	*Типологические ценностные индексы*	*Исходные высказывания, предлагавшиеся респондентами*
Открытость изменениям – Сохранение	Сохранение	Безопасность	«Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности»
			«Для него важно, чтобы правительство гарантировало его безопасность от всех угроз. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан»
		Конформность	«Он убежден, что люди должны выполнять то, что им говорят. Он считает, что люди всегда должны следовать правилам, даже если никто за ними не следит»
			«Для него важно всегда вести себя правильно. Он стремится избегать любых поступков, которые могут вызвать осуждение»
		Традиция	«Для него очень важно быть скромным и “держаться в тени”. Он старается не привлекать к себе внимание»
			«Для него важны традиции. Он старается следовать религиозным или семейным обычаям»
	Открытость изменениям	Самостоятельность	«Для него важно придумывать новые идеи и быть творческим человеком. Ему нравится все делать своим оригинальным образом»
			«Для него важно принимать самому решения о том, что делать. Ему нравится быть свободным и не быть зависимым»
		Стимуляция	«Ему нравятся сюрпризы, и он всегда ищет, каким бы новым делом заняться. Он считает, что важно заниматься в жизни многими разными вещами»
			«Он ищет приключений и любит рисковать. Он хочет жизни, полной впечатлений»
		Гедонизм	«Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать»
			«Он ищет любую возможность повеселиться. Для него важно делать то, что доставляет ему удовольствие»

Выход за пределы своего «Я» – Самоутверждение	Самоутверждение	Достижение	«Для него важно демонстрировать всем, какой он способный. Он хочет, чтобы люди восхищались тем, что он делает»
			«Для него очень важно быть успешным. Он надеется, что люди признают его достижения»
		Власть	«Для него важно быть богатым. Он хочет иметь много денег и дорогие вещи»
			«Для него важно быть уважаемым человеком. Он хочет, чтобы люди делали то, что он говорит»
	Выход за пределы своего «Я»	Благожелательность	«Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии»
			«Для него важно быть верным своим друзьям. Он хочет посвятить себя близким людям»
		Универсализм	«Для него очень важно, чтобы в обращении с людьми во всем мире соблюдалось равенство. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни»
			«Он считает важным выслушивать мнения людей, которые от него отличаются. Даже если он не согласен с ними, он все равно хочет понять их точку зрения»
			«Он твердо убежден, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде»

Источник: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 24.

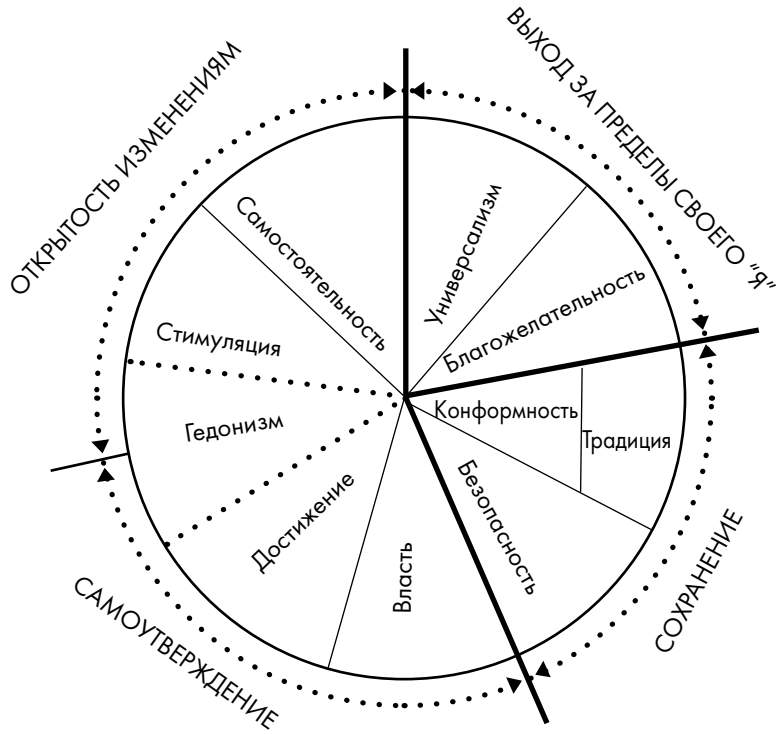
Во-вторых, углублённое изучение феномена «конформизма как конформности» (по Р. Мертону) в сопоставлении и взаимодействии с другими важнейшими европейскими ценностями, как показали В. Магун и М. Руднев[1] (см. рис. 13, табл. 18), впервые раскрывает для понимания масштаба компромиссного, компромиссности и самого компромисса.

Поэтому, портрет «среднего украинца» составленный В. Магуном и М. Рудневым, показывает его, в моей интерпретации, как человека компромисса через конформизм, через конформность.

«Итак, “средний украинец” характеризуется более высокой, чем представители большинства других включённых в обследование стран, – отмечают В. Магун и М. Руднев, – выраженностью ценностей, входящих в категорию “Сохранение” (“Безопасность”, “Конформность”, “Традиция”) и, наоборот, более низкой вы-

[1] *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая... С. 25–34.

Рисунок 12. **«Круг Шварца», иллюстрирующий взаимосвязи между десятью типологическими ценностными индексами**

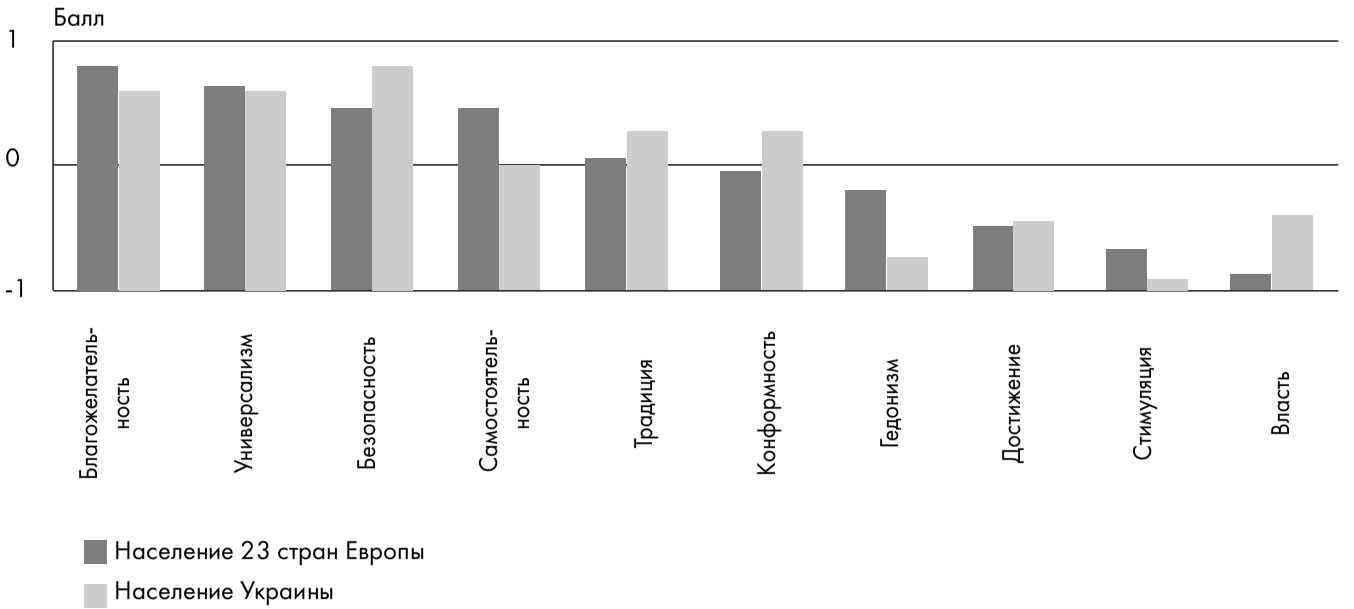
Источник: *Schwartz S.H.* Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries.

Приведено по: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 25.

раженностью ценностей, относящихся к противоположной по смыслу категории "Открытость изменениям" ("Самостоятельность", "Гедонизм", "Стимуляция"). Кроме того, более низка ценность "Благожелательность" (из категории «Выход за границы своего "Я"») и более высока ценность "Власть", в том числе за счет ценности "Богатство", которая является одним из ее компонентов... Сильнее, чем у респондентов из большинства других стран, выражена ценность достижения успеха и его социального признания.

Рисунок 13. **Средние значения десяти ценностных индексов в Украине и в других европейских странах, включенных в ECO**

(число респондентов в Украине – 1 982 человека; массив по остальным европейским странам перевзвешен с учетом доли населения этих стран в общеевропейской совокупности, его суммарный объем после перевзвешивания равен 33 674 человека)

Источник: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 26.

Таблица 18. **Средние значения десяти типологических ценностных индексов в Украине и результаты сравнения Украины с другими странами с помощью процедуры ANOVA**

Названия укрупненных ценностных категорий	*Названия типологических ценностных индексов*	*Украина, N=1982*		*Характеристика положения Украины в сравнении с другими европейскими странами**
		Средние значения ценностных индексов (баллы)	*Ошибки средних (баллы)*	
Сохранение	Безопасность	0,72	0,02	Опережает все страны, кроме Греции, Эстонии, Польши, Венгрии, с которыми нет значимых различий.
	Конформность	0,2	0,02	Опережает все страны, кроме Норвегии, Польши, Словакии, Чехии, с которыми нет значимых различий.
	Традиция	0,23	0,02	Опережает 16 стран, отстает от Греции, нет значимых различий со Словакией, Португалией, Польшей, Ирландией. Испанией, Словенией.
Открытость изменениям	Самостоятельность	-0,03	0,02	Отстает от всех стран, кроме Греции, с которой нет значимых различий.
	Стимуляция	-0,94	0,02	Отстает от всех стран, кроме Греции и Венгрии, с которыми нет значимых различий.
	Гедонизм	-0,77	0,03	Отстает от 21 страны, опережает Польшу, нет значимых различий со Словакией.
Самоутверждение	Достижение	-0,47	0,02	Украина занимает среднюю позицию, не тяготеет к полюсам; отстает от 7 и опережает 8 стран, нет значимых различий с 8 странами – Грецией, Германией, Ирландией, Норвегией, странами Бенилюкса и Данией.
	Власть	-0,36	0,02	Имеет наивысшее значение и опережает все остальные страны.
Выход за пределы своего «Я»	Благожелательность	0,49	0,02	Отстает от 16 стран, опережает Словению, нет значимых различий со Словакией, Чехией, Португалией, Венгрией, Грецией и Польшей.
	Универсализм	0,56	0,01	Украина занимает среднюю позицию, не отличается значимо от 10 стран. Отстает от 6 и опережает 7 стран, нет значимых различий со странами Бенилюкса, с Испанией, Германией, Ирландией, Норвегией, Данией, Венгрией и Великобританией.

* Характеристика основывается на статистически значимых различиях по критерию Тамхена ($p<0,05$).

Источник: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 27.

Общая конфигурация этих различий рисует образ человека, для которого характерна высокая осторожность (или даже страх), потребность в защите со стороны сильного государства, консерватизм, стремление "не высовываться" и страх социального осуждения. Соответственно, у этого человека сравнительно слабо выражены потребности в новизне, творчестве, свободе и самостоятельности, ему не свойственна склонность к риску и стремление к веселью и удовольствиям. Вместе с тем этот человек стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию, но исходя из сказанного выше, можно заключить, что желаемые достижения не предполагают творчества и создания нового. Сильная ориентация на индивидуальное самоутверждение снижает готовность этого человека заботиться даже о тех, кто его непосредственно окружает»[1].

В-третьих, исключительный интерес для становления социологии компромисса имеют итоги подробнейшего исследования среднего значения каждого из десяти ценностных индексов в 24 странах Европы.

В. Магун и М. Руднев в своей статье представили отдельные графические отображения (рисунки) по каждой ценности в реальном масштабе (баллы).

Я приведу только показатели для важнейшей ценности безопасность – которая на таблице 17 и рисунке 12 входит в отдельный ценностный блок «Сохранение» (см. рис. 14).

Показатели средних значений ценностного индекса «безопасность», показывают как население Украины соединяет свою ментальность с обобщённой и фундаментальной ориентацией на «Сохранение». *Особенно наглядно это представлено в масштабности и реальной конфигурации оппозиции ценностной доминанты «сохранение» (безопасность, конформность, традиция) и ценностной доминанты «открытость изменениям»* (самостоятельность, стимуляция, гедонизм) на рисунке 15, на котором представлен ценностный профиль населения Украины.

Обобщение итогов двух исследований украинского населения 2003 и 2005 годов позволяют предположить, что жизненные реальности могут позволить «обустроить» тропинку от бескомпромиссности к небескомпромиссности, от небескомпромиссности к некомпромиссности, к конформности, к конформизму, к небезопасности.

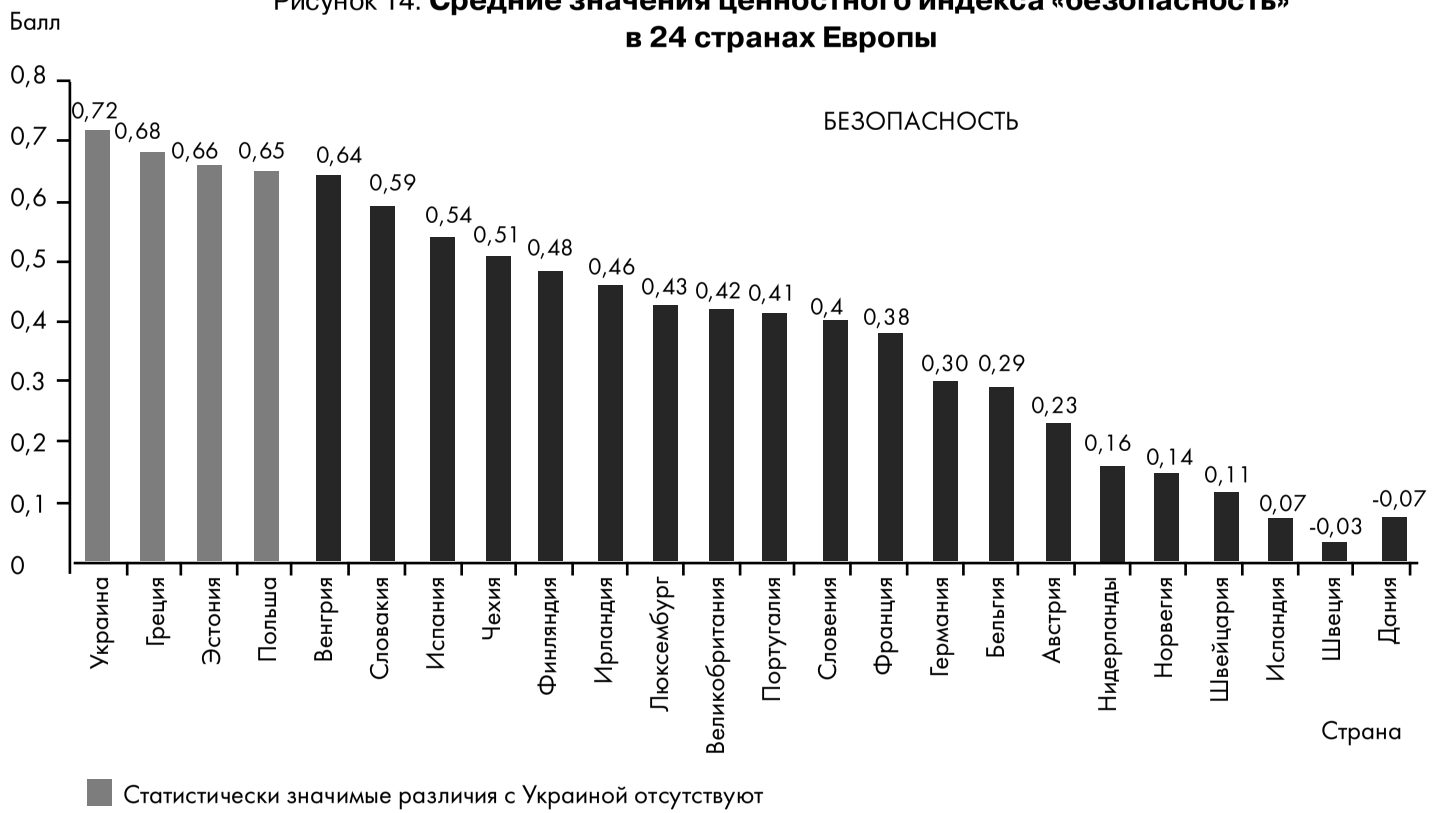
И, возможно, к компромиссности и безопасности.

А по существу, в этой главе рассмотрены самые скромные и первые шаги к пониманию в научном дискурсе методологии, концептуальности, эвристичности и операционализации функционирования практик безопасности, компромиссного, компромиссности в пространстве и времени антагонистических противоречий.

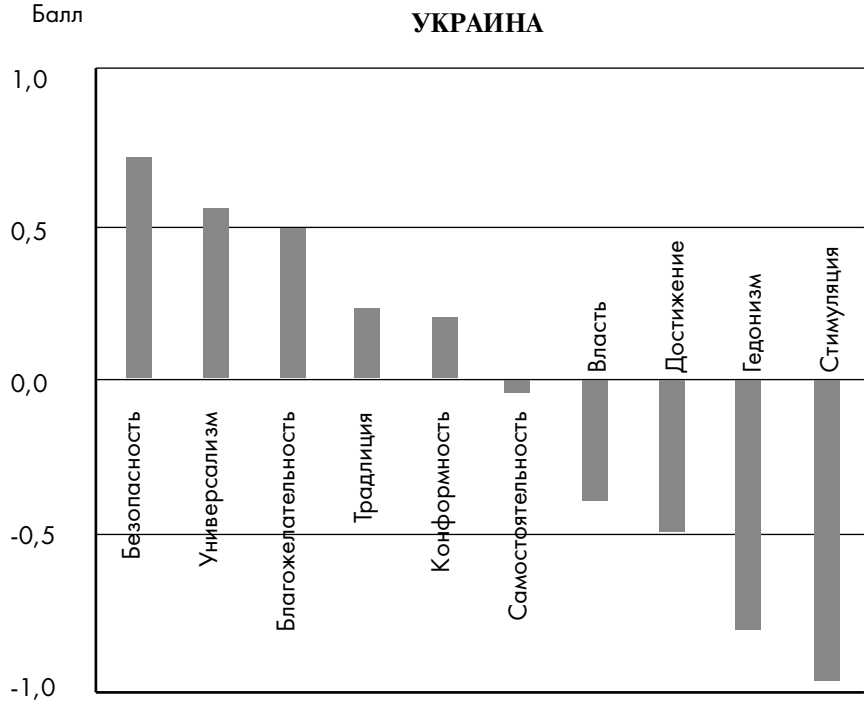
[1] *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая... С. 32–33.

Рисунок 14. **Средние значения ценностного индекса «безопасность» в 24 странах Европы**

Источник: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 28.

Рисунок 15. **Иерархия ценностей населения Украины**
(средние значения десяти ценностных индексов, упорядоченных от наиболее значимых к наименее значимым)

Источник: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности населения Украины: Сравнение с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 33.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете, применительно к феномену «социология безопасности», методологию, теорию, технологию и практику безопасности?
2. Какие особенности особого социологического научного дискурса необходимо и важно отметить в известных Вам итогах исследований безопасности, справедливости, компромиссности, законности?
3. Почему в XXI веке важна методология и методика предотвращения в сфере обеспечения безопасности человека, семьи, народа, общества и государства?
4. Обобщите опыт участия самих граждан в обеспечении личной безопасности, безопасности своей семьи, своего образа жизни.

Литература

Кравченко С.А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социологические исследования. 2007. № 3.

Примаков Е. Чем создаётся демократия: Политические заметки об идеологии и политической культуре // Независимая газета. 2007. 24 августа.

Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.

Путин В.В. «Мы же с Вами сейчас дискутируем». (Вопросы из зала. Ответы Владимира Путина) // Российская газета. 2007. 12 февраля (столичный выпуск).

Путин В.В. Позицию России готов объяснять детально // Российская газета. 2007. 5 июня.

Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. О тенденциях развития социологии в современном мире // Социологические исследования. 2007. № 6.

Кузнецов В.Н. Теория опережающего компромисса // Безопасность Евразии. 2007. У 2.

Безопасность России в XXI веке. М., 2006.

Глава 17

Социология безопасности через социологию компромисса и справедливости

В этой главе я особое внимание уделяю оппозиции «безопасность – небезопасность», «доверие – недоверие» по той причине, что за последние годы в научном дискурсе всё чаще начинает использоваться понятие «сделка» с замещением, по-моему, смысла категорий «безопасность», «компромисс», «компромиссность».

В предыдущей главе я уже рассмотрел практику замещения, по моему мнению, смыслов понятий «демократия» и «конвергенция» в ходе представительного общеевропейского исследования (2005 год, 23 страны) понятиями: «Благожелательность» и «Универсализм».

О взаимосвязи категорий «безопасность», «доверие», «компромисс», «сделка» дают основания рассуждать итоги очень интересных и глубоких исследований как феномена «доверие», так и дуальной оппозиции «доверие – недоверие», осуществлённые известным политологом Дмитрием Михайловичем Данкиным[1].

[1] *Данкин Д.М.* Мотивация и модели доверия // Безопасность Евразии. 2007. № 1; *Он же.* Опорный элемент архитектуры мира: О роли доверия в модели будущего миропорядка // Безопасность Евразии. 2006. № 4; *Он же.* Теоремы доверия и российская политическая реальность // Безопасность Евразии. 2006. № 3; *Он же.* Доверие многообразное // Безопасность Евразии. 2006. № 1; *Он же.* Культура доверия как важнейший ресурс безопасности // Безопасность Евразии. 2005. № 4.

Итоги его исследований образно и оригинально, по-моему, обобщены в «Теоремах Данкина». Приведу полные тексты всех 12 теорем.

«Теорема 1. *Доверие к Другому присуще человеку с рождения как базовая установка, как неотъемлемая и не исчезающая компонента восприятия мира. Доверие развивается из бессознательного в процессе социальной рефлексии, в зависимости от условий жизни, сокращаясь или расширяясь, преобразуясь в многообразные виды, формы, типы.*

Теорема 2. *Недоверие не тождественно отсутствию доверия. Баланс доверия и недоверия выражается в кризисах доверия, дефиците доверия, потребности в доверии, необходимости защитного недоверия.*

Теорема 3. *Доверие имеет сущностные отличия от родственных мировоззренческих и социально-психологических ориентаций (вера, уверенность, надежда, терпимость и т. п.), которые менее активны (деятельны), чем доверие.*

***Теорема* 4.** *Радиус, вектор и интенсивность доверия зависят от особенностей субъекта, объекта и третьей (сакральной, этической, латентной) инстанции, а также от наличия и характера посредника (медиа, канала) доверительной коммуникации.*

Теорема 5. *Особенности доверительной коммуникации (взаимодействия, интеракции) и её контекст создают многочисленные варианты баланса доверия и недоверия в социально-политическом пространстве*[1]. *Некоторые разновидности доверия могут быть конвертированы в более активные и рациональные формы, что означает принципиальную возможность программирования и управления культурой доверия.*

Теорема 6. *Активные формы доверия развиваются в зависимости от их востребованности хотя бы одним из акторов. Востребованность предполагает значимую цель кооперации (интеракции), которая может содержать как позитивный, так и негативный смысл.*

Теорема 7. *Реципрокность (взаимность, симметричность) повышает эффективность доверия, но не является необходимым условием его существования.*

Теорема 8. *Характеристики доверия существенно зависят от риска, неопределённости, степени рефлексии и институциализации взаимодействия. Предельные концентрации контроля и санкций делают доверие невостребованным.*

***Теорема* 9.** *Особенности доверия и его разновидностей определяются ментальностью акторов, конкретно-историческим характером (суб)культуры, в которой происходит доверительное взаимодействие, либо конфликтностью взаимоотношений культур, к которым принадлежат акторы.*

Теорема 10. *Трансформации социальной среды, темпы и глубина социализации личности определяют возможность выхода доверия за рамки бессознательного, на доступный для гражданина уровень рефлексии, необходимый для развития активных и результативных видов доверия.*

---

[1] См.: *Заболотная Г.М.* Социально-политическое пространство региона: Социологический анализ: Автореферат дисс. ... докт. социол. наук. Тюмень, 2003.

Теорема 11. *Доверие становится частью необходимого для модернизации общества социального капитала, но не тождественно ему.*

Теорема 12. *Доверие в политике становится востребованным властью или элитами, если*

а) существует реальная конкуренция правящих и оппозиционных групп;

б) возникает угроза (внешняя или внутренняя) суверенитету центра;

в) выдвигается масштабная общенациональная цель (модернизация, повышение благосостояния масс, мессианский прорыв)»[1].

Отмечу, что категория «сделка» приобретает в широком спектре научных дискурсов по проблемам политики, философии, экологии как достаточно универсальное значение, так и специальное применительно, в основном, к проблемам экономики и права.

Вот эти три аспекта я рассмотрю в представленной главе. Но сначала предлагаю вариант рабочего определения категории **«сделка»**. В самом предварительном плане, *её можно интерпретировать как*

> *добровольные поступки по установлению, изменению или прекращению взаимодействий физических или юридических лиц в согласованных рамках действий акторов во времени и пространстве; по соблюдению правил игры, обеспечению их выполнения и достижению исполнения оговоренных уступок, целей и условий их достижения; по исполнению санкций и долженствований по утверждённой всеми акторами процедуре.*

Первый аспект (универсалистский) может быть рассмотрен на примере научного дискурса (общего для всех общественных наук), представленного в статье-предупреждении Сергея Караганова о «новом качестве» мировой политики, о её «новом состоянии», о формирующемся «новом противостоянии», о «Новой эпохе (НЭ)»[2].

«Ощущение зависимости было усугублено отказом Москвы от предоставления западным компаниям контроля над российскими месторождениями, пересмотром ряда соглашений (явно кабальных, если не колониальных), заключенных в годы неразберихи и слабости – 1990-е, – констатирует С. Караганов. – Это ощущение получило мощный импульс, когда стало ясно, что, несмотря на отчаянное давление европейцев, Россия подтвердила свой отказ ратифицировать Энергетическую хартию и протокол к ней, который обеспечивал бы свободный доступ к российским энергопроводам для всех поставщиков и потребителей.

Это нормальное различие в интересах могло бы быть преодолено к взаимной выгоде, если бы европейцы приняли предлагавшуюся им российским руководством **историческую сделку** – обмен доступа западных компаний к месторождениям и добыче на предоставление российским компаниям доступа к не менее выгодному распределению энергии в Европе. Был бы создан единый энер-

---

[1] *Данкин Д.М.* Теоремы доверия и российская политическая реальность // Безопасность Евразии. 2006. № 3. С. 253–254.

[2] *Караганов С.* Наступает новая эпоха // Российская газета. Столичный выпуск. 2007. 6 июля. С. 1, 10.

гокомплекс Европы, который резко усилил бы всех, снял, значительную часть опасений. Российское предложение официально отвергается, хотя, **отдельные сделки** в рамках его философии и претворяются в жизнь»[1]. (Выделено мою. – *В.К.*)

Понимание смысла «исторической сделки» как «исторического компромисса» между Западом и Востоком, между Россией и США становится, по-моему, важным фактором расширения и углубления специфического социологического научного дискурса о судьбах мира и безопасности, о динамике новых моделей мира в дуальной оппозиции «либерально-демократический капитализм традиционного Запада – авторитарный капитализм».

«Основной вывод из анализа риторики и действий последнего времени, – отмечает Сергей Караганов: – США и часть традиционного Запада пока оставили надежды превращения России в дружественное государство, на его интеграцию. Наметился переход к политике «неосдерживания», хотя оно будет не таким, как раньше.

Но и Москва поняла, что она не хочет и не может интегрироваться с традиционным Западом на предлагавшихся до недавних пор условиях – своего рода интеграция без права голоса. Москва начала менять правила игры или, по крайней мере, перестает играть по старым. сложившимся в девяностые годы правилам»[2].

Такая определённость научного дискурса, предложенная С. Карагановым, реально обогащает содержание компромиссного в практиках как конвергенции, безопасности и конформности, так и созидательной конструктивности самого компромисса.

Очень важные, по моему мнению, размышления С. Караганова о сущностных особенностях социологии компромисса, которые я изложил в предыдущих главах книги (по моей интерпретации текста С. Караганова).

«Соревнование в моделях – этот не просто борьба за ощущения морального превосходства, – справедливо, по-моему, утверждает С. Караганов. – Победа модели в конечном итоге означает перераспределение людских и всех иных ресурсов в пользу государств, олицетворяющих ту или иную модель. С конца 80-х по начало первого десятилетия нового века происходило гигантское перераспределение ресурсов в пользу США, старой Европы. Теперь процесс остановился и может пойти вспять.

Существенным ударом по идее всепобеждающей либеральной демократии явилось поражение де-факто большинства частично импортированных и «цветочных революций» в странах бывшего СССР. Киргизия погружается в беспробудный хаос и регресс. Украина находится в политическом хаосе, хотя, я полагаю и надеюсь, имеет шансы на выход из него. Плохо дело с демократией и в ряде других регионов. Весьма демократические выборы в Палестине повергли страну в гражданскую войну. Запылал вполне демократический Ливан. Расположенная рядом авторитарная Сирия довольно успешно развивается.

---

[1] *Караганов С.* Наступает новая эпоха... С. 10.

[2] Там же.

Несмотря на свою неприятную для многих просвещенных русских модель развития, страна восстанавливает, хотя очень медленно, магнетизм для многих среднеразвитых обществ и стран. Сам, не без удивления и не раз убеждался в этом. Суверенной, растущей, мирной, лучше управляемой России хочется подражать многим обществам, уставшим от нищеты, хаоса, неопределенности»[1].

Второй аспект (экономический) тематического предметного научного дискурса убедительно представлен А. Олейником в ходе рассуждений об особенностях становления сетевого капитализма. Для представленного им экономического дискурса характерно внимание к ситуации для сделки через оппозицию «доверие – недоверие».

«Переведем анализ роли доверия в экономических сделках в количественную плоскость, – предлагает он, – именно: кому и насколько следует доверять участнику сделки. Начнем с ответа на вопрос, ***кому*** доверять при совершении сделки[9]. Гарантом выполнения данных обещаний может выступать либо само дающее их лицо *(selfimposed),* либо то лицо, которому их дают – с помощью возмездия *(retaliattion),* либо посредник, выступающий третьей стороной в сделке (North, 1993, p. 36). В первом случае угроза потери личной репутации заставляет экономического субъекта выполнять взятые на себя обязательства. Как заметил в интервью один американский предприниматель, «не стоит обращаться к юристу (т. е. потенциально к третьей стороне: к суду. – *Прим. ред.),* ведь если есть намерения оставаться в бизнесе, то нужно быть порядочным» (Macaulay, 1992, p. 273). Следовательно, доверять можно тому партнеру, который уже обладает достаточной репутацией в деловых кругах. Во втором случае право возмездия служит основой для доверия. Такой источник доверия особенно характерен для примитивных и традиционных обществ, в которых обманутой стороне позволялось отомстить обидчику (Girard, 1972, p. 33; Petit et a1., 1991, p. 20)[10]. С этой точки зрения экономический субъект, способный к эффективному возмездию и убеждающий в этом своих партнеров, волен доверять любому из них»[2].

О сделке как процессе (аналогичном процессу подготовки и осуществления компромисса) кратко и убедительно рассказал в своей знаменитой статье Р. Коуз «Проблема социальных издержек», создавшей основы теории трансакционных издержек. «Для осуществления рыночной трансакции, – отметил он, – необходимо: выявить – с кем желательно заключение сделки; распространить информацию о том, что некто желает вступить в сделки и на каких условиях; провести переговоры, ведущие к заключению сделки; провести расследование, чтобы убедиться в том, что *условия контракта* соблюдаются, и т. п.»[3].

Третий аспект (юридический) представлен в теории и практике «сделок о признании вины»: общее понятие – «сделка с правосудием». Это мировая

---

[1] *Караганов С.* Наступает новая эпоха... С. 10.

[2] *Олейник А.* Конституция российского рынка // Институциональная экономика: Учебник. М., 2005. С. 404. *Прим. ред.* В тексте автора оставлены сноски и отсылы к другим текстам.

[3] Приведено по: *Менар К.* Экономика трансакционных издержек: от теоремы Коуза до эмпирических исследований // Институциональная экономика... С. 116–117.

практика: если преступник признаёт свою вину, то суд гарантированно предлагает ему минимальное наказание. В США за 2005 год «95 процентов приговоров в федеральных судах были именно «сделками о признании вины»[1].

Теперь рассмотрим *вторую компоненту структуры мироустройства (Проекта Путина)* – экономическую, которую образуют две важнейшие глобальные сферы жизнеобеспечения: финансовая и торговая (см. схемы 2 и 6).

Общей доминантой всех трёх феноменов – экономическое, финансовое, торговое – является, по моему мнению, справедливость.

На этом этапе исследования я обращу главное внимание на её качества выгодности и полезности в функционировании дуальной позиции «компромиссность – справедливость».

Сразу отмечу, что совместное изучение взаимодействий справедливости, благополучия, компромиссности, выгодности, полезности, моральности – устойчивая тенденция многих общественных наук, особенно институциональной экономики[2].

Именно в исследовательском пространстве институциональной экономики (см. табл. 19 и вставку 9) получила развитие теория игр и стало широко применяться моделирование взаимодействий.

Таблица 19. **Сферы повседневности**

Миры (Л. Болтански, Л. Тевено)	Сферы справедливости (М. Уолцер)
Рыночный мир (monde marchand)	Сфера денег (*sphere of money*)
Традиционный, или «домашний», мир (*monde domestique*)	Сфера семьи и любви (*sphere of kinship and love*)
	Сфера политической власти (*sphere of political power*)
Гражданский мир (*monde civique*)	Сфера безопасности и благосостояния (*sphere of security and welfare*)
	Сфера служения (*sphere of office*)
Индустриальный мир (*monde industriel*)	
Мир общественного мнения (*monde de l'opinion*)	Сфера признания (*sphere of recognition*)
Мир творческой деятельности или вдохновения (*monde d'inspiration*)	Сфера вдохновения (*sphere of divine grace*)
Мир экологии (*monde ecologique*)	
	Сфера образования (*sphere of education*)
Мир проектов (*monde par projets*)	

Источник: *Олейник А.* Институциональный анализ государства // Институциональная экономика: Учебник. М., 2005. С. 561.

[1] *Лебедев А.* Сделка как панацея // Российская газета. 2007. 31 мая. С. 6.

[2] Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005; *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учебное пособие. М., 2000.

Для уточнения категорий социологии компромисса исключительно актуальны практики функционирования взаимодействующих между собой феноменов, изучаемых в рамках институциональной экономики: равновесие, полезность, выгодность, компромиссность, теория соглашений, критерий наибольшей выгодности, институционализм, институциональная среда как правила игры как экономическая конституция, трансакционные издержки, порядок значимого, доверие.

Вставка 9

Типы равновесий

Доминирующая стратегия – такой план действий, который обеспечивает участнику максимальную полезность *вне зависимости* от действий другого участника.

Равновесие по Нэшу – ситуация, в которой ни один из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке, меняя свой план действий.

Равновесие по Штакельбергу – ситуация, когда ни один из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке, а решения принимаются сначала одним игроком и становятся известными второму игроку.

Равновесие по Парето – ситуация, когда нельзя улучшить положение ни одного из игроков, не ухудшая при этом положения другого.

Источник: *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учебное пособие. М., 2000. С. 77.

Глубокое и актуальное осмысление теории справедливости разработанные в XX веке[1] получили в фундаментальном Докладе о мировом развитии *«Справедливость и развитие»*, представленном Всемирным Банком в 2005 году. На обширном теоретическом материале, с привлечением интереснейших исследований практик обеспечения справедливости во всех регионах мира в XXI веке авторы Доклада представили убедительные доказательства взаимообусловленности справедливости, компромиссности, развития, благосостояния и безопасности[2].

Большой интерес у учёных и специалистов многих стран вызвали подготовка и проведение Российским университетом дружбы народов (Москва) и Культурным представительством при Посольстве Ирана в Москве Международной научной конференции *«Глобализация и Справедливость»* (Москва, 2007, 15–16 февраля).

[1] *Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge, 1971; *Ролз Дж.* Справедливость как честность (1958) // Логос. 2006. № 1; *Хёффе О.* Справедливость: Философское введение. М., 2007.

[2] Справедливость и развитие: Доклад о мировом развитии. 2006. М., 2006.

Она была посвящена как обсуждению актуальных проблем современной мировой политики и культуры, так *поиску справедливых оснований для решения насущных проблем современности в условиях глобализации и взаимодействия цивилизаций в рамках различных международных стратегий (компромисс, партнёрство, добрососедство, диалог, альянсы цивилизаций)*.

16 февраля свой доклад *«Гуманитарные категории в глобальном измерении ("справедливость" и её интерпретация в геоэкономическом смысле)»* участникам этой конференции представил известный русский экономист и политолог Эрнест Георгиевич Кочетов, один из основателей в мировом обществоведении на рубеже XX и XXI веков новой, геоэкономической парадигмы. Он тоже отметил, что категория «справедливость» занимает «первостепенное» место в понимании «экономического» и обретает «зачастую парадоксальный смысл и новое содержание»[1].

Идеология современного мироустройства (Проекта России)[2] ориентирована на философское осмысление двух аспектов в структуре самого мироустройства: политического и экономического[3]. Общей доминантой их взаимодействия в сфере феномена «мироустройство» является функционирование справедливости.

Поэтому востребован, по-моему, интеллектуальный потенциал политической философии: ведь важно, как минимум, понять характер реального антагонистического противоречия (компромиссность – бескомпромиссность) и реальную *парадоксальность*, устойчиво проявляемую феноменом «справедливость» в сфере функционирования противоречивого.

Поэтому, как я полагаю, методологическая и концептуальная оформленность модели мироустройства XXI века (Проект России) может быть принята как достаточно укоренённой именно благодаря сочетаемости и взаимодополнительности *«идеологии мироустройства»* и *«политической философии мироустройства»*.

Собственно политическая философия в сфере мироустройства образует реальную фундаментальность социологического научного дискурса по проблемам мироустройства и миропорядка. Именно её методология позволяет обеспечить необходимое органичное взаимопроникновение *научных традиций* философствования, осмысления проблем ядерного сдерживания в XX веке, ядерного противостояния; а также *инноваций, научной новизны,* привнесённых в сферу мироустройства XXI веком.

Общей линией в таком научном дискурсе может быть названа единая доминанта справедливости, которая соединяет, связывает три аспекта политической философии мироустройства (в версии Проекта России):

---

[1] *Кочетов Э.Г.* Гуманитарные категории в глобальном измерении («справедливость» и её интерпретация в геоэкономическом смысле) // Безопасность Евразии. 2007. № 2. С. 313.

[2] Категории: *«мироустройство», «идеология мироустройства»* определены мною на страницах этой книги ранее.

[3] См. схему 28.

• преемственность прошлого, настоящего и будущего в понимании противоречия «культуры жизни» и «культуры смерти» применительно к ядерному противостоянию. Здесь реальной практикой становится «встраивание» терпимости, диалога, самокритики, самоиронии между «компромиссностью» и «бескомпромиссностью»;

• роль власти, её ответственность за осуществление национальных целей, идеалов, ценностей, главных интересов в сфере мироустройства;

• понимание, интерпретация справедливого, справедливости в её обычном и парадоксальном проявлении.

Примером прямого участия справедливости в сфере мироустройства может служить фрагмент выступления Президента России Владимира Путина 16 августа 2007 года в столице Киргизии городе Бишкек на седьмом саммите Шанхайской организации сотрудничества. «С момента своего становления Шанхайская организация сотрудничества на деле доказывает эффективность коллективных усилий в противодействии современным вызовам и угрозам, – **справедливо, по мнению реального мирового общественного мнения,** – в расширении горизонтов делового и гуманитарного сотрудничества. Нет сомнений, что год от года благородная созидательная роль ШОС будет только возрастать»[1]. (Выделено мною. – *В.К.)*

Этот тезис В. Путина созвучен главному смыслу выступления Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, его тезису о важности борьбы за мир во всём мире – для «установления более справедливого миропорядка»[2].

Примером парадоксальной интерпретации справедливости в сфере мироустройства может стать выступление Президента России Владимира Путина 17 августа в Челябинской области по завершении антитеррористических учений стран-членов ШОС с девизом «Мирная миссия – 2007», в котором военные манёвры получили его высокую оценку. После подведения итогов «Мирной миссии» Владимир Путин сообщил: «Мною принято решение возобновить полёты российской стратегической авиации на постоянной основе, и сегодня, 17 августа, в 0.00 часов с семи аэродромов в разных частях России в воздух были подняты 14 стратегических ракетоносцев, самолётов обеспечения и заправщиков. 20 самолётов начали боевое дежурство в регионе активного судоходства и экономической деятельности России...

С 1992 года Россия прекратила полёты стратегической авиации в отдалённых районах боевых действий. Нашему примеру, к сожалению, последовали не все страны. Это создало проблемы для безопасности России»[3].

Это, безусловно, парадоксально: заявление Президента России Владимира Путина 16 августа 2007 года в Бишкеке (Киргизия) о мире и справедливости и

---

[1] *Кузьмин В.* ШОС осталась при своих // Российская газета. 2007. 17 августа. С. 1.

[2] *Соловьёв В.* Разрядка шанхайской напряжённости: В Бишкеке прошёл самый миролюбивый саммит ШОС // Коммерсантъ. 2007. 17 августа. С. 6.

[3] Приведено по: Лётчики «засиделись» // Комсомольская правда. 2007. 18 августа. С. 2.

заявление Президента России Владимира Путина 17 августа 2007 года в Челябинской области (Россия) о возобновлении полётов множества стратегических бомбардировщиков.

И это, безусловно, по моему мнению, справедливо.

Это справедливость идеологии мироустройства XXI века. Это справедливость политической философии мироустройства XXI века. Во всей парадоксальности проявления компромиссного, бескомпромиссного, справедливого, мироустроительного.

Изучение экономической составляющей структуры мироустройства XXI века (Проект России) вне рассмотрения её обусловленности глобальными, региональными, национальными, локальными проблемами экологии определённо не завершено.

Общим актуальным смысловым пространством экономического, справедливого и экологического уже давно оформилась доминанта нравственного. Здесь я рассматриваю эту доминанту на основе дуальной позиции «компромиссность – справедливость» как этику компромиссности[1].

Ещё раз хочу обратить внимание читателей для понимания важнейшей сущностной характеристики новой модели мироустройства (Проект России) на тезис из выступления Президента России Владимира Путина (2007, 10 июня) на XI Петербургском международном экономическом форуме. «В прошлом году здесь, на форуме, прозвучал тезис о так называемых “странах-идеях”. Россия именно такая страна – отметил В. Путин. – Страна, которая стремится к построению справедливого общества, основанного, прежде всего, на моральных ценностях»[2].

Характерно, что при больших обобщениях сферы повседневности (вариант мироустройства через «компромисс между этикой и экономикой» с учётом критерия справедливости) на основе теории соглашений (Л. Болтански, Л. Тевено) и политической философии (М. Уолцер)[3] возникает эффект «компромисса между сферами справедливости»[4] (см. табл. 19).

Интересно, что Збигнев Бжезинский, один из творцов Правил Игры в XX веке и крупнейший идеолог миростроительства в его новейшей евроатлантической модели XXI века, своё главное внимание в книге «Второй шанс» (вышла в марте 2007 года) уделил человеку, проблеме справедливости, проблеме человеческого достоинства[5].

---

[1] В сфере международных отношений эта тема рассмотрена убедительно и полно П.А. Цыганковым в главе 12 «Проблема правового регулирования международных отношений» и в главе 13 «Этическое измерение международных отношений» своей книги «Теория международных отношений» (М., 2006). На стр. 386 он привёл анализ моральной ситуации, которую Х. Шмид назвал *«этикой компромисса»* (*Schmid H.* Politics Research. Vol. 5. 1968).

[2] *Путин В.* Выступление на XI Петербургском международном экономическом форуме... С. 3.

[3] *Олейник А.* Институциональный анализ государства... С. 559.

[4] Там же. С. 560–561.

[5] *Brzezinski Z.* Second Chance: Three President and the Crisis of America. N. Y., 2007.

Знаменательно, что известный историк, политолог А.Л. Янов в своей обстоятельной рецензии – статье по поводу публикации этой книги З. Бжезинского особенно выделил этику компромиссности. «Центральным вызовом, – констатирует А.Л. Янов свой тезис о главном смысле книги З. Бжезинского, – перед которым стоит сегодня мир, является, как уверен Бжезинский, **всеобщее стремление к человеческому достоинству** (которое, конечно, включает в себя свободу и права человека, но также и социальную справедливость, и равенство полов, и, главное, уважение к культурной и религиозной мозаике мира). Только идентифицировав себя с этим поистине универсальным стремлением, Америка смогла бы добиться своего второго шанса»[1].

Стоит, по-моему, обратить внимание и на подзаголовки книг З. Бжезинского, опубликованных им в 1997–2007 годах (с учётом подзаголовка статьи А. Янова):

• **1997 г. Великая шахматная доска.** *Подзаголовок:* Господство Америки и его геостратегические императивы;

• **2004 г. Выбор.** *Подзаголовок*: Глобальное господство или глобальное лидерство;

• **2007 г. Второй шанс.** *Подзаголовок*: Три президента и кризис Америки.

Если задать себе и читателю вопрос: а почему, когда в главной стране Запада возникла необходимость предупредить народ США и следующего американского президента 2008, что «третьего шанса не будет»[2], один из самых мудрых и проницательных социологов и политологов заговорил об этике, морали и справедливости для человека, для других людей?

По-моему, оригинальный и убедительный ответ на этот вопрос предложил 7 мая 2007 года после своей лекции в Санкт-Петербурге Жан-Франсуа Ришар, экс-вице-президент Всемирного банка, автор новой концепции управления на основе функционирования глобальных исследовательских сетей.

Он выступал в Петербургском университете в рамках Проекта Информационного Агентства «РОСБАЛТ» – *«Мировые интеллектуалы в Санкт-Петербурге»*.

Вопрос «Росбалта»: **«Есть ли что-то, что Вы хотели бы сказать специально гражданам России?»**

«**Мир нуждается в новом моральном и интеллектуальном лидере,** – отметил Жан-Франсуа Ришар, – **который бы показал пример нового глобального мышления.** Раньше, я полагаю, таким моральным лидером были США. И это признавали даже те, кто не любил США. Однако в последнее время они утеряли это лидерство – своей позицией по Киотскому протоколу, по Международному уголовному суду. Ситуация с Ираком тоже нанесла вред репутации США. Европа пока не готова стать новым лидером. **Мир был бы приятно поражен, если бы таким лидером нового мышления стала Россия.** Лидером, чьи усилия направ-

[1] *Янов А.* Америка без третьего шанса: Курс внешней политики нужно менять немедленно, круто и кардинально // Независимая газета. 2007. 25 июля. С. 8.

[2] Там же.

лены ‘вовне – на решение общемировых проблем, в отличие от стран, которые встают на позицию исключительно защиты своих частных интересов. Стать лидером нового глобального мышления – это могло бы принести много пользы и самой России, и всему миру.

Вы видите к этому какие-то предпосылки или это только Ваши надежды?

Это мои надежды, но и предпосылки есть, например присоединение России к Киотскому протоколу, которое обеспечило кворум. Я был этим приятно поражен. Россия могла бы встать на позицию защиты своих узких экономических интересов, но она оказалась способна мыслить шире. Это вселяет надежды»[1]. (Выделено мою. – *В.К.*)

Таким образом, можно констатировать, что объединение на основе нравственного потенциала, компромиссного, справедливого, экологического, интеллектуального реально содействует формированию человека – жизнелюбивого, жизнестойкого, умеющего сочетать нравственную позицию с необходимостью изучать полезность и выгодность конкретного компромисса в условиях конкретного времени и масштаба событий.

Тема стремительного роста значения нравственной доминанты через экономику, экологию с позиций компромиссности, безопасности, предотвращения и справедливости – **«это борьба за пространство жизни»**[2]. (Выделено мною. – *В.К.*): так полагает известный социолог и эколог Олег Николаевич Яницкий.

«Почему то, о чем я веду речь, важно для социологии? – задаёт вопрос себе и нам О.Н. Яницкий. – Глобализация жизни означает выдвижение на первый план глобальных акторов: государств, их союзов и объединений, а также ТНК, международных НПО, сетевых сообществ и сетевых ресурсов. Сложившееся дисциплинарное размежевание, когда макросубъектами социальной деятельности занимаются юристы и правоведы, более не может считаться правильным. Эти “сверхбольшие” субъекты не только суверенные акторы на мировой арене, но и агенты оказывающие влияние и изменяющие всю социальную структуру и образ жизни повседневности. Какую бы национальную или региональную проблему ни изучал социолог, везде “торчат уши” глобальных процессов и институтов. Ныне всякая проблема в России и мире глобальна. Вместе с тем, любая социальная стратегия российского государства (в области жилищного строительства, здравоохранения, образования, культуры) лимитируется доступом к ресурсам...

Итак, мир вступил в полосу холодных и горячих ресурсных войн, в основе которых лежит “ресурсная парадигма”: контроль за производством и транзитом углеводородов и других дефицитных ресурсов конструирует всю архитек-

---

[1] *Чеснокова Т.* Кредит на развитие: Россия могла бы стать новым моральным лидером Мира, считает бывший вице-президент Всемирного банка Жан-Франсуа Ришар // Смысл. 2007. № 7. 16–31 мая. С. 45.

[2] *Яницкий О.Н.* Ресурсные войны XXI века // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 140.

тонику глобальной экономики и властных отношений на планете. Схватка ведущих держав и ТНК за нефтегазовый шельф на Сахалине или жестокая борьба за туркменский газ, недавняя "газовая война" Украины и России, от исхода которой зависит благополучие всей Европы, – лишь самые яркие тому примеры. Поэтому прав депутат Европарламента Дж. Кьеза: началась эпоха ресурсных войн, и у человечества есть в запасе примерно десятилетие, в течение которого решится судьба XXI века»[1].

О.Н. Яницкий в своём ответе на свой вопрос обозначил как мотивы, так и политическую философию, идеологию мироустройства по Проекту Буша на XXI век.

Наиболее завершённой концепцией, продолжающей содержательные особенности социологического подхода к реальностям современного мироустройства, Повестке Дня на XXI век и Правилам Игры сохранены и развиты в коммунитарной теории известного американского социолога Амитаи Этциони[2].

Важность и оригинальность его подхода – в соединении приоритетности человека для всех взаимодействий с гуманитарностью и справедливостью нового, коммунитарного по сути, глобального мирового порядка XXI века. При этом, по мнению А. Этциони, «Главная цель – безопасность»[3].

Ещё более перспективна его коммунитарная концепция из-за чёткой ориентированности на соединение нравственности и безопасности, сотрудничества и нового синтеза. «Каким нравственным нормам должны подчиняться внешняя политика государств и международные отношения ближайшего будущего, – раскрывает А. Этциони через вопросы к себе в предисловии смысл своей книги "От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям"? – Может ли мировое сообщество быть сформировано на базе западных ценностей – таких как свобода и права человека? Или у Востока характеризующегося еще большим разнообразием, чем Запад, тоже есть многое, что он способен предложить всем остальным? Наконец, как свести воедино эти несовпадающие ценности, чтобы прийти к ограниченному, но убедительному набору норм, на основе которых произошло бы объединение народов планеты, а не "столкновение цивилизаций"? Возможно ли удовлетворить духовный голод, испытываемый во многих частях света (в том числе в богатых странах), и не допустить саморазрушительного обращения миллиардов людей к различным формам религиозного и светского фундаментализма?

На страницах этой книги рассмотрено много конкретных проблем и выдвинуто немало политических предложений. В конечном счете, все сводится к прояснению нескольких моментов. Что сделает мир более безопасным, сво-

---

[1] *Яницкий О.Н.* Ресурсные войны XXI века. С. 142–143.

[2] *Этциони А.* От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004.

[3] Там же. С. 2.

бодным, здоровым и добрым, то есть таким, где каждый получит достаточный базовый минимум для достойной жизни?»[1].

Но оригинальные социологические разработки А. Этциони особый интерес представляют по той причине, что важнейшая роль в его теоретических (аналитических и синтезирующих) концепциях отводится методологии, технологии и механизмам предотвращения ядерной угрозы в XXI веке.

«В этой книге я задался вопросом: что необходимо для справедливого общества (являющегося гораздо более содержательным концептом, нежели гражданское общество)? Повторю еще раз свою коммунитарную мантру: я полагаю, что справедливым является такой социум, – подводит он итоги своих исследований, – в котором обеспечен тщательно выверенный баланс между автономией личности и общественным порядком, а, основу последнего составляет не столько принуждение, сколько убеждение. Отдельные слабые, буквально трепещущие на ветру ростки нового глобального мироустройства свидетельствуют, что человечество движется именно в этом направлении, уделяя первоочередное внимание тому, что я называю «этикой выживания», а затем, обращаясь (к сожалению, медленно) к решению других глобальных проблем (справиться с которыми не в состоянии ни отдельные государства, ни межправительственные организации)...

Ставки высоки, учитывая существенное упрощение производства оружия массового поражения и доступа к нему, распространение терроризма, а также множество других глобальных проблем – от деградации окружающей среды до торговли людьми, – которые национальные государства не способны эффективно решать в принципе»[2].

Сегодня в России для многих людей смысл безопасности, компромиссности, смысл справедливости – это законность, понимаемая как безусловное равенство всех людей перед законом.

Возможно, поэтому в ходе многочисленных социологических опросов 2000–2007 годов на чёткий вопрос: *«Что, по Вашему мнению, могло бы объединить всех людей в России во имя Возрождения Отечества?»*, как правило, следовал чёткий ответ: **справедливость и Законность.**

Динамика отношения граждан России к деятельности российского государства в сфере обеспечения законности особенно наглядна в итоговых показателях мониторинга с хорошим названием **«Как живёшь, Россия?»** (см. табл. 20).

Итоги исследований, представленные в показателях таблицы 20 показывают основные технологии и механизмы компромиссности, которые проявляются во взаимосвязи безопасности – компромиссности – справедливости – законности.

---

[1] *Этциони А.* От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. С. 3.

[2] Там же. С. 290–292.

Таблица 20. **Суждения респондентов о жизни в стране**
РФ, % от числа опрошенных

	1994, февраль	1995, январь	1995, ноябрь	1996, май	1997, август	1998, декабрь	1999, ноябрь	2000, май	2000, декабрь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006,июнь
Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие	20	15	15	24	27	13	18	26	26	26	30	40	40	40	38	37	40
Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь[1]	70	69	61	68	66	68	65	55	58	57	42	39	48	45	43	45	45
Власти заботятся о жизни простых людей	1	1	1	3	4	2	4	2	2	3	2	5	7	5	5	6	4
Людям у власти нет никакого дела до простых людей	66	56	50	64	57	65	63	53	56	60	64	73	77	80	80	77	80
Главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счёт областей и республик России	33	28	24	35	36	35	36	27	26	30	35	52	58	60	57	53	56
Центр проводит политику в интересах регионов	2	1	0	2	5	4	4	3	3	4	3	7	9	9	7	8	7
Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране	0	2	3	4	13	9	10	8	11	10	12	10	12	11	9	10	11
Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране	47	41	45	52	48	52	45	50	50	58	65	69	75	73	74	70	72

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Приведено по: Левашов В.К. Гражданское общество в современной России: Социологические измерения. М., 2006. С. 22.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете влияние практик безопасности, компромиссности, справедливости, законности на теорию безопасности?
2. Почему справедливость играет важнейшую роль в становлении социологии безопасности через компромисс?
3. В каких сферах обеспечения безопасности человека и общества социология безопасности наиболее плотно и устойчиво взаимодействует с законностью?

Литература

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

Кузнецов В.Н. Социология мироустройства XXI века (Проекта России): традиции и новизна. М., 2007.

Социология социальной сферы / Под ред. М.М. Акулич, В.Н. Кузнецова. М., 2007.

Хёффе О. Справедливость: Философское введение. М., 2007.

Архангельская Н. В поисках справедливости (Беседа с С. Переслегиным) // Эксперт. 2006. № 1–2. 16–22 января.

Капто А.С. Профессиональная этика. Москва; Ростов-на-Дону, 2006.

Ролз Дж. Справедливость как честность (1958) // Логос. 2006. № 1.

Этциони М. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004.

Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь её народов. М., 2001.

Глава 18

Стратегия культуры безопасности как стратегическая партнёрская культура компромисса: от опыта XX века к практикам XXI века

Для строительства умной, динамичной и эффективной работы по социологическому предотвращению развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке исключительно важное значение имеет освоение уже состоявшейся такой деятельности в XX веке.

Я имею в виду выдающуюся по гражданственности, научному уровню, организационной мобильности, инновационности, настойчивости и цепкости деятельность социологов, философов, экономистов, политологов, экологов, культорологов и многих других учёных, представляющих общественные, естественные и технические науки.

Особенно важно отметить скрытую от общества работу компетентных и честных, талантливых экспертов – учёных, которые в тиши кабинетов и негромких дискуссий вели «торг» об уступках, о процедуре, о результатах готовящихся компромиссов в переговорах по сдерживанию ядерных вооружений, по их ограничению и нераспространению.

Достаточно условно вторую половину XX века можно структурировать на два этапа: первый этап – 60–70-е годы, второй этап – 80–90-е годы.

Для первого этапа важнейшей доминантой, как я рассматривал в предыдущих главах книги, стали оригинальные и плодотворные научные разработки о конвергенции (Питирим Сорокин), социального порядка (Толкотт Парсонс), социальной справедливости (Джон Ролс) и многие другие, которые обосновали научную методологию и теорию действительно глобальной борьбы за мир, за ядерное разоружение.

Особенно актуален сегодня опыт взаимодействия творцов предотвращения и культуры компромисса в 60–70-е годы XX века со средой. Её особенности (структурная революция в США; Франции, Италии, Германии с уличными боями, баррикадами, террором; войны; высокий уровень ядерной опасности в ситуациях противостояния СССР и США; громкие убийства, финансовые и экономические обвалы) были крайне неблагоприятны для конкретных людей, последовательно талантливо работающих за мир, против возможной ядерной войны.

Второй период: 80–90-е годы XX века, может быть охарактеризован как этап обретения терпимости, диалога, доверия, мудрости и компромиссности в вопросах мира, безопасности, ядерных вооружений.

В эти годы, по определению известного российского политолога Алексея Демосфеновича Богатурова, сложилась *«культура неприятия ядерной войны»*[1]. (Выделено мною. – *В.К.).* Он охарактеризовал её как стратегическую культуру «отношения к атомному оружию как к исключительно последнему, крайнему средству борьбы»[2].

Исключительно актуально соображение А.Д. Богатурова о содержании и мотивах идеологической конфронтации в 60–80-е годы между США и СССР[3]. По смыслу, в моей интерпретации, она не носила бескомпромиссный характер. Я следую здесь за А.Д. Богатуровым, который обосновал интереснейший тезис: по его мнению, под прикрытием риторики между СССР и США о идеологической конфронтации **«существовала солидаристская идеология неприятия ядерного конфликта,** которую вольно или невольно разделяли и Брежнев, и Никсон, и Горбачёв, и Рейган, и Громыко, и Киссинджер»[4].

Для тщательности выстраивания научных оснований предотвращения ядерной войны сегодня, в XXI веке, очень поучительны размышления А.Д. Бо-

---

[1] *Богатуров А.* Первый порядок эпохи ядерного оружия // Независимая газета. 2005. 20 июля. С. 11.

[2] Там же. С. 11.

[3] Там же.

[4] Там же.

гатурова об особенностях глобального компромиссологического дискурса по поводу видимости и сущности идеологической конфронтации Запада и не-Запада в судьбоносные периоды второй половины XX века. «Ни советским, ни американским руководителям не хотелось признавать де-факто солидаристский характер этой идеологии, и их официальные идеологи с охотой постулировали тезисы о непримиримости коммунизма и либерализма. Неприминимость и вправду была. Но международные отношения определяла в основном не она»[1].

Следуя содержательной канве размышлений А.Д. Богатурова о глубинных, фундаментальных методологиях, концепциях, практиках 70–80-х годов XX века, всей второй половины ушедшего века, я формирую тезис о реальном и доминирующем императиве, сохранившем в значительной степени, мир и безопасность как для XX века, так и для XXI века. В определении А.Д. Богатурова, это феномен – «солидарная культура компромисса»[2], который более полно назван им *«солидарная культура компромисса и согласованных действий»*[3].

Я выделяю из этого глубокого и перспективного суждения именно категорию **«солидарная культура компромисса»:**

> *это состояние сознания, мотиваций и взаимодействий современного общества, ориентированного на предотвращение возможности глобальной ядерной войны через согласованные действия на основе добровольных договорённостей как среди своих сторонников, так и со своими оппонентами (сторонниками культуры смерти и культуры войны); на основе взаимных уступок по поводу общих интересов, терпимости, постепенности и диалога.*

На рубеже XX и XXI веков (в 90-е годы XX века и первые три-четыре года XXI века) глобальные социальные, экономические, политические, военные взаимодействия людей, групп, государств с действующим императивом *«солидарной культуры компромисса»* (по А.Д. Богатурову) дополнились и облагородились такой устойчивой традицией, как *«культура взаимной терпимости и этика компромисса»* (тоже по Богатурову)[4].

Не случайно с 1990 года по 2003 год между Россией и США в этот период заключено самое большое за последние 20 лет количество важных и сложных соглашений и договоров в сфере безопасности. И что особенно важно – в сфере ядерных вооружений и предотвращения каких-либо ядерных столкновений (по техническим, случайным и другим причинам).

Постепенно, с начала 90-х годов XX века, во взаимодействиях России с разными странами начала утверждаться новая тенденция. До этого времени характер отношений, характеризуемый как сотрудничество, солидарность (между группами, корпорациями, странами), как правило, строго не оформлялся и не детализировался в развёрнутых соглашениях, декларациях, договорах.

---

[1] *Богатуров А.* Первый порядок эпохи ядерного оружия... С. 11.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Богатуров А.* Усталость от американской ответственности // Независимая газета. 2006. 11 сентября. С. 3.

Новая тенденция проявилась как оформленное и зафиксированное *«партнёрство»* и *«стратегическое партнёрство»*.

На такой основе, в развитие и продолжение функционирования императива XX века *«солидарная культура компромисса»,* начал интенсивно формироваться динамичный императив XXI века *«стратегическая партнёрская культура компромисса»*.

Именно этот феномен как доброжелательная и универсалистская доминанта, как смысл дуальной позиции «компромиссность – справедливость» обусловил конструктивное и созидательное начало в новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, в новом глобальном геокультурном гуманитарном проекте мироустройства (Проекте России – Проекте Путина).

Рассмотрим более подробно социологический аспект функционирования каждого из феноменов: «партнёрство», «стратегическое партнёрство», «стратегическая партнёрская культура компромисса».

Партнёрство

Социологический смысл феномена «партнёрство» может быть понят как один из видов взаимодействий между людьми, организациями, корпорациями, государствами, ориентированных на представление, поддержку, продвижение их целей, ценностей, интересов. По своей структуре феномен «партнёрство» близок к структуре компромисса и, как правило, своим возникновением обязан наличию ситуации совместной деятельности нескольких субъектов. Их сотрудничество, солидаристские отношения на каком-то этапе взаимодействий потребовали закрепления намерений, стремлений в контракте (договоре, соглашении и т. д.), а также чёткости позиций, определения характера уступок в «общий котёл», которые обычно уточняются в ходе реального и сложного «торга».

И, конечно, следует фиксирование обязательств партнёров; уровня их ответственности; согласования процедуры самого партнёрства; его механизмов; способов оформления и присвоения каждым партнёром результатов совместной деятельности; участия в издержках, в преодолении последствий возникших рисков.

Примером закрепления смысла партнёрства, его содержания и структуры может быть названа *«Хартия российско-американского партнёрства и дружбы»*, подписанная 17 июля 1992 года в Вашингтоне президентами Б.Н. Ельциным и Дж. Бушем.

Это содержательный и многостраничный документ подробно и убедительно раскрывающий те социологические характеристики феномена «партнёрство», которые я выше уже изложил.

В преамбуле Хартии сжато представлен смысл партнёрства. «Российская Федерация и Соединённые Штаты Америки, стремясь обеспечить надежную и прочную основу российско-американских отношений партнерства и дружбы, – заявили Б.Н. Ельцин и Дж. Буш-старший, – полагая, что рост благосостояния, процветание и безопасность демократической Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки жизненно взаимосвязаны, заявляя о своей решимости строго придерживаться демократических принципов и прак-

тики, включая верховенство права и уважение прав человека и основных свобод, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, признавая значение прав личности в создании справедливого и процветающего общества, подтверждая приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского Заключительного акта и последующих документов СБСЕ, желая построить демократический мир, который объединяет все сообщество демократических государств, отмечая свою особую ответственность как постоянных членов Совета Безопасности ООН за поддержание международного мира и безопасности, желая содействовать развитию свободных рыночных отношений, экономическому возрождению и росту, а также более тесному экономическому сотрудничеству, торговле и инвестициям, выработали следующую Хартию российско-американского партнерства и дружбы»[1].

В самой Хартии три раздела, конкретизирующих основные линии партнёрства.

- **Демократия и партнёрство.**
- **Международный мир и безопасность.**
- **Экономика.**

Естественно сразу же возникает вопрос: что такое громадное и страшное произошло в отношениях между Россией и США, которые разумные и воспринятые отношения партнёрства и дружбы через 15 лет перевернули на 180 градусов и теперь в этом учебном пособии я уже предложил гипотезу о возможном участии правительства США, её президента в подготовке ядерной войны против России, против всего мира?

Здесь – попытка понять смысл этой трансформации от Дж. Буша-старшего президента США к Дж. Бушу-младшему – президенту; *попытка понять и обосновать совокупность динамичных и эффективных Факторов, способных социологически содействовать предотвращению глобальной ядерной катастрофы.* Каждый Фактор по смыслу позитивен, доброжелателен, миролюбив и полностью вписывается в дуальную позицию: компромиссность – справедливость.

Таким образом, можно предложить определение категории **«партнёрство»** в такой формулировке:

> *это широкий и развивающийся корпус взаимодействий между гражданами, их объединениями, организациями, институтами, государствами, региональными сообществами и союзами государств и международными организациями ориентированных на: сотрудничество и солидарность в содействии общим целям, ценностям, идеалам, интересам; равноправие, диалог и компромиссы при решении спорных поблеем; на закрепление в договорах и соглашениях исходных принципов каждого участника взаимодействия, обязательств перед другими субъектами взаимодействия и ответственности за все риски партнёрства.*

[1] Хартия российско-американского партнёрства и дружбы // Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т.: Т. 4: Документы. М., 2002. С. 443–444.

Стратегическое партнёрство

Динамику движения от партнёрства к феномену *«стратегическое партнёрство»* убедительно прокомментировал на примере отношений России и Китая на рубеже XXI века известный специалист по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона Геннадий Илларионович Чуфрин. «Этот путь объективно зафиксирован в совместных Декларациях, принимавшихся по итогам полутора десятка российско-китайских встреч на высшем уровне, состоявшихся в 1992–2006 гг., – поясняет Г.И. Чуфрин. – Если в его начале отношения между Россией и Китаем характеризовались в этих документах как *отношения между дружественными странами,* то в совместной Декларации 1994 г. они были расценены уже как *"конструктивное партнерство",* а в совместной Декларации 1996 г. впервые был сформулирован тезис о том, что они вышли на уровень «стратегического партнерства». В последующие годы принципы *«стратегического партнёрства»* получили дальнейшее развитие и конкретизацию. Так, на девятой встрече в верхах в Москве в 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который стал важнейшим документом в двусторонних отношениях России и Китая в новейшую эпоху, принятие к ратификации которого обеими сторонами заложило правовой фундамент доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между ними»[1].

Методологические и концептуальные основания в развитие «стратегического партнёрства» на примере отношений России и Китая в 2004–2005 годах рассмотрели Михаил Леонтьевич Титаренко, академик Российской академии наук, и Борис Николаевич Кузык, член-корреспондент Российской академии наук, в завершающем разделе «Возможные направления российско-китайского глобального партнёрства и соразвития» совместной книги «Китай – Россия – 2050: Стратегия соразвития»[2].

Важная особенность итогов их исследований: они обосновали тенденцию дальнейшего развития феномена «стратегическое партнёрство» в новый институт *«глобальное партнёрство»*.

На опыте взаимоотношений России и Китая в 1994–2005 годах получается такая динамика (см. схему 12).

Интересны аргументы, которые обосновали М.Л. Титаренко и Б.Н. Кузык для разъяснения своих гипотез по поводу связи двух феноменов: *«стратегическое партнёрство – глобальное партнёрство»*.

1. Позитивное влияние практик сотрудничества России и Китая в ООН, ШОС и многих других международных организациях[3].

2. Позитивный опыт взаимодополняющего сотрудничества «в деле соразвития России и Китая, Дальнего Востока нашей страны и Северо-Восточного КНР»[4].

---

[1] *Чуфрин Г.И.* Российско-китайское стратегическое партнёрство в настоящем и будущем // Китай в XXI веке: Глобализация интересов безопасности. М., 2007.

[2] *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия – 2050: Стратегия соразвития. М., 2006. С. 563–574.

[3] Там же. С. 565.

[4] Там же.

Схема 12. **Динамика трансформации феномена «партнёрство» в российско-китайских отношениях 1994–2005 годов**
(Итоги исследований Г.И. Чуфрина, М.Л. Титаренко, Б.Н. Кузыка)

Периоды / *Смысл*	*Динамика партнёрства*
1994–1995	Конструктивное партнёрство
1996–2001	Стратегическое партнёрство
2002–2003	Доверительное партнёрство
2004–2005	Глобальное партнёрство

Источники: *Чуфрин Г.И.* Российско-китайское стратегическое партнёрство в настоящем и будущем // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 313–314; *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Возможные направления российско-китайского глобального партнёрства и соразвития // *Они же.* Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 563–574.

3. Взаимная «готовность оказывать поддержку друг другу в вопросах суверенитета и сохранения территориальной целостности»[1].

4. Оформление и артикулирование в «Совместной декларации о международном порядке в XXI веке» (подписана в Москве 1 июля 2005 года) важного и исключительно актуального круга «совпадающих взглядов России и Китая по основополагающим вопросам современного мироустройства. В этом документе очерчиваются контуры общего видения перспектив развития человечества. Стороны подтвердили свою приверженность формированию нового справедливого и рационального миропорядка, который должен основываться на примате международного права, многосторонних подходах, равенстве и взаимном уважении, повышении миротворческой роли ООН. И Россия, и Китай единодушно выступают против двойных стандартов в подходе к решению международных проблем, считают недопустимыми претензии на монополию в международных делах, навязывание извне моделей общественного развития, разделение стран на ведущие и ведомые»[2].

С учётом рассмотрения особенностей функционирования феномена **«стратегическое партнёрство»**, его роли в становлении новой модели мироустройства XXI века (Проекта Путина) как социологическую категорию феномен можно определить так –

> *это оформленная долгосрочная программа: достижения и корректировки как общих согласованных целей, идеалов, ценностей и главных интересов каждого партнёра, так и сопоставимой с Программой оценки средств, ресурсов и леги-*

[1] *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия – 2050: Стратегия соразвития. М., 2006. С. 565.

[2] Там же. С. 566.

тимных технологий, выбранных для достижения общих целей; анализа и учёта стратегических рисков на всех этапах функционирования партнёрства; осуществления самокритики и самоиронии в оценке достигнутых результатов; обеспечения эффективной адаптации всех звеньев процесса партнёрства с учётом изменений внутренней и внешней среды деятельности всех участников партнёрства.

Стратегическая партнёрская культура компромисса

Теперь необходимо более подробно рассмотреть контекст статьи А.Д. Богатурова «Первый порядок эпохи ядерного оружия», в которой им было рассмотрено понятие *«солидарная культура компромисса»*.

Важно отметить ряд особенностей его статьи. Во-первых, А.Д. Богатуров говорит о «драме современного международного порядка» в 2005 году, которая «состоит в кризисе стратегической культуры ялтинско-потсдамской поры», а «упрочение» реального «современного миропорядка» безусловно «требует возвращения к солидарной культуре компромисса и согласованных действий»[1].

Для понимания условий «возвращения» А.Д. Богатуров сформулировал в 2005–2007 годах очень важные *«подсказки»*, каждая из которых имеет самостоятельную научную ценность для моего исследования.

1. А.Д. Богатуров сформулировал исключительно актуальный тезис, который *«подсказывает»* возможность в анализе и синтезе способов социологического предотвращения возможной ядерной войны в 2007 году многообразие антагонистических противоречий, подлежащих изучению, трансформировать в одно, ключевое, идеологическое. «К 1970-м годам, – отмечает для нас, читателей из 2007 года, А.Д. Богатуров, – **идеология неприемлемости ядерной войны** как средства решения рядовых споров и разногласий прочно утвердилась в отношениях между ядерными державами... Фактически установка ядерных держав на избежание ядерной войны создавала предпосылки для развития переговорной культуры, **стратегий компромисса**, регулирования международных отношений через право и нормотворчество»[2]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Я надеюсь, что путь «возвращения» солидарной культуры компромисса через *«идеологию неприемлемости ядерной войны»* и через *«развитие переговорной культуры, стратегий компромисса»* возможен и реален, востребован.

2. А.Д. Богатуров обращает наше внимание на волевые, нравственные основания поиска, обсуждения и принятия стратегий компромисса в сфере обеспечения национальной безопасности. «Прежний порядок, – поясняет он, – создавали сильные, расчётливые и по-своему очень циничные люди. Но **им было присуще обострённое чувство ответственности за собственную безопасность, которую они – может быть в силу непомерных собственных амбиций – не мыслили в отрыве от судеб остального мира**»[3]. (Выделено мною. – *В.К.*)

[1] *Богатуров А.Д.* Первый порядок эпохи ядерного оружия: Потсдамской конференции исполнилось 60 лет // Независимая газета. 2005. С. 11.

[2] Там же.

[3] Там же.

3. Из сентября 2006 года А.Д. Богатуров делает очень важное уточнение для формирования Большого Компромисса XXI века, способного содействовать предотвращению возможной ядерной катастрофы: и опять через возвращение (естественно в новом, обогащённом и актуализированном виде – это мой тезис) утраченного. «В экстазе **“глобальной борьбы” с терроризмом,** – констатирует А.Д. Богатуров, – **оказалась утраченной культура взаимной терпимости и этика компромисса, на которых зиждился старый мировой порядок.** Современный мир более злобен и взаимно нетерпим, чем он был в эпоху зрелой конфронтации, по крайней мере, последней четверти XX века! Американская политика вызывает вне США такое же неподдельное раздражение, какое внутри Америки будит нежелание других народов безропотно принимать американские рецепты решения мировых проблм»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

4. Из апреля 2007 года А.Д. Богатуров обозначил принципиально новое изменение среды, в которой могут функционировать *«этика компромисса», «стратегия компромисса», «солидарная культура компромисса»* (в трансформированном виде от XX века; с преобразованием и адаптацией для реальностей весны, лета и осени 2007 года). «Развёртывание ПРО американцами, – справедливо, по моему мнению, утверждает А.Д. Богатуров, – подрывает ключевой принцип стратегической стабильности – принцип согласия на взаимную уязвимость»[2].

Концептуальные основания кардинального изменения среды для поиска возможных компромиссов между Россией и США по поводу приближения к границам России систем ядерного оружия США содержатся, по мнению А.Д. Богатурова, в приближении к сфере бескомпромиссного. Разногласия «Москвы и Вашингтона в вопросах глобальной стабильности – в столкновении естественного желания россиян, – поясняет А.Д. Богатуров, – сохранить основы “безопасности и стабильности для всех” (при всех её огрехах и условностях) и стремления подменить её “безопасностью и стабильностью для своих”»[3].

5. В мае 2007 года Алексей Демосфенович Богатуров обосновал оригинальные и фундаментальные положения о современном научном дискурсе, посвящённом новому мировому порядку, об основах восприятия статуса компромиссологии (это моя интерпретация) в структуре научного знания XXI века. Я отношу эти соображения к социологии компромисса.

А.Д. Богатуров предложил новое понимание главных смыслов, обозначенных в выступлении Президента России Владимира Владимировича Путина на

---

[1] *Богатуров А.* Усталость от американской ответственности: В экстазе глобальной борьбы с терроризмом оказались утраченными культура взаимной терпимости и этика компромисса // Независимая газета. 2006. 11 августа. С. 3.

[2] *Богатуров А.* Принцип согласия на взаимную уязвимость подорван: Попытка США защититься от региональной угрозы ускоряет распад глобальной стабильности // НГ Дипкурьер. 2007. 16 апреля. № 7. С. 13.

[3] Там же. С. 14.

рабочей встрече 26 июня 2006 года с послами и представителями России в Министерстве иностранных дел на Смоленской площади (Москва)[1].

О содержании и размышлениях А.Д. Богатурова по поводу «настоящей доктрины», предложенной В.В. Путиным, позволяют размышлять уже названия разделов его статьи.

- **Соразмерная ответственность.**
- **Деидеологизация по Путину.**
- **Смысл диверсификации.**
- **Усложнение мировидения.**
- **Источники угроз.**
- **Вклад в формирование международной повестки.**
- **Управляемый антиамериканизм.**
- **К мышлению глобальными категориями.**

Для целей моего исследования роли и места социологии компромисса в мировом научном дискурсе, её статуса в мировом научном знании я выделю только три тезиса А.Д. Богатурова, которые продолжают линию изучения компромиссности и справедливости в новом мировом порядке XXI века.

Во-первых, А.Д. Богатуров особенно обстоятельно и в самом начале своего исследования отметил, что в «июньской речи 2006 года международные ориентиры России были впервые за 15 лет привязаны не к странам, а к широкой глобальной проблематике.

В этом смысле доктрину приведения политического влияния России в соответствие с ее экономическими возможностями можно считать первой глобальной доктриной Российской Федерации – насколько, конечно, вообще о таковой уместно говорить с учетом хрупкости хозяйственного подъема в стране. Это новое понимание роли России в глобальной политике спустя менее года эхом прозвучало в преамбуле первого в истории официального Обзора внешней политики Российской Федерации, который был опубликован Министерством иностранных дел 28 марта 2007 года. В тексте этого документа тема "сильной и более уверенной в себе России" оказалась уже сквозной.

Более того, и по форме новая концепция была и первой для России "настоящей доктриной" в общемировом смысле слова, – констатировал А.Д. Богатуров. – Она представляла собой не пространный министерский доклад (какими были официальные доктрины 1992 и 2000 годов), а относительно краткий текст, немногие положения которого были поданы нарочито укрупненно.

Позднее положения июньской речи действительно дополнялись и конкретизировались помимо Обзора внешней политики в материалах ежегодной "большой пресс-конференции" президента с представителями российских и иностранных СМИ 1 февраля 2007 года и в Послании президента Федеральному Собранию 26 апреля 2007 года»[2].

---

[1] *Богатуров А.* Настоящая доктрина // НГ Дипкурьер. 2007. 28 мая. № 9. С. 13, 23.
[2] Там же. С. 23.

Во-вторых, в «содержательных новациях» предложенных В.В. Путиным в 2006–2007 годах А.Д. Богатуров отметил новое качество «компромиссности» и реализма на примере обогащения и усложнения дискурса по проблемам *«мировидения»* (термин А.Д. Богатурова).

По мнению А.Д. Богатурова «документы показывают, насколько усложнилось российское мировидение в целом. Напряженное отношение к глобализации как процессу неодолимому, но направляемому из США, и потенциально подрывающему международные позиции России, сменилось сдержанно позитивной оценкой. Признается, что глобализация ведет к "более равномерному распределению ресурсов влияния и экономического роста, закладывая объективную основу для многополярной конструкции международных отношений"»[1].

В-третьих, считаю исключительно важным тот факт, что А.Д. Богатуров в отдельном разделе своего исследования *«Вклад в формирование международной повестки»* констатировал реальность продвижения России к эффективному участию в формировании и корректировке Правил Игры при создании Повестки Дня для мирового сообщества на XXI век.

Российское руководство, отмечает А.Д. Богатуров, «во многом тоже впервые, – фиксирует он, – смогло обрисовать оптимальный для него вариант принятия международных решений. **В июньской речи Путин предложил российской дипломатии "не просто участвовать в работе по "глобальной повестке", но и вносить реальный вклад в ее формирование".** Добиваться этого предстоит через оказание поддержки идее "коллективного лидерства ведущих государств, объективно несущих особую ответственность за положение дел в мире". В этом смысле основным средством решения мировых проблем является многосторонняя дипломатия.

С этой мыслью в документах перекликается другая: "...речь идет об основанной на международном праве культуре международных отношений – без навязывания моделей развития и форсирования естественного хода исторического процесса. И здесь особую роль приобретают вопросы демократизации международной жизни, новой этики общения государств и народов, а также расширения экономического и гуманитарного взаимодействия между странами"»[2]. (Выделено мною. – *В.К.*)

С учётом изучения всех тенденций, точек зрения на опыт, традиции и новации по проблемам партнёрства, стратегии, компромиссности, культуры компромисса, которые представлены в этой главе, я считаю возможным констатировать, что именно «стратегическая партнёрская культура компромисса» в XXI веке может достойно и эффективно соединить традиции и новаторство, реально продолжить миссию «солидарной культуры компромисса».

Определение социологической категории **«стратегическая партнёрская культура компромисса»,** в рабочем плане, может быть изложено так:

---

[1] *Богатуров А.* Настоящая доктрина // НГ Дипкурьер. 2007. 28 мая. № 9. С. 23.

[2] Там же.

это конструктивное, творческое состояние сознания общества XXI века, его мотивации и чёткая, обоснованная ориентированность: на культуру жизни; на предотвращение возможности глобальной ядерной катастрофы через оформленную долгосрочную программу достижения согласованных целей и ценностей каждого гражданина, всех народов и государств, включающую устойчивый и долговременный мониторинг необходимых средств и ресурсов, всех видов рисков; на постоянную адаптацию всех звеньев процесса достижения общих интересов с учётом изменений внешней и внутренней среды.

Контрольные вопросы

1. Как Вы понимаете опыт предотвращения ядерной угрозы, осуществлённый учёными и гражданами в 60–70-е годы XX века?
2. Почему оформляется важная Миссия социологии по инициированию вовлечения людей, учёных, специалистов во всех странах мира для противодействия ядерной катастрофе XXI века.
3. Зачем объединять возможности методологии и теории безопасности, компромисса, диалога, нового мироустройства (Проекта Путина), новую модель миропорядка XXI века (Концепции Кузнецова) для развёртывания практик предотвращения возможной ядерной войны?

Литература

Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.
Кузнецов В.Н. Теория опережающего компромисса // Безопасность Евразии. 2007. № 2.
Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века. М., 2006.
Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
Становление евразийской безопасности. М., 2005.

Глава 19

Социология безопасности и культура предотвращения ядерной войны XXI века

Культура безопасности, стратегическая партнёрская культура компромисса, культура предотвращения обретают свой главный смысл и востребованность только в ситуации, когда можно сказать определённо и достаточно о том Человеке, ради которого всё делается и который сам во всём участвует, всё делает сам.

Теперь я могу более точно констатировать, на этом этапе исследования, что в моей книге речь идёт о *Человеке жизнелюбивом, компромиссном, самокритичном, играющем: Homo vitality, compromissimus, self-kritikos, ludens.*

Это очень важно для уточнения содержания, структуры, понимания, источников и механизмов внутренней энергетики феномена «культура жизни» (как культура безопасности человека, культура мира, культура предотвращения, культура компромисса, культура доверия, культура диалога).

Сам представленный выше феномен выступает и функционирует в XXI веке доминантной, активной и ведущей стороной главного глобального противоречия: *«культура жизни человека – культура смерти человека»*[1].

Исключительно актуально для понимания и развития категории «культура жизни» всего спектра социологических исследований, которые объединяет «методологический оптимизм», рассмотренный в очень своевременной книге С.А. Кравченко[2].

Поэтому становится всё более актуальным и востребованным новое направление в социологии: социологическая теория жизненных сил человека. Здесь большой интерес вызывают итоги исследований виталистики известного социолога Святослава Ивановича Григорьева[3].

Вдохновляют и обнадёживают оригинальные и содержательные выступления участников заседания Клуба «Красная площадь» по теме **«Культура жизни: идеология добрососедства»,** которое состоялось в Москве 20 сентября 2006 года.

Тематика самих выступлений, а состав их авторов великолепен, представлена в журнале с духоподъёмным названием: *«Культура жизни против культуры* смерти: Российский идеал межнациональной симфонии».

В журнале (содержание) три раздела: культура жизни; «другие» и «мы»; мир и мы (см. вставку 10).

Теперь о второй, другой стороне противоречия: о «культуре смерти».

Понятие «культура смерти» Иоанн Павел II предложил и обосновал в своей одиннадцатой энциклике «Evangelium Vitae» («Евангелие Жизни»), представленной 30 марта 1995 года.

О её смысле сам папа пишет кратко и обстоятельно: «Кардиналы единодушно просили меня подтвердить всем авторитетом наместника святого Петра самодостаточную ценность и неприкосновенность человеческой жизни, которой в нынешнем мире грозит столько опасностей»[4].

---

[1] Вопросы его формирования и функционирования рассмотрены в моих работах: *Кузнецов В.Н.* Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: Социологический аспект // НАВИГУТ. 2006. № 3; *Кузнецов В.Н.* О смысле нового гуманизма XXI века // НАВИГУТ. 2007. № 1.

[2] *Кравченко С.А.* К методологическому оптимизму // *Он же.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире... С. 29–34.

[3] *Григорьев С.* Основы построения социологической теории жизненных сил человека: контекст развития культуры социальной жизни на пороге XXI века // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. С. 221–231.

[4] Приведено по: *Грин М.* Культура смерти // *Она же.* Папа Иоанн Павел II: Биография: Пер. с англ. М., 2007. С. 224.

Вставка 10

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ СМЕРТИ
РОССИЙСКИЙ ИДЕАЛ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИМФОНИИ

Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 20 сентября 2006 г.

«Культура жизни: идеология добрососедства»

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ

Александр Архангельский

Кто мы, откуда, куда и зачем 5

Олег Генисаретский

Жизнеспособность и наследие 8

Сергей Градировский

Будущая национальная идентичность 12

Этнический фактор в нациостроительстве 17

Александр Неклесса, Вадим Цымбурский

Культура жизни 28

Владимир Слуцкер

Национальные ценности и национальный вопрос 33

Виталий Третьяков

Бесхребетная Россия. Будущее Государства Российского как проблема 35

Валерий Федоров

Уроки Кондопоги 40

Кондопога, далее везде 42

Шариф Шукуров

Ксенофилия 45

«ДРУГИЕ» И «МЫ»

Дмитрий Андреев

Какая идеология нужна России? 52

Лев Аннинский

Нехазарские страсти 59

Сергей Арутюнов

О Кавказе с пристрастьем 63

Борис Дубин

Мы как данность 66

Россия и другие 68

Валерий Соловей

Трансформация русской идентичности и ее стратегические последствия 74

Валерий Тишков

Что провоцирует нетерпимость 79

Продолжение вставки 10

МИР И Мы
Александр Игнатенко
Кровавая дорога в рай 87

Алексей Малашенко
Сохранить идентичность 87
Борис Межуев
Метафора революции 89
Сергей Переслегин
Русский Мир: проектная составляющая 99
Найелл Фергюсон
Мир без гегемона 101

Источник: Журнал «Красная площадь». 2006. Том II. № 1. С. 3–4.

Мэг Грин – независимый журналист, перу которой принадлежат несколько опубликованных биографий известных представителей культуры, в своей книге о первом славянине на Святом престоле, Иоанне Павле II – папе римском – так комментирует особенности содержания «Евангелия Жизни» (первого послания от Святого престола, доступного в Интернете).

«В энциклике папа раскрывает свое печальное видение нынешнего мира, – поясняет Мэг Грин, автор биографии Иоанна Павла II. – Он отвергает стремление современного человечества абсолютизировать индивидуальную свободу и показывает, как аборты, противозачаточные средства и смертная казнь порождают то, что он называет «культурой смерти». Культура смерти внутренне противоречива. С одной стороны, она превозносит право и достоинства человеческого существа, о чем свидетельствуют конституции многих стран. С другой стороны, те же самые страны на практике не соблюдают права человека, допуская такие вещи, как смертная казнь, эвтаназия, пытки и не обоснованное лишение свободы.

Энциклика «Evangelium Vitae» не содержит ничего принципиально нового, но ясно выражает традиционно отрицательное отношение церкви к абортам и эвтаназии. По мнению Иоанна Павла II, в нашу эпоху смертная казнь едва ли вообще может быть оправдана. Он считает недопустимыми искусственную контрацепцию и искусственное оплодотворение, эмбриональные исследования и внутриутробные диагностические тесты – эти, по его выражению, замаскированные “евгенические аборты”[25]. Хотя Католическая церковь давно выступала против абортов и эвтаназии, ее позиция по данным вопросам впервые была облечена в авторитетную форму энциклики»[1].

[1] Приведено по: *Грин М.* Культура смерти // *Она же.* Папа Иоанн Павел II: Биография... С. 224–225. В тексте оставлены сноски автора на другие источники.

Последующие годы через трагические практики агрессии США, НАТО и многих других стран мира «культура смерти» и «культура войны» получила глобальный статус (смерть тысяч людей в Югославии 1999 года; смерть десятков, сотен тысяч людей в Ираке, начиная с 2003 года; ещё больше раненых, искалеченных, напуганных). Смерть от терроризма тоже собрала свой урожай в конце 90-х годов XX века, и в начале XXI века.

Учёные уделили пристальное внимание как феномену «культура смерти», так и феномену «культура войны».

В статье известного немецкого философа и политолога Юргена Хабермаса «Зверство и гуманность: Косовский конфликт в контексте современного миропорядка»[1], опубликованной в 1999 году (газета «Die Zeit», 1999, № 8; «Независимая газета», 1999, 2 июля), агрессия стран НАТО в Югославии (1999 год) рассматривается в контексте реальных проблем и противоречий мирового порядка XX века.

Общей доминантой, при всём академизме и аккуратности изложения, анализа агрессии стран НАТО в Югославии у Юргена Хабермаса через идеологию современного миропорядка (западного, евроатлантического, по Прокту Буша) выделен *императив бескомпромиссности*.

«Данный случай показывает, что нельзя считать, будто универсалистские оправдания всегда маскируют партикулярность не получивших признания интересов, – утверждает, справедливо по-моему, Юрген Хабермас. – Интерпретация нападения на Югославию в духе герменевтики подозрения также дает довольно скудный результат. (Герменевтика – наука и искусство истолкования письменных текстов и социальных фактов. – *Прим. пер.*) Для политиков, которым глобальное устройство оставляет мало простора внутри страны, использование силовой составляющей внешней политики может дать некий шанс. Но ни приписываемый США мотив сохранения и расширения сфер влияния, ни приписываемый НАТО мотив вхождения в новую роль, ни даже приписываемый «крепости Европа» мотив превентивной зашиты от иммиграционных волн не объясняют решения НАТО предпринять столь далеко идущее, рискованное и дорогостоящее нападение...

Под этим очень американским, то есть национальным, углом зрения определяемым нормативно ориентированной силовой политикой, сегодня должно быть понятно, что борьбу с Югославией следует продолжать прямолинейно и бескомпромиссно, невзирая на осложнения, а при необходимости – также с проведением наземных операций. Как бы там ни было, здесь есть одно достоинство – последовательность. Но что бы мы сказали, если бы однажды военный союз из другого региона – к примеру, азиатского – стал проводить политику вооруженной защиты прав человека, основывающуюся на совершенно другой их интерпретации – например, в духе международного права или Устава ООН?

---

[1] *Хабермас Ю.* Зверство и гуманность: Косовский конфликт в контексте современного миропорядка // Независимая газета. 1999. 2 июля. С. 8.

Одна грань проблемы состоит в том, что США, двигаясь в русле примечательной, как всегда, традиции и используя инструментарий прав человека, играют роль гегемонистского гаранта порядка. Другая грань – в том, что трудный переход от классической политики с позиции силы к мирогражданскому состоянию через пропасть нынешнего вооруженного конфликта мы понимаем как процесс обучения, с которым надо справиться сообща. Открывающаяся широкая перспектива также напоминает о необходимости большей осторожности. Самоуполномачиванию НАТО нельзя дать превратиться в правило»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Книга Ноама Хомского «Новый военный гуманизм: Уроки Косова» тоже вышла в 1999 году сразу же после разрушительных бомбардировок самолётами НАТО в Югославии. По существу, это исследование доминирующей роли «культуры смерти» и «культуры войны» в новом мировом порядке (Проект Буша) для XXI века на основе *императивов «безнаказанности» и «безответственности»*.

Н. Хомский тщательно исследовал ситуацию с обращением Югославии в Международный суд «с иском против стран НАТО, апеллируя при этом к конвенции, запрещающей геноцид. Суд определил, – констатирует Ноам Хомский, – что действия НАТО не подпадают под эту конвенцию, и счёл, что «стороны должны действовать, исходя из своих обязательств согласно “Хартии Организации Объединённых Наций”, которая недвусмысленно запрещает бомбардировки»[2]. Важно также и замечание Н. Хомского о том, что о сути решения Международного суда по поводу «интервенции и “гуманитарной помощи”[3] в 1999 году (для Югославии) в прессе даже не сообщалось»[4].

Концептуальное обеспечение и наработанные практики гарантированной безответственности и безнаказанности составляют в идеологии миропорядка (Проект Буша) мотивацию и динамику для «культуры смерти» и «культуры войны».

Эти механизмы доказательно представил в своём исследовании нового военного гуманизма (по евроатлантически, по западному) Ноам Хомский.

Вот как он комментирует ответ правительства США по поводу определений Международного суда в связи с иском Югославии к странам НАТО на основе конвенции о запрещении геноцида. «Особенно интересным был ответ правительства США, – поясняет Н. Хомский, – которое и представило неопровержимый юридический аргумент, принятый судом, о том, что его действия не подпадают под юрисдикцию суда. США действительно ратифицировали Конвенцию о запрещении геноцида, но после долгих проволочек и с оговоркой, согласно которой в случае, если в этом обвиняют их самих, то для рассмотрения дела необходимо особое согласие Соединенных Штатов»; и Соединенные

---

[1] *Хабермас Ю.* Зверство и гуманность: Косовский конфликт в контексте современного миропорядка... С. 8.

[2] *Хомский Н.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М., 2002. С. 269–270.

[3] Там же. С. 276.

[4] Там же.

Штаты отказываются дать свое «особое согласие», предусмотренное данной оговоркой. Правила Международного суда требуют, чтобы обе стороны признавали его юрисдикцию в данном конкретном деле, напомнил суду адвокат Джон Крук, однако США ратифицировали Конвенцию с тем условием, что ее действие фактически не будет распространяться на Соединенные Штаты. Quod erat demonstrandum[6]*.

Можно только добавить, что сама эта оговорка распространяется достаточно широко. США ратифицируют лишь немногие законодательные конвенции, касающиеся прав человека и связанных с ними вопросов, и, даже подписывая эти немногие, они настаивают на таких условиях и оговорках, которые по сути делают подобные конвенции неприменимыми в отношении Соединенных Штатов[7]»[1].

Теперь соединим вместе первые пять факторов (всего их будет восемнадцать), которые в разных сочетаниях, в разных взаимодействиях могут способствовать предотвращению возможной ядерной войны «социологически» (см. табл. 21).

Самый начальный анализ таблицы 21 позволяет, в осторожном предварительном плане, обозначить некоторые соображения.

1. Полное взаимодействие всех пяти факторов друг с другом образует сетевое пространство слабых взаимодействий, слабых связей, учитывая природу каждого фактора.

2. Первый постулат Кузнецова – *функционирование благожелательности и универсализма для всех* – сближает все пять факторов для **«синергетического складывания»** их потенциалов и накопления энергетики **внутри** компромиссного поля, в котором взаимодействуют субъекты предотвращения.

3. Первый смысловой императив структуры мироустройства (Проект России) – *концептуальная компромиссность* – обуславливает координацию всех пяти факторов (вместе и по отдельности) при взаимодействиях **вне** компромиссного поля в процессах адаптации к изменениям внешней среды, к воздействию стратегических рисков, к направленному противодействию со стороны сторонников «культуры смерти», «культуры войны».

4. Направленное воздействие всех пяти факторов вместе и по отдельности впервые позволяет использовать в целях влияния на другие стороны взаимодействий (в условиях неантагонистических и антагонистических противоречий) *слабые действия, слабые влияния, слабые смыслы с новыми свойствами: привлекательность игры с гарантированным исходом ненулевой суммы; обязательный и честный характер торга по поводу уступок и заключения сделок*.

5. Начинает выявляться скрытый до настоящего времени механизм получения дополнительной энергии внутри компромиссного поля при интериоризации (присвоении) результатов компромиссов с передачей энергии за границы компромиссного поля. Это свойство, возникающее в процессе взаимодействия

---

* Что и требовалось доказать (лат.) – *Прим. перев.*

[1] *Хомский Н.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова. С. 270. В тексте сохранены сноски автора на другие источники.

Таблица 21. **Первые пять «Факторов Кузнецова» социологического предотвращения возможности развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке**

Последовательность факторов	*Смысл факторов*
Первый Фактор	Новая фундаментальная теория компромиссности
Второй Фактор	Идеология мироустройства XXI века (Проект России)
Третий Фактор	Солидарная культура компромисса (по Богатурову) как опыт предотвращения возникновения ядерной войны в XX веке
Четвёртый Фактор	Стратегическая партнёрская культура компромисса
Пятый Фактор	Культура жизни как ведущая конструктивная сторона главного глобального противоречия XXI века «культура жизни – культура смерти»

«культуры жизни» и «культуры смерти» во время случайных, кратковременных «встреч»: соработничество, сосуществование (как кратковременных гибридов, конгломератов, симбиозов). Тем самым могут складываться энергетические основания для опережающих компромиссов, ориентированных на сферу проявления антагонистических противоречий.

В мировом научном дискурсе давно обсуждается вопрос, заданный А.А. Зиновьеву в первые годы XXI века, и его ответ. Вопрос был сформулирован так: «Считаете ли Вы, что Россия когда-нибудь сможет стать духовным лидером мира, в том числе Запада?»

Ответ Александра Александровича Зиновьева был, по смыслу, таким: «Да, это возможно. У России есть шанс *“переумнить”* Запад».

Похожий вопрос был задан Президенту России Владимиру Путину в ходе одной из встреч во время посещения Казахстана в первые годы XXI века.

Вопрос: «Какие Вы видите перспективы утверждения в глобальном масштабе мира, процветания и безопасности?»

Ответ Президента России Владимира Владимировича Путина был энергичным и неожиданным: «Умные всех стран, объединяйтесь!»

Практически во всех главах этого учебного пособия рассматриваются методологические, теоретические и эвристические аспекты становления нового не-Западного гуманизма XXI века. Его создают миллионы граждан во всех странах мира, которые в концептуальной основе гуманизма XXI века, в его практиках творят, создают своим интеллектом и трудом реальную и созидающую культуру жизни[1].

[1] *Кузнецов В.Н.* О смысле нового гуманизма XXI века: Становление нового гуманизма через формирование Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, нового мировоззрения и культуры компромисса // НАВИГУТ. 2007. № 1; *Он же*. О смысле нового гуманизма // Безопасность Евразии. 2007. № 2.

Именно необходимость создания незападного нового гуманизма в XXI веке обусловило, в значительной степени, инициирование и развёртывание в 2003–2005 годах *глобальной структурной гуманитарной революции, которая в настоящее время и в ближайшее будущее определяет многие особенности гуманитарных изменений во всех странах мира*[1].

В чём главная содержательная особенность этих двух феноменов?

Отвечу так: глобальная структурная гуманитарная революция XXI века проявляется, по-моему, в слабых взаимодействиях, в основном, и обусловливает динамику таких феноменов (через трансформацию их внутренней и внешней среды): культура жизни, смысл жизни, компромиссность, справедливость, доверие, мировоззрение, гуманизм, честность, свобода, ответственность, порядочность, счастье, солидарность, «культура смерти», доброжелательность, универсализм, диалог и т. д.

Развёрнутое определение категории **«глобальная структурная гуманитарная революция XXI века»**, в рабочем плане, может быть представлено так:

> *это процесс и результат изменений содержания и структуры мироустройства XXI века, всего миропорядка, оснований мировоззрения и гуманизма под воздействием слабых связей, слабых влияний, слабых рисков; начало доминирования во всех сферах жизнеобеспечения, во всех видах взаимодействий компромиссного, компромиссности, компромиссов.*

Для моего исследования *феномены «глобальная структурная гуманитарная революция XXI века»* и «новый гуманизм» (не-Западный) *основное своё участие проявляют как внешняя и внутренняя среда*, в условиях влияния которой разворачиваются реальные практики, ориентированные на социологическое предотвращение возможной ядерной войны XXI века.

По справедливому утверждению А.И. Неклессы «серьёзная трансформация мироустройства»[2] в XXI веке уже воспринимается как особая революция:

- «не исключено, – поясняет он, – масштаб перехода, который мы переживаем, значительнее. И определяет он не только серьёзные подвижки в политическом и экономическом мироустройстве и даже не только окончание эпох Модернити, но и цивилизационный сдвиг, социально-культурный переворот, который так или иначе затронет все стороны человеческого общежития, включая привычные системы ценностей»[3];
- особое «внимание вызывает мутация привычных форм государственности, – констатирует А. Неклесса. – Именно множественность перемен в данной сфере, а также генезис оригинальных версий миростроительства сви-

---

[1] *Кузнецов В.Н.* Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: Научный доклад для научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI» (Москва, 10 марта 2006 года). М., 2006; *Он же*. Российский геокультурный созидающий проект как смысловое ядро разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: Социологический аспект // Безопасность Евразии. 2007. № 1.

[2] *Неклесса А.* Государство и корпорация: Облик меняющегося мира в XXI веке определяют новые формы социальной организации // Независимая газета. 2007. 15 июня. С. 11.

[3] Там же.

детельствуют об «эволюционном скачке», культурном и цивилизационном транзите»[1];

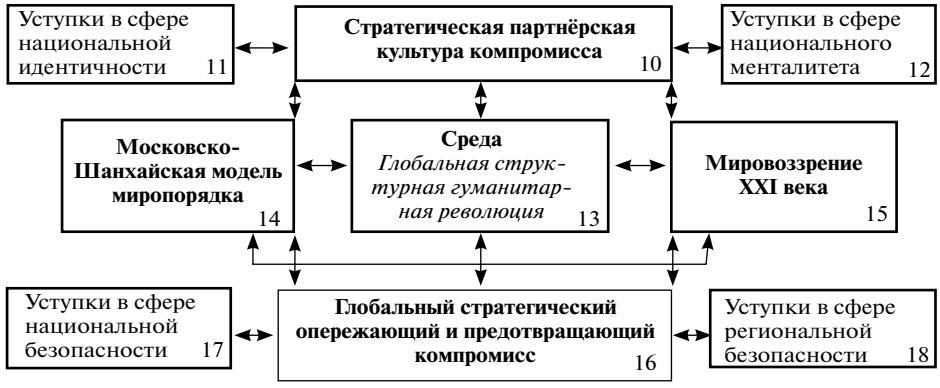
• практика «международных отношений национальных государств как исключительных акторов на мировой арене (inter-national relations) размывается, дополняется и преображается полифонией субъектов социального действия, прагматично ранжируемых в соответствии с тем уровнем влияния, который они оказывают на состояние и динамику мировой среды (intraglobal relations)»[2].

В становлении социологии безопасности и социологии компромисса этап оформленности специфического компромиссного социологического дискурса ключевое значение имеет устойчивое и динамичное влияние смысловой определённости нового мировоззрения XXI века.

Содержание такого влияния на конкретный компромисс, как я показал в главах, посвящённых «Позиции» субъекта компромисса; «Уступке», на которые готов идти субъект и которые он готов принять от другой стороны компромисса, – во многом определяется гносеологическими и ценностными установками по поводу Средств достижения Цели, философией Уступок (здесь тоже гносеологические и онтологические аспекты определения **части** чего-то значимого, что можно уступить без утраты идентичности, без деформации менталитета, без искажения воспринимаемой идеологии).

Рассмотрим более внимательно философский аспект уступок, которые обозначены на схеме 4 (уровни 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18). Я перенёс этот блок

Схема 13. **Социология становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (фрагмент)**

[1] *Неклесса А.* Государство и корпорация: Облик меняющегося мира в XXI веке определяют новые формы социальной организации // Независимая газета. 2007. 15 июня. С. 11.

[2] Там же.

на более подробную схему, чтобы можно было более чётко осмыслить влияние мировоззрения XXI века, компромисса, миропорядка, на среду компромиссности (см. схему 13).

Во-первых, необходимо обратить внимание на содержание Уступок (11, 12, 17, 18): для каждого субъекта компромисса что-то «уступить» своего, сокровенного от национальной идентичности, от национального менталитета, от национальной безопасности, от региональной безопасности (т. е. поступиться обязательствами перед партнёрами по НАТО, по ШОСу и т. д.) равносильно гражданскому позору и политическому самоубийству.

Поучительным примером может стать, по моему мнению, опыт попытки разрешить некомпромиссную ситуацию – это опыт некомпромиссного.

В ходе своего выступления 24 мая 2007 года (после выступления Президента России Владимира Путина в Мюнхене) в Хельсинской комиссии США Дэниел Фрид, помощник государственного секретаря по делам Европы и Евразии, предложил такое понимание «компромиссного»:

«Порой Россия кажется сложным партнером, но у нас есть много важных областей сотрудничества, в которых мы реализуем наши общие интересы, – так Д. Фрид обозначает логику компромиссного. – **Хотя наше партнерство, возможно, не является стратегическим, оно все же предполагает партнерские отношения по многим стратегическим вопросам.** Это и неудивительно, если учитывать наследие американо-советских отношений. 15 мая в Москве государственный секретарь США Кондолиза Райс указала, что нам надо проводить различие между отдельными разногласиями и нашим общим намерением работать вместе всякий раз, когда это возможно.

Администрация относится к России с реализмом, который присутствует и в целях нашего взаимодействия с ней. В лице России мы хотим видеть партнера по решению мировых проблем. **Мы хотим, чтобы Россия была сильной, но в том понимании которое соответствует требованиям XXI века:** с сильными и независимыми демократическими институтами в структуре государственного управления и за ее пределами, с сильным гражданским обществом, свободной прессой и действующей оппозицией, с сильным и независимым средним классом и классом предпринимателей. **Мы убеждены в универсальном характере силы свободы и не делаем для России исключения.**

В качестве тактического подхода мы предпочитаем сотрудничество. По мере возможности мы работаем сообща и всегда стремимся расширять масштабы этого сотрудничества, когда наши интересы пересекаются. **Но даем и задний ход, когда надо.** По возможности делаем это конфиденциально, при необходимости – публично. **Это относится к ситуациям, когда мы защищаем наши ценности, интересы и наших друзей**»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

[1] *Фрид Д.* Сотрудничество как тактический подход: В лице России Вашингтон хочет видеть партнера по решению мировых проблем // НГ Дипкурьер. 2007. 18 июня. № 10. С. 13.

В суждениях Д. Фрида чётко и внятно изложены требования, в его изложении, правительства США к содержанию и структуре Уступок в любых компромиссах: ключевые смыслы Уступок от России (например, как на уровнях 11, 12, 17, 18) только в их «понимании» (компромисса «по пониманию смыслов», по философии Уступок, по мировоззренческим основаниям – не будет, «исключений для России» – не будет).

И главное – область некомпромиссного: «наши ценности, интересы и наших друзей».

Иначе говоря, мировоззренческие основания компромиссов – это сфера для России некомпромиссная.

Во-вторых, похоже, что полноценные стратегические компромиссы с субъектами, которых Д. Фрид называет «нашими друзьями» принесли для США и его друзей странные итоги. В философском контексте (по Гегелю) их можно назвать *«хитростями мирового разума»*. В статье, посвящённой 200-летию российско-американских отношений, Михаил Маргелов, глава комитета по международным делам Совета Федерации России так обобщил результаты взаимодействия по линии «компромиссное – некомпромиссное» в мировоззренческих основаниях наших партнёров.

«Годы лидерства, вернее попыток гегемонии США, не улучшили управляемость международными процессами, – отметил М. Маргелов. – Основные режимы ослабли. Разговоры о необходимости реформы ООН стали общим местом. Конфликтность в мире возросла. В самих США считают, что бремя глобальной ответственности оказалось для страны непосильным. Ирак называют стратегической ошибкой. Указывают на военные трудности в Афганистане. **Эксперты высказывают мнение, что однополярный мир дал трещину. О подробностях нового миропорядка судить никто не берётся.** Сходятся лишь во мнении, что вполне вероятен общий хаос. **На фоне такого будущего конфронтация между Россией и США представляет глобальную угрозу**.

Нужен практичный подход к нашим отношениям, без чрезмерных уверений в дружбе. Есть такое верное наблюдение – чтобы идти одной дорогой, не обязательно идти в обнимку»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Поучительны и глубоки итоги размышлений о динамике миропорядка XXI века, которые изложены в статье А.И. Неклессы **«Современная Книга Перемен»** с подзаголовком: *Глокализация глобализации.* А опубликована статья в рубрике **«Миропорядок»** мартовского номера журнала «Политический класс» (2007. № 3).

Вот некоторые тезисы А.И. Неклессы.

• «...весь XX век прошел под знаком инициативного поиска нового миропорядка»[2];

---

[1] *Маргелов М.* Не обязательно идти в обнимку: Россия и США должны быть партнёрами // Российская газета. 2007. 17 июля. С. 9.

[2] *Неклесса А.* Современная Книга Перемен: Глокализация глобализации // Политический класс. 2007. № 3. С. 89.

• «В наши дни кризис усложнившегося и многомерного социокосмоса проявляется и в распространении поствестфальской идеологии суверенности индивидуального выбора (прав человека)...»[1];

• «...корпоративный конгломерат производит/продаёт... идею, перспективу, а вместе с ними – доверие, безопасность, борьбу за мир ... именно способность к освоению новизны, искусство преадаптации к ней предопределяют успех эволюции и долгосрочность существования в распахнутом мире»[2];

• «сегодня просматриваются два концептуальных подхода:

– системный и обезличенный, базирующийся на примате категориального обобщения феноменологии;

– целостно-конкретное мировидение, основанное на различении оригинальной природы, индивидуальности динамичных по своей сути антропологических ситуаций, их перманентной новизне, предельности и уникальности.

В первом случае планирование ведется, так сказать, "по Клаузевицу", а методология тяготеет к естественно-научной матрице организации знания/обоснования практики. Во втором – учитываются символизм социальной реальности, ее особая субъективная природа, критическая изменчивость, комплексность, психологизм, внедряются техники рефлексивного и персонализированного управления событиями.

Методология же познания и действия шаг за шагом, а порой и стремительно, обвально смещается на трансдисциплинарную и неклассическую позицию. Но, пожалуй, наиболее плодотворное приобретение – искусство синергийного сопряжения достоинств обоих подходов. И постижение открывающихся при этом глубин – методических и технологических следствий от введения в практику принципа умной антиномийности человеческих операций»[3].

Считаю, что именно в исследованиях А.И. Неклессы наиболее последовательно, оригинально и перспективно в современной мировой общественной науке представлены основные фундаментальные разработки, которые соединяют традиции XX века и новаторство XXI века в обосновании возможности и необходимости предотвращения уже готовящейся ядерной катастрофы XXI века (см. вставку 11).

Теперь, с учётом итогов исследований во всех предыдущих главах учебного пособия, рассмотрим взаимодействия и взаимосвязи первых двенадцати «Факторов Кузнецова» в формировании методологических и теоретических оснований социологического предотвращения возможности развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке (см. табл. 22).

---

[1] *Неклесса А.* Современная Книга Перемен: Глокализация глобализации // Политический класс. 2007. № 3. С. 91.

[2] Там же. С. 93.

[3] Там же. С. 96.

Вставка 11

Александр Неклесса
Современная Книга Перемен
Глокализация глобализации (фрагмент)

... Национальные проблемы в разные времена решались по-разному, и один из инструментов переломных периодов – искусство особого сорта интеллектуальной мобилизации и моральной реформации, когда удержание от зла, деградации и хаотизации имеет источник не вовне, а внутри страны и персоны. Потому сила верного действия, плодотворного порыва и умного слова – равно как живой мысли, опознающей актуальные обстоятельства, а не вложенного «матрицей» в общественное сознание формального «кластера», – из числа могучих средств возрождения страны и нации, трайсформации мира.

Цивилизационная и национальная идентичности базируются на господстве определенного мировоззрения, претворяемого в энергии миростроительства, что находит выражение в историческом и политическом проекте. Подобный проект основывается на верной оценке исторической ситуации, талантливой доктрине, рассматривающей идеальные и практические цели, средства для их достижения, а также – «этапы большого пути», выражением чего служит национальная стратегия государства. Мировоззрение нации отражается в ее основном земном документе, сводящем воедино основополагающие принципы и нормы, определяющем национальное жизнеустройство, – конституции. Конституция содержит постулаты, очерчивающие признанную систему ценностей, законодательные принципы (юридический образ нации), утверждает политические основы существования общества и государства.

Подобное хозяйство, конечно же, требует соответствующего интеллектуального обустройства, выверенного социального и гуманитарного инструментария, адекватного исторической и политической ситуации.

И еще об одном обстоятельстве, проявляющемся в российской истории то как ресурс, то как обременение, хотелось бы упомянуть особо.

Что я имею в виду? В общем, упомянутую в начале статьи тривиальную тезу: фронтирный, евразийский характер страны, который, естественно, понимаю не географически и, пожалуй, даже не традиционно дихотомически, а как соприсутствие в одном социальном организме наряду с зерном оригинального российского мирополагания достаточно различных мировоззренческих кодов – азиатского, западноевропейского, византийского, причем в русифицированных и модифицированных ипостасях. Другими словами, краеугольная проблема исторической России – ее цивилизационная кентавричность, комплексность, противоречивость социальной ткани. Из чего проистекают и различное прочтение политической философии, и конфликтующие способы управления, и даже несовпадающие концепции правящего класса.

Источник: *А.И. Неклесса*. Современная Книга Перемен: Глокализация глобализации // Политический класс. 2007. № 3. С. 95.

Таблица 22. **Первые двенадцать «Факторов Кузнецова» социологического предотвращения возможности развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке**

Императивы мироустройства (Проект России)	*Последовательность факторов*	*Смысл факторов*	*Постулаты Московско-Шанхайского миропорядка: Правила Игры Повестки Дня на XXI век*
1. Концептуальная компромиссность	Первый Фактор	Новая фундаментальная теория компромиссности	**1. Благожелательность и Универсализм для Всех**
	Второй Фактор	Идеология мироустройства XXI века (Проект России)	
	Третий Фактор	Солидарная культура компромисса (по Богатурову) как опыт предотвращения возникновения ядерной войны в XX веке	
	Четвёртый Фактор	Стратегическая партнёрская культура компромисса	
	Пятый Фактор	Культура жизни как ведущая конструктивная сторона главного глобального противоречия XXI века «культура жизни – культура смерти»	
2. Новый (не-Западный) гуманизм XXI века	Шестой Фактор	Глобальное интеллектуальное лидерство России в XXI веке	**2. Культура компромисса как солидарная культура компромисса, как стратегическая артнёрская культура компромисса**
	Седьмой Фактор	Роль Российского Геокультурного Созидательного Проекта XXI века – Возрождения России	
	Восьмой Фактор	Общенациональная Цель России во взаимодействии с Целями развития тысячелетия	
	Девятый Фактор	Практика и теория организации внутренней и внешней среды под влиянием глобальной структурной гуманитарной революции XXI века	
	Десятый Фактор	Традиции и новаторство в становлении нового мировоззрения XXI века	
	Одиннадцатый Фактор	Политическая философия модели мироустройства (Проекта России)	
	Двенадцатый Фактор	Единство компромиссности и справедливости как главная сущностная доминанта Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (Концепция Кузнецова)	

Я начну изучение взаимодействий и взаимосвязей двенадцати Факторов с тезиса о том, что сформулированные ранее мною пять тенденций взаимодействий для первых пяти факторов (см. табл. 21) актуальны и применимы для новой их конфигурации.

Новые свойства я изложу в пяти тезисах.

1. Энергетическим и волевым центром (ядром) сетевых взаимодействий первых двенадцати Факторов является восьмой, который вводит в Правила Игры при формировании Повестки Дня всему миру чёткое формулирование универсального исходного момента в развёртывании глобальной деятельности по социологическому предотвращению глобальной ядерной войны XXI века сторонниками «культуры жизни».

Генератор энергии, источник благородной и созидательной воли – это Общенациональная Цель России: достойная жизнь каждого человека; это Цели развития тысячелетия: достойная жизнь каждого человека, всех народов.

Подтверждением моих соображений могут послужить итоги ежегодного мирового исследования Института Гэллапа (The Gallup Organization) 2007 года в рамках мирового мониторинга Gallup World Poll: опрос осуществляется в 130–140 странах мира по единой методике и позволяет создать и поддерживать полную и доказательную картину мирового общественного мнения с учётом всех главных аспектов жизни человека, семьи, народа, страны в контексте прошлого, настоящего и будущего.

Надежда Кеворкова, которая прокомментировала итоги исследования Gallup World Poll на страницах августовского специального номера журнала «Смысл» (он посвящён семи проблемам наиболее актуальным для настоящего и будущего России – имеет на обложке смысловой девиз: **«МИРОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ»),** обратила особое внимание читателей на *обретение населением России склонности и потребности в рефлексии.*

«Целых 75% россиян ответили положительно на мировоззренческий вопрос: **“Чувствуете ли вы, что у вас в жизни есть важная цель, что ваша жизнь значима?”, –** констатирует Н. Кеворкова. – Больше всего значимость своей жизни ощущают **25–34-летние (94%)** и зрелые люди **84% из возрастной группы 35–49 лет).** Причём между мужчинами и женщинами, верующими и неверующими большой разницы в целеполагании нет»[1]. (Выделено мною. – *В.К.)*

Вот именно с такими людьми в России, во многих других странах, которые «считают свою жизнь значимой и видят в ней смысл»[2], связываю я все двенадцать Факторов, способствующих социологическому предотвращению возможной ядерной катастрофы и динамику, энергетику, волю, гибкость, настойчивость и цепкость в утверждении «культуры жизни», культуры компромисса.

2. Второй постулат Кузнецова – *функционирование культуры компромисса как солидарной культуры компромисса (по Богатурову) как стратегической пар-*

[1] *Кеворкова Н.* Разрушая стереотипы: Страна глазами Института Гэллапа // Смысл. 2007. № 11. 1–31 августа. С. 22.

[2] Там же.

тнёрской культуры компромисса – формирует новое *«синергетическое складывание»* воли, энергетики, интеллекта через **насыщение внутри компромиссного поля** новых Правил Игры смыслами компромиссного, а глобальной Повестке Дня для мирового сообщества – формулирует и внедряет ориентацию на Игру с ненулевой суммой.

3. Второй смысловой императив структуры мироустройства (Проект России) – *новый (не-Западный) гуманизм XXI века* – содействует и поощряет объединение через первые двенадцать Факторов (см. табл. 22) многих миллионов людей (*рефлексирующих, ответственных, сомневающихся, креативных)* для совместной антивоенной, достойной гуманитарной работы через традиции гуманизма, через самоидентификацию и менталитет реальных людей, которые с учётом современной мобильности (путешествия, командировки, новая работа), новые скоростные коммуникации уже объединены горизонтальными сетевыми взаимодействиями, которые, однако, слабо мотивированы приемлемыми для всех благородными смыслами – сохранение и защита жизни, мир и благополучие, справедливость, доверие, благожелательность, универсализм.

Такими смыслами насыщает взаимодействия людей вне компромиссного поля через все двенадцать Факторов второй императив мироустройства (Проект России).

Примером реального функционирования второго императива в сфере предотвращения возможной ядерной катастрофы XXI века может служить «Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», подписанный на Саммите Шанхайской организации сотрудничества 16 августа 2007 года.

Значительность Договора определяется двумя ситуационными аспектами: **во-первых,** впервые саммит ШОС с участием всех шести глав государств-участников ШОС – Киргизии, России, Китая, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана; всех четырёх руководителей стран-наблюдателей ШОС – Президента Ирана Махмуда Ахмадинежада, Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедова, Главы Афганистана Хамида Карзая и Лидера Монголии Намбарына Энхбаяра.

Во-вторых, в составе населения мира, по состоянию на Август 2007 года, в странах-участниках ШОС и в странах – наблюдателей ШОС проживает 2 816 миллионов человек[1].

А по содержанию «долгосрочных» договорённостей *на Саммите ШОС 2007 года в Бишкеке фактически оформился новый (не-Западный) гуманизм XXI века*. Его конкретизацией стали обсуждения конкретных рабочих вопросов: об учреждении общего Университета и Шанхайской организации здравоохранения[2].

Есть ещё один важный аспект влияния уже сложившегося второго императива – *нового (не-Западного) гуманизма XXI века* – мироустройства (Проект России) на глобальные Правила Игры.

---

[1] Известия. 2007. 17 августа. С. 2.

[2] Там же.

Оформилась новая реальность: через новый (не-Западный) гуманизм все двенадцать Факторов (см. табл. 22) активно влияют как на создание Правил Игры для глобальной Повестки Дня мировому сообществу в XXI веке, так и на их корректировку, трансформацию.

Многие в мире: социологи, политологи, философы, историки, экономисты обратили самое серьёзное внимание на замечание Президента России Владимира Путина, сделанное им на пресс-конференции в Кеннебанкпорте (США) летом 2007 года: **«Карты сданы, можно начинать игру… И очень хотелось бы, чтобы мы играли в одну игру»**[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

Проницательные теоретики и технологи, ориентированные на идеологию и политическую философию западного, евроатлантического мироустройства, миропорядка (Проект Буша) мгновенно, чётко и резко отреагировали на практику и теорию формирования новых Правил Игры, новой Повестки Дня всему мировому сообществу – предотвращения возможной ядерной катастрофы в XXI веке. Известный специалист, заместитель директора Дейвис – центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета, профессор, автор подготовленной к печати книги «Нефть, Путин и власть» Маршалл Голдман опубликовал уже в августовском номере «Независимой газеты» статью с поучающим названием: **«Россия играет не по правилам G8».**

Напомню читателям, прежде чем привести конкретный и поучительный тезис Маршала Голдмана, что в новых, не-Западных, Правилах Игры, ориентированных на «культуру жизни» утверждаются правила игры с ненулевой суммой, когда **победить должны обязательно все участники игры.** *Это культура компромисса.*

«Однако по мере самоутверждения Россия перебарщивает, ее новообретенное чувство гордости переходит допустимые границы, – чётко констатирует Маршалл Голдман. – Рискуя подвергнуться критике за очередное нравоучение, все же укажу, что внешнему миру поведение России представляется чрезмерно провокационным и ожесточенным. **Это даже заставило некоторых сторонников России задаться вопросом, соответствует ли страна критериям членства в «большой восьмерке».** Целая серия событий воспринимается как «нецивилизованные» акции, при которых всесилие закона трансформировалось в закон в руках правителей. **В результате усиливаются общие опасения относительно дальнейшего курса России.** Безусловно, в каждом споре всегда есть две стороны. Но как же можно игнорировать контракты и захватывать собственность у Dutch Shell и BP (даже если это связано с возвращением российских природных ресурсов)? **Это, похоже, доказывает, что Россия еще не готова играть по правилам G8.**

В свете сказанного рисуются мрачные перспективы. Конечно, мировые лидеры всегда могут преподнести сюрприз. Кто бы мог подумать, что Владимир Путин и Джордж Буш станут близкими друзьями? Но к ноябрю 2008 года практически в каждой стране, входящей в «большую восьмерку», руководитель

[1] Приведено по: *Лукьянов Ф.* Игра в мировой порядок: Начнётся ли стратегический диалог между Россией и США // Время новостей. 2007. 4 июля. С. 1.

будет либо совершенно новый, либо проведет к тому времени на посту менее двух лет. Возможно, это хорошая новость. И все же, поскольку практически все новоизбранные лидеры Запада более критично, чем их предшественники, смотрят на Россию и Путина, напряженность между Востоком и Западом усилится. Кроме того, велика вероятность, что преемники Буша и Путина будут проводить более жесткую линию по отношению к России и США соответственно»[1]. (Выделено мною. – *В.К.*)

4. Новое качество, в масштабе взаимодействий двенадцати Факторов формируется под совместным воздействием двух Постулатов и двух Императивов через внутреннюю и внешнюю среду пространства компромиссного (через объединяющий Постулаты и Императивы Фактор 9). Речь идёт, прежде всего, о Факторах 1, 2, 5, 10, 11 (идеология, политическая философия, социологическая теория компромиссности, культура жизни, новое мировоззрение).

Суть нового качества – становление Нового мировоззрения XXI века, которое вместе с новым (не-Западным) гуманизмом формирует и духовные, нравственные основания мироустройства (Проект России) и новую Московско-Шанхайскую модель миропорядка XXI века.

5. Самый предварительный анализ взаимодействий двенадцати Факторов (табл. 22) выявляет и недостаточность самокритичной и самоироничной доминанты (социологии социологии компромисса), вектора играизации (философии социологии компромиссности), а также критики критики компромиссного (компромисса дуальной позиции и дуальной оппозиции).

Создание пространства методологий, концепций, технологий компромиссного, компромиссности, компромиссов – это важная и востребованная научная и практическая деятельность для тысяч учёных. Но в результатах их работы заинтересованы миллионы людей во всех странах мира, которые уже ощутили, которые убеждены – именно компромиссы в XXI веке могут сохранить и обеспечить культуру жизни, именно компромиссы могут наиболее эффективно содействовать предотвращению возможной ядерной катастрофы.

Актуальная и общая первая задача – молодым людям, зрелым и пожилым важно овладеть основами осуществления компромиссов: сегодня здесь, в сфере образования и самообразования необходимо проявить волю, энергию, настойчивость в овладении технологиями и механизмами компромиссов.

Вторая задача – воспитание в самом человеке умений и навыков применения уже имеющегося опыта поиска компромиссов, стремления и профессионализма в реализации уже освоенных знаний (см. рис. 16).

Теперь оформилась вся совокупность основных факторов (восемнадцать), которые, по моему мнению, могут, при наличии энергии и воли, в условиях конкретного времени и размерности масштаба обеспечить необходимую динамику компромисса, способного содействовать эффективному предотвращению

[1] *Голдман М.* Россия играет не по правилам G8: Отношения между Востоком и Западом после выборов могут осложниться // Независимая газета. 2007. 9 августа. С. 3.

Рисунок 16. **Структура влияния человеческого фактора в анализе рисков**

Источник: *Фролов К.В., Махутов Н.А.* Научные разработки по анализу риска и проблем безопасности // Стратегические риски чрезвычайных ситуаций: оценка и прогноз. М., 2003. С. 35.

рисков, угроз и опасностей готовящейся сторонниками «культуры смерти», «культуры войны» ядерной катастрофы (см. табл. 23).

Взаимодействие Восемнадцати факторов осуществляется под влиянием трёх постулатов (добавляется к предыдущим схемам – пять, двенадцать – третий: культура безопасности через культуру предотвращения) и трёх императивов (добавляется третий: справедливость как стратегическая идея для России и всего Мира).

Предварительный анализ показателей таблицы 23 может быть представлен в тезисной форме в такой последовательности.

1. Выводы, сделанные ранее для конфигураций пяти и двенадцати Факторов (см. табл. 21 и табл. 22), актуальны и применимы для их взаимодействий (восемнадцать Факторов), представленных на таблице 23.

2. Третий постулат (культура безопасности через культуру предотвращения), прежде всего, увеличивает энергетику второго и первого постулата, так как конституирует новую концептуальность для глобальных Правил Игры в сфере безопасности. Теперь оформляется новая стратегия безопасности, ориентированная

Таблица 23. **«Восемнадцать факторов Кузнецова» социологического предотвращения возможности развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке**

Императивы мироустройства (Проект России)	*Последовательность факторов*	*Смысл факторов*	*Постулаты Московско-Шанхайского миропорядка: Правила Игры Повестки Дня на XXI век*
1. Концептуальная компромиссность	Первый Фактор	Новая фундаментальная теория компромиссности	**1. Благожелательность и Универсализм для Всех**
	Второй Фактор	Идеология мироустройства XXI века (Проект России)	
	Третий Фактор	Солидарная культура компромисса (по Богатурову) как опыт предотвращения возникновения ядерной войны в XX веке	
	Четвёртый Фактор	Стратегическая партнёрская культура компромисса	
	Пятый Фактор	Культура жизни как ведущая конструктивная сторона главного глобального противоречия XXI века «культура жизни – культура смерти»	
2. Новый (не-Запад-ный) гуманизм XXI века	Шестой Фактор	Глобальное интеллектуальное лидерство России в XXI веке	**1. Культура компромисса как солидарная культура компромисса, как стратегическая партнёрская культура компромисса**
	Седьмой Фактор	Роль Российского Геокультурного Созидательного Проекта XXI века – Возрождения России	
	Восьмой Фактор	Общенациональная Цель России во взаимодействии с Целями развития тысячелетия	
	Девятый Фактор	Практика и теория организации внутренней и внешней среды под влиянием глобальной структурной гуманитарной революции XXI века	
	Десятый Фактор	Традиции и новаторство в становлении нового мировоззрения XXI века	
	Одиннадцатый Фактор	Политическая философия модели мироустройства (Проекта России)	
	Двенадцатый Фактор	Единство компромиссности и справедливости как главная сущностная доминанта Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (Концепция Кузнецова)	

Продолжение таблицы 21

3. Справедливость как стратегическая идея для России и всего Мира	Тринадцатый Фактор	Экономика справедливости и компромиссности, их выгодность и полезность на основе этики компромиссности, экологической этики.	**3. Культура безопасности через культуру предотвращения для каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации**
	Четырнадцатый Фактор	Компромиссность как кооперативность и коммунитарность	
	Пятнадцатый Фактор	Технологии и механизмы компромиссности через самокритику	
	Шестнадцатый Фактор	Практики глобального гуманитарного стратегического компромисса как деятельность человека «жизнелюбивого, компромиссного, самокритичного, играющего»	
	Семнадцатый Фактор	Новая фундаментальная методология созидающего компромисса через критику критики компромиссного как деятельность человека рефлексирующего, сомневающегося, ответственного	
	Восемнадцатый Фактор	Воспитание потребности и умений искать компромиссы и осуществлять их	

на опережение и предотвращение: это позволяет впервые в мировой истории вовлечь в сферу безопасности миллионы людей на условиях соучастия и соработничества при полной прозрачности взаимодействий. Тем самым складываются возможности преодоления преступного манипулирования интересами личной и национальной безопасности, закрывая процедуры, ресурсы, технологии, смыслы и результаты завесой секретности.

3. Третий императив «освобождает» великий смысл справедливости от деформаций разработчиков правил игры для западной модели мироустройства и миропорядка, в его новой евро-атлантической модели 2005–2007 годов. Их методологическая тайна: разобщение справедливости и компромиссности; наполнение содержания справедливого смыслами западного гуманизма, насыщенного «культурой смерти»; отделение справедливости от Целей развития тысячелетия (Саммит 2000).

4. Время и пространство компромиссного как пространство действий и соработничества многих тысяч людей обрело интеллектуальную определённость нового (не-Западного) гуманизма с *определившимся Субъектом: это Человек*

жизнелюбивый, компромиссный, самокритичный, играющий, рефлексирующий, сомневающийся и ответственный.

5. Восемнадцать Факторов, три Постулата, три Императива показывают ориентиры чему и как учить людей, овладевающих методологией, теорией, технологией, механизмами компромиссности, справедливости и предотвращения.

Контрольные вопросы

1. Что значит осуществлять предотвращение опасности ядерной катастрофы XXI века «социологически»?
2. Почему Миссия социологии в инициировании развёртывания движения за мир и безопасность в XXI веке необходима и востребована?
3. Как можно обосновать статус социологии безопасности как самостоятельной научной дисциплины?

Литература

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.
Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007.
Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.
Добреньков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006.
Безопасность России в XXI веке. М., 2006.
Капто А.С. Энциклопедия Мира. М., 2005.
Этциони М. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004.
Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебник. М., 2003.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость и важность социологического изучения состояния и динамики безопасности человека, семьи, народов, общества и государства в XXI веке стремительно возрастают с каждым годом.

Достаточно чётко в 2007 году обозначилось главное назначение социологии безопасности – содействовать сохранению и развитию жизни каждого человека, его достоинству, благополучию, достижению и упрочению им справедливости и счастья.

Реальностью можно назвать и совершенно новый запрос от самого человека ко всей глобальной сфере обеспечения безопасности – практически каждый человек претендует сегодня на эффективную личную безопасность, каждый человек хотел бы сам участвовать в обеспечении как своей безопасности, так и безопасности семьи, народа, общества и государства, современной цивилизации.

Актуальным и уникальным запросом общества и социологии безопасности в 2007 году стала востребованность к Особой Миссии Социологии: содействовать в развёртывании глобального движения за Мир и Безопасность, за Предотвращение возможной ядерной войны XXI века, которая уже готовится сторонниками «культуры смерти», о чём весь мир в начале 2007 года предупредили 18 нобелевских лауреатов.

Плодотворный и увлекающий глобальный научный социологический дискурс по вопросам обеспечения безопасности каждого человека в XXI веке, по особенностям современного мироустройства (Проект России) и Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (Концепция Кузнецова), по инициированию социологического предотвращения возможной ядерной катастрофы осуществился на основе научных разработок социологов, философов, экономистов, политологов, экологов, юристов России.

Важно умно, профессионально, творчески и настойчиво, энергично развивать методологию, теорию социологии безопасности, её технологии, осмысливать многообразные практики.

Социология безопасности нужна сегодня и завтра всем.

Социология безопасности востребована.

УЧЕБНЫЙ, НАУЧНЫЙ И СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

Основные работы автора по теме учебного пособия 395
Общая литература 398
Перечень таблиц, вставок, схем и рисунков в тексте 410
Основные понятия в тексте 413
Аннотация учебного пособия 423

Основные работы автора по теме учебного пособия

Авторские книги, книги с соавторами, разделы в коллективных монографиях

Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебное пособие. М., 2007.

Социология социальной сферы:Учеб. пособие/ Под ред. М.М. Акулич, В.Н. Кузнецова. М., 2007. (Авт. статей в пособии В.Н. Кузнецов.)

Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007.

Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века / Коллектив авт.; Ред.-сост. и авт. разделов В.Н. Кузнецов. М., 2006.

Кузнецов В.Н. Социология мироустройства XXI века (Проекта России): традиции и новизна. М., 2007.

Kuznetzov V. Foundations of Geoculture: Sociology of Geocultural Dynamics of Security in World 21: Culture – Network. M., 2006. = *Кузнецов В.Н.* Основания геокультуры: Социология геокультурной динамики безопасности в Мире 21: Культура – Сеть / РАН. Ин-т соц.-полит. исслед. М., 2006. 436 с. На англ. яз.

Безопасность России в XXI веке / Руководитель Межвед. н.-и. проекта и авт. статей В.Н. Кузнецов. М., 2006.

Безопасность Евразии 2004: Энциклопедический словарь-ежегодник / Авт. Идеи и Концепции, руководитель Проекта и авт. статей В.Н. Кузнецов. М., 2006.

Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). М., 2005.

Кузнецов В.Н. и др. Юбилей Великой Победы: Материалы к научной конференции «60 лет Победы в Великой Отечественной войне» / В.Н. Кузнецов, В.Н. Иванов, В.К. Сергеев. М., 2005.

Архангельский В.Н. и др. Стратегия демографического развития России / В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, В.Н. Кузнецов, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев. М., 2005.

Кузнецов В.Н. Идеология: Социологический аспект: Учебник. М., 2005.

Кузнецов В.Н. Социология идеологии: Курс лекций. М., 2005.

Становление евразийской безопасности / Коллектив авт.; Ред.-сост. и авт. разделов В.Н. Кузнецов. М., 2005.

Гуманитарный стратегический манёвр / Коллектив авт.; Ред.-сост. и авт. разделов В.Н. Кузнецов. М., 2004.

Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века. М., 2004.

Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура – Сеть. М., 2003.

Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебник. М., 2003.

Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. М., 2002.

Кузнецов В.Н. Культура безопасности: Социологическое исследование. М., 2001.

Тематические выпуски альманах «НАВИГУТ» и отдельные доклады

Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века: Становление нового гуманизма через формирование Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, нового мировоззрения и культуры компромисса // НАВИГУТ. 2007. № 1.

Кузнецов В.Н. Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект: *Доклад для научной ежегодной сессии авторов и участников* Научно-издательского проекта «Безопасность Евразии», Москва, декабрь 2006 г. // НАВИГУТ. 2006. № 3.

Кузнецов В.Н. Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: Научный доклад для научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI», Москва, 10 марта 2006 г. М., 2006.

Кузнецов В.Н. Социология разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: Геокультурный аспект // НАВИГУТ. 2006. № 2.

Кузнецов В.Н. Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: Геокультурный аспект: Доклад научной ежегодной сессии авторов и участников Научно-издательского проекта «Безопасность Евразии», Москва, 12 окт. 2005 г.: Для обсуждения. М., 2005.

Кузнецов В.Н. Общенациональная цель: Безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук: О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской социологии в XXI веке: Для обсуждения. М., 2004.

Кузнецов В.Н. Безопасность, благополучие человека, семьи, государства: Доклад на общем собрании Отделения общественных наук РАН, 15 декабря 2003 г. // Безопасность Евразии. 2004. № 1.

Статьи

Кузнецов В.Н. О социологии смысла Глобального Геокультурного Гуманитарного Проекта Мира XXI века (Проекта Путина): Преемственность и новизна // Безопасность Евразии. 2007. № 3.

Кузнецов В.Н. Теория опережающего компромисса // Безопасность Евразии. 2007. № 2.

Кузнецов В.Н. К единению народов России через культуру компромисса во имя достоинства, благополучия и безопасности каждого человека; справедливости и счастья для Всех: Послание самим себе как Повестка Дня для России 2007–2017 годов // Безопасность Евразии. 2007. № 1.

Кузнецов В.Н. Культура компромисса: О Смыслах Повестки Дня для Президента Страны – 2008 и Каждого Гражданина в России // Безопасность Евразии. 2006. № 4.

Кузнецов В.Н. О новой миссии социологии в трансформации общественных наук // Безопасность Евразии. 2006. № 3.

Кузнецов В.Н. Новая Московско-Шанхайская модель мира XXI века в контексте единой гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной): Социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 2.

Кузнецов В.Н. Российский геокультурный созидающий проект как смысловое ядро разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: Социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 1.

Кузнецов В.Н. Становление евразийской безопасности как основание глобальной безопасности XXI века: Социологический, геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2005. № 4.

Кузнецов В.Н. Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: Геокультурный аспект: Статья вторая // Безопасность Евразии. 2005. № 3.

Кузнецов В.Н. Общенациональная цель как фундаментальная проблема социологии // Социологические исследования. 2005. № 4.

Кузнецов В.Н. Социология идеологической культуры и миссия российской социологии в XXI веке // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

Кузнецов В.Н. Социология гуманитарных инноваций: О необходимости и возможности строительства российской гуманитарной инновационной сети (РИГИС) // Безопасность Евразии. 2004. № 4.

Кузнецов В.Н. Социология Победы // Безопасность Евразии. 2004. № 2.

Кузнецов В.Н. Социология формирования российской идеологии 21: геокультурный аспект: Статья третья // Безопасность Евразии; 2004. № 1.

Кузнецов В.Н. Социология культуры идеологического компромисса: геокультурный аспект: Статья вторая // Безопасность Евразии. 2003. № 4.

Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект: Статья первая // Безопасность Евразии. 2003. № 3.

Кузнецов В.Н. Преодоление фундаментального противоречия между свободой человека и его безопасностью: проблемы, тенденции и противоречия // Безопасность Евразии. 2003. № 2.

Кузнецов В.Н. Геокультура как гуманитарная парадигма XXI века // Безопасность Евразии. 2002. № 4.

Общая литература

Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х. и др. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями: Пер. с англ. М., 2002. 192 с.

Аверьянов Л. Власть и общество: Контент-анализ текстов Посланий Президента Федеральному Собранию РФ. 2000–2006 гг. // Безопасность Евразии. 2006. № 4.

Алексий II Патриарх Московский и всея Руси. Войдите в радость Господа своего: Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. 256 с.

Альянс цивилизаций: Доклад Группы высокого уровня, 13 ноября 2006 г., ООН, Нью-Йорк // Безопасность Евразии. 2007. № 2.

Аналионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: Единый и разделённый: Эволюция теории глобализации. М., 2005. 676 с.

Аннан К. Глобальная стратегия борьбы с терроризмом: Программная речь Генерального секретаря ООН на заключительном пленарном заседании Международной встречи на высшем уровне по вопросам демократии, терроризма и безопасности (Мадрид, Испания, 10 марта 2005 г.) // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

Аннан К. При большей свободе: К развитию, безопасности и правам человека для всех: Доклад Генерального секретаря 21 марта 2005 г. // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

Аннан К. Пять уроков // Независимая газета. 2006. 31 декабря.

Аннан К. Мы, народы: Роль Организации Объединённых Наций в XXI веке // Безопасность Евразии. 2000. № 1.

Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. 2005. № 1.

Архангельская Н. Конец демократии, или Государство любителей зелёного чая (Беседа с С. Переслегиным) // Эксперт. 2006. № 48. 25–31 декабря.

Архангельская Н. В поисках справедливости (Беседа с С. Переслегиным) // Эксперт. 2006. № 1–2, 16–22 января.

Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кузнецов В.Н., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Стратегия демографического развития России. М., 2005. 208 с.

Аузан А.А. Договор – 2008. М., 2008. 152 с.

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: Конец или новое начало? М., 2005. 708 с.

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. 448 с.

Байкова В. Философия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Статья вторая: Феномен Сталинградской битвы: События. Люди. Истоки победы // Безопасность Евразии. 2004. № 2.

Бачинин В.А. Социология: Академический курс. СПб., 2004. 871 с.

Безопасность человека сегодня: Комиссия по безопасности человека. Нью-Йорк, 2003. 166 с.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования: Пер. с англ. М., 1999. 956 с.

Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма: Новая всемирнополитическая экономия. М., 2007. 464 с.

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. 304 с.

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Сидельника и Н. Фёдоровой; Послесл. А. Филиппова. М., 2000. 384 с.

Бельков О. Национальное и национализм // Безопасность Евразии. 2005. № 4.

Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. 288 с.

Бжезинский З. Как строить отношения с Россией // Pro et Contra. Зима – весна 2001.

Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. 256 с.

Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1989. 256 с.

Блэр Т. Битва за глобальные ценности. Корни экстремизма // Время новостей. 2007. 14 февраля. С. 6.

Богатуров А. Настоящая доктрина // НГ – Дипкурьер, 2007. 28 мая. № 9.

*Богатуров А.*Принцип согласия на взаимную уязвимость подорван // НГ Дипкурьер. 2007. 16 апреля. № 7.

Богатуров А. Усталость от американской ответственности // Независимая газета, 2006. 11 сентября. С. 3.

*Богатуров А.*Первый порядок эпохи ядерного оружия // Независимая газета, 2005. 20 июля. С. 11.

Бойков В.Э. Народ и власть: Результаты социологического мониторинга: 1999–2005 гг. М., 2006. 174 с.

Бойков В. Историческая память российского населения: Состояние и проблемы формирования // Государственная служба. 2002 № 1.

Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам / Организация Объединённых Наций // Безопасность Евразии. 2005. № 1.

Будет ли Америка воевать с Россией? // Комсомольская правда. 2007. 17 июля. С. 14–15.

Бузгалин А.В. Ренессанс социализма: Курс лекций, прочитанных в Молодёжном университете современного социализма. М., 2003. 512 с.

Бызов Л.Г. 2008 год: «Преемник» и преемственность курса В. Путина по результатам исследований ВЦИОМ в 2005–2006 гг. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2006. № 4.

Быков П. Ни Ялты, ни Тегерана // Эксперт. 2007. № 1–2. 15–21 января.

Быков П., Громов А. От постсоветского к антисоветскому // Эксперт. Специальный выпуск. 2006. 25–31 декабря.

Быков П. Настоящая Россия // Эксперт. 2006. № 1–2, 16–22 января.

Ваганов А. ГРИДёт сетевая революция // Независимая газета. 2002. 1 января.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006. 248 с.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. 368 с.

Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. 256 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: Пер. с англ. СПб., 2001. 416 с.

Владиславлев А. Станет ли Россия мировым перекрёстком безопасности // Трибуна. 2006. № 10. 17 марта.

Волков А., Привалов А. Апология чиновного капитализма // Эксперт. 2006. № 1–2, 16–22 января. Всемирный доклад по социальным наукам. ЮНЕСКО, 1999. М., 2002. 376 с.

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. М., 2005. 656 с.

Гайдар Е.Т. Гибель империи: Уроки для современной России. М., 2006. 440 с.

Геттемюллер Р. Риторика и цифры // Ведомости. 2007. 15 февраля. С. А4.

Гидденс Э. Социология. М., 2005. 632 с.

Глюксманн А. Философия ненависти. М., 2006. 284 с.

Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: Социологический анализ. М., 2000. 384 с.

Горшков М., Тихонова Н., Петухов В. Так дальше жить можно // Общая газета. 2001. № 10. 7–13 марта.

Грачев В.Г. Информационно-психологическая безопасность личности: Состояние и возможности психологической защиты. М., 1998. 125 с.

Громов А. Идеологический фасад власти // Эксперт. 2006. № 9. 6–12 марта.

Громов А. Россия, которую они ищут // Эксперт. 2005. № 31. 22–28 августа.

Громовик В.Г. «Идеология» и «идеологии» как предмет научного анализа. М., 2004. 80 с.

Гудков Л., Дубин Б. Всё едино // Итоги. 2001. 23 января.

Гурова Т., Ивантер А. Мы гарантируем, что Вы вернётесь живыми // Эксперт. 2006 № 1–2, 16–22 января.

Давыдов А.А. Культурная социология Дж. Александера и системная социология (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2007. № 7.

Данкин Д. Опорный элемент архитектуры мира: О роли доверия в модели будущего миропорядка // Безопасность Евразии. 2006. № 4.

Данкин Д. Культура доверия как важнейший ресурс безопасности // Безопасность Евразии. 2005. № 4.

Данкин Д. Доверие: Политологический аспект. М., 1999. 237 с.

Делягин М. Сначала Россия!: Формирование нового государства – главная задача патриотов Отечества // Наше время. 2007. № 4–8.

Добреньков В.И. Глобализация и Россия: Социологический анализ. М., 2006. 447 с.

Добреньков В.И. Социально-гуманитарные проблемы информатизации и информационной безопасности современного глобального общества. М., 2001. 23 с.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 1: Методология и история. М., 2000. 400 с.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация. М., 2000. 536 с.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные инструменты и процессы. М., 2000. 264 с.

Доклад о развитии человека за 2003 год: Резюме // Безопасность Евразии. 2003. № 7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002–2003 годы. М., 2003. 136 с.

Дробижева Л. Российская и этническая идентичность: Противостояние и совместимость // Безопасность Евразии. 2003. № 2.

Егоров В.Е. Философия культуры России: Контуры и проблемы. М., 2002. 656 с.

Ефременко Д. Вашингтонский консенсус против консенсуса Рио // Свободная мысль. 2007. № 2.

Жовтун Д.Т. Идеология: Актуальные аспекты социологического анализа // Социология: Учебник. М., 2004.

Жовтун Д.Т. Идеологии и их социальные функции в современной России // Социология власти. 2002. № 4.

Жовтун Д.Т. Идеологизация исторического сознания // Социология власти. 2003. № 2.

Жуков В.И. Российские преобразования: Социология, экономика, политика. М., 2003. 656 с.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. 448 с.

Замятин Д.Н. Географические образы в гуманитарных науках // НАВИГУТ. 2001. № 10.

Заславская Т.И. Социентальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002. 568 с.

Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М., 2003. 240 с.

Злобин Н. «Размер отката должен соответствовать силе наезда» (Беседовал А. Липский) // Новая газета. 2007. № 03. 18–21 января.

Знания на службе развития: Отчёт о мировом развитии. 1998/1999. Включая выборочные показатели мирового развития. М., 1999. 320 с.

Зубченко Е. Россияне до сих пор не считают себя европейцами // Новые известия. 2007. 19 февраля. С. 2.

Зюганов Г. Сердце мира бьётся в Азии (Беседовал А. Дробкин) // Правда. 2006. 22–25 декабря.

Иванов В.Н. Новая цивилизация XXI века: Технологии становления. М., 2006. 296 с.

Иванов В.Н. Сергеев В.К. Москва: Культура – это мы. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 630 с.

Изменяющаяся Россия: Вызовы и возможности: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2003 году: В 2 т. М., 2003. Т. 1. 356 с.; Т. 2. 414 с.

Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: Содержание, границы, возможности. М., 2000. 304 с

Иноземцев В.Л. Европейская миссия России // Коммерсантъ. 2006. 27 ноября.

Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М., 2000. 432 с.

Истерли У. Новый коллективизм: В основе международной борьбы с бедностью лежит идеология «нового коллективизма» // Коммерсантъ. 2006. 11 сентября.

Казань: Диалог эпох и цивилизаций. Казань, 2000. 288 с.

Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. М., 2003. 288 с.

Капто А.С. Профессиональная этика. М.; Ростов н/Дону, 2006. 799 с.

Капто А.С. Энциклопедия Мира. М., 2005. 708 с.

Капто А.С. От культуры войны к Культуре Мира. М., 2002. 431 с.

Караганов С. Наступает новая эпоха // Российская газета. 2007. 6 июля.

Кастельс М. Сеть и хаос // Эксперт. 2003. № 18. 19 мая.

Качинс Э. Москва на перепутье ветров с Запада и Востока // Независимая газета. 2005. 26 декабря.

Китай в XXI веке: Глобализация интересов безопасности. М., 2007. 327 с.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. 414 с.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М., 2001. 479 с.

Константиновский Д.Л. Динамика неравенства: Российская молодёжь в меняющемся Обществе: Ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М., 1999. 344 с.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации 17 декабря 1997 г. № 1300), в ред. Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 // Российская газета. 2000. 18 января.

Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. 424 с.

Кортунов С. Грядёт ли Пятая Империя? // Безопасность Евразии. 2006. № 4.

Кортунов С. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М., 2003. 612 с.

Кочетов Э.Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание. М., 2001. 704 с.

Кочетов Э.Г. Геоэкономика: Освоение мирового экономического пространства: Учебник для вузов. М., 2006. 518 с.

Кочетов Э.Г. Гуманитарная космология: Дорога к новому мирозданию новых людей. М., 2006. 159 с.

Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире: монография. М., 2007. 264 с.

Кравченко С.А. Социологическая теория: Дискурс будущего // Социологические исследования. 2007. № 3.

Кравченко С.А. Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социологические исследования. 2006. № 8.

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: Стратегия соразвития. М., 2006. 656 с.

Кургинян С. Слабость силы: Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания. М., 2006. 388 с.

Кургинян С. Блеск и нищета прагматизма // Завтра. 2007. № 5. Январь–февраль.

Кутахов Ю.Л., Явчуновская Р.А. Человек. Полиэтнический мир. Безопасность: Опыт социолого-политологического анализа. СПб., 1998. 404 с.

Кутахов Ю.Л. Предотвращение: Состояние и динамика политики предотвращения возникновения опасностей и угроз человеку в международных отношениях XXI века. М., 2005. 293 с.

Лавров С. Мир не стал безопаснее // НГ – Дипкурьер: Приложение к Независимой газете. 2006. № 19. 25 декабря.

Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки: 2000–2005. М., 2006. 384 с.

Левада Ю.А. Человек обыкновенный в двух состояниях // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1.

Левада Ю.А. Восстание слабейших: О значении волны социального протеста 2005 г. // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 3. Май – июнь.

Левада Ю.А. После Империи // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6. Ноябрь–декабрь.

Левашов В.К. Гражданское общество в современной России: Социологические измерения. М., 2006. 52 с.

Левашов В.К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социологические исследования. 2006, № 1.

Лихачёв В. Россия и современный миропорядок: О позитивной ответственности и рефлексии государств в политике // Российская газета. 2007. 14 февраля. С. 18.

Лозаннский Э. Новый мировой порядок после 10 февраля: Запад упустил исторический шанс для интеграции России в свои структуры // Независимая газета. 2007. 20 февраля.

Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: В 3 т.: Пер. с англ. и лат. М., 1988. Т. 3.

Локосов В.В. Трансформация российского общества: Социологические аспекты. М., 2002. 252 с.

Лужков Ю.М. Возобновление Истории: Человечество в XXI веке и будущее России. М., 2002. 197 с.

Лужков Ю.М. Путь к эффективному государству: План преобразования системы государственности и управления в Российской Федерации. 2-е изд., доп. М., 2002. 228 с.

Лукашук И.И. Глобализация, государство, право: XXI век. М., 2000. 279 с.

Луман Н. Власть: Пер. с нем. М., 2001. 256 с.

Львов Д.С. Введение // Управление социально-экономическим развитием России. М., 2002.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности населения Украины: Сравнения с 23 другими европейскими странами: Статья первая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3.

Макаров В.Л. Местное самоуправление в структуре российской экономики и общества // Управление социально-экономическим развитием России: Концепции, цели и механизмы. М., 2002.

Манхейм Е. Избранное: Социология культуры. М., 2000. 501 с.

Медведев Д. Национальные проекты: от стабилизации – к развитию // Коммерсантъ. 2007. № 9. Сентябрь.

Медведев Д. Для процветания всех надо учитывать интересы каждого (Беседовал В. Фадеев) // Эксперт. 2006. № 8. 24–30 июля.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.

Мир вокруг России: 2017: Контуры недалёкого будущего. М., 2007. 160 с.

Михеев П.А. Динамика жизненных ценностей сельской молодёжи // Социологические исследования. 2005. № 1.

Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. 200 с.

Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. 288 с.

Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. 480 с.

Моисеев Н.Н. Восхождение к Разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М., 1993. 192 с.

Москва на пути к культуре мира. М., 1999. 200 с.

Москвичёв Л.Н. Идеология // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. С. 340–342.

Муази Д. Конфликт эмоций: Страх, унижение, надежда и новый мировой порядок // Россия в глобальной политике. 2007. № 1.

На пороге XXI века: Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. М., 2000. 288 с.

Национальная идея: История, идеология, миф / ИСП РАН; Отв. ред. Г.Ю. Семигин. М., 2004. 600 с.

Некипелов А.Д. От аномальной экономики к эффективному рыночному хозяйству: Управление социально-экономическим развитием России: Концепции, цели, механизмы. М., 2002.

Неклесса А. Государство и корпорация // Независимая газета. 2007. 15 июня. С. 11.

Неклесса А. Современная Книга Перемен // Политический класс. 2007. № 3.

Неклесса А. Битва за новую землю: Пришествие постсовременного мира // Введение в будущее: Мир в 2020 году. М., 2007. 384 с.

Нечаев В.Я. Институализация как феномен и категория социологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2001. № 3.

Николаев П.А. Культура как фактор национальной безопасности. М., 2007. 320 с.

Никонорова Е.В. Формирование экологической культуры государственного служащего: Учеб. пособие. М., 1996. 94 с.

Новая парадигма развития России в XXI веке: Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты. 2-е изд. / Под ред. В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. М., 2000. 416 с.

Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. 568 с.

Олексин А. Сетевая организация социума // Государственная служба. 1999. № 1.

Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. Социология и государственность: Достижения, проблемы, решения. М., 2005. 568 с.

Осипов Г.В. Социология и общество: Социологический анализ российской смуты. М., 2007. 848 с.

Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. 543 с.

Охотникова М.М. Социология согласия. Тюмень, 2000. 208 с.

Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. 560 с.

Пан Ги Мун. Мир вступил в эпоху мобильности // Независимая газета. 2007. 11 июля.

Пастухов В. Собака на сене //Аргументы неделі. 2007. № 7. 15 февраля. С. 10.

Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.; СПб., 2005. 619 с.

Петраков Н. Тень Бронзового солдата как символ нового передела мира // Литературная газета. 2007. № 28. 11–18 июля.

Петухов В. «Моральное большинство»: 7 лет спустя // Профиль. 2007. 29 января.

Победа Н.А. Толерантность: Содержательные смыслы и социологическая интерпретация // Социологические исследования. 2007. № 6.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.

Примаков Е. Чем создаётся демократия: Полемические заметки об идеологии и политической культуре // Независимая газета. 2007. 24 августа. С. 8.

Примаков Е. Нам нужны стабильность и безопасность // Российская газета. 2006. 13 января.

Примаков Е. 2006: Успехи, но диспропорции // Российская газета. 2007. 16 января.

Примаков Е. Мелодия для квартета // Российская газета. 2007. 11 июля.

Примаков Е. Три аргумента в пользу «вето» // Московские новости. 2007. № 6. 16–22 февраля. С. 18.

Путин В.В. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2004. 27 мая.

Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета.2005. 26 апреля.

Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2006. 11 мая.

Путин В.В. «Задача – совместно создавать будущее России и Евросоюза» // Известия. 2006. 23.11.

Путин В.В. «Прошу на меня не сердиться»: Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета. (Столичный выпуск). 2007. 13 февраля.

Путин В.В. «Мы же с Вами сейчас дискутируем» (Вопросы из зала. Ответы Владимира Путина) // Российская газета. (Столичный выпуск). 2007. 12 февраля

Путин В.В. Позицию России готов объяснить детально // Российская газета. 2007. 5 июня.

Радаев В.В. Социология потребления: Новые подходы // Социологические исследования. 2005. № 1.

Радаев В.В. Сетевой мир (Беседу вели А. Ивантер и Д. Медовников) // Эксперт. 2000. № 12. 27 марта.

Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006. 680 с.

Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания. М., 2003. 392 с.

Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2001. 347 с.

Рогов С.М. Государство и общественное благо: Мировые тенденции и российский путь. (Предтиражный экземпляр). М., 2005. 319 с.

Ролз Дж. Справедливость как честность (1958) // Логос. 2006. № 1.

Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1999. 672 с.

Российские стратегические исследования / Под ред. Л.Л. Фитуни. М., 2002. 192 с.

Российский статистический ежегодник: 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004. 725 с.

Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов / Под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2001. 896 с.

Россия: глобальные вызовы и локальные риски: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2004 г. / Под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. М., 2005. 704 с.

Россия в диалоге цивилизаций. М., 2001. 204 с.

Россия: трансформирующееся общество. М., 2001. 640 с.

Россия: Центр и регионы: Вып. 15 / Отв. ред. В.Н. Иванов, В.Н. Кузнецов, Г.Ю. Семигин. М., 2005. 414 с.

Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения: Вып. 2. М., 2000. 368 с.

Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. М., 1999. 262 с.

Рывкина Р.В. Драма перемен. 2-е изд., перераб. и доп. М, 2001. 472 с.

Садовничий В.А. Знания и мудрость в глобализирующемся мире // Безопасность Евразии. 2005. № 3.

Садовничий В.А. Информационная безопасность: Новые угрозы мировому сообществу // Глобальная информатизация и безопасность России. М., 2001.

Седов Л. Вверх по лестнице, скользящей вниз // Независимая газета. 2006. 13 января.

Семигин Г. Россия способна дать человечеству высочайшие стандарты развития. Счастье каждого человека – единственно верный критерий оценки жизни граждан // Родная газета. 2005. 22–28 апреля.

Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М., 1996. 352 с.

Силласте Г.Г. Ценностные ориентации сельских учителей в условиях становления рыночной экономики на селе (по результатам социолого-педагогического исследования «Ценностные ориентации сельских учителей, учащихся и их родителей в условиях становления рыночной экономики на селе). М., 2001. 100 с.

Синергетика, философия, культура. М., 2001. 363 с.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. 1056 с.

Сорокин П. О современном состоянии России // Безопасность Евразии. 2002. № 4.

Сохранить эффективное государство в существующих границах / С руководителем администрации президента России Дмитрием Медведевым беседует главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев // Эксперт. 2005. № 13. 4–10 апреля.

Социология семьи: Учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2005. 640 с.

Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.

Степин В.С. Наука и образование в контексте современных цивилизационных изменений // Наука и образование на пороге III тысячелетия. Минск, 2001.

Строкань С. Лекция о международном поражении // Коммерсантъ. 2007. 25 января.

Сурков В. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43. 20–26 ноября.

Сухарев А.И. Институциональная политика: Политология взаимодействия легитимной и теневой сферы в глобальном мире. М., 2004. 216 с.

Тишков В. Кризис понимания России // Эксперт. 2005. № 13. 4–10 апреля.

Тощенко Ж.Т. Теократия: Фантом или реальность? М., 2007. 664 с.

Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. О тенденциях развития социологии в современном мире // Социологические исследования. 2007. № 6.

Тощенко Ж Т. Время мифов и пути их преодоления // Социологические исследования. 2006 № 1.

Тощенко Ж.Т. К читателю // Социологические исследования. 2002. № 1.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2.

Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1998. 511 с.

Тренин Д. Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. № 1.

Тренин Д. Глядя на Восток // Ведомости. 2005. 23 ноября.

Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М., 2006. 404 с.

Управление социально-экономическим развитием России: Концепции, цели, механизмы / Гос. ун-т управления, Отд-ние экономики РАН; Рук. авт. колл.: Д.С. Львов, А.Г. Поршнев. М., 2002. 702 с.

Урсул А.Д. Универсальный эволюционизм: Концептуальные модели и принципы // Безопасность Евразии. 2006. № 3.

Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию: Ноосферная стратегия. М., 1998. 500 с.

Уткин А.И. Месть за победу – новая война. М., 2005. 544 с.

Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2006. 640 с.

Фадеев В. Вернёмся к России // Эксперт. 2006, № 1–2, 16–22 января.

Федоров В.П. Россия: Внутренние и внешние опасности. М., 2004. 333 с.

Философия освобождения: Материалы заседания Философского клуба / Коллектив авт. М., 2005. 288 с. (Библиотека «Мегапир»).

Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века. М., 2006. 601 с.

Фукуяма Ф. Америка на распутье. М., 2007. 282 с.

Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. 220 с.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: Пер. с нем. М., 2002. 143 с.

Хартия европейской безопасности // Независимая газета. 1999. 23 ноября.

Хёффе О. Справедливость: Философское введение. М., 2007. 192 с.

Хомский Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М., 2002. 320 с.

Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики: Философско-политический трактат. М., 2006. 288 с.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М., 2006. 590 с.

Чупров В.И., Зубок О.А., Уильямс Е. Молодёжь в обществе риска. М., 2001. 230 с.

Шевцова Л. Россия – год 2006: Логика политического страха // Независимая газета. 2005. 13 декабря.

Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. 366 с.

Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М., 2005. 664 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. М., 1996. 416 с.

Экологическая доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2002. 18 сентября.

Эрхард Л. Благосостояние для всех: Пер. с нем. / Вступ. ст. Б.Б. Багаряцкого, В.Г. Гребенникова. М., 2001. 352 с. (Репринт. воспроизведение.)

Этциони М. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004. 384 с.

Явлинский Г. Договор с обществом // Ведомости. 2007. 27 марта.

Явлинский Г. «Власть нужно менять, но страну нельзя раскалывать» // Известия. 2007. 23 января.

Явлинский Г.А. Перспективы России: Экономический и политический взгляд. М., 2006. 144 с.

Явчуновская Р.А. Глобальные проблемы в человеческом измерении: Основы гуманитарной безопасности: Курс лекций. М., 2001. 93 с.

Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Междунар. ин-т П. Сорокина, Н. Кондратьева. М., 2001. 346 с.

Яницкий О.Н. Ресурсные войны XXI века // Социологические исследования. 2007. № 6.

Яницкий О.Н. Россия: Экологический вызов: Общественные движения, наука, политика. Новосибирск, 2002. 426 с.

Яновский Р.Г. Мировоззрение XXI века как фундаментальная научная проблема: Материалы к докладу на заседании «круглого стола» // Безопасность Евразии. 2005. № 2.

Яновский Р.Г. Мировоззрение и бесструктурное управление // Безопасность Евразии. 2006 № 1

Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность М., 1999. 358 с.

Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь её народов. М., 2001. 424 с.

Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле созидающего служения Человеку, Народам России и Отечеству. М., 2004. 528 с.

Яновский Р.Г. Мировоззрение. М., 2007. 439 с.

Ярочкин В.И. Секъюритология – наука о безопасности жизнедеятельности. М., 2000. 400 с.

Ясин Е. Приживётся ли демократия в России. М., 2005. 384 с.

Brzezinski Zb. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of America. New York, 2007. 220 p.

Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security, and Development. Leiden, The Netherlands, 2004. 365 p.

Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New York, 1991. 252 s.

Parliamentary Oversight of the Security: Principles, Mechanisms and Practices. Lausanne, 2004. 195 p.

Russia and Asia: The Emerging Security Agenda / SIPRI. New York, 1999. 534 p.

SIPRI Yearbook 2006: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2006. 888 p.

SIPRI Yearbook 2005: Armaments, Disarmament and International Security. New York, 2005. 853 p.

Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton, New Jersey, 2004. 341 p.

Перечень таблиц, вставок, схем и рисунков в тексте

Таблица 1. Динамика военных расходов некоторых стран (2003–2004 гг.) 75
Таблица 2. Тематика «Докладов о развитии человека»: Программа развития ООН (1990–2006) 133
Таблица 3. Сообщество социологических теорий безопасности (гуманитарного профиля) 134
Таблица 4. Мнение респондентов о выполнении государством своих основных обязанностей перед обществом 148
Таблица 5. Мнение респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества, Конституции России (вариант ответа «обеспечиваются») 149
Таблица 6. Выберите из списка две-три позиции, по которым в первую очередь Россию следовало бы считать великой державой 185
Таблица 7. Что, на Ваш взгляд, более важно для России – сохранение ключевого положения в мире или обеспечение благосостояния народа? 186
Таблица 8. Зависимость доминирующего фона социальных настроений от характера социальной самоидентификации респондентов 207
Таблица 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, больше всего угрожает безопасности российского государства?» 210
Таблица 10. «Каким общественным силам Вы доверяете в наибольшей степени?» 215
Таблица 11. Готовность разных возрастных групп респондентов отстаивать интересы своей безопасности 218
Таблица 12. Социальный и социально-демографический срез основных качеств общественной ментальности 219
Таблица 13. Компоненты индекса «комплексной национальной силы» государства 259
Таблица 14. Частотность субъектов в понятийном пространстве слова «безопасность» 325
Таблица 15. Анализ смыслов в расширенном понимании слова «безопасность» 326
Таблица 16. Типология респондентов, построенная на основе факторного анализа свойств ментальности (в альтернативе толерантности – интолерантности) 332
Таблица 17. Иерархия ценностных показателей, измеряемых по методике Ш. Шварца 335
Таблица 18. Средние значения десяти типологических ценностных индексов в Украине и результаты сравнения Украины с другими странами с помощью процедуры ANOVA 339

Таблица 19. Сферы повседневности 348
Таблица 20. Суждения респондентов о жизни в стране 357
Таблица 21. Первые пять «Факторов Кузнецова» социологического предотвращения возможности развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке 376
Таблица 22. Первые двенадцать «Факторов Кузнецова» социологического предотвращения возможности развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке 383
Таблица 23. «Восемнадцать Факторов Кузнецова» социологического предотвращения возможности развязывания глобальной ядерной войны в XXI веке 389

Вставка 1. Vyacheslav Kuznetzov. FOUNDATIONS OF GEOCULTURE. Sociology of Geocultural Dynamics of Security in World 21. Culture–Network. M, 2006 93
Вставка 2. Члены Комиссии по безопасности человека 126
Вставка 3. Безопасность человека сегодня. Комиссия по безопасности человека. Содержание 128
Вставка 4. Призыв к диалогу 137
Вставка 5. Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества» (Фрагмент) 141
Вставка 6. Александр Неклесса. Люди воздуха, или кто строит мир? (Фрагмент книги) 252
Вставка 7. ПРОГРАММА Международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы (Люксем-бург, 24–25 мая 2007 года) 303
Вставка 8. Ш. Шварц: «латентные мотивационные типы ценностей» 333
Вставка 9. Типы равновесий 349
Вставка 10. КУЛЬТУРА ЖИЗНИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ СМЕРТИ РОССИЙСКИЙ ИДЕАЛ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИМФОНИИ Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 20 сентября 2006 г. 371
Вставка 11. Александр Неклесса. Современная Книга Перемен. Глокализация глобализации (фрагмент) 382

Схема 1. Динамика трансформации смысла феномена «безопасность» 17
Схема 2. Соотношение основных категорий единой гуманитарной парадигмы XXI века: взаимосвязь её выражений в геополитике, геоэкономике, геокультуре 37
Схема 3. Российский Геокультурный Созидающий Проект XXI века – Возрождение России 71
Схема 4. Социология становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века 97
Схема 5. Парадигмальная Матрица Кузнецова – ПМК 102
Схема 6. Социология формирования нового мироустройства как Проект Путина, как Глобальный Геокультурный Гуманитарный Проект Мира XXI века (ГГГПМ) 105

Схема 7. Схема системы: «Наука – культура – образование в области безопасности жизнедеятельности» 175
Схему 8. Тематика исследований глобальной и региональной безопасности в 2001–2006 годах 242
Схема 9. Сопоставление смысловых блоков статьи Евгения Примакова «Нам нужны стабильность и безопасность» (январь 2006 года) и Доклада для ООН (при участии Евгения Примакова) «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (декабрь 2004 года) 243
Схема 10. Сетевой и кластерный характер перемен в странах мира (60 – 70-е гг. XX века) 255
Схема 11. Сетевой и кластерный характер глобальной структурной гуманитарной революции XXI века (начало 2003 год) 257
Схема 12. Динамика трансформации феномена «партнёрство» в российско-китайских отношениях 1994–2005 годов (Итоги исследований Г.И. Чуфрина, М.Л. Титаренко, Б.Н. Кузыка) 364
Схема 13. Социология становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (фрагмент) 378

Рисунок 1. Схема связи опасности, небезопасности и безопасности 18
Рисунок 2. Методологическая схема исследования социологии безопасности 19
Рисунок 3. Сопоставление системного (тип 1) и сетевого (тип 2) подходов 31
Рисунок 4. Логика изменений в понимании современного Мира 32
Рисунок 5. Степень общности и области применения концепций безопасности 51
Рисунок 6. Движение от компромисса к консенсусу по вопросам безопасности человека 80
Рисунок 7. Примерная структура обшей теории безопасности 120
Рисунок 8. Примерная схема взаимодействия глобальной безопасности и региональных безопасностей 136
Рисунок 9. Примерная архитектура европейской безопасности 146
Рисунок 10. Сопоставление примерных структур европейской и азиатской безопасности 147
Рисунок 11. Структура феномена «национальная безопасность» 148
Рисунок 12. «Круг Шварца», иллюстрирующий взаимосвязи между десятью типологическими ценностными индексами 337
Рисунок 13. Средние значения десяти ценностных индексов в Украине и в других европейских странах, включённых в ЕСО 338
Рисунок 14. Средние значения ценностного индекса «безопасность» в 24 странах Европы 341
Рисунок 15. Иерархия ценностей населения Украины 342
Рисунок 16. Структура влияния человеческого фактора в анализе рисков 388

Основные понятия в тексте

Азиатская безопасность (стр. 145) *является формирующейся устойчивой сетевой совокупностью действий, процедур и практик отдельных людей, неправительственных организаций (НПО), региональных и международных структур, самих государств, направленных на содействие конкретному устойчивому развитию каждого человека, благополучию народов на основе приемлемых условий российско-азиатского стратегического гуманитарного компромисса, уважительного диалога, мер доверия и сотрудничества между ними, всеми странами и регионами.*

Безопасность (стр. 16) может быть определена, в предварительном плане, как *сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов надёжно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищённость всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для Всех.*

Военная безопасность (стр. 167) — *состояние и объективные (в том числе латентные) тенденции развития общества, а также совокупность внутренних и международных условий и факторов, которые нейтрализуют или исключают возможность нанесения личности, обществу, государству ущерба военным путём, средствами вооружённого насилия. Она является важной составной частью и образует одну из основ систем национальной, региональной и международной безопасности и находится в диалектической связи с другими их слагаемыми.*

Вызов (стр. 60) — *это геокультурный феномен, обозначающий: становление противоречия между наличным потенциалом культуры, идентификации человека и нации, сохранения образа жизни и необходимостью реальных социальных перемен, существенных изменений, что проявляется оформлением реальной неопределённости, нестабильности и тревожности.*

Геокультура (стр. 49) — *это смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности, стратегического компромисса по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых, вызовов, рисков, опасностей и угроз.*

Глобальная (международная) безопасность (стр. 135)**,** *в самом предварительном плане, может быть определена как сетевая устойчивая совокупность поло-*

жений международного права, норм и процедур, разработанных международными организациями для обеспечения мира, справедливости, достоинства, благополучия на основе международного (глобального) гуманитарного стратегического компромисса по поводу безопасности каждого человека, каждого народа, каждого государства.

Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века (стр. 377) *это процесс и результат изменений содержания и структуры мироустройства XXI века, всего миропорядка, оснований мировоззрения и гуманизма под воздействием слабых связей, слабых влияний, слабых рисков; начало доминирования во всех сферах жизнеобеспечения, во всех видах взаимодействий компромиссного, компромиссности, компромиссов.*

Государственная безопасность (стр. 150) это: *состояние защищённости, гарантирующее создание необходимых и достаточных условий для выполнения государством своих функций по управлению делами общества и обеспечению нормального функционирования политической власти; неотъемлемая часть национальной безопасности средство её обеспечения, включает следующие традиционные критерии: нерушимость границ и сохранение территориальной целостности; обеспечение национального суверенитета; поддержание условий нормального функционирования и развития национальной экономической системы; охрана конституционного строя; нормальное функционирование судебной системы.*

Государственная стратегия национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке (далее – Государственная стратегия) (стр. 23) *представляет собой систему сбережения и защиты целей, идеалов, ценностей, интересов личности, общества и народов России в целом; совокупность принципов, приоритетов и механизмов в деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (далее именуются – органы государственной власти) в сфере национальной безопасности.*

Диалог (стр. 50) *может быть определён как процесс обеспечения общего участия граждан любой страны, культуры, цивилизации в достижении справедливости, законности и терпимости в человеческих взаимоотношениях; для повышения и сохранения взаимопонимания, уважения и взаимодействия, сбалансированности и умеренности; для поиска общих точек линий и масштаба соприкосновения различных цивилизаций в их общении между собой с тем, чтобы совместно терпеливо и мудро разрешать назревшие проблемы, угрожающие разделяемым ими целям, идеалам и ценностям, через компромиссы.*

Доверие (стр. 49) – *это одна из основных категорий геокультуры, которая выражает состояние мировосприятия человека на основе терпимости и уважительного диалога; состояние конструктивной коммуникации между людьми, между акторами и институтами, между человеком и властью, между народами и государствами; состояние с наличием воли и энергии для достижения необходимых компромиссов.*

Договор о компромиссе (стр. 277) *может быть определена в рабочем плане, как оформленный итог взаимодействия субъектов переговоров по поводу достижения общей цели на основе урегулирования имеющихся противоречий, принятых и одобренных взаимных уступок, на основе утверждения процедуры исполнения условий компромисса в строго оговоренное время и в точно обозначенном пространстве.*

Духовная безопасность (стр. 159) – *состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны, а вместе с тем способность государства решать назревшие задачи экономического, социального и политического развития.*

Законодательные основы обеспечения безопасности (стр. 317) – *это система установленных государством общеобязательных норм (правил поведения), регулирующих общественные отношения, права и обязанности государственных органов, общественных объединений, должностных лиц и граждан в сфере безопасности.*

Игра с ненулевой суммой (стр. 276) *обозначает такой характер взаимодействий субъектов противоречий (в основном, неантагонистических), когда в итоге переговоров, торга может быть заключено соглашение, итоги которого одинаково удовлетворяют каждого субъекта взаимодействия: каждый справедливо определяет себя победителем.*

Идеология миропорядка («идеология новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века») (стр. 101): *это формирующаяся устойчивая совокупность принципов и установок: на методы и средства достижения своих целей, идеалов, ценностей, интересов; на допустимые рамки участия в изменении порядка взаимодействий в обеспечении культуры мира, культуры безопасности на основе культуры компромисса и справедливости.*

Идеология мироустройства (стр. 112) *это артикулированная совокупность понятий, способствующих осознанию допустимых методов и средств для достижения: политических, экономических, институциональных, гуманитарных, культурных оснований главных взаимодействий между людьми, обществом и государством, современной цивилизации на базе культуры компромисса и справедливости; формирования и устойчивого функционирования исторической памяти, мечты и смысла жизни человека с учётом уважительного диалога, доверия и солидарности; культуры прав и свобод в сочетании с культурой ответственности; культуры интерпретации прошлого, осмысления настоящего, и понимания будущего.*

Институционализация (стр. 193) *обозначает совокупность институтов в их взаимосвязи со средой и главное её свойство: реализация адаптации институтов к изменяющейся среде, к ситуации неопределённости, т. е. выживания социума в нестандартных ситуациях.* Это исходное положение, характеризующее новую методологию для нового качества безопасности – культуры безопасности.

Информационная безопасность (стр. 163) *может быть рассмотрена как способность государства, общества, социальной группы, личности обеспечить с определённой вероятностью достаточные и защищённые информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития; противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации, вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения; поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано.*

Историческая память (стр. 158) — *это состояние деятельности человека по воспроизводству своей культуры, своих отношений с другими людьми, обществом; это личная технология по организации, сохранению и осмыслению исторически приобретаемого социального опыта субъектом, по превращению освоенной культуры во внутреннее содержание сознания и в практику деятельности во времени, и в масштабе всей его жизни.*

Компромисс (стр. 78) — *это процесс и результат осуществления договорённости между людьми, народами, государствами, их объединениями; между культурами и религиями на согласованное время во имя достоинства, благополучия и безопасности человека, семьи, народов, общества, государства и современной цивилизации на основе взаимных политических, экономических, идеологических уступок по поводу целей, идеалов, ценностей, национальных интересов, интерпретаций прошлого, настоящего и будущего своих народов, стран и регионов, понимания демократии, патриотизма, смыслов жизни и мечты.*

Компромиссологическое время (или «время компромисса») (стр. 276) — *это конкретизация временных рамок всего процесса компромисса от обозначения ситуации его желательности до осуществления результата компромисса с учётом условий его функционирования, с учётом полного цикла возмещения возможного ущерба от реализации рисков компромисса.*

Компромиссологическое пространство (или «пространство компромисса») (стр. 276) — *это место и масштаб подготовки функционирования компромисса, осуществления его результатов и возмещения рисков компромисса; это масштаб взаимосвязей практик функционирования компромиссного с новым гуманизмом, современным мировоззрением, с логикой и динамикой новой модели мироустройства XXI века (Проекта Путина).*

Культура безопасности (стр. 177) *является процессом сохранения развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищённостью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов; эффективного предотвращения угроз на основе опережающей стратегической партнёрской культуры компромисса.*

Культура диалога (стр. 188) *может быть определена как процесс обеспечения общего участия граждан любой страны, культуры, цивилизации для достижения справедливости, законности и терпимости в человеческих взаимоотношениях; для повышения и сохранения взаимопонимания, уважения и взаимодействия, сбалансированности и умеренности; для поиска общих точек, линий и масштаба соприкосновения различных цивилизаций в их общении между собой с тем, чтобы совместно терпеливо и мудро разрешать назревшие проблемы, угрожающие разделяемым ими целям, идеалам и ценностям.*

Культура Мира (стр. 172) *является процессом преобразований индивидуального, коллективного и институционального характера. Она складывается из убеждений и действий самих людей и развивается в каждой стране в зависимости от конкретных исторических, социально-культурных и экономических условий. Ключом к культуре мира является превращение жёсткой конкуренции в сотрудничество,*

основанное на общих ценностях и целях. Культура мира в частности, требует, чтобы конфликтующие стороны сообща стремились к достижению целей, представляющих общий интерес на всех уровнях, включая процесс развития, чтобы вместе создавали приемлемые компромиссы.

Культура патриотизма (стр. 159) – *отношение устойчивой и осознанной любви к своей семье и образу жизни; нации, национальной и культурной идентичности; государству и Отечеству в их прошлом, настоящем и будущем состояниях; готовность жить во имя Родины и защищать её цели, идеалы и ценности; ориентированность на постоянный и уважительный диалог по поводу целей, идеалов и ценностей других наций и народов, их семей и граждан.*

Культура предотвращения (стр. 178) – *это процесс анализа формирования вызовов, угроз, рисков, опасностей и страхов жизнеобеспечению людей, семей и народов; их целям, идеалам, ценностям и интересам. Это процесс синтеза интеллектуальных, материальных и силовых технологий для снижения уровня блокирования или полного преодоления небезопасности (вызовов, угроз, рисков, опасностей) на основе: конструктивного диалога и поступков, основанных на действующем законодательстве, на реальных нормах, традициях и образе жизни акторов, вовлечённых в сферу предотвращения; опережающего глобального гуманитарного стратегического компромисса.*

Методология социологии безопасности (стр. 230) *определяется как совокупность приёмов, методов социологических исследований в рамках предметного поля социологии безопасности и их теоретическое обоснование.*

Миропонимание (стр. 111) *определяется как содержанием феномена «мироустройство», так и основами современного мировоззрения, позволяющих субъекту взаимодействий понять смысл и движущие силы процесса, свою роль и свою ответственность за совершённые (или несовершённые) поступки в условиях конкретного времени и пространства, определившихся рисков и неопределённостей в восприятии реальности, справедливого и несправедливого.*

Миропорядок (мировой порядок) (стр. 101) *это устоявшаяся сетевая совокупность понятых и принятых людьми, народами и государствами взаимодействий, которые обеспечивают: гарантированный порядок их легитимного и желательного жизнеобеспечения (достойной жизни человека; благополучия, безопасности народа, национального суверенитета государства, целостности территории); сохранение и развитие культуры, национального образа жизни, традиций; удовлетворённость настоящим и уверенность в будущем; доверие национальным и международным законам с уверенностью в их справедливом и единообразном (без двойных и тройных стандартов) толковании и исполнении.*

Мироустройство (стр. 111) *процесс и результат формирующегося синтезированного и концептуального представления, понимания и осознания человеком прошлого и будущего его самого, общества, всего мира через настоящее: через принятые им основы мировоззрения, жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценности, принципы поведения с ориентацией на компромисс и справедливость в осуществлении любых взаимодействий.*

Национальная безопасность (стр. 147) – *ключевое, базовое понятие, характеризующее защищённость всех систем жизнеобеспечения общества, человека и госу-*

дарства, их целей, идеалов, ценностей, интересов от внутренних и внешних угроз, способность противодействовать, своевременно адаптироваться к новым условиям развития как в сфере природы, окружающей среды, так и к тенденциям, закономерностям мирового и национального развития. Безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа.

Общая теория безопасности (стр. 119) *может быть определено как область знаний, интегрирующая прикладные аспекты политических, социальных, военных, экономических, технических, гуманитарных и других наук и ориентированная на исследование сущности, содержания, методов, форм, органов, сил и средств обеспечения безопасности человека, общества и государства в условиях комплексного воздействия внешних и внутренних факторов различного характера.*

Общественная безопасность (стр. 150) *это состояние, условия и характер жизнедеятельности государства и общества, при которых граждане, социальные группы, создаваемые ими объединения и организации свободно действуют в соответствии с их собственной природой и предназначением и способных нейтрализовать внешние и внутренние угрозы. Общественная безопасность охватывает экономический и социальный уклады жизни общества, общественные достояние и собственность, общественные институты и организации, национальные обычаи и традиции, среду жизнедеятельности, материальные и духовные ценности. Её обобщёнными характеристиками выступают социальное партнёрство, межнациональное согласие и гражданский мир. Своё непосредственное выражение общественная безопасность находит в уровне правовой и социальной защищённости человека как от произвола, злоупотреблений государственной власти и её структур, так и от преступных посягательств со стороны частных лиц и групп.*

Опасность (стр. 54) – *это геокультурный феномен, представляющий в превращённой форме правила запрета через объективно существующую и осознанную возможность причинить деятельностью какого-либо субъекта неприемлемый ущерб, деформацию, травму цели, идеала, ценностей, интересов человека, семьи, общества, государства, цивилизации.*

Партнёрство (стр. 362) *это широкий и развивающийся корпус взаимодействий между гражданами, их объединениями, организациями, институтами, государствами, региональными сообществами и союзами государств и международными организациями ориентированных на: сотрудничество и солидарность в содействии общим целям, ценностям, идеалам, интересам; равноправие, диалог и компромиссы при решении спорных поблеем; на закрепление в договорах и соглашениях исходных принципов каждого участника взаимодействия, обязательств перед другими субъектами взаимодействия и ответственности за все риски партнёрства.*

Повестка Дня для мирового сообщества на XXI век (стр. 96) *может быть определена каквзаимосвязанная и согласованная с участием всех субъектов взаимодействий: совокупность целей, ценностей, идеалов и интересов; последовательность действий для их достижения и безусловный уровень легитимности, законности используемых средств и процедур в процессе деятельности; определённость времени и пространства, масштаба деятельности каждого актора; чёткая и обозначенная заранее ответственность за риски и ошибки в процессе достижения выбранных*

ориентиров; гласность и прозрачность при распределении долей (частей, фрагментов, преференций и т. д.) полученного результата.

Позиция (стр. 274) *это взаимосвязанное сочетание: целей, идеалов и ценностей субъекта, его ментальности и идентичности; прав, свобод и ответственности; понимание обязанностей и долга; смысла жизни, исторической памяти и образа жизни; национальной культуры и созидающей патриотической идеологии; нового (не-Западного) гуманизма XXI века.*

Политическая безопасность (стр. 162) — *состояние и условия жизнедеятельности социума, при которых обеспечивается сохранение легитимного государственного строя, стабильность политической системы и гарантируются политические свободы и права граждан, демократическое взаимодействие государства и гражданского общества. Политическое благополучие общества может быть подвержено опасностям двоякого рода. Крайней формой внешней угрозы ему является война, агрессия со стороны других государств; крайними формами внутренней угрозы выступают социальная напряжённость и вырастающие из неё массовые беспорядки, экстремизм и терроризм, конфликты, гражданская война.*

Правила игры при разработке, осуществлении, корректировке Повестки Дня для мирового сообщества в XXI веке (стр. 95) *это процесс творческого поиска в сфере социокультурных инноваций конкретных людей и народов на основе эмоциональных переживаний и строгих рациональных правил в соблюдении процедуры участия и ориентированных: на дополнение и трансформацию реальности; на переживание и переосмысление устоявшихся коммуникаций; на восприятие свободы в масштабе приемлемой модели мироустройства и миропонимания с целью конкретного участия и ответственности за надёжное обеспечение достойной жизни каждого человека.*

Предотвращение (стр. 50) — *процесс социологического анализа формирования самых слабых факторов, способствующих возникновению вызовов, рисков, угроз опасностей и страхов жизнеобеспечению людей, семей и народов; их целям, идеалам, ценностям и интересам. Это процесс последующего синтеза интеллектуальных и силовых технологий для своевременного снижения уровня блокирования или полного предотвращения состояния небезопасности (вызовов, угроз, опасностей, рисков и страхов) на основе конструктивного диалога и компромисса; поступков, основанных на воле и энергии к сохранению мира и безопасности.*

Результат компромисса (стр. 280) *это совокупность целевых ориентиров, процедур их достижения и условий контроля соблюдения процедур с участием каждого субъекта переговоров; сами договорённости оформлены соответствующим документом, содержание и структура которого полностью удовлетворяет каждую сторону состоявшегося компромисса.*

Риск (стр. 63) — *это геокультурный феномен, представляющий в превращённой форме правила запрета в динамике перемен от ситуации неопределённости в направлении желательных изменений с учётом фактора времени и реального масштаба.*

Российская мечта (стр. 157) *может быть определена как самостоятельный феномен, обеспечивающий связи между целью, идеалом, ценностями и смыслом жизни; гармонизирующий трансформацию таких связей для сохранения их фор-*

мы и структуры; сохраняющий идентичность целей, идеалов, ценностей и смысла жизни, их самостоятельность и самодвижение.

Сделка (стр. 345) *добровольные поступки по установлению, изменению или прекращению взаимодействий физических или юридических лиц в согласованных рамках действий акторов во времени и пространстве; по соблюдению правил игры, обеспечению их выполнения и достижению исполнения оговоренных уступок, целей и условий их достижения; по исполнению санкций и долженствований по утверждённой всеми акторами процедуре.*

Сеть (стр. 193) — *новый социокультурный феномен, который отражает целостность нового объекта, включающего в себя информацию, знания, отношения и взаимодействия людей в единстве с новыми высокими технологиями, объединяемыми Интернетом.*

Смысл жизни (стр. 157) — *сущность органичного единства цели, идеала и основных ценностей человека, понятых и принятых им как руководство к деятельности, в его ориентации на достойную, благополучную и безопасную жизнь, на ее воспроизводство, на единство свободы и ответственности.*

Солидарная культура компромисса (стр. 360): *это состояние сознания, мотиваций и взаимодействий современного общества, ориентированного на предотвращение возможности глобальной ядерной войны через согласованные действия на основе добровольных договорённостей как среди своих сторонников, так и со своими оппонентами (сторонниками культуры смерти и культуры войны); на основе взаимных уступок по поводу общих интересов, терпимости, постепенности и диалога.*

Солидарность (стр. 50) *может быть определена как состояние позитивной деятельности людей, социальных групп, семей, ориентированной на консолидацию людей и общества, на поддержание и улучшение гражданского мира; на сотрудничество с учётом общих ценностей и символов, уважения целей, идеалов, интересов других людей и других культур; на постоянный и уважительный диалог и компромисс по поводу созидательных ориентиров деятельности и конструктивного общения.*

Сотрудничество (стр. 50) *может быть определено как состояние деятельности людей, семей, народов, государств на достижение гуманитарных целей на основе терпимости и доверия в условиях устойчивого уважительного диалога; на достижение созидающих компромиссов.*

Социальная безопасность (стр. 160) — *1) совокупность мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса нынешних и будущих поколений. Объектами социальной безопасности являются люди, их цели, идеалы, ценности, законные интересы (потребности), общности, отношения; системы социализации человека (образования, воспитания, соцкультбыта); инфраструктуры жизнеобеспечения (здравоохранение, торговля, снабжение и т. д.); образ жизни. Национальные интересы России в социальной сфере заключаются в обеспечении высокого уровня жизни народа; 2) защищённость социальной сферы общества и государства от угроз, способных разрушить её или обусловить её деградацию.*

Социология безопасности (стр. 230) *определена как самостоятельная социологическая теория среднего уровня, ориентированная на теоретические и эмпирические исследования состояния и динамики обеспечения безопасности человека, народов России, общества и государства, современной цивилизации.*

Социология культуры безопасности (стр. 230) *может быть определена как формирующаяся самостоятельная социологическая теория, отражающая процесс обеспечения жизни человека, сбережения семьи и народа, их целей, идеалов, ценностей и традиций, социальных институтов и сетей, устойчивости соблюдения прав и обязанностей человека и основных свобод для всех (без различия расы, пола, языка и религии), их защищённостью от неприемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз.*

Стратегическая партнёрская культура компромисса (стр. 368)**,** в рабочем плане, может быть изложено так: *это конструктивное, творческое состояние сознания общества XXI века, его мотивации и чёткая, обоснованная ориентированность: на культуру жизни; на предотвращение возможности глобальной ядерной катастрофы через оформленную долгосрочную программу достижения согласованных целей и ценностей каждого гражданина, всех народов и государств, включающую устойчивый и долговременный мониторинг необходимых средств и ресурсов, всех видов рисков; на постоянную адаптацию всех звеньев процесса достижения общих интересов с учётом изменений внешней и внутренней среды.*

Стратегическое партнёрство (стр. 364) *это оформленная долгосрочная программа: достижения и корректировки как общих согласованных целей, идеалов, ценностей и главных интересов каждого партнёра, так и сопоставимой с Программой оценки средств, ресурсов и легитимных технологий, выбранных для достижения общих целей; анализа и учёта стратегических рисков на всех этапах функционирования партнёрства; осуществления самокритики и самоиронии в оценке достигнутых результатов; обеспечения эффективной адаптации всех звеньев процесса партнёрства с учётом изменений внутренней и внешней среды деятельности всех участников партнёрства.*

Структура мироустройства (стр. 111) *это взаимосогласованное единство политического, экономического, институционального, гуманитарного аспектов главных доминант в функционировании мирового сообщества: политическая составляющая представляет новую Московско-Шанхайскую модель миропорядка; экономическую составляющую определяют две доминанты – финансовая (продвижение Рубля как одной из резервных валют) и торговая (современная торговля на основе региональных союзов и соглашений); институциональная составляющая выражает Правила Игры при выработке и корректировке Повестки Дня мировому сообществу; гуманитарная составляющая определеяет мировоззрение и новый не-Западный гуманизм.*

Терпимость (стр. 50) *может быть определена как состояние чёткой ориентации на диалог и компромисс в ситуации корректного уважения к разным особенностям его участников; к различным чертам в убеждениях верования другого человека в свои цели, идеалы и ценности; к другим способам удовлетворения своих потребностей; к другим нормам, традициям и образу жизни людей, семей, социальных групп, народностей, представителей других конфессий.*

Торг (в контексте подготовки компромисса) (стр. 276) – *это действия сторон (субъектов) компромисса: по согласованию содержания, структуры и конфигурации уступок от каждой стороны; по согласованию условий (время, место, процедура функционирования уступки после факта обмена уступками); по согласованию процедуры контроля за условиями компромисса после его осуществления; по согласованию санкций конкретной стороны в ситуации зафиксированных нарушений условий компромисса*.

Угроза (стр. 58) – *это геокультурный феномен, представляющий в превращённой форме правила запрета через объективно и субъективно существующую и осмысленную реальную возможность разрушения общенациональной цели, социального идеала, общенациональных ценностей, важнейших интересов личности, общества и государства, культуры и образа жизни, нарушить неприкосновенность территории страны.*

Уступка (стр. 276) *может быть определена как собирательный термин для обозначения совокупности феноменов (правил игры, ценностей, интересов, устоявшихся процедур отношений, материальных факторов и т.д.), передаваемых одной стороной компромисса, в которых другие участники компромисса признают значимый и актуальный фрагмент прошлого, настоящего или будущего и соглашаются присвоить себе по итогам компромисса на определённых условиях*.

Экологическая безопасность (стр. 164) может быть определена, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, это *защищённость среды обитания людей и биосферы в целом, атмосферы, гидросферы, литосферы и ближней космосферы, видового состава животного и растительного мира, а также природных ресурсов (энергетических, минеральных и т. п.) от угроз, создаваемых деятельностью человека*. Во-вторых, это *положение, при котором путём выполнения правовых норм, экономических, природозащитных и инженерно-технических требований достигается предотвращение или ограничение опасных для жизни и здоровья людей, разрушительных для хозяйствующих субъектов и окружающей среды последствий экологических катастроф, вызываемых повседневным загрязнением окружающей среды в результате хозяйственной деятельности человека, от стихийных бедствий и техногенных катастроф.*

Экономическая безопасность (стр. 161) – *это устойчивое функционирование национальной экономики и её способность обеспечить эффективное удовлетворение общественных потребностей, поддержание социально-политической и военной стабильности государства; его технико-экономическую и технологическую независимость, устойчивость по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам, защиту экономических интересов страны на внутреннем и внешнем рынках. В сфере экономики угрозы имеют комплексный характер и обусловлены, прежде всего, существенным сокращением внутреннего валового продукта, снижением инвестиционной, инновационной активности и научно-технического потенциала, стагнацией аграрного сектора, разбалансированием банковской системы, обострением конкуренции на мировом рынке товаров и услуг, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, экономической экспансией на территорию России со стороны других государств, преобладанием в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих, а в импорте – продовольствия и предметов потребления, включая предметы первой необходимости.*

Аннотация учебного пособия

В.Н. Кузнецов
СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
Учебное пособие

Москва, 2007
423 с. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная. Переплёт твёрдый.
26,5 п. л. Тираж 500 экз.

В учебном пособии с позиций сетевого подхода рассмотрены основы методологии, теории, институционализации проблем безопасности, а также социологических исследований в сфере обеспечения безопасности. Представлен социологический анализ процессов, технологий и механизмов безопасности человека, народов, общества и государства, современной цивилизации.

Автор книги – Вячеслав Николаевич Кузнецов, член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии безопасности Социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Учебное пособие рассчитано на научных сотрудников, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, специализирующихся в дисциплинах обществоведческого направления, а также на сотрудников служб безопасности, банков и страховых компаний, на работников СМИ и различных религиозных конфессий.

В структуре учебного пособия: введение; четыре раздела, содержащих девятнадцать глав; заключение; учебный, научный и справочный аппарат, в состав которого входят – основные работы автора по теме учебного пособия, общая литература, перечень таблиц, вставок, схем, рисунков в тексте, основные понятия в тексте, аннотация учебного пособия. Всего в тексте 23 таблицы, 11 вставок, 13 схем, 16 рисунков.